

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ГОУ ВПО «НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ГОУ ВПО «НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

А.П. БОРОДОВСКИЙ, Е.Л. БОРОДОВСКАЯ

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ
ГОРНОЙ ДОЛИНЫ НИЖНЕЙ КАТУНИ
В ЭПОХУ ПАЛЕОМЕТАЛЛА**

Ответственный редактор
академик *В.И. Молодин*

Новосибирск
Издательство Института археологии и этнографии СО РАН
2013

УДК 903(571.151)
ББК Т4(2Р53)26
Б83

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии и этнографии СО РАН

*Исследование выполнено при поддержке Министерства образования
и науки Российской Федерации:
соглашение № 14.B3721.0007 «Основные особенности миграционных процессов
на территории Северной Азии в эпохи камня и палеометалла»
и НИР 6.1541.2011 «Особенности этнодемографических процессов
в Сибири в эпоху палеометалла».*

Рецензенты

кандидат исторических наук Е.В. Богданов
кандидат исторических наук О.А. Митько
кандидат исторических наук Д.В. Панин

Бородовский А.П.

Б83 Археологические памятники горной долины нижней Катуни в эпоху палеометалла /
А.П. Бородовский, Е.Л. Бородовская. – Новосибирск: Издательство Института археологии
и этнографии СО РАН, 2013. – 220 с.

ISBN 978-5-7803-0232-2

В монография дана развернутая характеристика археологических культур горной долины нижней Катуни эпохи раннего металла (афанаасьевская), поздней бронзы (ирменская), раннего железа (быстрянская, северо-пазырьская, кара-кобинская), гунно-сарматского времени (майминская) и средневековья. Впервые в научный оборот вводятся материалы представительной серии захоронений рубежа эр, что существенно дополняет данные по майминской археологической культуре гунно-сарматского времени на Северном Алтае.

Книга адресована широкому кругу читателей – археологам, краеведам, специалистам по сохранению археологического наследия Горного Алтая.

УДК 903(571.151)
ББК Т4(2Р53)26

ISBN 978-5-7803-0232-2

© ИАЭТ СО РАН, 2013
© Бородовский А.П., 2013
© Бородовская Е.Л., 2013

ВВЕДЕНИЕ

До недавнего времени горная долина в нижнем течении р. Катунь по сравнению с другими территориями Северного Алтая была изучена мало. Однако в последние десятилетия планомерное исследование этой территории целым рядом археологических экспедиций Института археологии и этнографии СО РАН, Горно-Алтайского и Алтайского государственных университетов позволило получить обширный материал, относящийся к различным археологическим эпохам. Представительность данных источников на сегодняшний день позволяет приступить к решению проблемы обобщения археологического наследия в масштабах всей территории горной долины нижней Катуны.

Особые климатические условия (влажность, быстрый процесс образования почвенного покрова, залесенность), определенная недоступность и изолированность (относительно поздняя прокладка основы современного транспортного сообщения) горного района нижней Катуны создали необходимые условия для обеспечения сохранности многочисленных археологических комплексов. Вследствие этого погребальные памятники горной долины нижней Катуны не так разграблены, как на средней Катунь. В настоящее время на этой территории можно выделить зону, где потревоженные захоронения являются редким исключением в общем характере сохранности археологических объектов.

Цель нашего исследования – обобщение и анализ современных данных об археологических памятниках горной долины нижней Катуны эпохи металла, являющейся частью Северного Алтая. Для ее достижения необходимо было решить несколько задач:

1. Дать обзор истории изучения археологических памятников указанной территории.
2. Составить сводную археологическую карту горной долины нижней Катуни.
3. Выявить закономерности расположения археологических памятников различного типа.

4. Определить археологическое и историко-культурное своеобразие этой территории.

5. Проследить по данным археологических источников существовавшие в прошлом историко-культурные границы в исследуемом районе Северного Алтая.

Для корректного обсуждения территориальной проблемы при археологических исследованиях следует опираться на целый комплекс характеристик, включающих географические, природно-климатические, естественно-ресурсные, археологические и традиционные представления о тех или иных границах. При этом необходимо обосновать пространственную составляющую горной долины нижней Катуны, прежде всего, по отношению к району средней Катуны.

На протяжении XX в. представления о территории нижней Катуны существенно менялись. Такая ситуация соответствует интенсивной (уплотняющей) стратегии интерпретации историко-географических границ [Замятин, 2006, с. 312]. Например, в 1912 г. В.В Сапожников дал этой территории следующую характеристику: «Нижняя Катунь простирается от Сумульты до устья на 250 верст при падении около 400 м. Большая часть нижнего течения проходит по области горных хребтов, которые, однако, заметно понижаются, хотя и громоздятся еще порой своими скалами над рекой; последние 80 верст река проходит волнистой степью. Долина сначала довольно тесна, но от Чемала все чаще появляются террасы, занятые русскими селениями, которые, однако, порой прерываются скалами. Самые большие пороги имеются именно в нижнем течении, каковы Тельдекпень у Эджигана и Манжерокские ворота у Манжерока. Из значительных правых притоков надо упомянуть Чемал, Эликманар, Майму и Ишу, из левых Сему и Каменку. Нижнее течение, кроме общего характера хребтов, определяется отчасти и составом лесной растительности, именно от Сумульты появляется сосна, которой нет ни в верхнем, ни в среднем течении» [1912, с. 7–8]. Такой

подход соответствует физико-географическому регионализму, основанному на природных различиях и ландшафтной дифференциации [Гладкий, Чистобаев, 2003, с. 168].

В конце XX столетия в целом ряде публикаций значительная часть горной речной долины характеризовалась уже как средняя Катунь. В современной археологической литературе под средней Катунью обычно понимают территорию между реками Сема и Урсул, но чаще речь идет об участке между реками Чемал и Куюс [Кубарев, 1990, с. 7–22; Кирюшин, Степанова, 2004, с. 4]. Таким образом, можно говорить о северной и южной части средней Катуны, которая в пределах Северного Алтая граничит еще с одним географическим районом – нижней Катунью. На ее территории река протекает как в пределах горной долины, ограниченной с запада и востока отрогами хребтов Семинского и Иолго, так и по предгорной равнине, вплоть до слияния с р. Бией. Общая протяженность нижней Катуны составляет около 150 км. Из них почти половину (72 км) составляет горный участок (рис. 1–3).

В настоящее время с геологической точки зрения рельеф горной долины нижней Катуны соответствует Майминскому участку, который протянулся с севера на юг от с. Маймы до устья р. Семы [Зольников, Милюков, 2008, с. 145, рис. 145]. Двенадцать разрезов, заложенных на этой территории, выявили особую стратиграфическую ситуацию, характеризующуюся целым рядом особенностей. Одной из них является наличие мощных валуногалечников с прослойками глыбовников и отдельными глыбами, а также параллельно-слоистые дресвяники и алевриты. Они составляют типичную ассоциацию гигантских гляциальных паводков. Наряду с этим горизонты параллельно-слоистых дресвянников и песков, залегающих в долине р. Катунь и на ее склонах, специалисты не связывают с перегораживанием магистральной долины неотектоническими блоками. Кроме того, радиоуглеродная дата аллювия, подстилающего лессы средних террас, свидетельствует о ранневюрмском возрасте подстилающих толщ – 28730 ± 995 л.н. [Зольников, Милюков, 2008, с. 158].

В целом, горная долина нижней Катуны представляет собой один из участков северной границы Русского Алтая. Прорезая «фаз Алтая», горная долина нижней Катуны протянулась от левого притока р. Сема на севере до правого притока р. Майма, где северный край алтайских гор, постепенно понижаясь, плавно переходит в предалтайскую равнину [Алтай, 2005, с. 19]. Горная долина ниж-

ней Катуны с западной стороны ограничивается отрогами Сейминского хребта, а с восточной – отрогами хребта Иолго. На север все эти хребты существенно поникаются от среднегорного уровня (высоты более 1 тыс. м) до низкогорья (высоты менее 1 тыс. м) и межгорной котловины (от 800 до 600 м) [Алтай, 2005, с. 23, 24].

Горная долина нижней Катуны включена в переходную зону Алтая, выделяющуюся особенностями орографии и развития гидрографической сети [Алтай, 2005, с. 29; с. 30, рис. 3]. «Долина Катуны характеризуется частой сменой озеровидных расширений (до 3–4 км) на весьма узкие, локальные участки, профиль которых ограничивается иногда ущельями до нескольких сотен метров. В расширениях долин, как правило, формируется комплекс террас различной высоты» [Алтай, 2005, с. 34].

Рельеф среднегорья нижней Катуны представлен глубоко расчлененными широкими водораздельными поверхностями и мягкими склонами [Алтай, 2005, с. 24]. Среднегорье характеризуется наибольшим разнообразием климатических условий. С севера на юг по правому берегу нижнего течения Катуны располагаются светло-хвойные мелколесистые низкогорья и светло-темные хвойно-таежные среднегорья [Цыбулин, 1999, с. 6]. С орографической точки зрения нижняя Катунь является собой естественную границу алтайского низкогорья и среднегорья. Средняя же Катунь как часть Центрального Алтая расположена в зоне среднегорья, включающей целый веер расходящихся на юго-запад и юго-восток горных хребтов. Пойма реки имеет преимущественно ровную поверхность. Горно-долинный ландшафт Катуны в нижнем течении представлен березово-сосновыми лесами, произрастающими на мощных горнодолинных черноземах.

Ландшафты правого и левого берегов горной долины нижней Катуны различны. На правобережье расположены лесные низкогорные круто-склоновые ландшафты, на левом берегу они преимущественно лесостепные. Смена лесостепного ландшафта на лесной происходит к югу от с. Соузга. Древесная растительность является показателем высот. Так, береза располагается на высотах 300–400 м, сосна – выше 700 м. По Чуйскому тракту от с. Майма до с. Усть-Сема тянутся сосновые, березово-сосновые и кустарниковые леса с осоково-разнотравно-злаковой и разнотравно-папоротниковой растительностью. В бору обилие папоротников: заросли стараусопера, соседствующие с женским кочерыжником и папоротником-орляком. На выступах скал и камней обилие

темно-зеленых листьев бадана толстолистного. Для этой территории характерна смена почв широкими полосами. Мощные черноземы предгорий переходят в выщелоченные и оподзоленные черноземы, которые с подъемом в горы сменяются серыми лесными черноземами.

Горно-долинный ландшафт средней Катуны является оstepненным участком, существенно отличается составом почв (горно-степные, каштановидные), растительностью и меньшим уровнем увлажненности [Селедцов, 2003, с. 52–53; Кирюшин, Степанова, 2004, с. 4].

Как уже отмечалось, горная долина нижней Катуны расположена в зоне плавной смены низкогорий среднегорьем. Слоны гор достаточно крутые и скалистые, с мощным чехлом рыхлых отложений до 1 м, подвержены обвалам и оползням. Нижнее течение реки входит в состав Катунского антиклиниория. Это типично раннекаледонская структура Алтая. Поднятие вытянуто от с. Чаган-Узун на юго-востоке до сел Манжерок и Майма на северо-западе. Западное крыло Катунского антиклиниория сложено преимущественно вулканическими породами лавы (мощность 1,5–3,0 км) базальтового состава, представленными зелено-каменно-измененными порфиритами.

Типичны и обломочные породы, сложенные вулканогенным материалом: конгломераты, гравелиты, брекчии, песчаники, туфы. В конце протерозойской эры территория современного Алтая начала расчленяться на вытянутые с северо-запада на юго-восток прогибы и поднятия. В прогибах накапливались мощные толщи морских обломочных и вулканогенных осадков (порфиритов). Эти породы широко представлены по берегам Катуны у сел Долина Свободы и Манжерок.

На территории горной долины нижней Катуны есть два больших озера. На левобережье расположено Айское озеро. Оно находится на высоте 280 м над уровнем моря. Своим происхождением Айское озеро обязано размыву и выщелачиванию легко растворимых горных пород с последующим провалом грунта, а так же карстовым процессам. В прошлом в окрестностях существовал целый озерный район. В настоящее время три водоема являются болотами [Селедцов, 2003, с. 36].

На правобережье р. Катунь, в 2 км юго-восточнее с. Манжерок, находится озеро Манжерокское. В далеком прошлом р. Катунь в районе современного с. Манжерок делала крутой поворот вправо, огибая отрог левого коренного склона и образуя излучину. Ее долина пролегала правее гранитного останца, близ правого коренного склона у подножья г. Синюхи, где сейчас и находится озеро.

По смере подъема горной страны и эрозионной деятельности воды р. Катунь отбросила излучину, пробила себе новый путь поперек гранитного острога левого коренного склона, выпрямив русло и образовав новую долину – узкий порожистый участок реки [Селедцов, Шпилекова, 2000, с. 72–75].

В целом правобережье и левобережье горной долины нижней Катуны характеризуются разнообразием ландшафтов. В этой зоне происходит постепенная смена алтайского низкогорья на среднегорье. Данный участок горной долины отличается влажным и мягким климатом, малоснежными зимами.

В современных административных границах территории горной долины нижней Катуны расположена в пределах двух субъектов Российской Федерации и двух административно-территориальных образований – Майминского района Республики Горный Алтай (правый берег), Алтайского района Алтайского края и Шебалинского района Республики Горный Алтай (левый берег).

Хронологическими рамками нашего исследования является эпоха металла. Она охватывает бронзовый и железный века (IV тыс. до н.э. – I тыс. н.э.) – время появления на территории Горного Алтая основного количества разнообразных археологических памятников (поселений, курганных групп, городищ, каменных изваяний, петроглифов и др.). В этот достаточно протяженный исторический период происходило окончательное освоение горно-лесных ландшафтов [Ермолова, 1979, с. 134] и формировалось культурно-хозяйственное и этническое своеобразие алтайской горной страны.

Исследования охватили 139 разновременных и разнотипных археологических памятников эпохи металла, расположенных в горной долине нижней Катуны. Среди них 17 случайных находок, 2 пещеры, 1 грот, 11 местонахождений, 3 стоянки, 27 поселений, 1 сторожевой пункт, 23 курганных могильника, 7 грунтовых могильников, 9 поминальников и культовых комплексов, 4 городища, 4 производственных площадки, 1 оросительное сооружение, 3 балбала, 3 каменных изваяния, 1 наскальное изображение, 1 руническая надпись (см. Приложение 1).

Значительная часть этих археологических памятников выявлена при непосредственном участии авторов. В работе использованы предметы из коллекций, хранящихся в Музее истории и культуры народов Сибири и Дальнего востока ИАЭТ СО РАН, Республиканском музее им. Анохина, в школьном музее с. Манжерок.

Культурно-хронологическая принадлежность археологических памятников устанавливалась путем сравнения добытых в процессе разведок или раскопок материалов с хорошо изученными, территориально и хронологически смежными археологическими комплексами [Троицкая, Бородовский, 1994, с. 95]. Достоверность результатов археологических исследований во многом зависит от выбора археологического источника и степени его сохранности. Для территории равнинной и предгорной части долины нижней Катуны в целом характерна значительная степень разграбленности курганных могильников. Так, в Майминском археологическом микрорайоне разграблено до 80–90 % памятников.

Опыт поиска репрезентативных, не ограбленных археологических объектов накоплен А.Д. Грачом в 1960-е гг. при работе на территории Тувы [1980, с. 16–17]. В его методике поиска одним из важнейших являлся вопрос о выделении признаков курганных объектов или определении характера памятника до раскопок. Для выявления таких памятников на территории горной долины нижней Катуны это очень важно. По мнению А.Д. Грача, комплекс поисковых признаков курганов определенного типа и хронологии должен давать информацию по следующим аспектам:

- 1) хронологическая и культурная принадлежность, определяемая на основании элементов конструкции наземных сооружений (видимых на поверхности);
- 2) данные о качественном характере памятника, его потревоженности или непотревоженности в древности или в более позднее время;
- 3) характеристика географических и ландшафтных зон, топография – расположение и ориен-

тировка погребальных сооружений в пределах конкретного могильника.

При поиске неграбленных курганов учитывался характер оседания наземных сооружений и заполнение могильных ям. Например, западина в центральной части кургана не всегда является следствием ограбления. Следует учитывать и уровень ее задернованности. Незадернованность западин по сравнению с задернованностью пол кургана свидетельствует о том, что западина образовалась на месте одновременного провала, создавшего естественный перерыв в задерновке каменного панциря наземного сооружения. Необходимо учитывать глубину западины, ее размер и форму. Поиск археологических памятников на территории горной долины нижней Катуны осуществлялся от предустьевых участков малых притоков р. Катунь до их верховьев. При осмотре местности особое внимание было уделено участкам террасы с поврежденным дерновым покровом для выявления культурных слоев, сбора подъемного материала, а так же расчистке древних каменных конструкций. На основе учета закономерностей расположения исследуемых могильников на местности, их архитектурных особенностей выявлены непотревоженные погребальные комплексы раннего железного века. При таком подходе, по мнению В.Д. Кубарева [1991], исключаются случайные раскопки исторических памятников других эпох. Эта методика поиска неграбленных курганных могильников успешно применялась при работах на некрополях нижней Катуны – курганных группах скифского времени Барангол-1, -2 и -4, Чултуков Лог-1 и -2 (в составе которых более сотни неизвестных ранее курганов).

Гла́за 1

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ГОРНОЙ ДОЛИНЫ НИЖНЕЙ КАТУНИ

На территории горной долины нижней Катуны представлено все многообразие археологических памятников разных периодов – пещеры, гроты, стоянки, местонахождения, поселения, курганы, грунтовые могильники, поминальники, культовые комплексы, городища, производственные площад-

ки, оросительные сооружения, каменные изваяния, петроглифы, эпиграфика, археологические комплексы, а также случайные находки (см. *Приложение 1*). Прежде чем дать описание этих объектов, следует кратко изложить историю археологических исследований на данной территории.

1.1. ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Традиционно археологическое изучение горной долины Катуны велось в основном исключительно в среднем течении реки [Кубарев, 1990, с. 7–22]. История археологических исследований на территории горной долины в нижнем течении р. Катунь до настоящего момента не являлась предметом самостоятельного изучения, поэтому заслуживает особого внимания. Изложение данных по заявленной проблематике, очевидно, необходимо произвести в рамках хронологического подхода, что позволит выявить динамику, приоритеты и основные тенденции процесса.

XVIII–XIX века. Первые обследования горной долины нижней Катуны проводились еще в первой половине XVIII в. В 1745 г. экспедиция Горного ведомства под руководством П. Шелегина прошла по маршруту Бийск – Быстрянка – Майма – Ая. Почти через полвека, в 1791 г., маршрут экспедиции Горного ведомства под руководством К. Гренинга и Л. Феденева проходил по левому берегу р. Катунь от с. Ая до устья р. Сема и далее до с. Мыюта.

В XIX в. эту территорию обследовал целый ряд различных экспедиций. В 1804–1808 гг. район нижней Катуны изучал служащий местного ведомства А.М. Горохов. В конце XIX в. в данном районе работало несколько экспедиций Русского географического общества. В 1894–1896 гг. по правому и левому берегам Катуни проходит маршрут И.П. Выдрина. Спустя два года, в 1898–1899 гг., В.В. Сапожников обследовал правый берег реки в нижнем течении [1912, с. 7–8].

XX век. В 1907–1909 гг. В.И. Верещагин изучал правобережье Катуны [1910]. Начиная с 1909 по 1914 гг. изыскательские работы по прокладке Чуйского тракта по правобережью Катуны в пределах современного Майминского района велись инженером-путейцем В.Я. Шишковым [Бородовский, Ойношев и др., 2005, с. 4–5]. Следует подчеркнуть, что горная долина нижней Катуны относится к территориям с неустойчивыми поверхностями.

В 1915 г. академическая экспедиция под руководством П.Н. Крылова обследовала правый берег Катуны, следуя из с. Чемал в с. Улала через Александровский перевал.

Первые факты выявления археологических находок на территории горной долины нижней Катуны относятся к концу 1920-х гг. Найденные материалы зафиксированы в книге поступлений Республиканского краеведческого музея им. А.В. Анохина. 2 июля 1928 г. П. Шадаев на пашне у с. Манжерок обнаружил железный трехлопастной наконечник стрелы (памятник Манжерок-6), который передал в Оиротский краеведческий музей [Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 48].

Целенаправленное археологическое исследование горной долины реки Катунь в пределах Майминского района началось в первой трети прошедшего столетия. В 1930-е гг. в фонды Оиротского краеведческого музея поступает афанасьевская глиняная курильница из окрестностей с. Усть-Муны (могильник Усть-Муны-3) (рис. 7, 1, 2) [Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 59].

В 1934 г. сотрудники Ойротского музея проводили раскопки двух курганов около сел Майма и Чегарчак [Кунгурев, 1992, с. 281].

В 1949 г. И.С. Чевалков обнаружил остатки крепости на Чуйском тракте у с. Соузга (памятник Соузгинские валы) (рис. 46) [Уманский, 1959, с. 104].

В середине 1950-х гг. в фонды Горно-Алтайского краеведческого музея им. А.В. Анохина поступили каменный пест и средневековый сосуд из окрестностей с. Дубровки (рис. 8, 4) [Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 14].

В 1950–1960-е гг. к северу от районного центра Майма научный сотрудник Бийского музея Б.Х. Кадиков обследовал территории на участке расположения Майминского археологического комплекса (рис. 6), открытого геологом В.Е. Раскиной. В 1958 г. Б.Х. Кадиков в ходе разведочного маршрута обнаружил стоянку эпохи камня, расположенную на высокой террасе при впадении р. Барангол в р. Катунь. К востоку от с. Барангол были найдены средневековые плавильные печи. Тогда же южнее с. Черемшанка Б.Х. Кадиков выявил одноименное городище (рис. 45). В 1964 г. под общим руководством А.П. Окладникова было обследовано палеолитическое местонахождение на р. Барангол [Лапшин, 1982, с. 12].

Начиная со второй половины XX в., археологические разведки и раскопки на правобережье нижней Катуны проводили Б.Х. Кадиков, А.П. Окладников, В.И. Молодин, В.Т. Петрин, С.С. Зяблицкий, С.М. Киреев, А.Л. Кунгурев, М.Т. Абдулганеев, Н.Ю. Кунгурева, Л.М. Чевалков, А.П. Бородовский [Кадиков, 1959; Молодин, Петрин, 1985, 1990; Кунгурев, 1985; Киреев, 1988а, 1990, 1992в; Абдулганеев, 1992б; Бородовский, 2001а, 2003б, 2004а].

В 1970-е гг. на Майминском комплексе продолжали работы А.С. Суразаков и С.М. Киреев. В этот период велся сбор подъемного материала и был выявлен целый ряд разновременных и разнотипных археологических памятников (рис. 6) [Киреев, 1988а].

В 1976 г. археологическую разведку в окрестностях с. Дубровка (южнее с. Майма) осуществлял научный сотрудник Горно-Алтайского музея С.С. Зяблицкий. В результате был выявлен разрушающийся археологический комплекс Дубровка-Карьер, обследован курган у с. Дубровка [Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 14].

В 1977–1978 гг. академик А.П. Окладников обследовал и собирал подъемный материал в устье р. Едрала при впадении ее в р. Катунь. В ходе этих работ открыты палеолитические стоянки

Манжерок-1 и -2, на которых вскоре начались исследования [Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 45, 46].

Весной 1979 г. Западно-Сибирский отряд Северо-Азиатской комплексной экспедиции под общим руководством академика А.П. Окладникова осуществлял целенаправленную разведку по обнаружению памятников, прежде всего, каменного века, а также проводил рекогносцировочные раскопки. При активном участии сотрудников ИИФИФ СО РАН В.И. Молодина и В.Т. Петрина на южной окрестности с. Манжерок выявлен целый ряд разновременных памятников от эпохи палеолита до эпохи металла (рис. 6, 15–18) [Молодин, Петрин, 1985, с. 51–59].

В 1979 г. В.И. Молодин и В.Т. Петрин обследовали правобережье р. Катунь между селами Манжерок и Муны. В ходе этих работ выявлено несколько неизвестных разновременных комплексов на южной окраине с. Манжерок – Едрала-1, -2 и -3 (рис. 6, 16, 17, 22). Наиболее перспективным для дальнейших исследований в ходе разведки признано поселение эпохи палеометалла Муны-1, на котором собрана представительная коллекция керамики раннего железного века.

В 1980-е гг. С.М. Киреев проводил широкомасштабные исследования на Майминском археологическом комплексе (рис. 4, 1, Е), насчитывающем 22 несинхронных и разнотипных археологических памятника [Киреев, 1988а, 1990]. Б.И. Лапшин и Б.Х. Кадиков изучали палеолитическую стоянку у с. Майма [1981, с. 18].

В 1986 г. С.М. Киреевым и О.М. Нуянзиным открыто поселение Майма XII. В 1989 г. С.М. Киреев проводил археологическую разведку в долине р. Катунь. В ходе этих работ выявлено поселение Долина Свободы-2 и обследованы памятники у сел Дубровка и Черемшанка (рис. 4, А, В). В начале 1990-х гг. на Майминском археологическом комплексе работал М.Т. Абдулганеев [1992б].

С 1991 г. на территории правобережья горной долины Катуны ведет исследования сотрудник ИАЭТ СО РАН А.П. Бородовский. В 1991 г. им открыта курганская группа Барангол-1 (рис. 4, Д). В 1992 г. он обследовал поселение Муны-1 и выявил в сбоях керамику афанасьевского времени [Бородовский, 1991].

В составе Центрально-алтайского археологического отряда ИАЭТ СО РАН под руководством А.П. Бородовского с 1991 г. принимает участие в изучении памятников горной долины нижней Катуны объединение «ИКАр» – археолого-краеведческий коллектив МОУ ДОД ДДТ им. В. Дубинина г. Новосибирска. За прошедш-

ший период исследовательская деятельность объединения охватила памятники древности разных типов и времени. Детский коллектив активно участвовал в сохранении археологического наследия Горного Алтая в Майминском, Чемальском и Шебалинском районах [Археологические коллективы..., 2002, с. 29–35; Бородовская, 2008а-б].

Археологическое изучение правобережья нижней Катуны последних десятилетий позволило обнаружить и исследовать несколько неизвестных ранее курганных групп раннего железного века. В основном могильники эпохи древних кочевников расположены на правом берегу, у подножия гор, на надпойменной террасе.

При обследовании территории между селами Усть-Муны и Барангол Майминского района республики Алтай в 1990-е гг. найдены и изучены такие погребальные памятники эпохи раннего железа, как Барангол-2 и -4, расположенные вдоль Чуйского тракта (рис. 4, Д, 9).

С 1993 по 1998 гг. А.П. Бородовский продолжал исследовать курганный группу Барангол-1. В этот же период С.М. Киреев обследовал разрушающее городище Черемшанка (рис. 4, В, 1). В 1998 г. С.М. Киреев, М.Т. Абдулганеев и Н.Ю. Кунгуррова проводили раскопки курганной группы Майма-5. В 1998 г. Л.М. Чевалков при обследовании устья р. Мунушка при впадении в р. Катунь обнаружил сезонную стоянку эпохи палеометалла, названную Усть-Мунушка-1 (рис. 4, Д, 5).

В 1999 г. А.П. Бородовский выявил курганный группу Барангол-4 и начал ее исследование. При этом изучение многослойного поселения Муны-1 не прекращалось. В 2000 г. завершились работы на Барангольском некрополе (рис. 4, Д, 9).

В пяти километрах к северу от с. Манжерок на правом берегу нижней Катуны располагается курганская группа эпохи раннего железного века – Чултуков Лог-1 (рис. 4, Г, 2). Памятник открыт в 2000 г. А.П. Бородовским при проведении рекогносцировочных разведок на территории Северного Алтая. Исходя из особенностей объекта (сильная задернованность почвы, невыразительные рельефные признаки древних сооружений), применены новые приемы поиска неограбленных курганов. Так, использование металлического щупа позволило выявить особенности и границы надмогильных конструкций до раскопок. Нами были заложены разведочные (рекогносцировочные) траншеи.

Начало XXI века. Началось обследование А.П. Бородовским северных окрестностей с. Манжерок. На вновь открытом памятнике Чултуков

Лог-1 проведены рекогносцировочные исследования (рис. 4, Г; 6, 2). Неоценимую помощь в поиске и выявлении новых археологических объектов оказывают манжерокские краеведы А.Н. Политов и Н.М. Воробьев.

В 2000 г. совместной российско-бельгийско-голландской экспедицией осуществлены широкомасштабные работы на поселении Майма XII (рис. 4, Е; 12, 12). Общая площадь раскопок составила 224 м². Установлено, что пашней разрушены самые верхние участки культурного слоя до глубины 30–40 см. В некоторых кадратах пашенный слой дал большое количество находок: встречены материалы трех эпох, в т.ч. керамика бийского этапа. Поселение Майма XII является перспективным памятником для изучения древних культур Алтая и их связей [Киреев, Кудрявцева, Полосина, 1994; Киреев, Эбель и др., 2002].

Объединение «ИКАР» ДДТ им. В. Дубинина с 2000 г. принимает активное участие в изучении некрополя Чултуков Лог-1 [Археологические коллективы..., 2002, с. 29–35; Бородовская, 2008а-б]. Полевые исследования уникального археологического памятника позволяют познакомиться с материалами различных археологических культур, проследить этапы формирования некрополя. Однако детский коллектив работает еще и на таких археологических памятниках, как поселения Манжерок-4, -5 и -7, городища раннего железного века Барангол-5 и Манжерок-3, пещерные комплексы Васькин Лог, Тавдинская пещера и др. По итогам исследовательской деятельности участники объединения «ИКАР» готовят тезисы и доклады к семинарам и конференциям, пишут статьи во всероссийские, региональные, городские и районные научные сборники, представляют работы на различные конкурсы учащихся, статьи в газеты [Археологические коллективы..., 2002].

К северу от с. Манжерок, в одноименном урочище, на ровном участке Катунской террасы в 2000 г. обнаружен один из самых северных суваков Горного Алтая – Чултуков Лог-1а. Тогда обобщением материалов и осмотром суваков на Горном Алтае занималась Т.А. Вдовина [2004, 2007]. В 2004 г. А.П. Бородовский к северу от с. Манжерок открыл курганный группу Чултуков Лог-2, а затем – Чултуков Лог-3 и -4. В этом же году А.П. Бородовский и А.Н. Политов обнаружили одно из крупных городищ Северного Алтая – Манжерок-3. В 2005 г. А.П. Бородовским выявлена курганская группа Манжерок-8, а на юго-восточном краю некрополя Чултуков Лог-1 найдена железоделательная печь с конструкцией из сосновых шестов – Чултуков Лог-1г.

В 2002–2006 гг. на левом берегу Катуны, на территории туркомплекса «Бирюзовая Катунь», открыто 10 новых памятников археологии. В 2005–2006 гг. раскопаны два одиночных кургана и поминальные оградки тюркского времени, начались исследования Тавдинского грота. Все историко-культурные памятники музеефицированы (превращены в объекты для музеиного показа). В июле 2005 г. под руководством В.П. Семибратаева велись раскопки в гроте Тавдинском. Здесь обнаружены слои скифского времени и финального неолита – раннего энеолита. В 2005–2006 гг. на территории туркомплекса раскопаны одиночные курганы и поминальные оградки тюркского времени [Кирюшин, Силантьева и др., 2006, с. 211–217].

В 2006 г. при проведении археологических исследований на р. Усть-Убе впервые в Алтайском крае были документально зафиксированы рунические надписи VIII–XII вв.

При продолжении исследований некрополя Чултуков Лог в 2006 г. А.П. Бородовский выявил грунтовый могильник Чултуков Лог-1б, а в 2007–2008 гг. – ритуальные и кольцевые выкладки Чултуков Лог-1в, -2б и -3а. В 2008 г. А.П. Бородовский открыл курганную группу Соузга-1 (рис. 32).

В целом, на протяжении конца XX – начала XXI в. исследователям удалось обнаружить в горной долине нижней Катуны разнотипные археологические памятники различных периодов.

1.2. МЕСТА СЛУЧАЙНЫХ НАХОДОК

Случайные находки могут рассматриваться как специфический вид археологических источников и не являются вырванными из археологического контекста вещами [Каталог..., 1993, с. 5–6].

Сопоставление случайных находок с материалами поселений и курганных могильников позволяет говорить об условиях их функционирования в живой культуре. Важно, чтобы большая часть случайных находок, сосредоточенная в различных собраниях и коллекциях (частных, школьных и т.д.), попала в научно систематизированные фонды.

Большая часть случайных находок из горной долины нижней Катуны относится к эпохе металла.

Барангол. В 1964 г. под руководством А.П. Окладникова было обследовано палеолитическое местонахождение на р. Барангол, где собраны каменные орудия [Лапшин, 1982, с. 12]. В настоящее время точное место этих сборов неизвестно.

На береговой отмели р. Катунь, в 300 м к западу от курганной группы Барангол-1, в 1994 г. А.П. Бородовский обнаружил каменное изделие со следами первичного расщепления.

В 1995 г. на береговой кромке р. Катунь, в 250 м к западу от курганной группы Барангол-1 (рис. 4, Д, 9), А.П. Бородовский нашел средневековую бронзовую подпрямоугольную бляшку с двумя шпеньками.

Майма. В окрестностях с. Майма обнаружен бронзовый нож с аркообразным окончанием, датированный эпохой поздней бронзы (VIII в. до н.э.) (рис. 7, 4) [Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 107, рис. 52, 1].

К северу от могильника Майма IV, в районе современной свалки, найден бронзовый кинжал (рис. 8, 1). В настоящее время он является собственностью жительницы с. Маймы. Предварительно предмет датирован V–IV вв. до н.э. [Кочеев, 2005, с. 91–95].

Окрестности аэропорта. Здесь обнаружен пластинчатый бронзовый нож с рельефной ручкой, имитирующей кожаную обмотку. Артефакт датирован эпохой поздней бронзы (VIII в. до н.э.) (рис. 7, 5) [Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 107, рис. 52, 2].

В районе старого Майминского аэродрома, по сведениям С.М. Киреева, случайно найден скифский бронзовый поясной крючок со щитком скифского времени. Предметы аналогичного типа бытовали от Верхнего Приобья до Тувы.

Дубровка. Втульчатый четырехгранный бронзовый наконечник обнаружен в карьере. Скорее всего, он происходит из разрушенного поселенческого комплекса, где функционировала бронзолитечная производственная площадка. Изделие относится к эпохе раннего железа (рис. 4, 4; 8, 2) [Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 14].

В середине 1950-х гг. в окрестностях с. Дубровки, вниз по течению р. Катунь, в разработках гранита найден каменный пест, датированный эпохой неолита. Длина изделия 22 см, а наибольший диаметр сечения 4,5 см [Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 14]. Тогда же житель села нашел керамический сосуд эпохи средневековья (сросткинская культура, конец I тыс. н.э.) (рис. 4, 4; 9, 1) [Киреев, Кудрявцева, Полосина и др., 1993, с. 162; Бородовский, Ойношев и др., 2005, с. 27; Акимова, Бородовский и др.,

2008, с. 14]. В этой же местности обнаружен керамический сосуд эпохи раннего железа (рис. 4, А; 8, 4).

Едрала-Карьер. Недалеко от стоянок Едрала-1 и -2 в 1990-е гг. А.Н. Политов нашел зуб бизона (рис. 6, 7). Образец палеофауны может быть связан с палеолитическими горизонтами упомянутых памятников [Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 43].

Манжерок-6. 2 июля 1928 г. П. Шадаев на пашне у с. Манжерок обнаружил трехлопастной железный наконечник стрелы (рис. 4, Г). Топографическая привязка находки (с учетом ограниченных пахотных площадей вокруг села) – к востоку от городища Манжерок-3. Судя по описаниям, наконечник относится к I тыс. до н.э. [Бородовский, Бородовская, 2005, с. 35; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 48].

Манжерокский Ключ. В 2004 г. на личном подворье, в 250 м к юго-западу от Манжерокского ключа, найден железный наконечник стрелы. Местонахождение локализовано А.П. Бородовским. По формально-типологическим признакам изделие можно датировать эпохой средневековья (рис. 9, 2) [Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 50].

Недалеко от наконечника выявлен фрагмент массивного бубенчика из светлой бронзы. Предмет относится к рубежу позднего средневековья и нового времени. Аналоги есть среди находок из могильника Верх-Еланда-2 на Средней Катуни.

Манжерокское Озеро-1. В окрестностях Манжерокского озера, в 1 км к северо-востоку от с. Озерное, Н.М. Воробьев в 2002 г. обнаружил «коленный» камень эпоха раннего железа. Гранитный артефакт имеет овальную обивку и размер 70×15 см (рис. 8, 5). На одной из граней отчетливо заметна линейная выбивка. Предмет датируется началом I тыс. до н.э. [Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 51].

Муны-2. В 1930-е гг. на р. Муны найден алтарь из зеленого крупнозернистого песчаника цилиндрической формы, с гладкой поверхностью и круглыми краями (по описанию в книге поступлений Горно-Алтайского краеведческого музея – жернов) (рис. 7, 1). Диаметр изделия 13,1 см, толщина 7,1 см. В настоящее время предмет находится в экспозиции ранне-скифского времени Горно-Алтайского краеведческого музея им. А.В. Анохина. В археологической литературе изделие атрибутировано как афанасьевская каменная терочница [Абдулганеев, Киришин и др., 1982, с. 57, рис. 3/10; с. 62].

Окрестности с. Манжерок. Сведения о находке медного котла получены от С.М. Кобзева в январе 2006 г. Котел поступил из г. Бийска. Бывший владелец сообщил следующее: металлический сосуд обнаружен «два года назад» при проведении строительных работ на одной из турбаз у с. Манжерок. В 2006 г. котел доставлен на кафедру археологии, этнографии и источниковедения АГУ для атрибуции.

Скорее всего, котел использовался в ритуальных целях. Более четкое соответствие изделию – находка из Балыктыюля. Предварительно котел из Манжерка можно датировать развитым (бело-бомским) этапом булан-кобинской культуры II – первой половины IV в. [Тишкин, 2006, с. 147–154; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 51].

Соузгинское местонахождение-1. Бронзовое сейминско-турбинское копье найдено на территории с. Соузга в 1989 г. (рис. 7, 3). Предмет датирован XVI–XIV вв. до н.э. [Кочеев, 1997, с. 171–173; Бородовский, Ойношев и др., 2005, с. 27; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 60].

Соузгинское местонахождение-2. Бронзовый бубенчик обнаружен А.П. Бородовским в 2002 г. на участке строительства Чуйского тракта в районе Соузгинского мясокомбината (рис. 4, Б, 2; 46). Изделие относится к эпохе средневековья и датируется концом I тыс. н.э. [Бородовский, Ойношев и др., 2005, с. 28; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 60].

Усть-Муны-4 и -5. В 1978 г. в окрестностях с. Усть-Муны С.С. Зяблицкий произвел сборы каменных орудий (рис. 4, Д). В настоящее время точное место находки неизвестно [Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 59].

Усть-Муны-6. При проведении дороги около с. Усть-Муны на р. Муны (рис. 4, Д) в 1930-е гг. рабочие обнаружили железный наконечник стрелы с широким лопатообразным лезвием. Изделие датируется эпохой средневековья. В настоящее время точное место находки неизвестно [Бородовский, Ойношев и др., 2005, с. 35; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 59].

Чоурак-1. В предустьевой долине ручья Чоурак, в 1,5 км к востоку от пос. Известковый, в 1999 г. А.П. Бородовский нашел единичное каменное орудие. Предмет обнаружен в переотложенном состоянии, поскольку выявлен на участке известнякового карьера [Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 15].

В целом, все случайные находки, являясь подъемным материалом, должны попасть в поле зрения специалистов и быть введены в научный оборот.

1.3. ПЕЩЕРЫ И ГРОТЫ

В горной долине нижней Катуны находится крупное скопление пещер в известняковых массивах Талдинский и Камышлинский. Пещеры по размерам делятся на простые, переходные и сложные [Алтай..., 2005, с. 163].

Большая Тавдинская пещера. Расположена на левом берегу р. Катунь, в 1,5 км к северо-западу от пос. Известковый (рис. 5, А, 8). Пещера находится в 435 м по азимуту от Гrotа Ихтиандра. Превышение входа над Катунью составляет 40 м. Недалеко от пещеры, на высоте около 80 м над урезом воды Катуны, располагается Тавдинская карстовая арка. В спелеологических источниках указаны различные размеры пещеры (от 140 до 250 м) и разнится количество входов в нее (от 2 до 6, а по данным В.К. Вистенгаузена – 9).

В 1960–1970-е гг. на предвходовом участке пещеры обнаружены фрагменты керамики, изделия из кости и металла эпохи палеометалла. В начале 1980-х гг., по данным В.К. Вистенгаузена, культурный слой на предвходовой площадке пещеры был уничтожен [1982, с. 148–149].

Васькин Лог-1. Пещера располагается к северу от с. Муны, на правом берегу р. Катунь, в известковом горном склоне (рис. 10). Памятник открыт А.П. Бородовским в 2000 г. Склон, на котором находится пещера, имеет южную экспозицию и представляет собой выступ с небольшой глухой седловиной. Высота пещеры над уровнем современного водного зеркала р. Катунь составляет около 80 м. К пещере ведет достаточно пологая горная тропа. Участок седловины, где находится

пещера, является наиболее возвышенным краем горного склона.

Карстовая полость пещеры на предвходовом участке имеет высоту от рыхлых отложений до 2 м. Протяженность скального козырька у входа составляет до 10 м. Потолок пещеры сильно закопчен. Размеры основного зала $10,5 \times 7,5$ м. Две галереи уходят от основного зала вглубь скального массива (рис. 10, 4). Рыхлые отложения в скальной полости отличаются внешне существенной мощностью (рис. 10, 3). Такая особенность позволяет высоко оценивать предварительные перспективы дальнейшего археологического изучения данного карстового объекта. В пещере обнаружены фрагменты керамики эпохи палеометалла (рис. 10, 2) [Бородовский, 2003б; Бородовский, Ойношев и др., 2005, с. 34; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 55].

Гrot Тавдинский. Расположен на левом берегу р. Катунь, под Большой Тавдинской пещерой (рис. 5, А, 8). Археологические исследования грота с 2005 г. осуществляются под руководством В.П. Семибрата. В ходе работ выявлены слои с находками скифского времени и финального неолита – раннего энеолита (рис. 11) [Кирюшин, Кирюшина, 2006; Кирюшин, Кирюшин и др., 2005; Кирюшин, Кирюшин, Семибраторов, 2006; Кирюшин, 2006].

Пещера Усть-Убинская. Находится на левом берегу р. Уба, на северо-западной окраине населенного пункта Усть-Уба. Пещера имеет юго-восточную экспозицию и расположена на 30 м выше речного русла. У юго-восточного склона протекает ключ. Памятник датирован эпохой палеометалла.

1.4. СТОЯНКИ И МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ

Барангол. В 1958 г. Б.Х. Кадиков в ходе разведочного маршрута обнаружил стоянку эпохи камня на 10–20-метровой террасе при впадении Барангола в Катунь [Лапшин, 1982, с. 10; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 5].

Едрала-1. Стоянка открыта В.И. Молодиным и В.Т. Петриным на правом берегу р. Едрала, на западном мысу, образованном рекой и впадающим в ее долину боковым оврагом, в 1,1 км на восток от Чуйского тракта (рис. 4, Г, 22; 6, 22). При осмотре памятника на поверхности найдены 2 каменных изделия. Одно из них – крупный скол с обработанными ретушью боковыми гранями. Другой предмет представляет собой нуклевидный скол без следов вторичной обработки. Датировать

стоянку затруднительно. На памятнике возможны раскопки [Молодин, Петрин, 1985, с. 55; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 5].

Едрала-2. Памятник обнаружен В.И. Молодиным и В.Т. Петриным в лесу, на левом берегу р. Едрала, в 350 м на восток от стоянки Едрала-1 (рис. 6, 16). На береговом склоне с площади 60×40 м собран вещевой материал – 75 каменных изделий.

Судя по находкам, стоянка Едрала-2 – мастерская по первичному расщеплению камня и изготовлению нуклеусов. Датировать памятник трудно, предположительно его можно определить как неолитический [Молодин, Петрин, 1985, с. 55, 57; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 5].

Едрала-3. Стоянка открыта В.И. Молодиным и В.Т. Петриным на правом берегу р. Едрала, примерно в 200 м на восток от памятника Едрала-2 (рис. 6, 17). Культурные остатки собраны с поверхности около здания фермы. Площадь распространения находок составила 40×30 м. Найдено 22 каменных изделия. По находкам памятник можно датировать поздним этапом каменного века [Молодин, Петрин, 1985, с. 57; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 43–44].

Едрала-4. Памятник обнаружили В.И. Молодин и В.Т. Петрин на правом берегу р. Едрала, на 90 м севернее стоянки Едрала-3 (рис. 6, 18). Вещевой материал собран на пашне и между дорогой, идущей от бывшего отделения совхоза на пастбище и пашню. Площадь распространения находок составила 50×50 м. Керамический комплекс и каменный инвентарь принадлежат разным эпохам. Каменные изделия имеют архаичный облик. Керамика может быть отнесена к раннему железному веку. Аналогии керамике найдены на ряде памятников Горного Алтая [Молодин, Петрин, 1985, с. 57; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 44].

Еловый Ключ-1. Местонахождение открыто в 1977 г. С.С. Зяблицким (рис. 6, 19) в устье Елового ручья, впадающего в р. Едрала. Собран единичный каменный инвентарь, идентичный находкам с мастерской Еловый Ключ-3. Памятник обследован А.П. Бородовским в 2006–2007 гг. [Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 44].

Манжерок-1. Этот многослойный памятник расположен в устьевой зоне р. Едрала (рис. 6, 15). В 1977–1978 гг. А.П. Окладников произвел здесь сборы подъемного материала на галечном пляже рек Катунь и Едрала. В 1979 г. на правом устьевом мысе (высота 6 м над уровнем Катуни) были заложены 2 раскопа площадью 20 и 48 м². Культурные остатки верхнепалеолитического облика, залегавшие в галечнике, имеют следы окатанности, а их переотложенный характер не вызывает сомнений. Каменные орудия верхнепалеолитического горизонта представлены скреблами, крупными ножевидными пластинами и выразительными нуклеусами леваллуазского облика [Молодин, Петрин, 1985, с. 51, 53–54].

Манжерок-2. Памятник расположен на левом берегу р. Едрала, в месте пересечения ее с Чуйским трактом, частично разрушившим стоянку (рис. 4, Г, 23; 6, 23).

Местонахождение открыто А.П. Окладниковым в 1977 г. Первоначально археологический материал собран на дорожном откосе. Коллекция каменного инвентаря, который с полным основа-

нием можно считать микролитическим, насчитывает 2 459 предметов. Памятник определен как стоянка-мастерская для изготовления вкладышей из пластинок. Датирование памятника затруднено, однако совпадение комплекса признаков индустрии Манжерка-2 с материалами памятников голоценового времени позволяет говорить о ранней стадии голоцена [Молодин, Петрин, 1985, с. 53, 55; 1990, с. 3–18; Бородовский, Бородовская, 2005; Бородовский, Ойношев и др., 2005, с. 33; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 46].

Манжерокский Ключ. Осенью 2004 г., по свидетельству краеведа Н.М. Воробьева, на личном подворье жителя с. Манжерок найден железный наконечник стрелы (рис. 6, 12; 9, 2). Изделие датировано эпохой средневековья. Наконечник обнаружен примерно в 250 м к юго-западу от Манжерокского ключа (рис. 4, Г) [Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 50].

Майма V. Памятник располагался на южной оконечности высокой Катунской террасы (т.н. Куйбышевский прилавок) (рис. 12, 5). Открыто местонахождение в 1989 г. С.М. Киреевым на распаханном участке. Здесь обнаружен каменный инвентарь: пест со следами работы, нуклеус, пластины, отщепы, кости животных и керамика быстрянской культуры (не менее четырех развалов баночных сосудов, орнаментированных ямками, поясом жемчужника, отисками подтреугольных наколов) (рис. 18, Б). В 1989 г. памятник был полностью уничтожен карьером [Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 30].

Майма X. Местонахождение открыто в 1986 г. С.М. Киреевым и О.М. Нуянзиным на невысокой первой надпойменной террасе р. Катунь, в 500 м к юго-западу от могильника Майма X (рис. 12, 10). Памятник датирован ранним железным веком [Киреев, 1988а, с. 167; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 34].

Майма XIII. Памятник обнаружен С.М. Киреевым и О.М. Нуянзиным в 1988 г. в 1,5 км к северу – северо-востоку от с. Майма, на левой террасе ручья Алгаир (рис. 12, 13). Местонахождение предварительно датировано ранним железным веком [Киреев, 1988а, с. 168; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 37].

Мунушка-1. Местонахождение открыто В.И. Молодиным и В.Т. Петриным в долине р. Мунушка, в 3 км вверх по течению от ее устья (рис. 4, Д, 6). Поворот в долину начинается на шестом километре участка Чуйского тракта от с. Муны до с. Усть-Сема. Памятник предварительно датирован ранним железным веком [Молодин, Петрин, 1985, с. 62; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 57].

Мунушка-2. Памятник обнаружен В.И. Молодиным и В.Т. Петриным рядом с местонахождением Мунушка-1, на левом берегу реки, на невысокой террасе недалеко от домика пастухов (рис. 4, Д, 7). Здесь найдены нуклевидный обломок и отщеп. Датировать местонахождение затруднительно [Молодин, Петрин, 1985, с. 62; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 57–58].

СПТУ. Открыто С.М. Киреевым, А.В. Фуршатовым в 1,5 км к югу от Майминского СПТУ, на террасе правого берега Катуни. Найдены представлены керамикой (рис. 8, 3). Памятник датирован концом I тыс. до н.э. [Киреев, Кудрявцева, Полосина и др., 1993, с. 162; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 42].

Страшной Лог. Открыто в 1986 г. С.М. Киреевым к северо-востоку от с. Дубровка, в урочище Страшной Лог. В разведовательных шурфах обнаружены мелкие неорнаментированные фрагменты сосудов ручной лепки. Датировка затруднительна. На террасе ручья, текущего с северного склона лога, у пруда, на снятой бульдозером поверхности, найдено тесловидное орудие, изготовленное из удлиненной окатанной гальки, оббитой с одной стороны [Киреев, Кудрявцева, Полосина и др., 1993, с. 162; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 15].

Усть-Кутырга-1. Местонахождение обнаружено в 1998 г. А.П. Бородовским в устье р. Кутырга (рис. 13). В 300 м к юго-западу от впадения р. Кутырга в р. Мунушка, на тропе, проходящей по левому берегу, найдено каменное орудие. Место находки на 500 м выше уровня р. Катунь, а расстояние до моста на Чемальском тракте в СВВ направлении составляет 4 км. Изделие располагалась на поверхности склона, на 10 м выше уровня воды. Найденная датирована эпохой раннего металла (афанасьевская культура) [Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 58].

Усть-Мунушка-1. Стоянка открыта Л.М. Чевалковым в 1998 г. на правом берегу устья р. Ма-

нушка (рис. 4, Д, 5). Памятник относится к эпохе раннего железа [Бородовский, Ойношев и др., 2005, с. 35; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 59].

Черемшанка-1. Памятник открыт В.И. Молодиным и В.Т. Петриным в долине р. Черемшанка, в 0,5 км вверх по течению от Чуйского тракта (поворот на 111-й км) (рис. 4, В, 1; 45). Здесь собрано 57 предметов. Каменные изделия найдены в русле и на левом берегу речки. Среди них отсутствуют типологически выраженные орудия: в основном это крупные и мелкие желваки со следами сколов и забитостей по узким граням, а также отщепы [Молодин, Петрин, 1985, с. 57, 59; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 65].

Черемшанка-2. Памятник открыт В.И. Молодиным, В.Т. Петриным возле местонахождения Черемшанка-1, на левом берегу реки (рис. 4, В, 2).

В русле реки найдены каменный предмет, 2 фрагмента керамики, глиняный обломок со следами шлака и железное изделие. Каменное изделие не имеет следов вторичной обработки. Фрагменты керамики не орнаментированы, в их тесте присутствует в качестве примеси кварцевый песок. Датировать местонахождение затруднительно [Молодин, Петрин, 1985, с. 57, 59; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 65].

113-й км Чуйского тракта. Местонахождение открыто В.И. Молодиным и В.Т. Петриным в 1 км вверх по течению безымянного ручья. Материал собран на левом берегу ручья, напротив домика чабана, в пойменной части. Здесь найдены 4 каменных изделия и фрагмент керамики. Каменные предметы представлены нуклевидным обломком, двумя скребками и отщепом. Фрагмент керамики не орнаментирован, примеси в тесте – раковины и крупный кварцевый песок. Датировка местонахождения затруднительна [Молодин, Петрин, 1985, с. 59; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 65].

1.5. ПОСЕЛЕНИЯ

Барангол-Карьер. Памятник располагается на горном склоне, на высоте 25 м над пологим Чуйского тракта (рис. 4, Д, 11). В 1980-е гг. О.В. Ларин при осмотре заброшенного гравийного карьера на юго-западной окраине с. Барангол обнаружил несколько неорнаментированных фрагментов керамики эпохи палеометалла. Карьер использовался для ремонта Чуйского тракта в 1960-е гг. Глубина выборки грунта в карьере составила до 20 м. Выступ террасы имеет мысо-

видные очертания и вытянут с юга на север. Вся поверхность склона поросла деревьями. Осмотр карьера А. П. Бородовским в 2005 г. не позволил выявить остатков культурного слоя и артефактов [Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 9–10].

Верх-Соузга. Выше по течению р. Соузги, на ее левом берегу, к востоку от заброшенного с. Верх-Соузга в 1999 г. А.П. Бородовский обнаружил поселение (рис. 4, Б, 4). Несколько земляночных западин диаметром до 4–5 м и глубиной

до 0,5 м располагались в линию вдоль русла реки. Датировка и культурная принадлежность памятника не определены [Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 60].

Долина Свободы-1. Поселение открыто в 1986 г. С.М. Киреевым в 1,2 км к югу от одноименного села, на 4–5-метровой уступчатой террасе Катуны. На памятнике обнаружены 3 жилищных западины округлой формы (диаметр 6–8 м). Среди находок мелкие фрагменты неорнаментированной керамики, расколотые речные гальки, зубы животных. Предварительно поселение датируется концом поздней бронзы – ранним железным веком [Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 12–13].

Долина Свободы-2. Поселение открыто С.М. Киреевым в 1989 г. Памятник находится на въезде на территорию Республики Алтай, на юго-восточной окраине одноименного села вдоль пологого склона горы. Предварительно памятник датируется рубежом эр [Киреев, 1988б, с. 60; Киреев, Кудрявцев, Полосина и др., 1993].

Еловый Ключ-2. На участке слияния р. Едрана с Еловым ручьем в 2005 г. А.П. Бородовским выявлен поселенческий комплекс (рис. 6, 20). Он расположен на мысовом возвышении на юго-юго-западе Манжерокского озера. Высота мыса до 6 м над уровнем р. Едрана. На площадке по направлению с востока на запад расположено 7 земляночных западин подквадратных очертаний. Размеры котлованов составили 3×3 м, глубина до 0,2 м. Датировка и культурная принадлежность поселения не определены [Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 44].

Камышла-2. Поселение эпохи раннего железа расположено на левом берегу нижней Катуны, в предустьевой долине, над водопадом Камышла (рис. 14, А, Б). При отсутствии рельефных признаков поселение соответствует летней скотоводческой стоянке в условиях горной среды. Открыто А.П. Бородовским [1997, с. 70].

Майма I. Многослойное поселение открытого типа находится на аллювиальной террасе правобережья Катуны, в 3-х км к северу от одноименного села (рис. 4, Е; 12, 1; 15). С запада памятник ограничен крутым откосом террасы, с юга – оврагом ручья (рис. 15, А; 86, А). Поселение подверглось сильному разрушению в ходе хозяйственных работ и строительства дороги к с. Карагуж. Открыт памятник в 1956 г. Б.Х. Кадиковым, а в середине 1970-х гг. осматривался А.П. Окладниковым и С.С. Зяблицким. С 1970-х по 1990-е гг. поселение неоднократно исследовалось Б.Х. Кадиковым, А.С. Суразаковым, С.М. Киреевым и М.Т. Абдулганеевым. В различные годы здесь вскрыто 988 м².

Всего при раскопках и сборах подъемного материала найдено более 8 тыс. артефактов: керамика, кости животных, шлаки, изделия из глины, рога, кости и камня (рис. 86, 1–18). Более половины находок составляют фрагменты керамики трех культурно-хронологических периодов. Из них более 800 венчиков примерно от 270 сосудов. Каменные изделия относятся к эпохе верхнего палеолита и раннего железа. Большая часть материалов датирована ранним железным веком [Киреев, 1986а, б, 1987, 1988а, б, 1995б; Киреев, Баженов и др., 1988; Абдулганеев, 1992а, б; 1998; Киреев, Алексина и др., 1994; Соёнов, 2003, с. 7, 25–26; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 21–23, 91, 92].

Майма II. Памятник открыт геологом В.Е. Рясиным в 1956 г. на северо-восточной окраине с. Майма, на высоком мысу, образованном древней береговой террасой р. Катунь (с юга протекает ручей Алтаир) (рис. 4, Е; 12, 2; 16, А). Поселение почти полностью разрушено карьером, существовавшим здесь в 1950–1990 гг.

В верхнем культурном слое выявлена часть жилища полуземляночного типа, где обнаружена керамика и каменный инвентарь раннего железного века. Нижний культурный слой относится к эпохе верхнего палеолита.

В 1977 г. С.С. Зяблицкий при обследовании памятника зачистил разрушенное карьером погребение глубиной не более 1 м. Погребенный лежал скорченно, на правом боку, головой на восток-север-восток. Инвентарь отсутствовал.

Керамика из сборов 1970–1980-х гг. датирована ранним железным веком и относится к быстрынской культуре VI–II вв. до н.э. На памятнике найден бронзолитейный комплекс эпохи раннего железа [Лапшин, Кадиков, 1981; Суразаков, 1982, с. 133; Киреев, 1987; Киреев, 1988б, с. 60; Кунгиров, 1991; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 23–25, 93].

Майма III. Поселение расположено в 5,5 км к северу от с. Майма, частично разрушено проходящей по нему проселочной дорогой (рис. 4, Е; 12, 3; 17). Открыто С.М. Киреевым в 1984 г. и исследовалось им в последующие годы. Культурные слои памятника содержат материалы пяти хронологических периодов: палеолита, неолита, поздней бронзы (ирменская культура, IX–VIII вв. до н.э.), переходного времени (VII–VI вв. до н.э.), раннего железа (быстрынская культура, середина VI–II вв. до н.э.). Наиболее представителен слой эпохи раннего железа. Исследованы 3 жилища быстрынской культуры (рис. 17, А) [Киреев, 1988б, с. 60; 1992в; Киреев, Алексина и др., 1994; Киреев, Булычев, 1990; Киреев, Кудрявцев, Полосина,

1994; Киреев, Кунгурова, 1997; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 25–28, 94–96].

Майма VIII. Поселение расположено на склоне горы Большой Камень, на правом берегу ручья, в 6,5 км к северу от с. Майма (рис. 4, E; 12, 8). Памятник открыт в 1984 г. С.М. Киреевым. В 1984–1985 и 1988 гг. здесь неоднократно проводились сборы подъемного материала, заложены 4 шурфа. Большая часть памятника разрушена тропами для прогона скота, оползнями и разливами. На одном из сохранившихся участков видны 3 западины округлой в плане формы (диаметр 5,5×6 м). Керамика датируется ранним железным веком (быстрынская культура) [Киреев, 1988а, с. 167; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 33–34].

Майма IX. Поселение расположено на одной из песчаных Катунских террас, в 300 м к востоку от могильника Майма IV (рис. 4, E; 12, 9). Памятник открыт в 1985 г. С.М. Киреевым и О.М. Нуянзином. Большая часть его территории распахана. В 1986–1987 гг. в центральной части поселения заложен раскоп (20 м²), а на его периферии – 4 шурфа. Памятник датирован ранним железным веком и, возможно, являлся сезонной стоянкой жителей более крупного поселения [Киреев, 1988а, с. 167; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 34].

Майма XI. Памятник расположен на южной окраине высокой Катунской террасы, в 5,5 км к северу от с. Майма, недалеко от могильника Майма VII (рис. 4, E; 12, 11). Открыт в 1986 г. С.М. Киреевым и О.М. Нуянзином. Большая часть поселения распахана, почти по его центру проходит проселочная дорога. Керамика датирована эпохой раннего железа [Киреев, 1988а, с. 167; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 34–35].

Майма XII. Поселение расположено в 3 км к северу от с. Майма, в пойме р. Катунь, на правом берегу, около высохшей старицы, которая в древности была одним из рукавов реки (рис. 4, E; 12, 12; 18). Памятник открыт С.М. Киреевым и О.М. Нуянзовым в 1986 г.

Почти вся площадь памятника распахана (рис. 18, A). Многие годы здесь располагался полевой стан, а в северной части в 1980-е гг. построили лагерь труда и отдыха. В 1990–1991 гг. проводились разведочные раскопки в южной части поселения. Из раскопа площадью 12 м² получено большое количество артефактов: керамика, каменные орудия, остеологический материал, бронзовое шило (рис. 18, Б). Установлено, что площадь поселения составляет около 3 га. В культурно-хронологическом плане материалы памятника относятся к эпохам мезолита – неолита, поздней бронзы (ирменская культура) и раннего железа

(быстрынская культура) [Киреев, Кудрявцева, Полосина, 1994; Киреев, Эбель и др., 2002; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 35–36; рис. 44, 45].

Майма XIV. Поселение находится в 0,5 км к северо-востоку от с. Майма, на правом берегу р. Алгаир, на склоне горы к востоку от поселения Майма II (рис. 4, E; 12, 14). Памятник существенно разрушен карьером, бульдозерными траншеями, осипами и проселочной дорогой. Обнаружен в 1986 г. С.М. Киреевым и И.В. Усановым. В осипах и на подчистках стенок карьера и траншей обнаружено около 20 фрагментов сосудов горшковидной формы с отогнутыми наружу утолщенными венчиками и орнаментацией в виде округлых вдавлений и зигзагов, выполненных оттиском гребенчатого штампа. Венчик одного из сосудов украшен ногтевым орнаментом. Вся посуда хорошего оттиска. Поселение датировано майминской культурой и ранним средневековьем (I тыс. н.э.) [Киреев, 1988а, с. 168; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 35–36].

Майма XV. Открыт С.М. Киреевым в 1987 г. в 3,8 км к северу от с. Майма, в пойме Катуни, у подножия террасы (рис. 4, E; 12, 15). Южнее, в 0,3 м, находится поселение Майма XII, возможно, составляющее единый поселенческий комплекс с памятником Майма XV (рис. 18, А). На территории памятника существовал лагерь труда и отдыха. Датируется эпохой палеометалла [Киреев, Кудрявцева, Полосина и др., 1993, с. 159–160; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 37].

Майма XVI. Памятник открыт П.И. Шульгой и С.М. Киреевым в 1988 г. в 5,3 км к северо-северо-востоку от с. Майма, на пологом распаханном склоне горы. Поселение эпохи раннего железа (рис. 4, E; 12, 16) [Киреев, Кудрявцева, Полосина и др., 1993, с. 160; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 35–36].

Майма XVII. Памятник открыт С.М. Киреевым и П.И. Кудрявцевым в 1989 г. в 2,2 км к северо-северо-востоку от с. Майма, на правом берегу ручья, около дороги Майма – Верхний Карагуж (в 1,1 км от ее начала) (рис. 4, E; 12, 17). Значительная часть поселения разрушена при строительстве дороги. Здесь найдены неорнаментированные фрагменты керамики ручной лепки с мелкими примесями, а также обломок железной пластинки (ножа?). Поселение эпохи палеометалла [Киреев, Кудрявцев и др., 1993, с. 160; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 35–36].

Майма XVIII. Поселение расположено в 5,3 км к северу от с. Майма, на мысовой окраине высокой Катунской террасы, сложенной из галечника (рис. 4, E; 12, 18). Памятник открыт С.М. Киреевым

евым в 1986 г. Его площадь составила 1,5 тыс. м². Находится поселение в 50 м к югу (через небольшой овражек) от памятника Майма III и, скорее всего, составлял с ним единое целое. На территории памятника располагались 3 земляночные западины диаметром до 4,5 м и глубиной до 12 см. В 1990 г. 2 котлована жилищ были уничтожены траншеями открытого карьера. В 1992–1993 гг. на поселении выявлены комплексы эпохи неолита и раннего железа (рис. 19, Б) [Киреев, Кудрявцева, Полосина и др., 1993; Киреев, Алексина, 1994; Киреев, Алексина и др., 1994; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 38–39, 103, 104].

Манжерок-4. Памятник расположен в 300 м северо-восточной городища Манжерок-3, на высокой террасе у склона горы правого берега р. Манжерок, около 1 км от устья (рис. 4, Г; 6, б; 20). Выше по течению этого малого притока, на том же правом берегу, находится поселение Манжерок-7.

До разработки карьера склон террасы имел плавные очертания и уплощенную площадку, вытянутую с северо-востока на юго-запад. Склон сильно пострадал при сооружении песчано-гравийного карьера. Ширина площадки до подъема горного склона составляла до 30–40 м. В настоящее время по территории археологического объекта проложена грунтовая дорога, огибающая карьер, и линия электропередачи. С восточной стороны к карьеру примыкает огород (рис. 21, І). По месту находки каменной наковаленки можно предположить, где располагалась производственная площадка. На основе этой находки памятник датирован эпохой средневековья (рис. 21, 2) [Бородовский, Бородовская, 2005, с. 31; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 47–48].

Манжерок-5. Памятник находится недалеко от Манжерокских порогов на р. Катунь, в пределах территории села (рис. 4, Г; 6, 5; 22).

При строительстве фундаментов домов выявлен культурный слой поселения эпохи раннего металла (афанаасьевская культура) (рис. 22) и раннего железа (быстрянская культура) (рис. 23). Фундамент одного из домов перерезал культурный слой афанаасьевского поселения летнего типа.

Размеры поселенческого комплекса Манжерок-5 достаточно обширны, поскольку на нескольких соседних участках при строительстве и хозяйственных работах тоже найдены археологические материалы (согласно устному сообщению Д.В. Папина) [Бородовский, 2002а, б; 2006; Бородовский, Бородовская, 2005, с. 31; Бородовский, Ойношев и др., 2005, с. 31; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 47].

Манжерок-7. Памятник открыт А.П. Бородовским в 500 м к северо-востоку от с. Манжерок, на правом берегу р. Манжерочки, в предустьевой долине малого притока р. Катунь (рис. 4, Г; 6, 8; 20). Расстояние от устья р. Манжерочки до поселения Манжерок-7 составляет 1,5 км. Памятник располагается на пологом уплощенном склоне, вытянутом с северо-востока на юго-запад вдоль подошвы горного хребта. Река Манжерочка делает на этом участке изгиб, образуя естественный водоем у выхода скальных пород на поверхность. Высота площадки поселения составляет 2 м над пойменным участком реки. Максимальная ширина ее с юга на север доходит до 60 м, а протяженность с северо-востока на юго-запад составляет до 180 м. Рельефных признаков поселение не имеет. Такое расположение поселенческого комплекса типично для горных долин Алтая. Памятник датирован эпохой палеометалла [Бородовский, 2001в; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 47–48].

Муны-1. Этот многослойный памятник открыт в конце 1970-х гг. В.И. Молодиным и В.Т. Петринным на р. Муны (правый приток Катуни), в предустьевой долине, именуемой урочищем Болотов Лог, в 2 км вверх по течению от с. Муны, стоящего в устье р. Муны на Чуйском тракте (рис. 4, Д, 3; 24, 1, 2). Отчетливо выделяются две террасы. Бровка первой из них имеет высоту 15 м над уровне речки, а второй – 45 м. Общая площадь поселения составляет около 2,5 тыс. м². Памятник занимает южный склон отрогов горы Тексюр, где при спрямлении русла безымянного ручья, впадающего в р. Муны, обнажена и частично разрушена пачка напластований различных периодов (рис. 24, А, Б).

В.И. Молодин и В.Т. Петрин на поверхности, в промоинах, собрали коллекцию из 7 каменных артефактов и 72 фрагментов керамики. Керамический комплекс имеет широкие аналогии в памятниках скифского времени Горного Алтая. Предварительно поселение датировано эпохой раннего железа и в основном упоминается в сводах памятников I тыс. до н.э.

Слой эпохи раннего железа является одним из мощных напластований памятника (рис. 25, 1–16). С 1992 по 2000 гг. поселение обследовал А.П. Бородовский и обнаружил афанаасьевский (рис. 24, 1–28) и майминский слои. Существует предположение, что поселение Муны-1 находится на южной границе распространения ирменской культуры эпохи поздней бронзы [Молодин, Петрин, 1985, с. 59, 62; Киреев, 1988б, с. 60; Шульга, 1990, с. 18; Гальченко, Шульга, 1992; Кудрявцев, 1988, с. 62–63; Бородовский, 2001в; Бородовский,

Бородовская, 2001; Borodovsky, 1995; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 56–57].

Поселение у Бирюзовой Катуни. Поселение расположено выше Камышлинского водопада, на правом берегу ключа, впадающего в р. Катунь, напротив устья р. Мунушка. Памятник открыт в 2005 г. А.Л. Кунгуревым. Датирован эпохой палеометалла.

Усть-Муны-2. В устье р. Муны, около моста по Чуйскому тракту, при строительных работах обнаружили фрагменты керамики эпохи палеометалла (рис. 4, Д) [Бородовский, Ойношев и др., 2005, с. 34; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 58].

Усть-Сема. Памятник расположен на высоком цокольном мысе, в 150 м от моста через р. Сема (рис. 5, Б, В; 26, А). Это многослойное поселение открыто Б.Х. Кадиковым в 1960 г. Культурные слои относятся к верхнему палеолиту и мезолиту. Исследования в 1960-е гг. проводил Б.Х. Кадиков, а в 1987 г. – А.Л. Кунгурев [Бородовский, Ойношев и др., 2005, с. 38].

Усть-Сема-2. Поселение площадью более 2 тыс. м² расположено напротив памятника Усть-Сема, на правом берегу р. Семы, за мостом, на краю Катунской террасы (рис. 5, В; 26, А). Исследования проводил А.Л. Кунгурев. Памятник относится к эпохе мезолита [Бородовский, Ойношев и др., 2005, с. 38].

Усть-Сема-3. Поселение расположено на небольшом мысе Катунской террасы, в 300 м север-

северо-востоку от с. Усть-Сема (рис. 5, В; 26, А). Исследования проводили А.Л. Кунгурев в 1987 г. Памятник многослойный: верхняя часть культурного слоя относится к эпохе раннего железа, нижняя – к позднему мезолиту [Бородовский, Ойношев и др., 2005, с. 37].

Усть-Тавда-1. Поселение обнаружено А.Л. Кунгуревым на левом берегу р. Катунь, в устье р. Тавдышка. Датировано эпохой раннего железа.

Усть-Тавда-2. Поселение открыто А.Л. Кунгуревым на правом берегу р. Катунь, в устье р. Тавдышка. Датировано эпохой раннего железа.

Черемшанка-3. Поселение расположено на левом берегу р. Черемшанка, в 300 м от городища Черемшанка. В 2003 г. А.Н. Политов на картофельном поле собрал неорнаментированную керамику эпохи раннего железа. В настоящее время поселение не имеет внешних рельефных признаков.

Чултуков Лог-9. Открыто поселение жителями с. Манжерок во время уборки урожая картофеля в 2002 г. Располагается к северо-востоку от некрополя Чултуков Лог-1, между городищем Черемшанка и курганной группой майминской культуры Чултуков Лог-1г, которая находится на юго-западной окраине некрополя Чултуков Лог-1. Датирован памятник по фрагментам керамики гунно-сарматским временем (майминская культура).

1.6. КУРГАНЫ

Айские курганы находятся на левом берегу р. Катунь, в 3-х км к северу от оз. Ая, ниже по течению (рис. 27). Цепочка из 10 курганов вытянута вдоль края террасы Катуни с севера на юг. Диаметр курганов 10–12 м. Памятник датирован эпохой палеометалла. Курганская группа открыта С.М. Киреевым.

Барангольский некрополь (Барангол-1, -2, -4) расположен в 120 м южнее километрового знака 486/470 Чуйского тракта. Значительная часть курганов находилась в лесу по правую и левую сторону от полотна дороги (рис. 4, Д, 9; 28). Некрополь открыт А.П. Бородовским в 1991 г.

При первоначальном обследовании территории между селами Усть-Муны и Барангол обнаружен погребальный памятник эпохи раннего железа Барангол-1, позже – Барангол-2 и -3. Памятники располагались вдоль Чуйского тракта, на кромке бора, на расстоянии 60 м к востоку от края Катунской террасы (высота 4–5 м). Расстояние от границ

памятников до ближайших населенных пунктов (с. Муны и Барангол) в северном и юго-восточном направлении составляет 1,5 км. По территории некрополя проходила грунтовая дорога и высоковольтная ЛЭП, что затрудняло полевые исследования.

Основу каменных конструкций курганов составляли кольцевые крепиды (диаметр 4–6 м), возведенные вокруг одного из погребений. В курганной насыпи и за ее пределами прослежены следы поминальных действий: фрагменты керамики, кости животных, прокалы от кострищ. Внутримогильные конструкции представлены продольными деревянными перекрытиями над рамами-обкладками в один-два венца. Погребенные в могилах располагались скорчено на правом боку, головой на юг. Среди коллективных захоронений (2–3 чел.) отмечены признаки вторичной погребальной обрядности. В некоторых курганах есть погребения с конем [Бородовский, 1995б, в; 1997; 1999а, б;

2000; 2001а-в; Borodovsky, 1995; Бородовский, Бородовская, 2001, с. 17–18; Бородовский, Ойношев и др., 2005, с. 28–37, 67–70; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 6–7].

Барангол-1. Курганская группа включает 20 каменных насыпей, вытянутых в цепочку по линии С33-ЮВВ. Располагалась она на расстоянии 60 км к югу от г. Горно-Алтайска, между селами Муны и Барангол, по обе стороны шоссейного полотна Чуйского тракта, у подошвы каменной осыпи отрогов хребта Иолго и на прибрежной древней террасе р. Катунь, примыкающей к горам (рис. 28). Курганы находились на склоне древней террасы р. Катунь, примыкающей к горам. Центральная часть могильника разрушена при строительстве дороги (находится под дорожным полотном).

Внешний диаметр насыпей составлял от 5,5 до 10 м, высота – от 0,10 до 0,59 м. Каменные насыпи курганов были хорошо задернованы и имели незначительный рельеф. Часть курганов поросла деревьями, часть была свободна от леса. Некоторые курганы повреждены грунтовой дорогой и съездом с шоссе. Среди захоронений есть одиночные и коллективные. Насыпи некоторых курганов были сложены из грубообломочного материала, взятого с соседней горной осыпи отрогов хр. Иолго, а некоторых – с добавлением аллювиального галечника. Основа большинства конструкций – каменная крепида, сложенная из крупных и средних грубообломочных камней. Внутри нее – по одному погребению.

Стратиграфический разрез насыпей курганов представляли дерновая поверхность (мощность от 10 до 20 см) и каменная конструкция (высота до 40 см), выложенная в 1–3 слоя. За пределами насыпи курганов лежал темный чернозем (толщина 20–55 см). В центральной части и по краям могильных ям располагался выкид в виде желтоватого суглинка (толщина до 20 см). Материк – желтоватый суглинок (мощность до 60 см). Ниже шла древняя погребенная почва – плотный чернозем (мощность до 40 см). Могильные ямы имели подпрямоугольные очертания, иногда с закругленными краями, и были вытянуты длинной осью по линии ЮЗ-СВ, ЮВ-СЗ. Над могильным пятном в некоторых курганах фиксировались линзы плотной сажистой почвы. Заполнение могил было представлено мешанным суглинком с вкраплениями линз чернозема. Изредка в таком заполнении встречался грубообломочный материал. Могильные ямы имели длину от 2 до 2,7–1,4 м, а глубину 1,0–1,7 м.

Курганская группа Барангол-1 датирована концом V–IV – началом III в. до н.э. и относится

к северному варианту пазырыкской культуры. Эта датировка согласуется с находками: бронзовыми медальонидными зеркалами, бронзовым кинжалом с прорезной рукоятью, разделочными ножами, миниатюрными акинаками и клевцами, котловидными подвесками, гвоздевидными булавками, обтянутыми золотой фольгой, железными кольчатыми ножами и петлевидными серьгами [Бородовский, 1995б, в; 1997; Бородовский, Ойношев и др., 2005, с. 37; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 7].

Барангол-2. Курганская группа расположена на расстоянии 1,5 км между селами Муны и Барангол по Чемальскому тракту (рис. 4, Д, 9; 28), в 38 м к северу от поминальной конструкции Барангол-3. Памятник находился на кромке леса, поэтому часть насыпей была свободна от деревьев. Могильник включал 8 хорошо задернованных каменных конструкций со слабыми рельефными признаками. Внешний диаметр насыпей 4–10 м, а высота от 0,10 до 0,42 м. Некоторые курганы сильно повреждены грунтовой дорогой и съездом с шоссе. Памятник относится к северному варианту пазырыкской культуры и датируется последней третью I тыс. до н.э.

Первоначально, в ходе разведки 1998 г., выявлен и раскопан курган 1 с плохо выраженной в рельефе насыпью. В результате поиска при помощи щупов обнаружены еще 7 хорошо задернованных каменных конструкций, вытянутых в цепочку по линии север-юг.

Курганы могильника Барангол-2 вытянуты двумя аморфными цепочками, ориентированными с севера на юг и с запада на восток. Надмогильные конструкции сложены из грубообломочного материала и имеют уплощенную округлую форму. Основа сооружения – широкая кольцевая крепида из нескольких рядов камней. В центре конструкции располагалась могильная яма, вытянутая длинной осью в основном по направлению север-юг, в единичных случаях – восток-запад. На южной периферии курганов прослежены следы тризны в виде скоплений углей.

Стратиграфический разрез насыпей курганов включает дерновую поверхность (мощность от 10 до 20 см) и каменную конструкцию, выложенную из камней в 1–3 слоя. Насыпи располагались на погребенной почве в виде темного чернозема (толщина 1–15 см). В центральной части и по краям могильных ям зафиксирован выкид – желтоватый суглинок (толщина до 20 см). Между камнями и за пределами курганов найден долинный чернозем. Материковая поверхность представлена коричневато-черным гумусом (толщина до 40 см), под которым находится светло-желтая глина

(мощность до 30 см). Ниже, вплоть до аллювиального основания террасы, идет светлый песок.

Могильные ямы имели подпрямоугольно-ovalные очертания и были вытянуты длинной осью по линии север-северо-запад – юг-юго-восток. Заполнение могил – мешаный суглинок с вкраплениями линз чернозема. Изредка в заполнении встречен грубообломочный материал. Могильные ямы имели длину 2–3 и 1,6–1,85 м, а глубину 1,6–1,7 м.

В курганах могильника Барангол-2 исследованы одиночные, парные, коллективные и вторичные захоронения, а также погребения человека с конем. Особенности погребальной обрядности и сопроводительного материала позволяют датировать могильник III–II вв. до н.э. [Бородовский 1999б, 2001а, б; Бородовский, Ойношев и др., 2005, с. 37; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 7–8].

Барангол-4. Памятник открыт А.П. Бородовским в 1999 г. Курганская группа расположена в центральной части Барангольского некрополя и включает 3 каменных насыпи и 1 кладку (рис. 4, Д, 9; 28).

Насыпи курганов 1, 2 и кладки примыкают друг к другу и вытянуты в цепочку по линии восток-запад. Диаметр курганов, поросших деревьями, около 5 м, высота 15–20 см. Такая особенность планиграфии надмогильных сооружений характерна и для соседних могильников Барангол-1 и -2. Курган 3 обособлен за пределами парной цепочки, напротив кладки, ближе к курганный группе Барангол-2, к северо-востоку от курганов на краю леса.

Поверхность курганов была хорошо задернована. Их диаметр составлял 6–7 м, а высота от дерновой поверхности – более 20–30 см. Размеры могильных ям 1,1–1,2 и 2,25–2,35 м, глубина 1,5–1,7 м. Вытянуты они по линии юг-юго-восток – север-северо-запад. Стратиграфический разрез включал дерновую поверхность (мощность 10–15 см), под которой располагался слой камней курганной насыпи. Камни были уложены в 1–2 ряда. За пределами каменной конструкции и в центре курганов, вокруг могильной ямы, зафиксирован аллювиально-суглинистый выкид. Он включал гальку средних размеров. За пределами каменной конструкции под дерном находился долинный чернозем. Погребенная почва под каменной крепидой представлена темным черноземом (мощность 10–15 см).

Курганы относятся к северному варианту пазырьской культуры и датируются I тыс. до н.э. (IV–III вв. до н.э.). [Бородовский, 2001а, б; Бородовский, Ойношев и др., 2005, с. 37; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 42–43].

Бородовский, Ойношев и др., 2005, с. 37; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 8].

Бирюзовая Катунь-1. Одиночный курган (прежнее название «Тавдушка-1») эпохи средневековья расположен на территории Талдинского археологического микрорайона, в 3-х км от устья р. Тавдушка вверх по течению р. Катунь, на второй надпойменной террасе, на самой высокой точке небольшого мыса, в 20–25 м от берега (рис. 5, А, I). Обнаружен памятник П.И. Шульгой в 2002 г.

Курган имел невысокую слабозадернованную насыпь. Конструкция кургана представляла собой неровный овал (диаметр 4,5 м, высота 3,5 м), выложенный из окатанных речных галек и равногого камня. В насыпи обнаружено более 30 фрагментов разновременной керамики, в т.ч. эпохи средневековья. Размер и форма могильных ям реконструированы по положению погребенных. Захоронение ориентировано по линии северо-восток-восток – юго-запад-запад. Погребальная яма имела овальную форму, размеры 2,1×1,2 м, глубину 0,65–0,70 м. Здесь был погребен мужчина (ориентирован на северо-восток-восток) и лошадь (ориентирована на юго-запад-запад) [Шульга, 2006; Кирюшин, 2006].

Бирюзовая Катунь-4. Этот одиночный курган исследован в июне 2006 г. (рис. 5, А, I). Здесь вскрыто захоронение мужчины с богатым сопроводительным инвентарем. Курган датирован тюркским временем [Соснин, 2008; Кирюшин, 2006].

Бурундуй-1. Курганская группа находится на правом берегу ручья, впадающего в Катунь, у подножия лога Бурундуй (рис. 4, Г; 6, 24). Могильник открыт А.П. Бородовским в 2002 г.

Памятник находится на расстоянии 4,2 км от моста через р. Едралу, у Манжерокской заимки, на кромке склона верхнего выступа террасы ручья. Группа состоит из четырех курганных насыпей, вытянутых цепочкой с юго-востока на северо-запад. По территории могильника проходит Чуйский тракт, делящий курганный группу на две части. Невысокие, уплощенные каменные насыпи курганов либо хорошо задернованы, либо сильно повреждены в ходе земляных работ. Диаметр каменных конструкций составляет около 4–5 м. Датировка и культурная принадлежность не определены [Бородовский, Ойношев и др., 2005, с. 33; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 42–43].

Дубровка-1. Разрушенный карьером курган у с. Дубровка (рис. 4, А) исследован в 1976 г. сотрудником Горно-Алтайского краеведческого музея С.С. Зяблицким. По его сведениям, каменная насыпь кургана была сильно задернована. Ориентация могильной ямы северо-западная – юго-восточная.

точная. В погребении обнаружены отдельные человеческие кости и сосуд (высота 23 см) с тулом яйцевидной формы, с коротким, слегка отогнутым вверху горлышком, украшенным несколькими рядами округлых вдавлений. Такой орнамент характерен для алтайской и восточно-казахстанской керамики конца I тыс. до н.э. [Суразаков, 1982, с. 133–135; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 13].

Дубровка-2. Это одиночный курган в 1 км к северу от одноименного села, на восточном краю останца террасы р. Катунь (рис. 4, A). Памятник открыт С.М. Киреевым в 1986 г. Диаметр насыпи 10 м, высота около 0,8 м. Курган сильно задернован, зарос травой. В центре насыпи расположена западина. Датировка кургана и культурная принадлежность не определены [Киреев, Кудрявцева, Полосина и др., 1993, с. 162; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 13].

Майма IV. Курганская группа расположена в 1 км к северо-востоку от северной окраины с. Майма, на высокой правобережной песчаной террасе р. Катунь (рис. 4, E; 12, 4; 29, A). Могильник обнаружен С.М. Киреевым и О.М. Нуянзинским в 1985 г. Памятник подвергся интенсивной распашке в 1970–1990-х гг. В 1985 г. на западной оконечности террасы открыли песчаный карьер. Насыпи некоторых курганов снесены, а другие сильно деформированы. Многие курганы не имели внешних признаков. В 1985–1987 гг. на могильнике проводились аварийные раскопки. Исследовано 19 погребальных и поминальных объектов скифского времени. В 1998 г. разработка карьера возобновилась, в результате чего были почти полностью уничтожены насыпи курганов, открытых в 1987 г. В 1998 г. С.М. Киреев, М.Т. Абдулганеев и Н.Ю. Кунгирова раскопали 28 погребений (общая площадь составила около 1,6 тыс. м²). Задокументированы 36 объектов, в т.ч. 9 подкурганных и 19 безкурганных захоронений, 8 ям без следов погребений.

Курганные и грунтовые погребения располагались небольшими цепочками по 3–5 объектов, ориентированными по линиям север-юг, северо-восток – юго-восток, запад-северо-запад – восток-юго-восток. Насыпи курганов сохранились полностью или частично. Они сложены из обломков камня и валунов в 2–3 слоя (диаметр 6–9 м). По периметру насыпей прослеживались крепидные основания (диаметр 5,5–7,5 м). Большинство захоронений ограблены. В нетронутых могилах погребенные ориентированы преимущественно на юго-восток. Внутригильные конструкции разнообразны. Инвентарь могильника представлен

керамикой, украшениями, предметами вооружения и быта, лошадиной сбруей (рис. 29, B, 1–11; 74). Всего на могильнике раскопано 49 погребений. Памятник датирован III в. до н.э. и отнесен к северному варианту пазырыкской культуры [Киреев, 1990, 1991а-в, 1992в, 1994б; Абдулганеев, Киреев и др., 2004; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 28–30].

Майма VI. Могильник расположен в 4,5 км к северу от с. Майма, на высокой гравийной надпойменной террасе р. Катунь, на небольшом овальном участке среди поля (рис. 4, E; 12, 6). Рядом находится могильник Майма XIX. Памятник открыт в 1984 г. С.М. Киреевым и В.А. Кочеевым. Могильник включает 15 сильно задернованных каменных насыпей (рис. 30, A). Они образуют 4 цепочки, идущие с севера на юг. Лишь 3 из них находились отдельно.

Все курганы, кроме одного, ограблены. Сохранившийся инвентарь небогат. В 1986 г. С.М. Киреев раскопал один курган, в 1990 г. – 11, в 1991 г. – 3, а в 2000 г. докопал аварийный курган с разрушенной насыпью, обнаруженный при разработке карьера.

Курганы имели одинаковое устройство насыпей из рваного камня и галечника. По их периметру были устроены кольца из крупных валунов. На трех курганах располагались небольшие ритуальные выкладки овальной в плане формы, выполненные из мелкой окатанной гальки в 2–3 слоя. Под насыпью обнаружены овальные или подпрямоугольные в плане ямы, ориентированные по линии восток-запад или с небольшими отклонениями. Наибольшая глубина могилы составляет 2,94 м (курган 9), наименьшая – 1,24 м (курган 12). На дне некоторых могил найдены деревянные обкладки. Дно ям других захоронений обложено по периметру камнями. Под насыпью кургана 6 вскрыты 2 могилы. Всего раскопано 16 курганов. Памятник относится к быстрянской культуре и датирован IV–III до н.э. (рис. 30, 1–11) [Киреев, 1991а, в, 1992б, в, 1995б; Киреев, Алексина и др., 1994; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 30–31].

Майма VII. Памятник расположен на 6 км к северу от с. Маймы, на высокой надпойменной террасе р. Катунь (рис. 4, E; 12, 7). Могильник открыт в 1956 г. Б.Х. Кадиковым. В 1983 г. В.А. Кочеев раскопал 2 кургана. С начала 1980-х гг. раскопки проводились С.М. Киреевым, исследовавшим 31 курган (42 погребения) и одно грунтовое захоронение.

На террасе образовался слой черного гумуса мощностью до 0,8 м, около 0,25 м которого приходится на дерновый слой. Под гумусом залегала

небольшая прослойка коричневого цвета – смесь гумуса и глины (мощность 0,2 м), затем шла супесь (мощность 0,25–0,3 м). Основную слагающую массу террасы составляет мелкий серо-голубоватый песок, начинающийся с глубины 1,2–1,4 м от современной поверхности. Могильник подвергся значительным разрушениям в результате разработки карьера в его западной части. С востока и северо-востока памятник систематически разрушается распашкой. По могильнику проходит проселочная дорога, установлены опоры ЛЭП, проводится ежегодное машинное сенокошение.

Могильник Майма VII насчитывает 150 курганов и грунтовых погребений, расположенных на поле без видимого порядка. По периметру курганов с каменной кладкой располагались кольца из крупных каменных плит. Курганская группа относится к быстрянской культуре раннего железного века [Киреев, 1988а, б; 1992б, с. 50–53; 1992в; Киреев, Алексина и др., 1994; Киреев, Чевалков, 2005; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 31–33].

Майма XIX. Памятник находился на высокой Катунской террасе, где расположен могильник Майма VI и поселения Майма III, V, XVI и XVII (рис. 4, E; 12, 19; 31). Курганская группа расположена на 5 км к северу от с. Майма. Памятник открыт С.М. Киреевым в 1984 г. Могильник насчитывал 7 курганов, расположенных компактной группой на небольшом участке, окруженном со всех сторон пашней (рис. 31, A). Цепочки курганов ориентированы с севера на юг. Диаметр курганов составил от 6 до 14 м. Памятник сильно разрушен, часть насыпей курганов подверглась распашке. Площадь раскопа, захватившего все курганы, составила около 520 м² [Киреев, 1992а; 1992б, с. 50–53; Киреев, Кудрявцева, Полосина и др., 1993; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 39–41].

Манжерок-8. Памятник открыт А.П. Бородовским на задернованном скальном выступе у горного склона, в 500 м к северо-востоку от с. Манжерок (рис. 20). Расстояние до курганской группы Чултуков Лог-1 составило 800 м. Две наиболее крупные конструкции (кург. 1, 2) находятся непосредственно у края наиболье возвышенной площадки. Высота ее от нового русла р. Манжерочка составляет 9 м. В глубине склона располагаются курганы или кладки меньших размеров (кург. 3, 4). Они составляют курганный цепочек (кург. 2–4), ориентированную по линии юго-запад – северо-восток, т.е. поперец долины Катуны.

Насыпи курганов (диаметр 5–15 м, высота 0,1–0,3 м) сильно задернованы и поросли деревьями. Хронология и культурная принадлежность памятников не определены [Бородовский, Боро-

довская, 2005, с. 35; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 49].

Соузга-1. Памятник открыт А.П. Бородовским в 2008 г. Курганская группа расположена на 3 км к северо-востоку от одноименного села, на пологом склоне конуса выноса из горного ущелья, где вытекает безымянный ручей. Семь курганов (диаметр 4–6 м) находятся на левом берегу ручья (рис. 32). Их насыпи сильно задернованы и имеют аморфные рельефные признаки. В центре надмогильных насыпей прослеживаются западины (диаметр 1,0–1,5 м, глубина до 0,2 м). Предварительно курганный группу Соузга-1 можно датировать эпохой палеометалла.

Тавдинские Пещеры-1. Курган тюркского времени раскопан у подножия Большой Тавдинской пещеры в 2004 г. В кургане захоронен подросток с жеребенком. После раскопок курган воссоздан в первоначальном виде, но уже на территории природного парка «Бирюзовая Катунь» (рис. 5, A, 8) [Кириюшин, 2006].

Талда. Курганская группа (25 курганов) расположена на левом берегу р. Тавда (рис. 5, A, 5). Большая часть курганов вытянута цепочкой по линии север-юг с небольшим отклонением, перпендикулярно подножию горы (рис. 33). Могилы предназначены для одиночных захоронений. Памятник датирован ранним железным веком [Шульга, 2005, с. 44–47].

Усть-Муны-1. Курганный могильник расположен на южной окраине одноименного села, на 84 м к северу-северо-востоку от километрового знака 475/488 Чуйского тракта, напротив южного въезда в с. Муны (рис. 4, Д, 4). Расстояние от могильника до р. Муны составляет 350 м. Памятник открыт А.П. Бородовским и Д.А. Михайловым в 2002 г.

Могильник расположен в пределах населенного пункта, на трехметровом уступе, значительная часть которого разрушена при строительстве дороги в 1960-е гг. Могильник потревожен при строительстве ЛЭП и ее реконструкции. Имеются сведения о 7 курганах. Два из них имеют диаметр 20 и 25 м, а пять – 5–10 м. К настоящему времени сохранилось 2 насыпи (диаметр 5–6 м, высота до 0,15 м), расположенные цепочкой по оси север-юг на расстоянии 10 м друг от друга. Курганы частично задернованы. Южный курган непосредственно примыкает к бетонной опоре ЛЭП. Северный курган располагается под линией ЛЭП.

Один из курганов гунно-сарматского времени исследован А.П. Бородовским и отнесен к майминской культуре. Другая курганская насыпь сильно повреждена при дорожном строительстве

в 2006 г. [Бородовский, 2003б; Бородовский, Ойношев и др., 2005, с. 35; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 58].

Усть-Муны-3. В 1930-е гг. к югу от с. Усть-Муны (рис. 4, Д), не доходя 0,5 км до длинного бома, на тракте, в курганном могильнике обнаружен чашевидный глиняный сосуд (диаметр по верхнему краю 14,5 см, высота 7,4 см). Изделие имело тонкие стенки, было орнаментировано пятью рядами продолговатых точек, имело выступ в центре, а сбоку – сквозные круглые отверстия (рис. 7, 2). Сосуд найден в ногах у погребенного, на глубине 1 м, около стенки могилы. Погребенный покоялся в песчаном грунте, обложенный камнями. Памятник датируется III–II тыс. до н.э. [Абдулганеев, Кирюшин и др., 1982; Бородовский, Ойношев и др., 2005, с. 34; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 59].

Чултуков Лог-1. Курганская группа расположена в 1,5 км к северо-западу от с. Манжерок, в урочище Чултуков лог, на ровном участке Катунской террасы у подошвы горного склона (рис. 6, 2; 34). Рядом сохранился участок старого шоссейного полотна Чуйского тракта, на котором находится автозаправка блочного типа. Курганская группа открыта А.П. Бородовским в 2000 г. На протяжении всех лет исследования на памятнике проводятся работы по натурной рекультивации надгробий сооружений (рис. 35, 1, 2; 36).

Участок террасы был свободен от деревьев и использовался местными жителями для выпаса скота (назывался «Пастушка»). По территории памятника проходили 2 грунтовые дороги и линия электропередачи от с. Манжерок к с. Черемшанка (рис. 34).

Каменные надгробные конструкции имели слабые рельефные признаки (высота от 0,15 до 0,7 м). Диаметр курганов составил 4–13 м. В центре некоторых курганов камни слегка просели. Стратиграфически прослеживался дерн (15–25 см), темный чернозем (30–40 см), каменные конструкции (высота 20–80 см), расположенные на слое погребенной почвы из серого чернозема (мощность до 20 см). Зафиксированы выкиды из могил в виде желтого песка. Каждая насыпь состояла из крепиды, выложенной из массивных грубообломочных камней, и насыпи из 3–5 нечетко выраженных слоев. Под насыпями найдено по одному погребению. Могильные пятна светло-желтого цвета имели размер 110–120×220 см. Могильные ямы размером 105–140×220 см располагались по центру курганов или были чуть смещены от него. Их глубина равна 120–170 см. Могилы имели подпрямоугольное и подпрямоугольно-овальные

очертания. Заполнение могил – светло-желтый песок с гумусированными вкраплениями. Здесь встречены довольно крупные грубообломочные валуны 50–70 см в диаметре. Во многих могилах прослежены остатки деревянных перекрытий и рам.

Курганы располагались двумя основными группами: за сухим руслом Катунской старицы у старого шоссе и от северной кромки русла старицы до горного склона (рис. 34). Курганные группы, составляющие цепочки, чаще всего вытянутые с севера на юг или запада на восток, вдоль или поперек речной долины (рис. 37).

Парные курганы ориентированы с юга на север (кург. 1–4, 13, 14), с юго-запада на северо-восток (кург. 10, 11, 16, 17), с юго-востока на северо-запад (кург. 18, 19, у кромки оврага). В центральной части могильника располагалась цепочка из трех курганов (кург. 6–8), ориентированная с юго-запада на северо-восток. Часть курганов между цепочками стояли одинично (кург. 5, 9, 14, 15). На юго-восточной периферии могильника, у горного склона, найдена кладка.

Курганы сложены преимущественно из грубообломочного материала с включениями аллювиального галечника, а их поверхность плотно задернована (особенно полы конструкций) (рис. 35).

Количество курганов на некрополе в древности могло быть и больше. По свидетельству местных жителей, при строительстве дороги на кромке Катунской террасы неоднократно находили человеческие кости. Сегодня эта часть могильного поля занята дорожной отсыпкой и твердым покрытием проезжей части. Так, наполовину заасфальтирована насыпь курганов 13 и 38, а также целый ряд насыпей рядом с полотном Чуйского тракта.

В настоящее время в курганская группа Чултуков Лог-1 выявлено 110 курганных насыпей диаметром от 4 до 15 м и высотой от 0,1 до 0,5 м.

На территории памятника сосредоточены захоронения фактически всех археологических культур Горного Алтая эпохи раннего железа (быстрянской, пазырыкской, кара-кобинской). На юго-восточном краю погребального поля выявлены курганы, относящиеся к быстрянской культуре. Погребенные в них покоялись вытянуто на спине, головой на север. В центральной части некрополя располагались кара-кобинские захоронения в каменных ящиках из плитняка. Северо-западней начиналась зона распространения курганов с явно выраженными признаками принадлежности к северному варианту пазырыкской культуры. В целом ряде погребений керамика отсутствовала, что является одним из признаков более ранней даты захоронений. Судя по сопроводительному

инвентарю (рис. 38), некрополь формировался в V–III вв. до н.э. [Бородовский, 2002а, б; Бородовский, Ойношев и др., 2005, с. 30; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 52–53].

Чултуков Лог-2. Памятник расположен на 200 м к северу от могильника Чултуков Лог-1, на небольшом высоком выступе горного склона (рис. 6, 1; 39). Курганская группа включает 7 каменных конструкций (диаметр от 4 до 8 м) и ритуальную поминальную выкладку (рис. 39). Курганы вытянуты в цепочку по линии север-северо-восток – юг-юго-запад. Половина одного из курганов весной 2002 г. сильно разрушена при прокладке оптико-волоконного кабеля ЗАО «Сибирские соевые системы-900».

Каменные конструкции были сложены в основном из грубообломочных материалов. С южной стороны группы, у кургана 1, размещались 2 балала высотой 0,5 м. Памятник открыт А.П. Бородовским в 2002 г. Курганская группа датирована V–III вв. до н.э. [Бородовский, 2002а, б; Бородовский, Ойношев и др., 2005, с. 30; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 54].

Чултуков Лог-3. Курганская группа находится в 1,2 км к северо-западу от с. Манжерок, напро-

тив памятника писателю Шишкову (рис. 6, 3). Открыт А.П. Бородовским в 2002 г. Юго-восточнее, в 250 м, расположена курганская группа скифского времени Чултуков Лог-1. С западной стороны, у подножья горы, находится одна из стариц Катуны. Памятник локализован на горном уступе (ширина 40 м, длина 65 м). Южная сторона имеет скальные выходы и пологий склон, закрытый рыхлыми отложениями.

Курганы, вытянутые по линии северо-запад – юго-восток, сильно задернованы и имеют аморфные очертания. Памятник относится к эпохе ранней бронзы [Бородовский, 2002а, б; 2006; Бородовский, Ойношев и др., 2005, с. 30; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 54].

Чултуков Лог-4. Курганская группа располагается около кромки горного склона, в лесу (рис. 6, 6). Состоит из двух курганных насыпей, расположенных цепочкой вдоль полого горного склона. Диаметр курганов до 10 м, высота около 15–20 см. Памятник открыт А.П. Бородовским в 2003 г. Датировка и культурная принадлежность памятника не определены [Бородовский, Ойношев и др., 2005, с. 31; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 54].

1.7. ГРУНТОВЫЕ МОГИЛЬНИКИ

Дубровка-Карьер. В 1970-е гг. С.С. Зяблицкий обнаружил в карьере около с. Дубровки два безинвентарных погребения (рис. 4, А, 2; 40). Глубина могил составила 0,8–1 м, а расстояние между могилами – 3–4 м. Погребенные покоялись в скорченном положении. Один из них был ориентирован головой на восток и лежал на левом боку (рис. 40, Б), а другой – головой на север на правом боку. В настоящее время точное местонахождение разрушенного могильника эпохи палеометалла не известно [Бородовский, Ойношев и др., 2005, с. 27; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 14].

На северной окраине с. Дубровки в 1977 г. С.С. Зяблицкий исследовал два аварийных, сильно разрушенных захоронения (сохранились лишь нижние ярусы могильных ям).

Погребение 1. На песке светло-серого цвета четким темно-коричневым пятном просматривались контуры дна могильной ямы с выступающими наружу камнями. Размеры пятна 85×150 м. На дне ямы найден костяк погребенного, уложенного на левый бок, черепом на восток-северо-восток, с согнутыми в коленях ногами. Левая рука находилась под туловищем, согнутая в локте, кистью к челюсти. Правая рука тоже согнута и уложена

на кисть левой руки. Сохранность костяка плохая: череп сильно раздроблен, нижние конечности отсутствуют, есть лишь остатки берцовой кости и часть костей одной стопы. Предметы в погребении не обнаружены. По расчетам С.С. Зяблицкого, вероятная глубина погребения составляла 0,8–1,0 м.

Погребение 2. К югу от погребения 1 обнаружено разрушенное погребение без инвентаря. Вероятна северная ориентация погребенного, поконившегося на правом боку.

Илбик. Памятник разрушен в 1970-е гг. при хозяйственном строительстве. Он находился на территории современного с. Муны, рядом с Чуйским трактом, у южного края одноименного «притора» (бома) на высокой Катунской террасе. По рассказам местных жителей, погребенный покоялся в скорченном положении. Памятник относится к афанасьевской культуре и датируется III–II тыс. до н.э. [Бородовский, 2001в; Бородовский, Ойношев и др., 2005, с. 35; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 55].

Манжерок-9. Могильник находится на территории одноименного села, к западу от Манжерокского ключа (рис. 6, 12; 20). По сведениям, полученным от местных жителей, при сооружении

фундаментов и закладке хозяйственных ям извлекались человеческие кости [Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 49].

Манжерок-11. Согласно рассказам местных жителей с. Манжерок, в верховьях р. Манжерочки, в логу ее левого притока, случайно было вскрыто грунтовое захоронение эпохи позднего средневековья (рис. 6, 11; 20). Из сопроводительного инвентаря в погребении на ноге погребенного обнаружена связка белых бус [Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 49].

Манжерок-12. На новом кладбище с. Манжерок, расположенном на высокой Катунской террасе, по сведениям А.Н. Политова, при выборке могильных ям найден скорченный скелет человека, обложенный крупными галечными камнями (рис. 6, 13). А.П. Бородовский в 2005 г. при осмотре территории кладбища не выявил следов разрушенных курганных насыпей. Потревоженное захоронение может относиться к эпохе палеометалла [Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 49–50].

Манжерок-Карьер. На левом берегу р. Манжерочки, в обнажении песчаного карьера на северо-восточной окраине с. Манжерок, в 2005 г.

обнаружено разрушенное одиночное грунтовое захоронение (рис. 6, 7). Из сопроводительного материала в могиле найден плоскодонный керамический сосуд баночного типа со следами горения внутри и связка плохо сохранившихся бус из белого вещества. При обследовании карьера в 2006 и 2007 гг. А.П. Бородовский признаков разрушения других грунтовых могил не выявил. Памятник относится к эпохе раннего железа [Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 50].

Чултуков Лог-16. Памятник находится в одноименном урочище, на ровном участке Катунской террасы, у подошвы горного склона (рис. 6, 1; 41; 42). Рядом сохранился участок старого шоссейного полотна Чуйского тракта, на котором располагается автозаправка блочного типа.

В межкурганном пространстве на западном краю некрополя выявлены грунтовые захоронения. Одно из них совершено в каменном ящике (рис. 41, 1, 2), а другое является ярусным (рис. 42). Размер могильной ямы $2,15 \times 1,35$ м. Варианты интерпретации данных погребальных объектов могут быть различными – грунтовый могильник или могилы, над которыми, в силу определенных причин, не возведена каменная насыпь кургана.

1.8. ПОМИНАЛЬНИКИ И КУЛЬТОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ

Барангол-1а. В составе курганной группы Барангол-1 присутствует одна ритуальная выкладка (рис. 28).

Барангол-3. Одиночная кладка расположена между курганными группами Барангол-4 и -2 (рис. 4, Д, 9; 28). Диаметр кладки составил примерно 4 м, высота – до 10 см. Объект находится на старой грунтовой дороге, идущей параллельно Чуйскому тракту. Кладка представляет собой культовое сооружение второй половины I тыс. до н.э. Памятник открыт А.П. Бородовским [Бородовский, Ойношев и др., 2005, с. 37; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 8].

Бирюзовая Катунь-1. Поминальная оградка находится на территории природного парка «Бирюзовая Катунь», в трех километрах от устья р. Тавдушки вверх по течению р. Катунь, на второй надпойменной террасе, на самой высокой точке небольшого мыса, в 20–25 м от берега и 40 м по линии север-северо-запад – юг-юго-восток от одиночного кургана Бирюзовая Катунь-1 (ранее назывался «одиночный курган Тавдышка-1») (рис. 5, А, 1).

Бирюзовая Катунь-3. Три поминальные оградки обнаружены на территории природного парка «Бирюзовая Катунь». Рядом с одной из оградок

найдено каменное изваяние с изображением человека (рис. 5, А). [Кирюшин, Силантьева и др., 2006, с. 211–217].

Майма IV. На могильнике есть кольцевые выкладки из крупных камней по периметру большинства насыпей [Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 28].

Майма VI. Имеются небольшие ритуальные выкладки овальной формы, выполненные из мелкой окатанной гальки в 2–3 слоя [Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 30].

Парк «Бирюзовая Катунь». Здесь обнаружено святилище скифского времени (V–III вв. до н.э.), отнесенное к пазырыкской культуре (рис. 5, А) [Кирюшин, 2006].

Чултуков Лог-1в. В межкурганном пространстве выявлен поминальник, сложенный из камней в виде кольца. У его восточного края найден развал пазырыкского керамического сосуда (рис. 6, 2).

Чултуков Лог-2б. Три кольцевые выкладки выявлены в курганной группе Чултуков Лог-3. Датированы эпохой раннего железа.

Чултуков Лог-3а. Два ритуальных кольца есть в составе курганной группы Чултуков Лог-3. Курганская группа Чултуков Лог-3 (эпоха бронзы) включает 2 кургана и 2 ритуальных кольца.

1.9. ГОРОДИЩА

Барангол-5. Памятник открыт А.П. Бородовским. Оборонительный комплекс расположен на мысовидном горном склоне высотой до 30 м (рис. 4, Д, 12; 43, А). Размеры городища составляют 105 м в длину и 75 м в ширину. Пологая площадка ограждена несколькими рвами шириной до 4,5 м и глубиной около 1,0–1,5 м. На узком участке, обращенном к долине Катуны, городище имело въезд между двумя параллельными линиями глубоких рвов. На участке расширения уступа террасы количество рвов возрастает до трех параллельных оборонительных линий. На северной кромке террасы продолжается только внешний ров. На южном крае террасы внешний ров имеет ответвление внутрь городища, где располагается еще один внутренний въезд шириной до 2,5 м. С внешней стороны этот въезд перекрыт еще одним внутренним рвом. На основании подъемного материала городище датировано эпохой раннего железа [Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 9].

Майма XX. Городище расположено в 1,6 км к северу от с. Майма, на склоне террасы горы, в 0,6 км к югу от могильника Майма IV (рис. 12, 20). На плоских уступах видны две линии. Каждая из них включает 3 западины (предположительно котлованы жилищ). Западины первой линии округлые в плане (диаметр 4–6 м, глубина до 0,15 м), второй линии – овальные (размеры 2,5×5,5 м, глубина до 0,1 м). Видны остатки невысоких валов. На осыпях и размывах троп для прогона скота собраны фрагменты неорнаментированной керамики. Датировка памятника затруднена [Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 41].

Манжерок-3. Городище расположено в 120 м к юго-востоку от крайнего строения одноименного села (рис. 4, Г; 6, 9), на ступенчатой террасе древнего русла Катуны (несколько ярусов). Памятник открыт А.П. Бородовским и А.Н. Политовым в 2001 г. Фортификационные сооружения городища вытянуты по склону террасы р. Манжерок с юго-запада на северо-восток (рис. 44, А). Наименьшее количество рвов характерно для юго-западной части. Наиболее мощные земляные укрепления расположены на северо-востоке и юге укрепленного пункта. Один ров проложен вдоль кромки террасы р. Манжерок и протянулся почти на 100 м. Через 30 м начинается новый ров, который прерывается на расстоянии 45–50 м. На этом участке расположен один из въездов. Затем ров возобновляется и тянется на 95 м. За ним, в глубине террасы, находится параллельный короткий ров (длина около 30 м). На данном участке тоже

был въезд. На северо-восточном краю городища одиночный ров разветвляется на серию рвов, составляющих выступ – бастион. Все эти рвы параллельны друг другу.

На южном краю городища фортификационная линия из пяти рвов заканчивается въездом (ширина до 5 м). Юго-западная часть сильно разрушена грунтовой дорогой. Здесь находился въезд (ширина до 3 м). На северной, восточной и южной стороне городища рвы отличаются значительной глубиной (1,5–2 м) и шириной (4–5 м). На западном краю рвы самые неглубокие (0,5–0,3 м), а их ширина составляет около 1,5 м. Длина городища около 500 м, а ширина около 100–120 м.

В настоящее время памятник сильно порос сосновым лесом и кустарником, что существенно затрудняет его съемку. Центральная часть городища сильно разрушена при прокладке ЛЭП. Собранный здесь керамика относится к двум историческим периодам – эпохе ранней бронзы и эпохе раннего железа [Бородовский, 2002б; Бородовский, Ойношев и др., 2005, с. 31–32; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 9]. В 2008 г. при исследовании городища на участке в 9 м² собрано 248 фрагментов, из которых 14 орнаментированы, 17 являются венчиками, а 16 – фрагментами дна. Помимо керамики найдено 37 каменных изделий, 17 костей и 2 пряслица раннего железного века.

Черемшанка. Городище расположено на высокой мысовидной аллювиальной террасе на южной окраине одноименного села (рис. 4, В, 1; 45, А, Б). Памятник обнаружен в 1958 г. Б.Х. Кадиковым. Мыс и культурный слой городища значительно повреждены современным карьером. Культурный слой подвергся сильному разрушению и перемещению при вскрытии аллювиальных толщ для разработки.

В 1989 г. С.М. Киреев произвел осмотр памятника. Подъемный материал включал керамику, каменные, костяные и роговые орудия, кости животных. Зафиксированы остатки котлована подпрямоугольного жилища (5×5 м). Зачищены две крупные хозяйствственные ямы, обнаруженные в стенах карьера. Здесь найдено большое количество керамики (в т.ч. развалы сосудов), кости животных и колотые камни.

В 1994 г. С.М. Киреев повторно обследовал городище, отметив дальнейшее нарушение культурного слоя, практически полностью уничтожившее памятник. При вскрытии работах разрушено жилище подквадратной формы. Сохранилась лишь часть заполнения котлована жилища.

В настоящее время от городища осталась лишь узкая кромка террасы со стороны р. Черемшанки, перекрытая снятым с поверхности слоем чернозема. Участки культурного слоя сохранились на северо-восточной кромке склона террасы. Дополнительно городище обследовано А.П. Бородовским в 2006–2008 гг. Собраны фрагменты керамики

и предметы косторезного производства I тыс. н.э. (рис. 45, 1–11). Городище датировано первой половиной I тыс. н.э., т.е. гунно-сарматским временем [Киреев, 1991б, 1994а, 1995а; Бородовский, Бородовская, 2001, с. 22; Соёнов, 2003, с. 21–22; Бородовский, Ойношев и др., 2005, с. 28; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 64].

1.10. ВАЛЫ

Соузгинские валы. Остатки крепости, находящейся в 300 м от с. Соузга по дороге к с. Манжерок (рис. 4, Б, 2; 46), в 1949 г. были обследованы И.С. Чевалковым [Уманский, 1959, с. 104]. От укрепления сохранилась стена, разрезанная на две половины Чуйским трактом. Памятник относится к эпохе позднего средневековья [Бородовский, Ойношев и др., 2005, с. 27].

В настоящее время на территории Соузгинских валов располагается южная окраина с. Соузга. Чуйский тракт перерезает участок валов, ориентированных поперек Катунской долины (с запада на восток). Шесть рядов валов (ширина до 10 м, высота около 8 м) сложены из грубообломочного камня или грунта (рис. 46). Один из валов поворачивает на юг и располагается в центре другого ряда оборонительных сооружений, ориентированных

в направлении север-юг с небольшим отклонением. К востоку от этих валов находится достаточно широкий проход, который у горного склона ограничен еще одним рядом валов, ориентированных поперек Катунской долины (запад-восток). Ряд включает 9 валов, примыкающих вплотную к горному склону. Общая протяженность оборонительных сооружений составляет более одного километра.

Особенно пострадал западный прибрежный участок памятника, где при расширении села значительная часть оборонительных сооружений была снесена.

В районе северного участка Соузгинских валов, перерезанного Чуйским трактом, найден бронзовый бубенчик эпохи средневековья (Соузгинское местонахождение-2) [Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 60].

1.11. ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ПЛОЩАДКИ

Дубровка. На бронзолитейной площадке разрушенного поселенческого комплекса обнаружен бронзовый наконечник с литником (рис. 47, 1) [Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 14].

Еловый Ключ-3. На расстоянии более 2,5 км от современного русла Катуни ее правый приток р. Едрала делает крутой поворот с востока на север (рис. 6, 21). В самом начале этого участка русло реки обнажает выходы кварцевой жилы, которая могла представлять интерес при поиске сырья, необходимого для изготовления каменных орудий. Здесь С.С. Зяблицкий в 1977 г. обнаружил мастерскую Еловый Ключ-3.

В русле р. Едрала и по ее берегам осуществлены сборы многочисленных предметов, иллюстрирующих первичное и вторичное расщепление, включая отщепы, пластины и единичные призматические нуклеусы. Ниже по течению, на дороге, проходящей по правому берегу р. Едрала, выявлено еще одно местонахождение каменного инвентаря. Морфология каменных артефактов позволяет отнести их к заключительному периоду каменного века и, возможно, датировать периодом мезолита, как археологические памятники Манжерок-1 и -2.

Не исключено, что именно с данной территории на указанные объекты поступало сырье для изготовления орудий. Памятник обследован А.П. Бородовским в 2006–2007 гг. [Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 44–45].

Камышла-1. Производственная площадка открыта А.П. Бородовским. Остатки кузнецы обнаружены на левом берегу нижней Катуны, над водопадом Камышла. Сохранилась каменно-деревянная конструкция с очагом в центре и каменной наброской (рис. 47, 4) [Бородовский, 1997].

Камышлинский Водопад. В 2005 г. А.Л. Кунгurov к северу от Камышлинского водопада нашел остатки железоделательных печей эпохи позднего средневековья.

Майма II. На памятнике выявлен бронзолитейный комплекс эпохи раннего железа [Суразаков, 1982, с. 133; Киреев, 1987; 1988б, с. 60; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 24].

Манжерок-4. Памятник расположен на северо-восточной окраине с. Манжерок (рис. 6, 6; 21, 1). В 2002 г. в осыпи карьера при выемке грунта местный краевед А.Н. Политов обнаружил каменную наковалню (рис. 21, 2). Она имела ста-

нину, отделенную от рабочей части перехватом, вытесанным в каменной основе. Изделие имеет длину 25 см, ширину 12,2 см и высоту 16 см. Высота выступающих краев станины и наковальни составила около 4 см. Высота перехвата в центральной части изделия равна 5 см, а глубина выборки – около 4 см. Форма наковальни воспроизводит металлический прототип. Возможно, изделие имеет позднее происхождение. Осмотр памятника в 2005 г. не выявил в осыпи карьера культурного слоя и других артефактов [Бородовский, Бородовская, 2005, с. 31; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 47–48].

Манжерок-10. В 100–120 м северо-восточнее городища Манжерок-3, в склоне левого берега р. Манжерок (рис. 6, 10), А.Н. Политов и Н.М. Воробьев обнаружили печи из грубого камня. Сооружения, возможно, относятся ко II тыс. н.э. Недалеко от печей, по свидетельству А.Н. Политова, в песчано-гравийном карьере есть выхо-

ды железной руды [Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 49].

Усть-Барангол. На северо-восточной окраине современного с. Барангол, у горного склона возле ручья, выявлены остатки нескольких печей по производству железа, а также шлак (рис. 4, Д, 10). В настоящее время это место полностью застроено. Памятник открыл Б.Х. Кадиков, а Н.М. Зиняков датирует его второй половиной I тыс. н.э. Любопытно, что на горном склоне выше барангольских печей, по сведениям местных жителей, располагалась древняя шахта [Зиняков, 1988, с. 72, 153, 200; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 10].

Чултуков Лог-1ж. На юго-восточном краю некрополя обнаружена железоделательная печь с конструкцией из сосновых шестов (рис. 47, 2, 3). Сооружение перекрывало один из курганов эпохи раннего железа. Возле остатков железоделательной печи обнаружен скелет хищного животного. Скорее всего, печь относится к эпохе средневековья.

1.12. ОРОСИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Чултуков Лог-1а. По кромке террасы могильного поля курганной группы проходит оросительный канал – сувак (рис. 6, 2; 48). Это одно из наиболее северных традиционных мелиоративных сооружений на Горном Алтае. Памятник открыт А.П. Бородовским в 2002 г.

Общая протяженность сувака составляет около 300 м, ширина 1,0–1,5 м, глубина около 0,5 м. Оросительный канал появился позднее курганов эпохи раннего железа урочища Чулту-

ков лог: сувак у самого края террасы перерезает насыпи нескольких курганов (вторая половина I тыс. н.э.) (рис. 48, 49). Аналогичные случаи отмечены С.В. Киселевым при обследовании древних оросительных систем Горного Алтая еще в 1930-е гг. [Бородовский, 2002а, б; 2006; Уманский, 1959, с. 91; Вдовина, 2004; Бородовский, Бородовская, 2005, с. 27; Бородовский, Ойношев и др., 2005, с. 29; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 53–54].

1.13. КАМЕННЫЕ ИЗВЯНИЯ

Манжерокское Озеро-1. На южной оконечности Манжерокского озера, в 1 км к северо-востоку от с. Озерного, в 2002 г. Н.М. Воробьев обнаружил гранитную стелу размером 70×15 см (рис. 8, 5; 113, 1). Один из ее краев имеет овальную обивку; сечение подквадратное, в верхней части одной из граней отчетливо заметна линейная выбивка. В месте, где найдена стела, неоднократно велись мелиоративные работы (изменение русла ручья), поэтому первоначальное расположение каменного изваяния могло быть изменено. Предмет датируется началом I тыс. до н.э. и, возможно, является «оленным» камнем. Аналоги можно найти среди «оленных» камней I группы из Юстыдского комплекса [Бородовский, 2003а; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 51; Кубарев, 1979, с. 102, табл. IV].

Чултуков Лог-1д. Каменное изваяние обнаружено А.П. Бородовским в 2008 г. при исследовании

кургана 77 некрополя Чултуков Лог-1. «Олennyй» камень располагался с северо-западной стороны кургана, в заполнении могильной ямы (рис. 50, 1, 2; 113, 3). На одной из граней выбита горизонтальная полоска, имитирующая пояс воина. «Олennyй» камень аналогичен стеле с Манжерокского Озера-1 и оленным камням I группы из Юстыдского комплекса [Кубарев, 1979, с. 102, табл. IV]. Нахodka датирована эпохой раннего железа.

Бирюзовая Катунь-3. Каменное антропоморфное изваяние располагалось у поминальной оградки. Границы стелы обработаны по периметру; четко очерчен овал лица, глаза, рот, головной убор и левая рука, в которой находится сосуд (113, 4).

К западу от горной долины нижней Катуни, на территории Гилёвского водохранилища, найдено каменное изваяние тюркского времени [Кирюшин, Кирюшина, 2006].

1.14. БАЛБАЛЫ

Чултуков Лог-1д. Балбал обнаружил А.П. Бородовский в 2008 г. при исследовании кургана 77 некрополя Чултуков Лог-1. Располагался объект с северо-западной стороны кургана, рядом с «оленным» камнем. Балбал датирован эпохой раннего железа.

Чултуков Лог-2а. Два балбала найдены А.П. Бородовским в 2008 г. при исследовании кургана 1 некрополя Чултуков Лог-2 (рис. 51). Установлены балбала с юго-восточной стороны кургана параллельно друг другу. Объекты датированы эпохой раннего железа.

1.15. ПЕТРОГЛИФЫ

Наскальные знаки с р. Усть-Уба. Обнаружены летом 2006 г. выше рунической надписи (см. раздел 1.16) нанесено резное изображение (рис. 52, 1). По технике исполнения и степени патинизации оно сходно со знаками надписи [Кирюшин, Горбунов, Даньшин, 2007].

Теплый Ключ. Памятник расположен на участке впадения ключа в р. Усть-Уба, на отвесной скале.

Выявленные рисунки могут быть датированы эпохой палеометалла – средневековьем [Бородовский, Бородовская, 2005, с. 40].

1.16. ЭПИГРАФИКА

Руническая надпись с р. Усть-Уба. Летом 2006 г. К.Ю. Кирюшин в Алтайском районе Алтайского края, в 1,4 км выше слияния р. Усть-Уба с безымянным ручьем, обнаружил руническую надпись (рис. 52, 2). Надпись располагалась

на скальной поверхности (высота около 2,5 м), имеющей небольшой угол нависания. Камень представляет собой плотный окремненный известняк, не имеющих трещин и следов разрушения [Кирюшин, Горбунов, Даньши, 2007].

1.17. СТОРОЖЕВЫЕ ПУНКТЫ

Майма XXI. Памятник расположен примерно в 100 м к востоку от многослойного поселения Майма XII (рис. 12, 21; 18, A). С небольшой и ровной площадки скалы открывается обзор не только на лежащее внизу поселение, но и на значительное пространство к югу, западу и северо-западу по до-

лине Катуны. На удобном скальном возвышении мог находиться сторожевой пункт древних обитателей поселения Майма XII в мезолите, неолите и раннем железном веке [Киреев, 1992в; Суразаков, 1989; Абдулганеев, Тишкун, 1999, с. 102; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 41–42].

1.18. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МИКРОРАЙОНЫ ГОРНОЙ ДОЛИНЫ НИЖНЕЙ КАТУНИ

Микрорайонирование археологического наследия горной долины Нижней Катуны позволило не только дать характеристику структуры «культурного пространства» [Замятин, 2006, с. 16] в древности и средневековье, но и проследить динамику освоения этой территории на протяжении ряда продолжительных исторических периодов. Упорядоченность человеческой культуры – не просто статичное топографическое расположение рукотворных предметов, но и динамичная последовательность сегментированных, ограниченных во времени явлений, каждое из которых связано с определенной местностью в преобразованном человеком пространстве [Линч, 2001, с. 63].

На наш взгляд, группировка археологических памятников в археологические микрорайоны отражает их различное функциональное предназначение, что позволяет получить материалы для реконструкции формирования объектов, их связей и существования на протяжении определенного времени.

Микрорайоны правобережья. Многочисленные археологические памятники правобережья представлены пятью микрорайонами – Майминским, Соузгинским, Черемшанским, Манжерокским и Усть-Мунинским (рис. 97).

Майминский археологический микрорайон локализован на естественной природной границе гор и степи, в зоне интенсивной хозяйственной

деятельности. Он включает 21 археологический памятник: поселения Майма I, II, III, V, VIII, XII, XIII, XIV, XV, XVI, XVII, XVIII и XX, курганы Майма IV, VI, VII и XIX, грунтовый могильник Майма IV (рис. 6), стоянку Майма IX, местонахождения Майма X и XI, сторожевой пункт Майма XXI. Всего на территории микрорайона обнаружено более 120 курганов и грунтовых по-гребений, исследовано свыше 2,6 тыс. м² площади поселений различных эпох [Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 20–21].

Соузгинский археологический микрорайон находится к северо-востоку и востоку от с. Соузга (рис. 4, Б), по берегам р. Соузги и нескольких ручьев. В состав микрорайона входят следующие археологические памятники: курганы Соузга-1, Соузгинские валы, поселения Верх-Соузга и Соузга-2, Соузгинское местонахождение-1 и -2.

К этому микрорайону относятся также памятники у сел Рыбалка и Дубровка: могильник Дубровка-Карьер, местонахождения Дубровка и Страшной Лог, курганы Дубровка-1 и -2.

Черемшанский археологический микрорайон расположен на восточной окраине с. Черемшанки в долине одноименной реки (рис. 4, В). Микрорайон включает следующие памятники: городище Черемшанка, местонахождения Черемшанка-1 и -2, поселение Черемшанка-3, местонахождение на 113-м км Чуйского тракта.

Манжерокский археологический микрорайон выделен А.П. Бородовским [2002б, 2004; Бородовский, Бородовский, 2005; Бородовский, Бородовская, 2007] и локализован в окрестностях с. Манжерок (рис. 6). В его состав входят 24 памятника и несколько объектов (всего 41): курганные группы Чултуков Лог-1, 1в, 1г, -2, -3, -4 и -8, грунтовые могильники Чултуков Лог-1б, Манжерок-Карьер, Манжерок- 9, -11 и -12, сувак (оросительное сооружение) Чултуков Лог-1а, железоделательная печь Чултуков Лог-1г, балбал и «коленный» камень Чултуков Лог-1д, ритуальные кольца Чултуков Лог-1в и -3а, балбалы Чултуков Лог-2а, кольцевые выкладки Чултуков Лог-2б, поселения Чултуков Лог-9, Манжерок-4 и -5, Еловый Ключ-2, местонахождения Манжерок-6, Манжерокский Ключ и Еловый Ключ-1, курганы Манжерок-8 и Бурундуй-1, стоянки Манжерок-1 и -2, Едрала-1, -2, -3 и -4, городище Манжерок-3, стела и «коленные» камни Манжерок-10 и -11, Манжерокское Озеро-1, мастерская Еловый Ключ-3.

Усть-Мунинский археологический микрорайон выделен А.П. Бородовским [2004] и располагается в окрестностях сел Усть-Муны и Барангол (рис. 4, Д). Микрорайон включает следующие

памятники: место сборов каменных орудий Барангол, местонахождения Барангол, Мунушка-1 и 2, Муны-2 и -3, Усть-Муны-4, -5 и -6, Усть-Кутырга-1, стоянки Барангол и Усть-Мунушка-1, поселения Барангол-Карьер, Муны-1 и Усть-Муны-2, курганные могильники Барангол-1, -2, -4 и Усть-Муны-1, поминальник Барангол-3, ритуальная выкладка Барангол-1а, городище Барангол-5, пещера Васькин Лог-1, могильник Илбик, грунтовый могильник Усть-Муны-3.

Микрорайоны левобережья. Значительно меньшее (по сравнению с правобережьем) количество археологических памятников Катунского левобережья представлено тремя археологическими микрорайонами – Талдинским, Тавдинским и Усть-Семинским.

Талдинский археологический микрорайон находится в устье р. Тавдышка, в окрестностях бывшего с. Талда (рис. 5, А; 97). В состав микрорайона входят: курганы Талда, поселения Тавдышка-1 и -2, руническая надпись и наскальные знаки с реки Усть-Уба.

Естественные границы **Тавдинского археологического микрорайона** совпадают с левобережным участком Алтайского карстового района [Алтай..., 2005, с. 51]. Микрорайон включает следующие памятники (рис. 5, А; 97): пещеру Большая Талдинская (Тавдинская), грот Тавдинский, святилище в гроте Тавдинском, поселение у Бирюзовой Катуни, поминальные оградки Бирюзовая Катунь-1, -3 и -7, курган Бирюзовая Катунь-1 (бывш. одиночный курган Тавдышка-1), курган Тавдинские Пещеры-1, каменные изваяния у оградок Бирюзовая Катунь-3 и -7.

Усть-Семинский археологический микрорайон локализован в устье р. Сема, напротив одноименного села (рис. 5, В). В настоящее время микрорайон включает разновременные поселения Усть-Сема, Усть-Сема-1, -2 и -3.

К этому археологическому микрорайону можно отнести поселение Камышла-2 и поселение выше Камышлинского водопада, печи Камышлинский Водопад, производственную площадку Камышла-1.

Таким образом, расположение археологических памятников на любой территории отражает процесс ее освоения в различные исторические эпохи. Метод археологического микрорайонирования позволяет наиболее полно выявить закономерности использования пространства в древности.

В последнее время при изучении археологического наследия Горного Алтая данный метод используется довольно часто [Бородовский, 2004; Тиштин, Горбунов и др., 2004, с. 93]. При выде-

лении археологических микрорайонов наметились два основных подхода.

1. Археологические микрорайоны могут охватывать достаточно широкую территорию (до нескольких километров) [Матющенко, 1994, с. 64–66].

2. Археологический микрорайон – локальное территориальное образование, сформированное в течение длительного исторического периода на ограниченной территории [Молодин, Бородовский, Троицкая, 1996, с. 14–15; Киреев, 1988а; Бородовский, 2002б, 2004 и др.].

По нашему мнению, узкие территориальные рамки археологического микрорайона совпадают с естественными границами урочищ, возвышенностей, отдельных участков горной долины и т.д. Таким образом, археологический микрорайон – это территория, на которой в непосредственной близости расположено значительное количество разнотипных, разновременных и разнокультурных археологических памятников, объектов и случайных находок.

Для горной долины нижней Катуны (рис. 2) второй подход более приемлем, т.к. вся ее территория (особенно правобережье) подразделяется на ряд замкнутых пространств, ограниченных скальными прижимами (бомами). Например, в начале 1920-х гг. по большой воде скальный прижим у Чултукова лога по Катуни летом был непроходим [Сапожников, 1912, с. 33]. На Барангольском прижиме до начала 1920-х гг. случались падения лошадей с грузом при продвижении по горной тропе в направлении с. Усть-Сема. Эти данные свидетельствуют о естественных преградах между жилыми районами горной долины нижней Катуны,

а также о естественных границах между археологическими микрорайонами [Бородовский, 2004, с. 20–21].

Следует подчеркнуть, до прокладки Чемальского тракта в 1930-е гг. горная долина нижней Катуны была не на всех участках пригодна для проезда. Маршруты научных экспедиций и поисковых партий конца XVIII–XIX – начала XX в. шли по левобережью или, проходя по правому берегу, сильно отклонялись от Катунской долины в горы. Кроме того, вплоть до настоящего времени расстояние между различными населенными пунктами (Соузга – Муны – Горно-Алтайск) по горам значительно короче, чем по извилистой речной долине.

В целом, в горной долине нижней Катуны на сегодняшний день известно 139 археологических памятников. Большинство из них относится к эпохе металла. Среди них 17 случайных находок, 2 пещеры, грот, 11 местонахождений, 3 стоянки, 27 поселений, сторожевой пункт, 23 курганных могильника, 7 грунтовых могильников, 9 поминальников и культовых комплексов, 4 городища, 4 производственных площадки, оросительное сооружение, 3 балбала, 3 каменных изваяния, наскальное изображение и руническая надпись.

Все выявленные типы археологических памятников в горной долине нижней Катуны в полной мере отражают своеобразие археологического наследия Горного Алтая. Сводная картография памятников на территории определенного района позволяет перейти к культурно-хронологическим характеристикам, поскольку каждая карта является метафорой времени и культуры [Линч, 2001, с. 62–63].

Г л а в а 2

КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ МЕТАЛЛА ГОРНОЙ ДОЛИНЫ НИЖНЕЙ КАТУНИ

В эпоху металла на территории горной долины нижней Катуни происходили активные миграционные процессы, формировались основы хозяйственной, жилой и погребальной «инфраструктуры» региона. В связи с этим культурно-

хронологическая характеристика археологических памятников данного времени имеет особое значение для реконструкции исторической динамики освоения исследуемой территории и использования природных ресурсов Северного Алтая.

2.1. ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ

В эпоху бронзы началось использование металла (меди и ее различных сплавов с оловом) как основного материала для изготовления украшений, оружия и орудий. В Сибири этот процесс происходил в конце IV – начале I тыс. до н.э. На территории горной долины нижней Катуни отчетливо прослежено присутствие афанасьевской и ирменской археологических культур (рис. 121).

Афанасьевская культура является культурой эпохи ранней бронзы. Афанасьевцы появились в горах Алтая в конце IV тыс. до н.э. По мнению некоторых исследователей, их культура сформировалась в районах нижнего Поволжья, а затем распространилась по степной полосе с запада на восток.

Хозяйство афанасьевцев было преимущественно скотоводческим. Однако они умели добывать и обрабатывать медь, что отличало их экономический и культурный потенциал от соседствующих охотниче-рыболовецких племен Горного Алтая.

Афанасьевцы обитали в Горном Алтае на протяжении всего III тыс. до н.э. В основном они занимали южные остепненные районы, где наиболее удобно разводить скот. Оттуда носители афанасьевской культуры проникли даже в западную Монголию. Территорию северо-западного Алтая афанасьевцы освоили в самом конце III тыс. до н.э. Тогда часть скотоводческих племен, постепенно двигаясь на север, стала жить в более влажной и залесенной части Алтайских гор. На этих землях афанасьевцы основали первые пастушки стоянки иозвели величественные родо-

вые усыпальницы – каменные курганы. Именно после афанасьевцев на Алтае получил широкое распространение данный тип археологических памятников. На протяжении достаточного длительного периода исследователи не рассматривали горную долину нижней Катуни как территорию распространения афанасьевской культуры [Баженов, Бородаев, Малолетко, 2002, с. 57, рис. 19]. В этом районе случайно находили афанасьевские предметы [Абдулганеев, Кирюшин и др., 1982, с. 52–77]. Единичные археологические комплексы эпохи энеолита исследовались на северном участке горной долины средней Катуни [Ларин, 1988; Шульга, 1996]. Среди находок эпохи энеолита необходимо упомянуть каменный афанасьевский пест (Дубровка) и каменный алтарь (Муны-2) (рис. 7, 1) [Абдулганеев, Кирюшин, Кадиков, 1982, с. 57, 62, рис. 3/10].

С начала 1990-х гг. выявлен целый ряд афанасьевских погребальных и поселенческих памятников между селами Манжерок и Чемал [Бородовский, 1994, 2001в, 2002а, б, 2006; Borodovsky, 1995, р. 269–301]. На территории городища Манжерок-3 найдены единичные образцы афанасьевской керамики [Бородовский, 2006]. Некоторые фрагменты керамики декорированы аналогично афанасьевской посуде из Денисовой пещеры [Деревянко, Молодин, 1994, с. 88, рис. 79, 1, 3, 4].

В горной долине нижней Катуни известны 3 поселения афанасьевского времени – Манжерок-5 и -7, Муны-1. Поселение Манжерок-5 находится недалеко от Манжерокских порогов, в пределах территории села [Бородовский, Ойношев и др.,

2005, с. 31]. При строительстве фундаментов домов выявлен культурный поселенческий слой эпохи раннего металла (афанасьевская культура) и каменные орудия афанасьевского времени (рис. 22, 10, 11). Каменный нож (рис. 22, 5) имеет аналогии среди изделий из афанасьевского слоя летнего поселения Муны-1 [Borodovsky, 1995, р. 301, fig. 19, 9]. Афанасьевская зона обитания на поселении Манжерок-5 фиксируется в основном напротив камней Манжерокских порогов, что не исключает сакральное значение данной площадки [Бородовский, 2006].

Напротив городища Манжерок-3, где выявлены единичные фрагменты афанасьевской керамики, находится сезонное поселение Манжерок-7. Оно расположено на правом берегу р. Манжерочки, в ее предустьевой долине. Здесь неоднократно находили фрагменты афанасьевской керамики с гребенчатым орнаментом. Рельефных признаков памятник не имеет, являясь летним поселением, как Муны-1 вверх по течению Катуни [Бородовский, 2001в].

Все эти памятники маркируют северную границу распространения афанасьевской культуры на Горном Алтае по долине Катуни [Бородовский, 2001в].

Курганных групп эпохи энеолита в горной долине нижней Катуни пока выявлено мало. На каменной насыпи одного из курганов памятника Чултуков Лог-3 обнаружен жезл из галечника. Он аналогичен находкам из афанасьевского погребения кургана Чепош-3 и насыпи ограды 5 могильника Сальдря-1 [Ларин, 2005, с. 52, рис. 17, 1]. Каменные жезлы афанасьевского времени есть в материалах с поселения Муны-1 (рис. 24, 3) [Borodovsky, 1995, р. 300, fig. 18, 3].

Возможно, разрушенными афанасьевскими курганами являются могильники Илбик и Усть-Муны-3. Могильник Илбик располагался у южного края одноименного «притора» (бома) на высокой Катунской террасе. По рассказам местных жителей, погребенный покоялся в скорченном положении [Бородовский, 2001в; Бородовский, Ойношев и др., 2005, с. 35].

Точное расположение могильника Усть-Муны-3 не известно. В 1930-е гг. около д. Усть-Муны, к югу, не доходя 0,5 км до длинного бома, на трассе, в могиле найден чашевидный глиняный сосуд с тонкими стенками, орнаментированный пятью рядами продолговатых точек. Сосуд имел выступ в центре и сквозные круглые отверстия сбоку; диаметр по верхнему краю 14,5 см, высота 7,4 см (рис. 9, 2). Сосуд был вкопан на глубину 1 м около стенки могилы в ногах погребенного, который об-

ложен камнями в песчаном грунте. Сосуд числился в инвентарной книге (№ 56 5/26) краеведческого музея им. А. Анохина (г. Горно-Алтайск). В книге существует еще одно описание находки, возможно, того же сосуда (форма, орнаментация, детали отделки и размеры совпадают). Он найден на р. Муны алтайцами-старожилами на глубине 1 м (экспонат № 207 2/7). Керамический сосуд является афанасьевской курильницей и датируется III–II тыс. до н.э. [Абдулганеев, Кирюшин и др., 1982; Бородовский, Ойношев и др., 2005, с. 34].

При обследовании русла одного из южных рукавов сувака Чултуков Лог-1а, перекрытого несколькими курганами скифского времени, обнаружено сланцевое тесло, аналогичное изделию из позднеафанасьевского могильника Агафонов Лог-1 Верхнеануйского бассейна [Деревянко, Молодин и др., 1987, с. 47–48].

На основании широких аналогий погребальных конструкций и предметного комплекса афанасьевских захоронений горной долины нижней Катуни можно предположить эпизодичность проникновения сюда представителей различных групп афанасьевского населения либо его разнообразный состав.

Археологические свидетельства, связанные с эпохой развитой бронзы на территории горной долины нижней Катуни, единичны. Интересна случайная находка бронзового сейминско-турбинского копья с Соузгинского местонахождения-1. Наконечник копья имеет вильчатый стержень пера, пламевидную форму (рис. 9, 3), общую длину 16,6 см, длину пера 10,6 см, длину втулки 6 см, ширину пера 4 см. На втулке копья есть сквозное отверстие (видимо, для крепления к древку) и два рельефных валика. Предмет датируется XVI–XIV вв. до н.э. [Кочев, 1997, с. 171–173; Бородовский, Ойношев и др., 2005, с. 27; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 60]. Копья подобного типа часто встречаются в Евразии на памятниках сейминско-турбинского типа (Сейминский и Турбинский могильники в Прикамье и Поволжье; могильник Ростовка в Западной Сибири), есть в Омском кладе и среди случайных находок из различных районов Омского Прииртыша [Кирюшин, 2002, с. 66].

Памятники горной долины нижней Катуни эпохи поздней бронзы представлены случайными находками и несколькими поселениями.

Бронзовый нож с аркообразным окончанием – находка из окрестностей с. Майма. Изделие датировано эпохой поздней бронзы (VIII в. до н.э.) (рис. 9, 4) [Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 107, рис. 52, 1].

Бронзовый пластинчатый нож с рельефной ручкой, имитирующей кожаную обмотку, обнаружен в окрестностях аэропорта (VIII – первая половина VII в. до н.э.) (рис. 9, 5) [Кудрявцев, 1989, с. 55; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 107, рис. 52, 2].

На поселении Майма XII (рис. 12, 12) на всей территории раскопов, но особенно в южном секторе, С.М. Киреев выявил материалы эпохи поздней бронзы (ирменская культура), включая керамику, каменные изделия и кости животных. Найдены два бронзовых шила (рис. 18, Б, 6, 7) и 12 керамических фишек (рис. 18, Б, 8, 9). Одна из фишек изготовлена из стенки сосуда с типично ирменским орнаментом (резные заштрихованные треугольники) [Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 102, рис. 45, 6–9]. В южной части поселения раскопано ирменское жилище со столбовой конструкцией стен и входом, обращенным на восток. В нем зафиксировано 16 столбовых ям, забутованных рваным камнем, а также 2 круглых очага, выложенных из округлых валунов: один – у входа, другой – в самом жилище. В жилище найдено 5 каменных выкладок неизвестного назначения и 5 хозяйственных ям, в одной из которых собран развал сосуда. В различных местах постройки обнаружено 4 развала керамических сосудов, а также большое количество фрагментов керамики (рис. 18, Б, 1–5) и глиняное пряслице. Из каменных орудий следует отметить тесло, отбойники, песты-терочники (рис. 18, Б, 10, 11), оселок с отверстием для подвешивания и следами обработки, плоский крупный камень, возможно, служивший зернотеркой.

Керамику поздней бронзы с поселения Майма XII можно разделить на две группы. Сосуды первой группы имеют небольшие размеры, круглодонные и плоскодонные. По форме они являются хорошо профицированными горшочками с отогнутым венчиком. Декорированы сосуды резным орнаментом (рис. 18, Б, 1–5). В декоре преобладают заштрихованные треугольники, резной зигзаг и небольшие насечки. Мелкие сосуды не орнаментированы.

Сосуды второй группы большего размера, по форме – горшки и банки. Украшены изделия довольно небрежно, но орнаментальные приемы разнообразны: жемчужник, насечки, резные линии, ямки и их сочетания, образующие зигзаг, елочку, сетку и пр. Такая керамика относится к ирменскому и позднеирменскому этапам (IX–VIII вв. до н.э.) [Киреев, Кудрявцева, Полосина, 1994; Киреев, Эбель и др., 2002; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 35–36, 102, рис. 45].

Материалы ирменской культуры также представлены на поселениях Майма III и XV [Киреев, Кудрявцева, Полосина и др., 1993, с. 159–160; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 37]. Единичные находки ирменской керамики, сделанные на разновременном многослойном поселении Муны-1, позволяют рассматривать этот комплекс как один из пунктов южной границы ирменской культуры [Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 56–57].

Археологическим памятником, относящимся к концу поздней бронзы – началу раннего железного века, возможно, является поселение Долина Свободы-1. Здесь обнаружены 3 круглые жилищные западины диаметром 6–8 м [Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 12–13].

2.2. ПАМЯТНИКИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

На Северном Алтае в скифское время происходило активное перемещение различных групп населения: с севера из лесостепи в горы, с юга из гор в степь, с запада на восток из степи в горы. Это привело к существованию здесь нескольких археологических культур: быстрянской (VI–II вв. до н.э.) (рис. 122), северо-пазырьской (V–II вв. до н.э.) и кара-кобинской (V–II вв. до н.э.) (рис. 123). В горной долине нижней Катуни количество и разнообразие археологических памятников эпохи раннего железа наиболее велико (рис. 99).

Среди случайных находок, датированных ранним железным веком, сосуд из Дубровки (рис. 8, 4), изваяние с Манжерокского Озера (рис. 8, 5),

бронзовый наконечник с сохранившимся у острия неудаленным литником из карьера около с. Дубровка (рис. 8, 2), железный трехлопастной наконечник стрелы с памятника Манжерок-6, бронзовый поясной крючок со щитком скифского времени со старого майминского аэродрома.

Бронзовый кинжал из Маймы относится к изделиям типа скифских акинаков с зооморфным навершием (рис. 8, 1). Кинжал литой. Навершие выполнено в виде стилизованных объемных головок грифонов, обращенных друг к другу, без характерных клювов, с круглыми сквозными отверстиями. Рукоять прямая, рубчатая, с параллельными продольными бороздками. Перекрестье кинжала бабочковидное. Клинок ромбовидный в сечении,

с хорошо выраженным ребром жесткости. Предварительно кинжал можно датировать V–IV вв. до н.э. Аналоги – кинжалы из Кумуртука и Тыткескеня [Кочеев, 2005, с. 92, 93, рис. 1].

На местонахождении СПТУ собраны фрагменты керамики примерно от восьми сосудов: венчики, орнаментированные стенки, придонные

части. По форме сосуды представляли собой банки и слабофирированные горшки с ямочным орнаментом (рис. 8, 3). Ямки декора круглой, подтреугольной и овальной формы. Местонахождение датировано концом I тыс. до н.э. [Киреев, Кудрявцева, Полосина и др., 1993, с. 162; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 42].

Быстрынская культура

В начале 1990-х гг. по археологическим материалам из северных предгорий Алтая была выделена быстрынская культура (VI–II вв. до н.э.) [Киреев, 1992а, с. 39–47; 1992б, с. 54–58; 1994а]. Ареал памятников этой культуры включал на тот период междуречье Бии и Катуни, Бии и Чумыша, левобережье Катуни в ее низовьях [Абдулганеев, Кунгурев, 1996, с. 143–155]. К настоящему времени памятники быстрынской культуры горной долины нижней Катуны представлены местонахождением Майма V, поселениями Майма I, II, III, VIII, XII, XV и XVIII, курганными группами Майма VI, VII и XIX, сторожевым пунктом Майма XXI.

Памятник *Майма V* располагался на южной оконечности высокой Катунской террасы (Куйбышевский прилавок) (рис. 12, 5). Местонахождение обнаружено в 1989 г. С.М. Киреевым на распаханном участке. Здесь найден каменный инвентарь – пест со следами обработки, нуклеус, пластины и отщепы, а также кости животных и фрагменты керамики (примерно от четырех баночных сосудов, орнаментированных ямками, поясом жемчужника с оттисками подтреугольных наколов). В 1989 г. памятник полностью уничтожен при разработке карьера [Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 30].

Материалы быстрынской культуры раннего железного века найдены на поселениях Майминского археологического микрорайона – Майма I, II, III, VIII, XII, XV и XVIII. Их культурно-хронологическую принадлежность определяли в основном по керамике.

Многослойное поселение *Майма I* открытого типа находится на аллювиальной террасе правобережья Катуны, в 3 км к северу от одноименного села (рис. 12, 1). Памятник подвергся сильному разрушению в ходе хозяйственных работ и строительства дороги. Поселение открыто в 1956 г. Б.Х. Кадиковым, а в середине 1970-х гг. осматривалось А.П. Окладниковым и С.С. Зяблицким. В 1970–1990-е гг. здесь неоднократно проводили исследования Б.Х. Кадиков, А.С. Суразаков, С.М. Киреев и М.Т. Абдулганеев (всего вскрыто

988 м²). Значительная часть материалов датируется ранним железным веком. Здесь обнаружены, помимо быстрынской керамики (рис. 15, Б, 10–14), изделия из кости, рога и глины, в т.ч. наконечники и прядица (рис. 86, 1–18) [Киреев, 1986а, б, 1987, 1988а, б, 1995б; Киреев, Баженов и др., 1988; Киреев, Алексина и др., 1994; Абдулганеев, 1992а, б, 1998; Соёнов, 2003, с. 7, 25–26; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 21–23, 91 (рис. 33), 92 (рис. 34)].

В 1978 г. А.С. Суразаков на месте разрушенного жилища поселения *Майма II* собрал серию фрагментов керамики (рис. 16, 5–8), относящихся к сосудам баночной формы, горшкам и чашам, орнаментированным «жемчужником», вдавлениями различной формы, оттиском угла лопаточки, рассеченными налепными валиками [Суразаков, 1982, с. 133; Киреев, 1987, 1988б; Абдулганеев, Владимиров, 1997, с. 147; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 23–25, 93 (рис. 35)].

На памятнике *Майма III* (площадь 1,5 тыс. м²) (рис. 12, 3; 17, Б, 5–9) выявлены 3 жилища быстрынской культуры середины VI–II вв. до н.э. Равновременное многослойное поселение расположено в 5,5 км к северу от с. Майма, частично разрушено проселочной дорогой. Памятник открыт С.М. Киреевым в 1984 г. и исследовался им с середины 1980-х гг. [Киреев, 1988б, 1992; Киреев, Алексина и др., 1994; Киреев, Булычев, 1990; Киреев, Кудрявцева, Полосина, 1994; Киреев, Кунгурева, 1997; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 25–28, 94 (рис. 36), 95 (рис. 37), 96 (рис. 38)].

Памятник *Майма VIII* расположен на склоне горы Большой Камень, на правом берегу ручья, в 6,5 км к северу от с. Майма (рис. 12, 8). Поселение открыто в 1984 г. С.М. Киреевым. В 1984–1985 и 1988 гг. здесь проводились сборы подъемного материала. Большая часть памятника разрушена тропами для прогона скота, оползнями и разливами. На одном из сохранившихся участков видны 3 западины округлой в плане формы (диаметр 5,5–6 м). Фрагменты керамики включают 34 венчика сосудов и несколько сотен неорнаментированных черепков. Сосуды были плоскодонными,

баночного типа, но встречаются и кувшинчики. Орнамент – ямочные вдавления округлой, овальной и подпрямоугольной формы, «жемчужник», сочетание ямок и «жемчужника», разные линии. Часть венчиков не орнаментирована. Найдены 4 обломка сосуда с налепным рассеченым валиком [Киреев, 1988а, с. 167; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 33–34].

Поселение *Майма XV* открыто С.М. Киреевым в 1987 г. в 3,8 км к северу от с. Майма, в пойме Катуни, у подножия террасы (рис. 12, 15). Южнее (в 0,3 м) находится поселение Майма XII, возможно, составляющее единый поселенческий комплекс с памятником Майма XV [Киреев, Кудрявцева, Полосина и др., 1993, с. 159–160; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 37].

Памятник эпохи раннего железа *Майма XVI* (рис. 12, 16) выявлен П.И. Шульгой и С.М. Киреевым в 1988 г. в 5,3 км к северу-северо-востоку от с. Майма, на пологом и распаханном склоне горы [Киреев, Кудрявцева, Полосина и др., 1993, с. 160; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 35–36].

Разновременное поселение *Майма XII* расположено на 3 км к северу от с. Майма, в пойме Катуни, на правом берегу, около высохшей старицы, существовавшей в 1970-е гг. (в древности – один из рукавов реки) (рис. 12, 12). Памятник открыт С.М. Киреевым и О.М. Нуянзиновым в 1986 г. Площадь поселения составляет около 3 га. Она почти вся распахана. Многие годы здесь располагался полевой стан, а на северном участке в 1980-е гг. построили лагерь труда и отдыха. В 1990–1991 гг. проведены разведочные раскопки в южной части поселения. К эпохе раннего железа относятся фрагменты быстрыянской керамики. В основном это сосуды баночной формы, орнаментированные одним или двумя ряда «жемчужника» в сочетании с оттиском угла лопаточки, ямками различной формы и размеров, налепными рассечеными валиками [Киреев, Кудрявцева, Полосина, 1994, с. 88–91; Киреев, Эбель и др., 2002, с. 49–51; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 35–36, 101 (рис. 44), 102 (рис. 45)].

Разновременное поселение *Майма XVIII* обнаружено в 5,3 км к северу от с. Майма, на окраине мыса высокой Катунской террасы, сложенной из галечника (рис. 12, 18). Памятник открыт С.М. Киреевым в 1986 г. Площадь поселения составила 1,5 тыс. м². На территории располагались 3 земляночных западины (диаметр до 4,5 м, глубина до 12 см). В 1990 г. котлованы двух жилищ из трех были уничтожены траншеями открытого карьера. В результате работ 1992–1993 гг. на поселении выявлены комплексы эпохи раннего железа.

Большую часть находок составляют фрагменты глиняных сосудов ручной лепки. Все сосуды плоскодонные. По форме большинство из них относились к банкам различного размера. Орнаментация бедная, часто выполнена грубо и небрежно. Наиболее распространенным является орнамент из ямочных вдавлений округлой, подтреугольной, овальной и многофигурной формы. Ямочный декор часто встречается в сочетании с «жемчужником». Встречены обломки двух крупных толстостенных сосудов хорошего обжига с налепными рассечеными валиками, а также обломки небольших слабообожженных сосудов черного цвета с крупными примесями в тесте. Венчик закруглен, орнаментация в виде пояса из неглубоких округлых ямок и наклонных оттисков крупнозубого гребенчатого штампа. Еще на поселении найдена фишка, часть глиняного пряслица, орнаментированного резным солярным орнаментом, два обломка литейной формы (в ней, по всей вероятности, был отлит кельт) [Киреев, Кудрявцева, Полосина и др., 1993; Киреев, Алексина, 1994; Киреев, Алексина и др., 1994; Киреев, Кудрявцева, Полосина, 1994; Киреев, Эбель и др., 2002; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 38–39, 103 (рис. 47), 104 (рис. 48)].

На памятнике *Манжерок-5*, расположенном напротив Манжерокских порогов, культурный слой эпохи раннего железа представлен материалами быстрыянской культуры (рис. 23). Поселение синхронно существованию курганной группы Чултуков Лог-1 [Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 48].

Среди курганных групп Майминского комплекса к быстрыянской культуре относятся памятники Майма VI, VII и XIX (рис. 12, 6, 7, 19, 21).

Из шестнадцати исследованных курганов группы *Майма VI* (рис. 12, 6; 30) ограблены пятнадцать. В кургане 11 погребенный лежал головой на запад, на правом боку, со слегка согнутыми ногами, руки – вдоль туловища. В насыпях ряда курганов встречены обломки керамики хорошего обжига, без орнамента, с налепным рассеченным валиком и неглубокими ямками. В насыпи кургана 3 найден крупный баночный сосуд, орнаментированный под венчиком рядом «жемчужника» и двумя неполными рядами оттиска угла лопаточки. По одному сосуду встречено в одиннадцати погребениях. Среди других находок 2 железных однолезвийных пластинчатых ножа, бронзовая пуговица, 2 костилька, миниатюрный бронзовый чекан, колчанный крючок и застежка для колчана. Украшения представлены бронзовой и железной бляшками для головных уборов, двумя серебря-

ными серьгами, обломками бронзовой гривны, железными шпильками. По характеру погребального обряда и инвентарю могильник Майма VI отнесен к IV–III вв. до н.э. [Киреев, 1991а, в; 1992б, в; Киреев, Алексина и др., 1994].

Курганская группа *Майма VII* (рис. 12, 7) включала 150 курганов с каменными, каменно-земляными и земляными насыпями. У большинства каменных и каменно-земляных курганов по периметру насыпи были выложены кольца из крупных рваных камней. В насыпях и под ними часто встречались фрагменты сосудов хорошего обжига, кости животных и угли. Могильные ямы имели подпрямоугольную форму со скругленными углами. Ориентированы они были с запада на восток или с отклонениями к северо-западу. Подавляющее большинство могил ограблено. Погребенные покоялись на спине, с вытянутыми ногами или на правом боку, черепом в западном направлении, со слегка согнутыми ногами. В двух погребениях обнаружены сопроводительные захоронения лошади. Скелет животного располагался вдоль южной стенки ямы, на специально подсыпанном уступе (высота 0,2 м). Лошадь лежала на правом боку, с поджатыми ногами, черепом на запад. Среди сопроводительного инвентаря есть керамика, предметы вооружения, украшения, детали одежды, ножи, предметы лошадиной сбруи.

Всего в погребениях обнаружено 38 глиняных сосудов. По форме керамика подразделяется на кувшины, горшки и банки; встречена одна чаша. Обычно в ямах стояло по одному сосуду, реже – по 2–3. В некоторых погребениях керамика отсутствовала или попадались лишь ее разрозненные фрагменты. Кувшины орнаментированы двумя-четырьмя горизонтальными рассеченными и гладкими валиками. Банки и горшки имеют жемчужный орнамент, иногда в сочетании с наколами, насечками и оттисками угла лопаточки. Встречен декор в виде резной сетки. Один горшок имеет налепные ушки с отверстием. Часть сосудов не орнаментирована.

Среди предметов вооружения 14 наконечников стрел: 10 роговых, 2 бронзовых, 2 железных. Украшения представлены стеклянными и сердоликовыми бусами, двумя бронзовыми котловидными подвесками, одной целой бронзовой гривной и обломком другого подобного изделия, поясной бронзовой бляхой с изображением тигра, грызущего голову барабана. Из элементов конской сбруи стоит отметить железные двусоставные шарнирные удила, роговую подвеску и костяную пронизь. К уникальным образцам скифского звериного сти-

ля относится выполненное из рога украшение узды, изображающей оскаленную голову барса. Курганская группа датируется V–II вв. до н.э. [Киреев, 1988а, б; 1992б, с. 50–53; 1992в; Киреев, Алексина и др., 1994; Киреев, Чевалков, 2005; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 31–33].

Курганы памятника *Майма XIX* (рис. 12, 19; 31) расположены двумя группами (микроцепочками) по 3 кургана. Насыпи всех курганов в каждой цепочке примыкали друг к другу и имели одинаковые конструкции. В центре каждой группы находился курган большего размера, чем соседние. Насыпи (диаметр 8,0–14,5 м) были сложены из крупных рваных валунов, часто установленных вертикально или наклонно. В камнях некоторых курганов найдены кости животных, фрагменты керамики и даже сосудик-кубок (полностью восстановлен). Овальные или подпрямоугольные ямы были ориентированы по линии восток – запад (с небольшими отклонениями). Глубина могил от 1,51 до 2,65 м от высшей точки каждого кургана. Все могилы ограблены. Погребенные покоялись головой на запад. В шести погребениях найдены сопроводительные захоронения лошадей, уложенных на живот вдоль южной стенки могилы или на правый бок, черепами на запад. В двух могилах обнаружены кости овцы. Следует отметить разнообразие керамики (кувшины, банки, горшки), орнаментированной налепными рассеченными валиками, зигзагом из прочерченных линий, «жемчужником» в сочетании с оттиском угла лопаточки. К числу редких находок относится глиняное пряслище с солярным орнаментом [Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 106, рис. 50, 4], бронзовый вток, железный пластинчатый нож, обломок куранта и фрагмент предмета из рога (интерпретирован как рукоять плети), декорированного изображением головы волка (рис. 31, 8). Выявлено большое количество предметов из кости и рога: бляшки-пронизки, крестообразная бляшка, седельные пряжки и др. Бронзовые изделия включают детали узды (бляхи-щитки, бляха для перекрещивающихся ремней, круглые массивные бляхи, бляхи-пронизки для крепления и украшения уздечных ремней, пспалии), литейную рельефную бляху с изображением кулана, стоящего на выпуклом диске, а также колокольчики, бронзовую шарнирную подвеску (растительный стиль).

Курганская группа Майма XIX датирована VI – серединой V в. до н.э. и отнесена к первому этапу быстрынской культуры [Киреев, 1992а, с. 43–46; 1992б, с. 50–53; 1992в; Киреев, Кудрявцева, Полосина и др., 1993; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 39–41].

Среди курганных групп горной долины нижней Катуны к быстрянской культуре относятся и погребения некрополя **Чултуков Лог-1**. Эти курганы (№ 3, 4, 13, 53, 54, 55, 74) рассредоточены по всей территории некрополя. Они не составляли длинных цепочек. Чаще всего это были одиночные надмогильные конструкции (кург. 13) или 2–3 соседних кургана (№ 3, 4, 53–55) преимущественно на юго-восточном краю погребального поля. Все погребенные были уложены на спину и ориентированы головой на север, север-северо-запад. Приведем несколько описаний мужских, женских и детских захоронений быстрянской культуры.

Курганы 3 и 4 расположены рядом и ориентированы по линии восток – запад (рис. 34). Центральная часть кургана 4 (размеры 1×2 м) была слабо задернована. Обращала на себя внимание мощная (до 20–25 см) задернованность его крепиды. В центральной части кургана располагался крупный камень (0,2×0,5×0,8 м). За пределами крепиды выявлены разрозненные камни различного размера. Особенно много грубообломочных камней средней величиной до 0,5 м оказалось на глубине около 0,7 м в северной части погребения (над головой погребенного). Крупные камни лежали и на скелете. По периметру могила была выложена разновеликими плитами. Погребенной мужчина покоялся вытянуто на спине, головой на север-северо-запад (рис. 78, А). Прослежены следы деревянной конструкции (тлен). За головой погребенного найдены бараньи кости, над которыми лежал бронзовый нож с каплевидным отверстием (рис. 78, 9). По левую сторону от черепа обнаружена сережка, состоящая из серебряной цепочки и подвески – зеленой бусины (рис. 78, 1). Над подбородком располагалась серебряная гривна в виде толстой проволоки (рис. 78, 2). В районе груди выявлена плохо сохранившаяся речная ракушка. Такие же ракушки найдены возле костей таза и правого колена. Около левой кисти зафиксирована двухлопастная стилизованная поясная бронзовая пряжка, рядом с ней – изделие из бронзы (напоминает пуговицу) (рис. 78, 6). У пояса погребенного найден массивный бронзовый крюк: отсутствие отверстия в нем говорит о том, что, возможно, это застежка (рис. 78, 8). Около левого колена обнаружены 3 костяных наконечника стрел, один из которых имеет треугольное сечение. Все наконечники черешковые, небольшого размера (примерно 4 см) (рис. 78, 3–5).

Курган 3 находился в глубине Катунской террасы (рис. 34). Под дерном достаточно крупные грубообломочные камни были уложены в 2–3 ряда, что обусловило рельефность каменной надмогиль-

ной конструкции. В центральной части кургана располагалась могильная яма, вытянутая по линии север – юг. Диаметр крепиды составил 3,5 м. Стенки могильной ямы тоже были обложены крупными грубообломочными камнями. Высота обкладки доходила до половины глубины могилы (около 0,6–0,7 м). Несколько массивных камней располагалось у северного края могилы, за пределами обкладки. Скелет женщины зафиксирован в вытянутом положении, на спине, головой на север (рис. 77, А). От деревянных плит внутримогильной конструкции вдоль длинных стенок ямы сохранился тлен. Длина плаха составляла 1,5–1,7 м, ширина 0,10–0,15 м. Край плахи у западной стенки могилы размещался под каменной кладкой. В изголовье погребенной найдены остатки жертвенной пищи (курдючные кости барана), среди которых лежал пластинчатый бронзовый нож (рис. 77, 1). Над черепом погребенной, под массивным камнем обкладки, зафиксировано несколько маленьких серебряных полусферических нашивок и 2 железных стержня (рис. 77, 2, 9). Эти предметы, вероятно, были частью головного убора. Около правого плеча погребенной выявлен развал керамического сосуда с петлевидными налепами (рис. 77, 11). Возле височных костей обнаружены 2 бронзовые проволочные серьги (рис. 77, 3, 4), а у шеи – ожерелье из нескольких синих округлых и двух вытянутых граненых бусин из горного хрусталя (рис. 77, 5–8). Бронзовый пластинчатый нож из этого погребения является датирующим и относится к IV–III вв. до н.э.

Курган 74 располагался между курганами 67 и 73. До раскопок он не имел внешних рельефных признаков. Диаметр кургана составлял 2,5 м. Каменная конструкция была сооружена из грубообломочных камней небольшого и среднего размера. В центральной части каменной насыпи не было грубообломочного материала, а рядом находилась выкладка в виде «ежика». Такие конструкции есть среди надмогильных сооружений пазырыкской культуры северо-запада и юго-запада горного Алтая (Берельский некрополь). На юго-западе каменной конструкции кургана 74, между курганами 71 и 73, обнаружен массивный монолит, вероятно, попавший сюда вследствие древней сейсмоактивности.

Погребение располагалось в центре каменной конструкции кургана. Заполнение могильной ямы включало желтый песок и мешаный чернозем. Могила имела подпрямоугольные-овальные очертания и была вытянута длинной осью по линии север-северо-запад – юг-юго-восток. С юго-восточной стороны могильной ямы, на глубине

0,55 м, в ногах погребенной обнаружен мощный прокал. На глубине 1,1 м располагались приступки (ширина до 0,15 м, высота от дна могилы 0,1 м), на которые опиралась деревянная конструкция в виде рамы из плах. Внешние размеры конструкции $2,02 \times 0,7$ м, внутренние – $1,92 \times 0,57$ м.

На дне могильной ямы, в вытянутом положении, головой на северо-запад располагался скелет взрослой женщины. Над ее головой лежал массивный камень. Еще один такой камень найден на тазовых костях. Справа от погребенной, в изголовье, обнаружены остатки жертвенной пищи (кости курдюка барана) и массивный бронзовый нож с овальным острием и петельчатым окончанием. Справа от головы лежала удлиненная цилиндрическая зеленоватая бусина, в районе шеи – 5 бусин, а под черепом – крест-накрест 2 железные заколки.

Среди быстрянских погребений встречаются захоронения в ящиках. К ним относятся курганы 53, 54 и 55.

Курган 53 располагался к северо-востоку от кургана 52. Каменная насыпь, сложенная преимущественно из средних и небольших грубообломочных камней, соприкасалась с насыпями курганов 52, 54 и 55. Под насыпью располагалась кольцевая крепида из массивных блоков. Сверху могильная яма была перекрыта камнями в 2 слоя. В верхнем слое (северо-западный край могильной ямы) выявлены наиболее крупные плиты. Каменная конструкция состояла из небольших плит с заклинками по внешнему контуру. Плиты ящика опирались на приступку. На дне могильной ямы, в вытянутом положении, головой на северо-восток располагался скелет мужчины 25–30 лет. Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Курган 54 (диаметр 2,5 м) обнаружен в ходе зачистки каменной конструкции кургана 53. Их соединяла кольцевая крепида. Основой крепиды служили средние и крупные камни. На северной поле кургана лежал мощный камень, деформировавший крепиду. В центре крепиды обнаружена овальная могильная яма, длинной осью ориентированная на северо-восток. Погребенный лежал в каменном ящике, перекрытом сверху плитами. Ящик состоял из 6 плит длиной 20–70 см, шириной 2–8 см и высотой 14–36 см. Размеры ящика: внешняя длина 98 см, внутренняя длина 94 см; внешняя ширина 46 см, внутренняя ширина 34 см. От сейсмического удара, произошедшего в древности, восточная стенка каменного ящика сильно наклонилась внутрь. Глубина могилы составила 0,18 м. На дне каменного ящика, вытянуто на спине, головой на северо-запад лежал погребенный. Кости скелета принадлежали младенцу и имели

частичную анатомическую сохранность. Особенно сильно пострадал грудной отдел. Справа от погребенного найдена жертвенная пища (курдючная часть барана), а возле костей правого бедра – бронзовая бусина.

Курган 55 (диаметр 3,4 м, высота 0,22 м) располагался у самой кромки горной насыпи. Его обнаружили в ходе зачистки каменной конструкции кургана 53, с которым они соединены кольцевой крепидой из крупных и средних камней. Юго-восточная пола кургана напрямую соприкасалась с камнепадом. Именно с этой стороны найдены 2 крупных валуна, перекрывающих насыпь и сильно раздавивших кольцевую крепибу. В центре крепиды располагалась овальная могильная яма погребения 1. По длинным осям могилы (с юго-запада и северо-востока) выявлены материковые приступки ($0,38 \times 0,25 \times 0,12$ м). Погребение перекрывали 11 плит, закрывавших каменный ящик. Размеры ящика, сложенного из пяти плит, составили $0,5 \times 1,15$ м. Плиты имели длину 0,35–1,21 м, ширину 0,24–0,5 м и толщину 0,08–0,11 м.

На дне каменного ящика, в вытянутом положении, головой на северо-восток располагался скелет ребенка, руки которого были вытянуты вдоль туловища. У правого плеча найден бронзовый нож, а в районе груди – тонкая бронзовая диадема.

Курган 13 частично находился под полотном Чуйского тракта (рис. 79, 1, 2). Глубина могильной ямы составила около трех метров. Погребенный покоялся вытянуто на спине, головой на север-северо-запад (рис. 79, 3). В захоронении не прослежены следы деревянной конструкции. Грубообломочные камни средней величины располагались в северо-восточной части могилы, за головой погребенного. Два крупных грубообломочных камня обнаружены у юго-западной стени, в ногах погребенного. В изголовье найдены остатки жертвенной пищи (кости курдюка барана) и пластинчатый бронзовый нож. Сопроводительный инвентарь погребения разнообразен и богат: серебряные диадема и серьга, золотые серьга и цепочки, железный кинжал, бронзовые чекан, пуговицы, бантообразные бляхи, декоративные пряжки и поясной крючок, бусины. Особо следует отметить сохранившиеся пластины деревянного панциря (рис. 79, 4).

Новые археологические данные, полученные при исследовании некрополя Чултуков Лог-1, позволяют уточнить южную границу распространения быстрянской культуры. Если прежде она проходила в районе с. Майма (среднее течение р. Песчаной) [Абдулганеев, Кунгуров, 1996, с. 143–155], то теперь ее можно сместить на 30 км севернее,

до с. Манжерок и, возможно, средней Катуны. Среди быстрянских захоронений некрополя Чулуков Лог-1 отсутствуют могилы со скорченными погребенными, соотносимыми с контактами представителей пазырыкской культуры [Абдулганеев, Кунгур, 1996, с. 155]. Этот факт, наряду с наличием архаичного сопроводительного инвентаря, а также незначительное распространение быстрянских курганов по площади некрополя могут быть связаны с ранним проникновением быстрянского населения в горную долину нижней Катуны до появления здесь пазырыкцев.

Ко времени появления носителей быстрянской культуры на территории горной долины нижней Катуны можно отнести начало формирования оборонительных сооружений городищ Манжерок-3 и Барангол-5.

Городище **Манжерок-3** расположено в 120 м к юго-востоку от краиного строения одноименного села (рис. 6, 9; 44). Оно находится на ступенчатой (несколько ярусов) террасе древнего русла Катуны. Фортификационные сооружения городища вытянуты по склону террасы с юго-запада на северо-восток. Наименьшее количество рвов характерно для юго-западной части. Наиболее мощные земляные укрепления расположены на северо-востоке и юге укрепленного пункта. Один ров проложен вдоль кромки террасы р. Манжерок и имеет протяженность почти 100 м. Через 30 м начинается новый ров, который прерывается на расстоянии 45–50 м. На этом участке расположен один из въездов. Затем ров возобновляется и тянется еще 95 м. За ним, в глубине террасы, обнаружен параллельный ров (длина около 30 м). На этом участке тоже есть въезд.

На северо-восточном краю городища одиночный ров разветвляется в целую серию рвов, составляющих выступ-бастион. Все рвы на данном

участке параллельны друг другу. В южной части городища фортификационная линия из пяти рвов заканчивается въездом (ширина примерно 5 м). Юго-западный участок, сильно разрушенный грунтовой дорогой, тоже имеет въезд (ширина примерно 3 м). На северной, восточной и южной стороне городища рвы отличаются большой глубиной – 1,5–2,0 м, а их ширина равна 4–5 м. На западном участке рвы самые неглубокие – 0,3–0,5 м, при ширине около 1,5 м. Длина городища составила около 500 м, а ширина – 100–120 м.

В настоящее время памятник сильно зарос сосновым лесом и кустарником, что существенно затруднило съемку. В центральной части городище разрушено при прокладке ЛЭП. Найденный керамический материал (рис. 44, 3, 5–10, 12) относится к эпохе раннего железа [Бородовский, 2002б; Бородовский, Ойношев и др., 2005, с. 31–32; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 9]. Уникальна каменная плитка, воспроизводящая соседнюю гору Острагу (Оструху, Трехголовая) (рис. 44, 3).

Городище **Барангол-5** расположено на мысовидном горном склоне высотой около 30 м (рис. 43). Его размеры 105×75 м. Пологая площадка была ограждена несколькими рвами шириной до 4,5 м и глубиной около 1,0–1,5 м. На узком участке, обращенном к долине Катуны, городище имело въезд между двумя параллельными линиями глубоких рвов. На расширении уступа проходили 3 параллельных оборонительных линии. На северной кромке террасы продолжался только внешний ров. На южном участке внешний ров имел ответвление внутрь городища, где располагался еще один внутренний въезд (ширина до 2,5 м). С внешней стороны этот въезд перекрыт другим внутренним рвом. Керамический материал с территории городища относится к эпохе раннего железа [Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 9].

Северо-пазырыкская культура

К настоящему времени в рамках пазырыкской культуры выделен локальный вариант – северо-пазырыкская культура. Она объединяет памятники VI–III вв. до н.э. в нижнем и среднем течении Катуны от Маймы до Урсула [Кубарев, Шульга, 2007, с. 10; Степанова, 2000, с. 23; Кирюшин, 2004, с. 134–136]. Именно к этой археологической культуре на территории горной долины нижней Катуны относятся верхние слои поселения Муны-1, курганные группы Майма IV, Чулуков Лог-1 и -2, Барангол-1, -2 и -4, Талда, а также каменные изваяния, балбалы, ритуально-поминальные конструкции и культовые комплексы.

Многослойное поселение **Муны-1** занимает южный склон отрогов горы Тексюр, где при спрямлении русла безымянного ручья, впадающего в р. Муны, обнажилась и была частично разрушена пачка напластований различных периодов (рис. 25). Слой эпохи раннего железа – один из самых мощных на памятнике. В 1992–2000 гг. поселение обследовал А.П. Бородовский [Молодин, Петрин, 1985, с. 59–63; Бородовский, 2001в; Бородовский, Бородовская, 2001, с. 16–20; Borodovsky, 1995; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 56–57].

Курганные и грунтовые погребения памятника **Майма IV** располагались небольшими цепочками-

ми по 3–4 или 3–5 объектов в каждой по линиям север – юг, северо-восток – юго-запад, запад-северо-запад – восток-юго-восток (рис. 12, 4; 29, А). Курганные насыпи округлой формы сложены из 2–5 рядов рваных валунов (в ряде случаев с частым включением галечника). По периметру большинства каменных насыпей обнаружены кольцевые выкладки из крупных камней. Диаметр насыпей курганов варьирует в пределах 5,5–9,0 м. Насыпи детских могил имеют овальную в плане форму и размеры 1,6×2,5 м. Почти все погребения ограблены. Могильные ямы в плане прямоугольной формы, со скругленными углами.

Погребенные покоились на правом боку, со слегка согнутыми в коленях ногами, головой на юго-восток. В изголовье каждого стояло по 1–2 глиняных сосуда. В шести захоронениях выявлены сопроводительные погребения лошади на приступке вдоль северной стенки, ориентированной на восток (рис. 74, 1, 3). Внутримогильные конструкции разнообразны: прямоугольные обкладки по дну из досок или жердей, сруб, перекрытие из досок или жердей на уступах в материке, обкладка из плоских камней и плит по периметру dna могилы, комбинированные конструкции из камней и дерева.

Среди находок керамика, украшения, предметы вооружения, бытовая утварь, лошадиная сбруя. К украшениям относятся бронзовые и железные шпильки (рис. 29, 4), каменные бусы, а также бронзовые, серебряные и золотые серьги (рис. 29, 6). Предметы вооружения включают бронзовый втульчатый чекан, миниатюрный бронзовый кинжал с навершием и бабочковидным перекрестием (рис. 29, 1), 5 роговых трехгранных черешковых наконечников стрел (на двух из них вырезаны знаки). Лошадиная сбруя представлена железными кольчатаими удилами, костяными и роговыми пронизками, пряжкой-блоком, подвеской и обоймой. Четыре пластинчатых ножа изготовлены из железа (рис. 29, 2, 3). Всего на могильнике вскрыто 49 погребений. Следует отметить такие находки, как каменная курильница и небольшой алтарь, выполненные из камня сиреневого цвета.

По инвентарю и особенностям погребального обряда С.М. Киреев датировал захоронения III в. до н.э. Особый интерес представляет керамика, встреченная во всех курганах (рис. 29, 7–11; 74, 2, 5). Всего найдено 38 сосудов: кувшины, горшки, банки и чаша. Кувшины орнаментированы не все. Некоторые экземпляры украшены горизонтальными и вертикальными налепными валиками. Варианты декора включают ряды наколов, прочерченные линии, насечки и «жемчужник», встречающиеся

в разнообразных сочетаниях. Количественно преобладают кувшины и кринки, украшенные наколами и насечками. Меньше обнаружено банок и горшков декорированных по венчику «жемчужником» и разделенными наколами. Единичны сочетания рядов насечек или горизонтальные рассеченные валики. Кувшины и банки по форме близки керамике погребальных комплексов быстрянской и пазырыкской культур нижней и средней Катуни. Курганный группе Майма IV можно считать одним из базовых памятников пазырыкской культуры Северного Алтая [Бурыкина, 1989; Киреев, 1990, 1991а-в, 1992, 1994б; Абдулганеев, Киреев и др., 2004; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 28–30].

Другим эталонным погребальным памятником северо-пазырыкской культуры является Барангольский некрополь (рис. 28). Здесь курганные группы объединены в цепочки, вытянутые с севера на юг или с запада на восток, вдоль или поперек речной долины. Курганы располагаются в шахматном порядке.

Для погребальных памятников раннего железного века характерно расположение невдалеке от летних стоянок. Кроме того, на всех крупных некрополях курганы группируются в микроцепочки. По мнению некоторых исследователей, это отражает семейный характер погребальных комплексов [Кубарев, 1991, с. 188]. В целом, топография курганов скифского времени на нижней Катуни имеет те же особенности, что и большинство аналогичных памятников Горного Алтая, в т.ч. средней Катуни [Миронов, 2000].

Курганные группы Барангол-1, -2 и -4 последовательно формировались в V–II вв. до н.э. Основу каменных конструкций 32 курганов этих памятников составляли кольцевые крепиды (диаметр 4–6 м), возведенные вокруг одного погребения. В курганной насыпи и за ее пределами прослежены следы поминальных действий: фрагменты керамики, кости животных, прокалы от кострищ. Внутримогильные конструкции включают продольные деревянные перекрытия над рамами-обкладками в 1–2 венца. Погребенные покоились скорчено на правом боку, головой на юг. Среди коллективных захоронений (2–3 человека) отмечены случаи вторичной погребальной обрядности. В некоторых курганах найдены погребения с конем (рис. 27, 12) [Бородовский, 1995б, 1995в, 1997, 1999а, б, 2000, 2001а, б, в; Borodovsky, 1995; Бородовский, Бородовская, 2001, с. 17–18; Бородовский, Ойношев и др., 2005, с. 28–37, 67–70; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 6–7].

Курганская группа **Барангол-1** включала 21 каменную насыпь. Они были вытянуты в цепоч-

ку по линии север-северо-запад – юг-юго-восток (рис. 28). Курганы обнаружены на склоне древней катунской террасы, примыкающей к горам. Центральная часть могильника разрушена при строительстве дороги (находится под дорожным полотном). Внешний диаметр насыпей составляет 5,5 до 10 м, высота – от 0,1 до 0,59 м.

Каменные насыпи хорошо задернованы и имеют незначительный рельеф. Некоторые курганы поросли деревьями, другие свободны от леса. Часть курганов повреждена грунтовой дорогой и съездом с шоссе. Основу большинства конструкций составляли крепиды из крупных и средних грубообломочных камней. Внутри каждой крепиды – по одному погребению. Захоронения одиночные и коллективные. Насыпи некоторых курганов сложены из грубообломочного материала, взятого с соседней горной осыпи отрогов хр. Иолго, а других – с добавлением аллювиального галечника. Могильные ямы имели длину 2–2,7 и 1,3–1,4 м, а глубину 1,0–1,7 м.

Сопроводительный инвентарь включает бронзовые медальонидные зеркала, бронзовый кинжал с прорезной рукоятью, железные и бронзовые разделочные ножи, миниатюрные акинаки и клевцы, котловидные подвески, гвоздевидные булавки с обтяжкой золотой фольгой, железные кольчатые ножи и петлевидные серьги [Бородовский, 1995б, в; 1997; Бородовский, Ойношев и др., 2005, с. 37; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 7].

Приведем описание типичных коллективных и одиночных захоронений, а также вторичных погребений курганного могильника Барангол-1.

Коллективные захоронения обнаружены в курганах 1 и 2 (рис. 53, 1, 2). Курган 1 расположен у подошвы каменной осыпи отрогов хребта Иолго. Кольцевая крепида под каменной наброской не обнаружена. Вокруг могильного пятна выявлен контур значительно больших размеров, из желтой глинистой почвы с серо-черными вкраплениями. Основу могильного заполнения составлял такой же грунт с углистыми и сажистыми прослойками. В насыпи кургана ничего не обнаружено.

Погребение 1 было коллективным: 4 погребенных лежали головой на юго-запад, на правом боку, с подогнутыми в коленях ногами (рис. 53, 1).

Скелет 1 принадлежал мужчине 60–65 лет (антропологические определения материалов Барангольского некрополя сделаны Е.Г. Шпаковой). Сопроводительный инвентарь включал плохо сохранившийся железный кинжал (длина около 20 см).

Скелет 2 (женщина 45–50 лет) располагался справа от скелета 1. В изголовье женщины лежал

на боку кувшиноподобный керамический сосуд, орнаментированный по горловине резной штрихованной сеткой. Здесь же обнаружены жертвенная пища (потревоженные бараньи позвонки) и железный нож. В изголовье «веером» располагались 3 железные стержневые булавки, служившие для закрепления прически. Гвоздевидные окончания шляпки двух из них были обтянуты золотой фольгой. Третья булавка имела фигурное окончание в виде птицы. На черепе обнаружены две бронзовыепроволочные S-образные серьги.

Скелет 3 (очень плохо сохранился во влажном грунте) принадлежал ребенку 5–6 лет. В изголовье погребенного найдена плохо сохранившаяся круглая пластинчатая бронзовая бляшка.

В изголовье скелета 4 (женщина 18–20 лет), в левом углу, стоял кувшиноподобный керамический сосуд, орнаментированный по тулову резной сеткой и S-образными завитками. Недалеко от лицевых костей черепа среди жертвенной пищи (бараньих позвонков) лежал пластинчатый железный нож. У темени найдена каменная терка, а на черепе – бронзовая петельчатая серьга, покрытая золотой фольгой. Там же обнаружена пластинчатая дисковидная бронзовая бляшка плохой сохранности. Около правого бедра погребенной лежало массивное медальонидное зеркало в чехле, который, возможно, был расширен четырьмя клыками марала. Рядом обнаружены спекшиеся предметы из железа. Под зеркалом найдены рифленая подвеска из рогового отростка марала и миниатюрная котловидная подвеска из бронзы. Другая такая же подвеска лежала у правого колена. Между колен зафиксирован железный предмет очень плохой сохранности.

Женские одиночные захоронения обнаружены в курганах 3–7 и 9 (рис. 53, 3, 4; 54, 1–3). Опишем женское одиночное погребение кургана 3 (рис. 53, 3). Курган располагался в прибрежной части. Его насыпь сложена из грубообломочного материала с незначительной примесью крупного аллювиального галечника. Кольцевая крепида выполнена из крупных грубообломочных камней. Могила смещена к северному краю крепиды. В каменной кладке, с восточной стороны, обнаружены бараньи кости (вероятно, остатки поминальной тризны). Дно могилы было обложено деревянными плахами ($1,9 \times 1,2$ м). В центре могильной ямы лежала женщина 25–30 лет, головой на юг, на правом боку, с согнутыми ногами и вытянутыми вдоль туловища руками. В изголовье найдена железная заколка. В углу могильной ямы, напротив черепа, выявлен развал керамического сосуда кувшиноподобной формы, а рядом – крестец барана и пластинчатый бронзовый нож. На черепе обнаружены

обломки петельчатых серег из бронзовой проволоки. Под правым бедром лежало бронзовое медальонное зеркало с подквадратной петлей.

Примером мужского одиночного захоронения является *курган 8* (рис. 54, 4), расположавшийся рядом с курганом 3. Насыпь по структуре аналогична таковой у кургана 3. Ближе к западной стенке могильной ямы выявлен скелет мужчины 20–25 лет, уложенного на правый бок, головой на юго-восток, с подогнутыми в коленях ногами и чуть согнутыми в локтях руками. В районе пояса погребенного найдены бронзовые предметы: массивная ворварка (пронизка), подквадратная поясная обойма с прорезью, колчанный крючок. Под правым коленом лежал в односторонних деревянных ножнах массивный бронзовый кинжал с прорезной рукоятью, брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием. В изголовье погребенного, в юго-восточном углу могилы, обнаружен развал двух сильно деформированных сосудов кувшиноподобной формы. Чуть ниже найден бараний крестец, а поперек него – пластинчатый бронзовый нож с небольшой петлей на обушке. В ногах остряями вниз лежали 3 черешковых роговых наконечника стрел (с опущенными шипами). На одном из них обнаружена прочерченная метка.

Курганская группа *Барангол-2* (рис. 28) расположена в 38 м к северу от поминальной конструкции Барангол-3. Памятник находился на кромке леса, но часть насыпей была свободна от деревьев. Могильник включал 8 хорошо задернованных каменных конструкций со слабыми рельефными признаками. Внешний диаметр насыпей 4–10 м, высота 0,10–0,42 м. Курганы Барангола-2 вытянуты двумя аморфными цепочками, ориентированы с севера на юг и с запада на восток. Надмогильные конструкции сложены из грубообломочного материала и имеют уплощенную округлую форму. Основу сооружения составляет большая кольцевая крепида из нескольких рядов камней. В центре конструкции располагалась могильная яма, вытянутая длинной осью в основном по направлению север – юг, а в единичных случаях – запад – восток. На южной периферии курганов есть следы тризы (скопления углей).

Могильные ямы имели подпрямоугольно-овальные очертания и были вытянуты длинной осью по линии север-северо-запад – юг-юго-восток. Размеры ям: длина 2–3 или 1,6–1,85 м, глубина 1,6–1,7 м. В курганах Барангола-2 исследованы одиночные, парные, коллективные и вторичные захоронения, а также погребения человека с конем.

Опишем коллективное захоронение *кургана 7* (рис. 56). При расчистке каменной конструкции на

поверхности кургана выявлены древесные угли. На юго-восточном краю насыпи найден фрагмент кости копытного животного. Заполнение могилы представлено мешанным суглинком с вкраплениями линз чернозема. Изредка в заполнении встречался грубообломочный материал.

Погребальная конструкция в могиле представлена тленом прямоугольной деревянной рамы (1,25×2,25 м). На южном и восточном краю деревянная конструкция была перекрыта единичными грубообломочными камнями и галечником. Каменная кладка по контуру могилы отсутствовала. На дне могильной ямы обнаружены 3 женских скелета (рис. 56, А), уложенных рядом, на правый бок, головой на юг – юго-восток, с подогнутыми в коленях ногами. В изголовье стояла керамическая посуда с костями (жертвенная пища). В головах каждой погребенной были установлены глиняные сосуды (рис. 56, 1–3). Один кувшин найден целым, два сохранились в развалих. Около целого кувшина, стоявшего в центре, лежала длинная бронзовая булавка с резным деревянным шариком на конце.

В погребении 1 кургана 7 при зачистке трех костяков в изголовье прослежены остатки острорвих головных уборов (причесок) из органических материалов черного цвета (рис. 56, А). Два из них были украшены длинными бронзовыми булавками с шаровидными резными навершиями из дерева (рис. 56, 11, 12).

Скелет 1 найден у восточного края могилы. На костях черепа располагалось массивное бронзовое украшение в виде профильного изображения головы птицы с длинным клювом (рис. 56, 9). Недалеко от колен лежали 2 костяные трубочки плохой сохранности.

Скелет 2 располагался в центре могилы. На голове и в изголовье погребенной женщины сохранились остатки (сажный тлен) сложного конического головного убора (рис. 56, А). Выше лицевых костей выявлены остатки жертвенной пищи: часть позвоночного столба и курдючные кости барана. Около жертвенных костей лежал железный пластинчатый нож (рис. 56, 13).

Скелет 3 обнаружен у западного края могилы. В изголовье найдены остатки сложного головного убора – мощный сажистый след конических очертаний (рис. 56, А). Кости черепа не были перекрыты остатками головного убора. Возле лицевых костей располагались остатки жертвенной пищи: бок барана, несколько позвонков и кости таза. Рядом с жертвенными костями лежал железный нож с кольчатым окончанием (рис. 56, 14).

На груди и на поясце погребенного прослежен тлен от костяных пластин (ширина около 3 см,

длина до 10 см). На поясе сохранилось 3 фрагмента оловянной фольги. Между коленями найдены 5 роговых наконечников стрел (рис. 56, 4–8), направленных остриями к ногам погребенного. Один из наконечников имел «шевронообразную» метку на боковой грани.

Островерхие головные уборы (прически) из черного органического материала с бронзовыми булавками и резными деревянными навершиями, аналогичные представленным в погребении кургана 7, характерны для женских пазырыкских погребений [Кубарев, 1987, с. 97; 1991, с. 106–109, 111; Степанова, 1999]. Булавки (шпильки, заколки), как считает В.Д. Кубарев, использовались для закалывания волос или крепления головного убора к высокой прическе [1991, с. 111].

В курганах 5 и 8 некрополя Баангол-2 встречены захоронения с конем (рис. 57; 58, А). Поверхность кургана 8 была хорошо задернована. После удаления дернового слоя выявлена каменная конструкция (диаметр 6 м), представлявшая собой невысокую каменную выкладку овальных очертаний. Надмогильное сооружение сложено из грубообломочного материала и аллювиального галечника. При зачистке поверхности каменной насыпи встречены единичные угли. С юго-западной, северо-восточной и северо-западной сторон за пределами каменной конструкции располагались единичные камни. Основа конструкции кургана – крепида, выложенная в 1–2 камня.

Могильная яма длинной осью была вытянута по линии север-северо-восток – юг-юго-запад. Заполнение могилы представлено мешанным коричневым суглинком с вкраплениями чернозема и грубообломочного материала.

Размеры могильной ямы погребения 1 составили 2,0×2,8 м, а глубина от материковой поверхности – 1,6 м (рис. 57). На дне, по краям могильной ямы, располагались крупные грубообломочные камни. Около восточного края могилы, на материковой приступке (глубина до 1,2 м), лежали остатки разделанной туши молодой лошади. Головой животное было ориентировано на юг. Нижняя челюсть, отделенная от головы, перевернута и уложена впереди черепа. Остальные кости сложены в анатомическом порядке. Передние ноги животного вытянуты вперед, а задние – подогнуты под кости таза.

В центральной части могильной ямы найдена деревянная конструкция из плах (1,9×1,0 м). Судя по сильно выступающим краям подпрямоугольных плах на углах, она была собрана пазовым способом. Толщина плах составила 8–10 см, а ширина – до 20 см. Поверхность плах частично

обожжена. Продольные плахи сильно деформированы камнями и грунтом, просевшим в могилу. Сверху конструкцию перекрывали тонкие бревна (диаметр 10–15 см). Дно деревянной конструкции имело настил из досок.

В могиле были захоронены два взрослых человека (рис. 57), расположавшиеся скрюченно, на правом боку, с сильно согнутыми в коленях ногами. Головой погребенные лежали на юг – юго-запад. В юго-восточном углу деревянной конструкции найден развал большого керамического сосуда, украшенного резным фестончатым орнаментом, заполненным красной краской. Напротив лицевых костей скелета 1 выявлены остатки жертвенной пищи (курдючные кости молодого барана) и пластинчатый нож плохой сохранности.

Скелет 2 располагался параллельно скелету 1. Кости левой руки второго костяка лежали под левым локтем первого погребенного. Вероятнее всего, второй погребенный был похоронен раньше. На позвоночнике и ребрах прослеживалась широкая полоса ярко-алого цвета. Возможно, это остатки исчезнувшего деревянного лакового изделия. На лобных костях скелета 2 обнаружена пробоина от удара чеканом.

В кургане 5 были похоронены 3 человека. Расчлененная туша лошади лежала на приступке у восточного края могильной ямы (рис. 58, А). Сопроводительный инвентарь, найденный в изголовье погребенных, включал керамические сосуды с резным орнаментом и росписью, железные ножи (с плоским обушком и кольчатым окончанием). Среди керамики особенно выделялся сосуд с налепными рассеченными валиками и сложным криволинейным орнаментом, явно имитирующим кожаные и меховые пазырыкские фляги с аппликациями. Жертвенная пища представлена курдючными костями или частью позвоночника барана. В погребении обнаружены седельные роговые пряжки (рис. 58, З).

На могильнике Баангол-2 встречены вторичные погребения, о чем свидетельствует явное несовпадение могильного пятна и каменной конструкции, а также сильное проседание края последней в заполнение могилы (рис. 59) [Бородовский, 2000]. Одной из особенностей вторичных могил Баангола-2 является наличие следов огня. Останки погребенных в этих коллективных захоронениях ориентированы головой на восток, юго-восток и юг. Последнее направление соответствует преобладающей традиции на Баангольском некрополе (Баангол-1 и 2).

В погребении 1 кургана 1 найдены останки 4 человек, ориентированных головами на восток

(рис. 59, 3). Размеры могилы составили $2,8 \times 1,7$ м, а глубина – 1,7 м. Два детских и два взрослых неполных скелета лежали в ряд в центральной части могилы, с определенным учетом общего анатомического порядка. По-видимому, их погребли, когда мягкие ткани уже разложились (или были удалены) [Бородовский, 2000]. Компактность расположения костей скелета в погребении (сложены в отдельные кучки) позволяет предположить, что они могли находиться в каких-то вместилищах.

Около детского скелета 1 выявлен обильный древесный тлен (возможно, остатки подстилки). В изголовье найден целый комплекс жертвенных костей животных: тазовые и позвоночные кости, а также лопатка барана. Два крупных фрагмента позвоночного столба барана лежали параллельно друг другу. В один из них (находящийся между детскими скелетами 1 и 2) был воткнут железный пластинчатый нож с округлым отверстием на обушке (рис. 59, 4). За жертвенными костями, у северо-восточного края могилы, располагались четыре глиняных кувшина. Три сосуда были гладкостенными, а один – с рассеченным рельефным валиком (рис. 59, 6).

Около черепа скелета 3 взрослого человека (с северо-восточной стороны) обнаружен большой фрагмент горелой деревянной плахи. Он мог быть частью какого-то изделия или фрагментом обожженной деревянной внутримогильной конструкции.

На одной из бедренных костей скелета 4 взрослого человека лежал бронзовый диск с клиновидной прорезью (рис. 59, 5). На нем сохранились фрагменты тонкой кожи. Предмет вполне мог выполнять функции зеркала, бритвы или диска с вставной деревянной ручкой.

Могильная яма (размеры $2,6 \times 1,6$ м, глубина 1,4 м) погребения 1 кургана 2 имела приступки (рис. 59, 11). На южной приступке внутри могильного перекрытия обнаружены жженые плахи, а на северной – камни обкладки. На дне могилы зафиксирован тлен от деревянной конструкции подпрямоугольных очертаний из плах (размеры $2,4 \times 1,2$ м, высота до 12 см). В восточной части яма имела небольшой подпрямоугольный отsek ($1,2 \times 0,3$ м). В северо-западном углу этой конструкции выявлен тлен от вертикального березового столбика (диаметр 5–8 см, высота до 10 см).

При сооружении могилы использовался огонь, сильно повредивший деревянное перекрытие из досок над внутримогильной погребальной конструкцией. От перекрытия в южном углу сохранились 3 обгорелых доски, уложенных вдоль длинной оси могилы. Ширина досок составила 10–15 см,

а толщина – около 3–4 см. Доски располагались корой внутрь погребения и, вероятно, представляли собой разновидность горбыля. Вдоль длинных стенок могилы, на уровне деревянного перекрытия и под ним, находилась каменная обкладка. Дно внутримогильной деревянной конструкции было выстлано широким полотнищем бересты (размеры 1×2 м; ориентация волокон вдоль длинной оси могилы) (рис. 59, 11). Аналогичная деталь найдена во вторичном погребении кургана 1.

В могиле обнаружено 2 скелета взрослых людей. Черепа погребенных были ориентированы на восток. Длинные кости рук и ног выложены по оси без особого порядка, но с преимущественным направлением по линии восток – запад (рис. 59, 11). Умершие, видимо, были погребены после основательного разложения тел. В анатомическом расположении сохранились только кости ног, для которых характерны наиболее мощные сухожилия. Верхняя часть связок скелета к тому времени распалась уже полностью, и кости утратили исходный порядок.

В изголовье погребенных стояли 2 кувшино-подобных сосуда с сетчатым орнаментом (рис. 59, 14). Около колен первого скелета с северного края могилы найдена жертвенная пища (3 скопления позвоночных костей барана). Рядом с жертвенной пищей лежал железный пластинчатый нож с каплевидной просечкой на обушке (рис. 59, 10).

Могила захоронения 1 кургана 3 имела размеры $2,6 \times 1,6$ м и глубину 1,4 м (рис. 59, 7). При разборе могильного заполнения, на глубине 0,5 м, у северного края обнаружен обрубленный костный стержень рога мелкого полорогого животного (козла или барана). Он мог использоваться для рытья могилы или имел ритуальное значение. Рога животных в погребальных комплексах эпохи раннего железа найдены также в Туве (Хову-Асы) [Кызласов, 1979] и на Алтае (могильник Черный Ануй-3) [Бородовский, 1995а]. Могила постепенно сужалась ко дну. На глубине 1,0–1,4 м вдоль южной, восточной и западной стен могильной ямы зафиксированы разрозненные камни обкладки, уложенные в 1–2 слоя (рис. 59, 7).

В могиле обнаружены 3 скелета: два взрослых и один детский. Погребенные покоялись на правом боку и были ориентированы черепами на юг. Детский череп разрушен. Остальные кости скелетов лежали без особого порядка, но в явном соответствии с расположением каждого из черепов. Разрушение анатомического расположения костей погребенных можно объяснить их разложением перед совершением окончательного захоронения.

Из сопроводительного инвентаря в изголовье погребенных, около черепа 1, найдены 3 керамических кувшина различной емкости: большой, средний и малый. Чуть ниже лежали жертвенные кости: два позвоночных столба барана (2–3 позвонка) и курдюк. Около малого керамического сосуда обнаружен пластинчатый железный нож с кольцевидным окончанием (рис. 59, 9).

Размеры могильной ямы погребения 1 кургана 6 составили 2,6×1,7 м, а глубина – 1,6 м. От внутримогильных конструкций сохранились следы берестяного тлена в виде подпрямоугольной рамы (1,90×1,15 м) и фрагменты широких (до 20 см) обожженных деревянных плах (рис. 59, 12), уложенных вдоль могилы. Обкладка стенок могильной ямы представлена единичными камнями. Скелеты двух взрослых людей были уложены головами на юго-восток, а черепа погребенных перевернуты на темя. Нижние челюсти лежали отдельно, среди других костей. Степень разложения мягких тканей костяков перед погребением была различной. У скелета 1 все кости найдены в анатомическом порядке. У скелета 2 в анатомическом порядке сохранилась большая часть туловища. Руки погребенного были вытянуты, ноги согнуты в коленях и зафиксированы в положении «одна на другую». Судя по сросшейся с крестцом правой половине таза погребенного, он страдал определенными заболеваниями. Верхняя часть туловища погребенного располагалась на правом боку, а таз и ноги были перевернуты.

Сопроводительная пища в захоронении представлена позвоночным столбом барана, уложенного вдоль северо-западной стенки могилы. Между жертвенными костями и скелетами людей на древесном тлене со следами обожжения выявлен прокал. В изголовье скелета 1 найден фрагмент серебряной или оловянной фольги. Ниже прокала и жертвенных костей обнаружен развал керамического сосуда.

Аналогичная погребальная обрядность характерна для захоронений курганной группы Верх-Еланда-2 (V–III вв. до н.э.) на средней Катуни. К *сходным чертам* можно отнести следующее [Степанова, Неверов, 1994; Кирюшин, Степанова, 2004, с. 21–23]:

- расположение цепочек курганов с запада на восток;
- наличие под насыпью одного погребения;
- присутствие сопроводительных захоронений коней;
- юго-восточная и южная ориентация погребенных;
- вторичные захоронения.

Особенности вторичных захоронений Барангола-2:

- наличие следов огня;
- ориентация костяков головой на восток, юго-восток и юг;
- соответствие количества сосудов и кусков жертвенной пищи числу погребенных при наличии одного разделочного ножа;
- основной внутримогильной конструкции являлась подпрямоугольная деревянная рама с аморфной каменной обкладкой в 1–2 ряда.

Погребальные комплексы с вторичными захоронениями представлены на нижней Катуни в курганных могильниках Чултуков Лог-1 и -2.

Особенности погребальной обрядности и сопроводительного инвентаря позволяют датировать курганную группы Барангол-2 III–II вв. до н.э. [Бородовский 1999б, 2001а, б; Бородовский, Ойношев и др., 2005, с. 37; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 7–8].

Курганская группа **Барангол-4** локализована в центральной части Барангольского некрополя и включает 3 каменных насыпи и 1 кладку (рис. 28) [Бородовский, Ойношев и др., 2005, с. 37; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 8].

В целом, для погребальной обрядности этнотерриториальной группы, оставившей Барангольский некрополь, характерна преимущественно южная ориентация погребенных, редкая для Горного Алтая в эпоху раннего железа. На протяжении всего периода создания некрополя постепенно увеличивалось количество коллективных захоронений, появлялись вторичные погребения. Керамика Барангольского некрополя аналогична посуде с соседнего сезонного поселения Муны-1, что свидетельствует о существовании погребального комплекса недалеко от летника древних скотоводов.

Курганская группа **Чултуков Лог-1** находится в одноименном урочище, на ровном участке Катунской террасы, у подошвы горного склона (рис. 6, 2; 34). Большинство курганов составляли парные цепочки, ориентированные с юга на север, с юго-запада на северо-восток, с юго-востока на северо-запад. Курганы сложены преимущественно из грубообломочного материала с включениями аллювиального галечника. Диаметр надмогильных насыпей составил от 4 до 13 м. В настоящее время в курганной группе Чултуков Лог-1 выявлено 86 надмогильных конструкций эпохи раннего железа. Здесь сосредоточены захоронения фактически всех археологических культур эпохи раннего железа Горного Алтая (быстрянской, пазырыкской, кара-кобинской).

На юго-восточном краю погребального поля располагались курганы, относящиеся к быстрянской культуре. Погребенные покоялись вытянуто на спине, головой на север. В центральной части некрополя локализовались кара-кобинские захоронения в каменных ящиках из плитняка.

Северо-западней находилась зона распространения курганов с явно выраженным признаками принадлежности к северному варианту пазырыкской культуры (рис. 34, 38). Погребенные были ориентированы головой на юг, лежали склонено на правом боку. В изголовье стояли керамические сосуды пазырыкского облика (рис. 38, 29–31), декорированные резной орнаментацией, а также красной и черной краской. Надмогильные насыпи мужских курганов состояли преимущественно из грубообломочного материала, взятого с горной осьмы на востоке. Насыпи женских курганов чаще всего сооружались из крупного галечника, происходившего с р. Катунь.

Представим материалы из некоторых курганов группы Чултуков Лог-1, имеющих черты северо-пазырыкской культуры.

К северо-западу от кургана 4 есть одиночный курган 5 (рис. 34). В нем обнаружено захоронение человека, покоявшегося на правом боку, с подогнутыми в коленях ногами, головой на юго-восток (рис. 60, А). Над погребенным было сделано деревянное перекрытие, по всей видимости, опиравшееся на раму-обкладку. Возле колена найден железный предмет подпрямоугольной формы (1×3 см): возможно, это нож (рис. 60, 1). В погребении обнаружены фрагменты органики (кожа или войлок) окружной формы с вкраплениями меди или бронзы. От пояса погребенного до колен вскрыт мощный органический тлен (до 1,5 см толщиной). В районе кисти руки расчищены бронзовые обойма и деталь, лежавшая на ней сверху (рис. 60, 2, 5). Между ног погребенного, ниже колен, найдена бронзовая круглая пуговица (рис. 60, 3), а на поясе – железный крюк (рис. 60, 4). Под деревянной плахой, справа от черепа, лежали кости животного и железный предмет (размеры 1×2 см). В районе головы и ног по краям могилы располагались одиночные камни (размеры 20–40 см).

Насыпи курганов 16 и 17 соприкасались, образуя цепочку, вытянутую с северо-востока на юго-запад (рис. 34). В центральной части кургана 16, как в кургане 4, обнаружен крупный подпрямоугольный камень (20×30×50 см), выступающий за пределы задерновки. Насыпь кургана состояла из грубообломочного материала и галечника. Крепида сложена из массивного грубообломочного камня. К востоку от крепиды расположена

одиночный массивный камень. Могильное пятно, над которым располагалась песчаная линза выклида, было смещено к юго-западу от современного центра кургана.

Могильная яма погребения 1 кургана 16 вытянута по линии северо-запад – юго-восток. Массивные камни обкладки лежали разрозненно вдоль стенок могилы (за исключением западной). Погребение было парным. Скелет взрослого человека и костяк подростка были уложены на правый бок, ноги согнуты в коленях, голова ориентирована на юго-восток (рис. 61, А). Над погребенными находилось деревянное перекрытие из нескольких широких плах. Две из них располагались в ногах и изголовье, поперек длинной оси могилы, а остальные пять – вдоль нее. Ширина плах составила до 20 см, а длина – от 0,7 до 2 м. Вдоль длинных сторон могильной ямы у северного и южного краев найдены фрагменты древесного угля.

Слева от скелета подростка, в изголовье, обнаружены развалы двух больших керамических сосудов (рис. 61, 7, 8), а также два скопления жертвенных костей, около которых лежало по одному бронзовому пластинчатому ножу (рис. 61, 5, 6). Под левым бедром погребенного подростка найден небольшой бронзовый кинжал (рис. 61, 1). Возле скелета взрослого погребенного, около лба, лежала единичная пастовая бусина, а около темени – фрагмент органического изделия. Около левой кисти обнаружены бронзовые изделия – чекан, пластинчатый крючок и полусферическая обойма с отверстием в центре (рис. 61, 2–4).

Курган 17 входил в группу из семи курганов (№ 16, 20–24) (рис. 34). Слева от скелета, в изголовье, найден керамический сосуд с прокрашенным рисунком, скопление жертвенных костей и бронзовый пластинчатый нож. Два массивных камня обкладки располагались вдоль восточной стенки могилы. На дне могилы прослежена одна широкая деревянная плаха. Среди других бронзовых предметов сопроводительного инвентаря обойма, круглая пуговица, чекан и кинжал (рис. 62).

На курганном могильнике Чултуков Лог-1 часто встречаются женские погребения V–III вв. до н.э. (кург. 9, 11, 15, 18, 19, 25а, 26, 37, 46, 47 и др.). Иногда в таких погребениях обнаруживается богатый сопроводительный инвентарь: разного цвета бусы, гвоздевидные серьги, заколки для волос, остатки головных уборов, зеркала, керамические сосуды с различным орнаментом.

Курган 35 с женским захоронением расположен в центральной части могильного поля, на участке между старым и новым полотнами Чуйского тракта, ближе к краю Катунской террасы (рис. 34).

Курган имел аморфные рельефные признаки и хорошо задернованную поверхность. Расчистка каменной конструкции позволили выявить размеры кургана (диаметр 6,2 м, высота около 21 см от дерновой поверхности). Каменная конструкция состояла преимущественно из мелкого и среднего галечника. У юго-западного края насыпи, на уровне погребенной поверхности, обнаружены 4 фрагмента сосуда из рыхлого темно-коричневого теста. Сосуд был украшен точечными наколами – «жемчужинами». Фрагменты сосуда найдены у кургана со стороны Катуны, как и на кургане 10. Эта керамика, вероятно, осталась от ритуальных действий (тризн) у каменной насыпи кургана. Для эпохи раннего железа на нижней Катуни это достаточно распространенная практика, наблюдавшаяся при исследовании Барангольского некрополя и Майминского археологического микрорайона [Бородовский 2002а; Киреев, 1999].

Основу каменной конструкции составляла кольцевая крепида, выложенная из нескольких рядов крупного и среднего галечника (внешний диаметр 6,1 м, внутренний – 5,5 м). Она сходна с каменными крепидами пазырыкских курганов, в частности, исследованных на плоскогорье Укок, в районе верховий р. Ак-Алаха.

Могильная яма находилась в центре каменного ограждения. Погребение длинной осью было вытянуто по линии юго-восток – северо-запад (рис. 63, A). Размеры могилы составили 230×160 см, а глубина от материковой поверхности – 159 см. Очертания могильной ямы имели подпрямоугольный заоваленный контур. С юго-западного края, на глубине 129 см от материковой поверхности, находилась материковая приступка (ширина 30–50 см, высота от дна могилы 30 см). По краю приступки проходил ряд камней обкладки. На глубине около 1 м от материковой поверхности выявлена обкладка из грубообломочных камней среднего размера. Со стороны приступки часть обкладки сползла в заполнение могильной ямы. В отдельных местах обкладка была уложена в 2 слоя. Деревянная конструкция могилы представляла собой 2 продольных плахи (ширина до 8 см), оставшиеся от обкладки (размеры 180×155 см).

На дне могилы на правом боку лежал скелет женщины, ориентированный головой на юго-восток (рис. 63, A). Ноги погребенной были сильно согнуты, левая рука находилась под камнями обкладки. В изголовье, рядом с черепом, лежал бронзовый нож с обломленным кончиком лезвия (рис. 63, 1). Длина ножа составила 13,5 см, ширина лезвия – 1,5 см. Лезвие было направлено к ногам погребенной. Обломанный кончик лезвия ножа,

вероятно, имел ритуальное значение, т.к. в ряде других захоронений курганной группы Чултуков Лог-1 найдены только обломки лезвий.

На шее погребенной найдена связка стеклянных многослойных глазчатых бус (рис. 63, 9, 10). В районе шейных позвонков под крупными бусинами лежали 5 мелких бусин, 2 из которых были темно-красного цвета (аналогичны бусам из погребения кургана 36). Бусы в погребениях носителей пазырыкской культуры на Алтае встречаются довольно редко. Такое полное полихромное ожерелье из 18 бусин обнаружено впервые. Диаметр бусин 2,5 см. Расположение бус на шее погребенной сохранило форму ожерелья. Бусы были связаны нитью, напоминающей сухожилие. Цветовое сочетание декора бусин – белый, голубой и коричневый.

Напротив правого плеча выявлены остатки жертвенной пищи (позвонок барана). Вместе с бронзовым ножом в изголовье они составляли единый жертвенный комплекс. На правом локте погребенной лежало крупное бронзовое дисковидное зеркало (диаметр 10,7 см) с кнопкой на обороте. Одна из четырех «ножек», на которых держалась кнопка, была не долита в процессе изготовления (рис. 63, 6).

На зеркале лежали кости курдюка барана. Они, вероятно, составляли еще один жертвенный комплекс в этом захоронении. Скорее всего, жертва приносилась зеркалу. Напротив курдючных костей, у деревянной рамы обкладки, найден пластинчатый железный нож (размеры 11×2 см) (рис. 63, 2), ориентированный острием к ногам погребенной. Под курдючными костями на зеркале сохранились остатки органического тленя, возможно, от кожаного чехла.

Под зеркалом располагалась связка металлических предметов, закрепленная на тонком кожаном ремешке, прорезнутом вокруг одной из «ножек» кнопчатой рукоятки (рис. 63, 4). На этом кожаном шнурке находились несколько предметов. Один из них – бронзовый костыль (длина 6 см) с отверстием, на который была надета железная «обойма» (рис. 63, 5). Выше костылька на кожаном ремешке была нанизана рубчатая «обойма». На другой части кожаного ремешка располагалась гладкая бронзовая пронизь и миниатюрная бронзовая пронизка (рис. 63, 7, 8). Сохранился также фрагмент изогнутого железного изделия неизвестного назначения (рис. 63, 3).

Аналоги стеклянных многослойных глазчатых бус из курганной группы Чултуков Лог-1 есть среди украшений скифских женщин из некрополей Северного Причерноморья. Датируются эти

бусы, как правило, III–I вв. до н.э. Однако производство стеклянных полихромных бус началось в конце IV–III вв. до н.э. [Алексеева, 1979].

Известно, что полихромное стекло (стеклянная мозаика), известное под итальянским названием *millefiori*, изготавливалось путем сплавления в одно целое пучка тонких разноцветных стеклянных палочек, вытягивающихся во время вторичной плавки. После этого полученный стержень разрезали пополам, открывая рисунок. Такая техника была основой египетского производства миниатюрной мозаики. В эллинистический период именно такие украшения пользовались большой популярностью [Алексеева, 1971].

Импортные украшения попадали на Алтай, скорее всего, по торговым путям, проходившим по территории Средней Азии. Стеклянные полихромные бусы, как правило, могли поступать в древнейшие эпохи – из Египта, Месопотамии, Финикии, а в античности из Сирии, Рима (Италии) и европейских провинций Рима. В эпоху эллинизма полихромия как направление декоративно-прикладного искусства характеризовалась наиболее богатой палитрой. К прежним цветам (белый, черный, красный, желтый) добавился голубой и зеленый.

В древности караванная дорога шла от основного русла Амудары к берегам Каспийского моря и далее к городам Северного Причерноморья. Особенно интенсивно торговый путь функционировал в эпоху эллинизма, позволяя женщинам скифского мира располагать лучшими образцами античной бижутерии.

Соотношение погребения с полихромными бусами из Горного Алтая (Чулуков Лог-1) с эпохой эллинизма вполне обосновано. Начиная с IV в. до н.э. на западной и восточной периферии античной цивилизации происходили процессы, во многом предвосхитившие глобальный характер этой исторической эпохи [Античные..., 1984, с. 359].

Курган 25а (диаметр 5,5 м) находился в северо-западной части могильного поля. Его насыпь была сложена из крупного галечника. В женском захоронении кургана (рис. 34) обнаружена золотая пластина с изображением необычного рогатого хищника (рис. 38, I). Пластина из листового золота имеет размеры 3,5×4,0 см и толщину 0,3 мм. Изображение животного на нее нанесено техникой тиснения по металлу.

Очевидно, пластина служила головным украшением, как и бусы голубого и бордового цвета, а также 2 железные гвоздевидные заколки. Золотая пластина крепилась при помощи отверстий для пришивания, большинство которых проколоты с внешней стороны, а одно – с внутренней.

Изображенное на пластине фантастическое животное имеет 4 когтистых лапы и 2 ветвистых маральных рога. Два надглазничных отростка рога сильно выступают вперед. Остальные отростки имеют «S»-образные очертания. Этот признак сближает изображение хищника из Чулукова Лога-1 с оленными бляшками тагарской культуры и скифской торевтикой. «Объемные» рога имеют аналогии в материалах Филиповских курганов (южное Приуралье). У фигур животных туловище выполнено в одной плоскости, а ветвистые рога – в другой. Симметричные изображения рогов есть на резных деревянных изделиях из Берельского некрополя в Казахском Алтае.

Принадлежность этого украшения к головному убору, видимо, была традиционной. Образ рогатого хищника, голова которого увенчана маральими рогами, был широко распространен на юге Западной Сибири, начиная с середины I тыс. до н.э. Надо сказать, что в кургане 1 памятника Кызыл-Джар V золотая пластина с отверстиями для пришивания, декорированная изображением рогатого фантастического хищника, тоже была найдена с железной булавкой [Могильников, 1983б]. Очевидно, для этих вещей существовала одна матрица, степень же проработки серийных предметов могла быть различной.

На севере и юге Горного Алтая замужние женщины-носители пазырыкской культуры явно неспроста ходили с одинаковыми головными украшениями. Такая особенность связана с общим происхождением, родственными связями, а возможно, и общей этнической принадлежностью различных групп населения Горного Алтая скифского времени.

В металломикроэлектронике верхней Оби (Притомье, Новый Шарап-1, Новоалтайск), гравировках Тувы (Саглы-Бажи VI), кожаных аппликациях Горного Алтая (Пазырык) скифского времени образ фантастического рогатого хищника тоже нашел отражение [Троицкая, Бородовский, 1994].

На дне погребения кургана 37 обнаружена деревянная рама (рис. 64). Погребенная лежала в центре могильной ямы, на правом боку, с подогнутыми ногами и вытянутыми вдоль туловища руками, головой на юг – юго-восток. В изголовье найдена железная заколка. В противоположном углу могильной ямы лежали жертвенные кости и пластинчатый бронзовый нож. Вместе с погребенной обнаружены петельчатые серьги из бронзовой проволоки, бронзовое зеркало с отверстиями, пастовые и хрустальные бусины (рис. 64, 1–8).

Курган 15 расположен на северном краю некрополя. Крепида кургана состояла из крупных

грубообломочных камней, поставленных плотно друг к другу на торец (рис. 34, 67, 68). Могильное пятно смещено к юго-западу от современного центра кургана. Могильная яма погребения 1 вытянута по линии северо-запад – юго-восток (рис. 67, 4; 68, А). Массивные камни обкладки располагались в 2–3 ряда вдоль всех стенок захоронения. В могиле найдены жертвенные кости барана. Головой погребенный был ориентирован на юг. Среди погребального инвентаря бронзовая гривна, бронзовое зеркало с подквадратной ручкой, подвеска из клыка марала, железная цепочка, железный пластинчатый нож, каменная терочка, развал керамического сосуда с прочерченным орнаментом (рис. 68, 1–8).

В кургане 46 обнаружено одиночное захоронение женщины (рис. 65, 3, 4). Погребенная покоялась у юго-восточной стенки в скорченном положении, на правом боку, головой на юг – юго-восток. Вдоль всех стенок могилы прослежена деревянная рама. В северо-западном углу могильной ямы найден развал керамического сосуда (из красного теста с вкраплениями дробленого камня), жертвенные кости и железный пластинчатый нож. В изголовье выявлены остатки парика или сложного конического головного убора с бронзовой шпилькой и триквестром, а в районе пояса – бронзовое зеркало в чехле из органического материала и бронзовый нож (рис. 65).

В кургане 47 обнаружено коллективное захоронение (4 человека). Погребенные покоялись на правом боку, с подогнутыми в коленях ногами, параллельно друг другу, ближе к восточной стенке могилы (рис. 66). На дне могилы расчищена деревянная рама. В изголовье одной из погребенных выявлены остатки парика или сложного конического головного убора с триквестром и бронзовыми шпильками (рис. 66, 4). Возле этого же костяка, в районе пояса, найдено бронзовое зеркало. Сопроводительный инвентарь включал 2 керамических сосуда, серебряные пластинки (лежали в изголовье третьего погребенного), 2 бронзовые серьги с бусинами в петле (в районе черепа второго погребенного), скопления жертвенных костей животных и 2 железных пластинчатых ножа.

Кенотафы пазырыкского времени на нижней Катуни представлены в курганный группе Майма IV [Киреев, 1995б]. Согласно классификации П.К. Дашковского и С.П. Грушиной, их можно отнести к классическим кенотафам, характеризующимся отсутствием костяка в погребении и наличием всех остальных составляющих погребального обряда (ориентация, погребальная конст-

рукция) [Дашковский, Грушин, 1998]. Аналогами этого захоронения являются кенотаф кургана 11 могильника Тыткескень-2 на средней Катуни и захоронение в кургане 27 Чултукова Лога-1.

Курган 27 находился в северо-западной части могильного поля, у полотна Чуйского тракта, в непосредственной близости от курганов 42 и 25. Кольцевые крепиды курганов 42 и 27 соприкасаются. Каменная конструкция кургана 27 (диаметр 6,6 м) сложена из мелких и средних грубообломочных камней и мелкого галечника.

Основу надмогильного сооружения составляла кольцевая крепида, сложенная из нескольких рядов очень крупных и средних грубообломочных камней. Внешний диаметр крепиды $6,5 \times 4,5$ м, внутренний – $4,0 \times 2,5$ м. В центре кольцевой крепиды находилась могильная яма, ориентированная длинной осью по линии северо-запад – юго-восток. Размеры могильной ямы $3,0 \times 1,55$ см, глубина 181 см от материковой поверхности. На глубине 145 см от материка вдоль юго-западной стенки могильной ямы прослежена материковая приступка (ширина 35 см). Вдоль восточной и западной стенки зафиксированы камни обкладки. Они были выложены в форме прямоугольника. При этом по узким сторонам обкладки камни практически отсутствовали. В юго-восточном углу найден массивный камень, который подпирал камень меньших размеров. В центральной части могилы выявлен тлен от деревянной конструкции из плах. Основу конструкции составляла подпрямоугольная рама (размеры 210×90 см, ширина плах до 10 см). На дне могилы деревянная конструкция имела настил из пяти продольных плах аналогичной ширины. На отдельных участках плах есть следы огня. В юго-восточном углу могилы обнаружен развал керамического сосуда, выше которого лежали остатки жертвенные пищи (позвоночные кости барана). В юго-западном углу найден золотой обод с тиснеными изображениями голов грифонов, фрагмент железного изделия, бронзовая серьга и бусина. В центральной части могилы, у западной стенки, обнаружен набор предметов, включавший массивный железный чекан с остатками деревянной рукояти, массивный бронзовый кинжал в деревянных ножнах, бронзовый поясной крючок, 2 округлые бронзовые поясные бляхи и остатки верхнего кабаньего клыка. Размеры бронзового кинжала составили 28 см, а бронзового поясного крючка – 8 см. Все изделия располагались согласно анатомическому порядку костяка (лежали на погребенном). Кроме того, размещение предметов в юго-западном углу мо-

гили соответствовало расположению украшений на голове, а также оружия и поясной гарнитуры на бедрах погребенного.

Другим кенотафом Чултукова Лога-1 является курган 49. Он локализовался на северном краю могильника, у склона старой протоки Катуни, в цепочке курганов 9, 46 и 47 (рис. 34). Диаметр кургана 49 составил более 15 м, мощность дерна – около 15 см. Глубина могильной ямы от условной материковой поверхности была более 1,5 м.

По своим очертаниям каменная конструкция напоминала 2 симметричные каменные скобки одинакового размера, лежащие напротив друг друга (рис. 69). Аналогичное каменное сооружение выявлено на соседней курганной группе Чултуков Лог-2. Кости погребенного в могиле кургана 49 не обнаружены. На дне могильной ямы найден кувшиноподобный сосуд северо-пазырьского типа, раздавленный массой грунта. Горло сосуда перекрывал один из грубобломочных камней, находящихся в центральной части могильной ямы. Возле сосуда найдено несколько металлических предметов: железная и бронзовая заколки, железный стержень, железный пластинчатый нож (рис. 70). Такой тип кенотафа выявлен для скифского времени Горного Алтая впервые.

В целом, для северо-пазырьских погребений некрополя Чултуков Лог-1 характерны различные варианты деревянных или каменных внутримогильных конструкций (рис. 71). Деревянные рамы из досок использовались как самостоятельно (рис. 71, 2), так и с каменными обкладками по периметру могильной ямы (рис. 71, 1, 4). Обкладки из крупных плоских камней выполнялись и по всему периметру могильной ямы. Варианты ориентации погребенных северо-пазырьской культуры на курганной группе различны: юг-восток, юг – юго-восток, восток (рис. 72).

На северо-западном краю некрополя Чултуков Лог-1 в курганах найдено несколько вторичных захоронений. Для них характерны те же признаки, что и для вторичных погребений памятников Барангол-2 и -4.

Особенностями вторичных погребений могильника Чултуков Лог-1 являются подпрямоугольные и подпрямоугольно-ovalные очертания могильной ямы, ориентация погребенных на юго-восток и наличие в могилах деревянной рамы-обкладки. Встречаются как коллективные, так и одиночные вторичные захоронения [Бородовский, 2001б, 2003а, б].

В целом, выделены 2 варианта вторичных погребений эпохи раннего железа на нижней Кату-

ни – одиночные и коллективные. Сравнивая их, можно назвать несколько обязательных признаков для вторичных погребений:

- наличие в могиле отдельных несочлененных скелетных элементов;
- отсутствие четкого анатомического порядка в расположении костей;
- отсутствие свидетельств смещений и нарушений могилы;
- неграбленность могил;
- компактное размещение костей относительно друг друга (существует версия, что их клади в какое-то вместилище).

Кроме того, большая глубина могил и наличие следов огня тоже считаются особенностями вторичных погребений, но обязательными не являются. Как считают В.Д. Кубарев и П.И. Шульга, вторичные погребения со следами огня (наряду с отсутствием конских подхоронений и рам) не являются характерной чертой пазырьского погребального обряда [Кубарев, Шульга, 2007, с. 11].

Вторичный погребальный обряд в Западной Сибири и на Алтае, в частности, на нижней и средней Катуни, никогда не имел распространение в его классическом, принятом в культурной антропологии понимании, предполагающем периодическое перезахоронение полностью освобожденных от мягких тканей останков умерших. Во все периоды вторичные погребения представлены захоронением не только полностью скелетированных останков, но и трупов на самых разнообразных стадиях разложения. За исключением самых ранних периодов, вторичные погребения обычно составляют незначительный процент по отношению к похороненным по первичному обряду [Зайцева, 2001, 2005]. Так, на Чултуковом Логе-1 86 погребений эпохи раннего железа, 3 из них – вторичные. На Чултуковом Логе-2 всего 7 захоронений, из них 2 – вторичные. На Барангольском некрополе 32 захоронения, из них на Баранголе-2 – два вторичных, на Баранголе-4 – одно [Бородовский, 2000, 2001б, 2003б].

Выявленные вторичные погребения на некрополях нижней Катуни (Барангол-2 и -4, Чултуков Лог-1 и -2) являются эталонными погребальными памятниками данного типа для скифского времени. В расположении вторичных погребений нижней Катуни есть устойчивая закономерность: эти захоронения находятся на западном краю некрополя. Вторичные погребения можно рассматривать как своеобразную границу скифского кладбища с западной стороны. Наличие железных ножей в сопроводительном инвентаре вторичных

захоронений Барангола-2 и -4 и Чултуков Лог-1 позволяет синхронизировать их. В целом, сопроводительный инвентарь вторичных погребений по количеству и ассортименту полностью соответствует обычным захоронениям. Расположение сопроводительного инвентаря тоже относится к традициями обычной погребальной обрядности.

Некрополь Чултуков Лог-1, судя по сопроводительному инвентарю, формировался в период с V–IV по III вв. до н.э. Исходя из предметного комплекса, южную часть курганной группы можно считать более ранней, а северную – более поздней.

Курганская группа **Чултуков Лог-2** расположена на 200 м к северу от могильника Чултуков Лог-1, на небольшом и высоком выступе горного склона (рис. 39). Курганская группа включала 7 каменных конструкций (диаметр 4–8 м) и ритуальную поминальную выкладку. Курганы вытянуты в цепочку по линии север-северо-восток – юг-юго-запад. Каменные конструкции сложены в основном из грубообломочных материалов. Кольцевая крепида уложена на аллювиальный выкид из могильных ям. В ряде случаев она сильно смешена относительно могильной ямы, что позволяет воспроизвести последовательность сооружения каменных конструкций.

В курганской группе есть единичные, парные и коллективные захоронения. Погребенные почились на правом боку, головой на восток, с незначительным отклонением к северу. Внутримогильные конструкции представлены подпрямоугольными деревянными рамами и каменной обкладкой из крупного галечника и грубообломочных камней. Вторичные захоронения на курганской группе Чултуков Лог-2, как и на памятнике Чултуков Лог-1, размещались с западной стороны могильного поля. На основании предметного комплекса курганская группа Чултуков Лог-2 отнесена к северному варианту пазырыкской культуры и датируется V–III вв. до н.э.

На левобережье горной долины нижней Катуни пока известна лишь одна курганская группа северо-пазырыкской культуры – **Талда** (рис. 33). На памятнике выявлено 25 курганов. Они располагались на левом берегу Тавдушки. Большая часть курганов вытянута цепочкой по линии север – юг (с небольшим отклонением), перпендикулярно подножию горы. Под каждым из курганов найдены одиночные захоронения. Погребенные лежали скорченно, на правом боку, головой на юго-восток. Сопроводительный инвентарь включает керамические сосуды, бронзовые медалевидные

зеркала, пластинчатые ножи, роговые бляхи, бусы [Шульга, 2005, с. 44–47].

Среди памятников горной долины нижней Катуни есть грунтовые захоронения, которые могут быть отнесены к северному варианту пазырыкской культуры (Майма IV), а также к кара-кобинской культуре (Чултуков Лог-1б). На памятнике **Майма IV** выявлено 19 безкурганных захоронений (рис. 29, А). Некоторые из них, возможно, являются грунтовыми [Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 28–30].

На западном краю могильного поля, в межкурганном пространстве группы Чултуков Лог-1, расположен грунтовый могильник **Чултуков Лог-1б** (рис. 34). Здесь выявлены 2 грунтовых захоронения (рис. 41, 42). Одно из них совершено в каменном ящике, другое является ярусным. Элементы погребальной обрядности этих погребений (ориентация погребенных, внутримогильные конструкции) аналогичны таковым на захоронениях курганской группы Чултуков Лог-1. Варианты интерпретации данных погребальных объектов могут быть различными: грунтовый могильник или могилы, над которыми (в силу определенных причин) не была возведена каменная насыпь курганов.

На территории обширных погребальных некрополей (Чултуков Лог-1) обнаружены каменные изваяния и балбалы.

При исследовании заполнения могильной ямы кургана 77 некрополя Чултуков Лог-1 обнаружено каменное изваяние **Чултуков Лог-1д**. Оно располагалось с северо-западной стороны кургана. На одной из граней изваяния выбита горизонтальная полоса, возможно, имитирующая пояс воина. «Олений» камень Чултуков Лог-1д аналогичен изваянию с Манжерокского Озера-1 (рис. 50). Датируется он эпохой раннего железа и является одним из самых северных образцов подобных изваяний.

С северо-западной стороны кургана 77 некрополя Чултуков Лог-1, недалеко от «оленного» камня, найден балбал **Чултуков Лог-1е**.

При исследовании кургана 1 курганской группы Чултуков Лог-2 выявлены 2 упавших балбала **Чултуков Лог-2а** (рис. 51). Они были установлены параллельно друг другу с юго-восточной стороны кургана, на крутом склоне. Интерпретация предназначения балбала неоднозначна. Часть исследователей считает балбала символами убитых врагов. Другие специалисты интерпретируют их как ритуальные коновязи для присутствующих на погребении.

Среди ритуально-поминальных конструкций скифского времени известны кольцевые выкладки

Майма IV, Чултуков Лог-1 и -2б (рис. 76, 1), округлые выкладки Майма VI и Барангол-3 (рис. 76, 2), вытянутая выкладка Барангол-1 (рис. 76, 3), комбинированные выкладки Чултуков Лог-1 (кург. 49) и Чултуков Лог-2 (рис. 76, 4).

Святилище скифского времени (V–III вв. до н.э.) найдено в гроте Тавдинском на территории Тавдинского археологического микрорайона (территория парка «Бирюзовая Катунь») [Кириюшин, 2006].

Кара-кобинская культура

Кара-кобинские погребения распространены на всей территории Горного Алтая. Некоторые исследователи выделяют кара-кобинскую культуру на основе определенных черт погребального обряда и территориальной обособленности памятников кара-кобинского типа. Другие ученые считают данную культуру компонентом многих культур Алтая, в т.ч. северо-пазырыкской [Суразаков, 1983; Могильников, 1983а; 1986а, с. 29; Полосымац, 1994; Савинов, 1987; Кубарев, 1992; Степанова, 1996; Молодин, 2000; История..., 2002, с. 155; Тиштин, Дацковский, 2007].

Памятники раннего железного века кара-кобинской культуры в горной долине нижней Катуни представлены погребениями курганной группы **Чултуков Лог-1** (V–III вв. до н.э.). Эти погребения обнаружены в 2002 г. в центральной части могильника. Всего на курганном могильнике Чултуков Ло-1 исследовано 13 кара-кобинских захоронений, для которых характерны погребения в каменных ящиках из плитняка. Погребенные лежали скорченно, на правом боку, головой на восток, юго-восток, юго-запад. Одним из признаков кара-кобинской культуры является малое количество или отсутствие инвентаря в погребениях.

Кара-кобинскими в группе Чултуков Лог-1 являются курганы 6, 7, 8, 44 и 50.

Курган 44 расположен на 15 м южнее группы курганов 1, 2 и 25 (рис. 34), у горного склона. Насыпь кургана имела хорошо задернованную поверхность и слабые рельефные признаки. Каменная конструкция представляла собой сооружение (диаметр 3 м) из грубообломочного материала (средний размер камней от 25 см) (рис. 80, 1). На южном крае насыпи кургана зафиксировано 2 скопления углей. Одно находилось непосредственно на каменной насыпи. Во втором скоплении обнаружена длинная галька, расколотая пополам. Расстояние между фрагментами составляло 1,3 м. На северном крае кургана, а также в юго-восточном и юго-западном секторах отмечены небольшие проседания конструкции (диаметр около 40 см).

На северо-восточном крае конструкции, около массивных камней крепиды, найдено скоп-

ление керамики (рис. 80, 1). Значительная часть фрагментов лежала на каменной насыпи, лишь некоторые – за ее пределами. На северном крае каменной конструкции отмечено значительное осипание камней облицовки кургана за пределы кольцевой крепиды. Здесь же располагался массивный камень (1,0×0,6 м), упавший с горного склона и перекрывший часть конструкции кургана. Очевидно, камень упал в результате поздних сейсмических факторов. Осыпание камней отмечено в юго-восточном участке сектора (рис. 80, 2).

Основу каменной конструкции составляла кольцевая крепида (внешний диаметр 4 м, внутренний – 3 м), сложенная из нескольких рядов грубообломочных камней. В ее состав также входили 10 крупных камней, поставленных на торцевую часть. Между ними находились мелкие камни. С восточной и южной стороны крепида имела более правильные, округлые очертания, а с западной – прямые углы (рис. 80, 2). Внутри кольцевой крепиды обнаружен каменный ящик (длина 1,6 м, ширина 0,6 м) (рис. 80, 2). Перекрытие состояло из восьми плит, последовательно уложенных одна на другую (рис. 80, 3). Плиты частично перекрывали друг друга. Последней была плита, уложенная в южном направлении, над головой погребенного. Каменный ящик состоял из 7 плит, поставленных на торец (рис. 80, 4). Со стороны горного склона плита деформирована внутрь могилы, что, скорее всего, является результатом сейсмической активности. С этой же стороны найден массивный камень, упавший со склона.

Могила располагалась в центре кургана и была ориентирована по оси северо-запад – юго-восток. Внутримогильная конструкция представлена каменным ящиком, сложенным из плитняка и углубленным в материковый грунт. На дне могильной ямы черепом на юго-восток лежал скелет взрослого человека (рис. 80, 4), поконившегося на правом боку с сильно согнутыми в коленях ногами. Руки погребенного были вытянуты вдоль туловища. При этом левая рука изогнута в локте, а кисти обеих рук в районе первых фаланг пальцев согнуты. Лицевые кости смотрели в северную

сторону, а сам череп покоялся на малой височной кости.

Сосуд, найденный на насыпи кургана, стоял в ногах погребенного, ближе к северо-западному углу могилы. Из сопроводительного инвентаря найдена лишь роговая пряжка.

Курганы 6–8 с кара-кобинскими погребениями располагались в центре могильного поля, а курган 10 – на северо-восточном крае поля (рис. 34, 81–84). Курганы 6–8 составляли цепочку, вытянутую по линии восток-запад, а крепиды курганов 6 и 7 соприкасались (рис. 81). Каменные ящики были выложены из семи плит, поставленных на торец.

Погребение кургана 6 располагалось в центре и было ориентировано по оси северо-запад – юго-восток (рис. 82, 2). Одна из каменных плит по северной стенке погребения лежала плоской стороной на дне могилы. Погребенный покоялся на дне могильной ямы, на правом боку, с сильно согнутыми в коленях ногами, вытянутыми вдоль туловища руками, головой на восток. Среди сопроводительного инвентаря жертвенные кости и железный нож (найдены в изголовье), а также роговой наконечник и железный крюк (лежали в районе пояса).

В целом, погребения кара-кобинской культуры на некрополе Чултуков Лог-1 датированы на основании сопроводительного инвентаря V–III вв. до н.э.

К эпохе раннего железа относится еще целый ряд археологических памятников (местонахождения, стоянки, поселения).

Местонахождение **Майма X** обнаружено на невысокой первой надпойменной террасе Катуни, в 500 м к юго-западу от могильника Майма X (рис. 12, 10). Открыт памятник в 1986 г. С.М. Киреевым и О.М. Нуянзиным [Киреев, 1988а, с. 167; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 34].

Памятник **Майма XIII** (местонахождение) расположен в 1,5 км к северу – северо-востоку от с. Майма, на левой террасе ручья Алгаир (рис. 12, 13). Открыт С.М. Киреевым и О.М. Нуянзиным в 1988 г. [Киреев, 1988а, с. 168; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 37].

К стоянкам раннего железного века относятся памятники **Едрала-4**, **Майма IX** и **Усть-Мунушка-1** [Бородовский, Ойношев и др., 2005, с. 35].

На местонахождении **Майма X** (рис. 12, 10) найдено небольшое количество мелких фрагментов неорнаментированной керамики, изготовленной ручным способом.

На пашне и размыве дороги у местонахождения **Майма XI** (рис. 12, 11) поднято несколько

десятков фрагментов керамики, скребок, пластины, проколка, отщепы. Найдена керамика эпохи раннего железа от сосудов баночной формы и горшка, декорированных поясом ямок и крестовым орнаментом из оттисков гладкого штампа [Киреев, 1988а, с. 167; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 34].

На осыпях и оползнях обрыва по краю террасы на памятнике **Майма XIII** (рис. 12, 13) обнаружена преимущественно неорнаментированная керамика плохого обжига с большой примесью отщепителя и фрагмент венчика баночного сосуда, орнаментированного наколами и «жемчужником» [Киреев, 1988а, с. 168; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 37].

На местонахождении **Мунушка-1** (рис. 100), на тропе, что идет по высокой террасе, при слиянии рек Мунушка и Яга (сейчас такой гидроним не используется) найдено 8 каменных изделий и 2 фрагмента керамики. Каменные предметы изготовлены из кремнистой породы и включают скребок, 2 изделия типа долота, обломок орудия с выемкой и 4 нуклевидных обломка. Фрагменты керамики остались от толстостенного неорнаментированного сосуда, в тесте которого содержится примесь мелкого кварцевого песка [Молодин, Петрин, 1985; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 57].

На стоянке **Едрала-4** (рис. 6, 18) обнаружены фрагменты венчиков керамических сосудов. Край венчиков был либо слегка округлым, либо приостренным, с круглыми вдавлениями [Молодин, Петрин, 1985, с. 57; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 44].

Среди находок в пещере **Васькин Лог-1** тоже встречаются фрагменты керамики эпохи раннего железа (рис. 10, 2). Заселение пещеры могло начаться в эпоху камня с последующим использованием карстовой полости в эпоху палеометалла [Бородовский, 2003б; Бородовский, Ойношев и др., 2005, с. 34; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 55]. Разрушенный культурный слой эпохи раннего железа выявлен и в **Большой Тавдинской пещере**.

Поселение **Майма IX** расположено на одной из песчаных Катунских террас, на 300 м к востоку от могильника Майма IV (рис. 12, 9). Памятник открыт в 1985 г. С.М. Киреевым и О.М. Нуянзиным. Большая часть поселения распахана. В 1986–1987 гг. здесь был заложен раскоп (20 м²) в центральной части и 4 шурфа на периферии, проводились сборы. Памятник, возможно, являлся сезонной стоянкой жителей более крупного поселения [Киреев, 1988а, с. 167; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 34].

Памятник **Майма XI** обнаружен на южной окраине высокой Катунской террасы, в 5,5 км к северу от с. Майма, недалеко от могильника Майма VII (рис. 12, 11). Поселение открыто в 1986 г. С.М. Киреевым и О.М. Нуянзином. Большая часть памятника распахана. Почти по его центру проходит проселочная дорога [Киреев, 1988а, с. 167; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 34–35].

В горной долине нижней Катуни известно несколько поселений эпохи раннего железа, культурная принадлежность которых требует уточнения.

Поселение **Камышла-2** расположено на левом берегу Катуны, над водопадом Камышла, в предустьевой долине (рис. 14, Б). Отсутствие

рельефных признаков поселения соответствует характеристике летней скотоводческой стоянки в условиях горной среды. Памятник открыт А.П. Бородовским в 1997 г. [1997, с. 70].

В устье р. Тавдушка, на правом и левом берегах, локализованы сезонные (летние) поселения **Усть-Тавда-1** и **-2**. Памятники открыты А.Л. Кунгуревым в 2004 г.

Керамика эпохи раннего железа собрана на поселении **Черемшанка-3**.

В устье р. Муны, около моста на Чуйском тракте, на памятнике **Усть-Муны-2** при строительных работах обнаружены фрагменты керамики эпохи раннего железа, скорее всего, из разрушенного культурного слоя сезонного поселения.

2.3. ПАМЯТНИКИ ГУННО-САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ

Период с последней трети I тыс. до н.э. и до начала I тыс. н.э. принято называть гунно-сарматским. Именно тогда хунны на востоке, а сарматы на западе, начав свое продвижение, изменили этнокультурную ситуацию в степной и лесостепной зонах Евразии.

На территории горной долины нижней Катуны к этому времени относится майминская культура (рис. 118, 124). Свое название культура получила по памятнику Майма I и была выделена в 1993 г. в бассейнах рек Бия и Катунь на основании неоднократных раскопок поселений Майма I и Ушлеп-5, городищ Сайлап, Курлап и Черемшанка. Ареал этой культуры ограничен северными предгорьями Алтая [Абдулганеев, 1993]. Памятники майминской культуры горной долины нижней Катуны представлены поселениями, погребениями трех курганных групп, одним городищем и материалами со сторожевого пункта Майма XXI.

Предметный комплекс майминской культуры собран на поселениях горной долины нижней Катуны: Долина Свободы-2, Майма I, XIII и XIV, Чултуков Лог-9.

Топографические особенности разновременного поселения **Майма I** свидетельствуют об удобном расположении для ведения хозяйственной деятельности. Поселение включает насыщенные слои гунно-сарматской эпохи, что свидетельствует о длительном пребывании здесь населения в то время. Нужно отметить слабые фортификационные возможности поселения, поскольку оно располагается в открытой местности и доступно нападению с востока и севера. Поблизости нет каких-либо удобных естественных укрытий для жителей. Размещение поселения на удобной для земледелия

террасе привело к значительному разрушению культурных слоев современной распашкой.

Отдельные предметы (ножи, пряслица) и конструкции подквадратных (ритуальных) очагов, известных на поселении Майма I (рис. 86), встречены на поселениях Муны-1 и Манжерок-5. Основное количество находок с разновременного поселения относится к майминской культуре (I в. до н.э. – V в. н.э.) [Киреев, 1986а-б, 1987, 1988а-б, 1995а; Киреев, Баженов и др., 1988; Киреев, Алексина и др., 1994; Абдулганеев, 1992а-б, 1998; Соёнов, 2003, с. 7, 25–26; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 21–23].

Поселение **Долина Свободы-2** включало 3 земляничных западины. Большая часть площади поселения разрушена карьером при расширении Чуйского тракта. Площадь памятника перекрыта шоссейным полотном и застроена дачными участками [Киреев, 1988б; Киреев, Кудрявцева, Полосина и др., 1993].

Поселение **Майма XIV** находится в 0,5 км к северо-востоку от с. Майма, на правом берегу р. Алгаир, на склоне горы, к востоку от поселения Майма II (рис. 12, 14). Памятник существенно разрушен карьером, бульдозерными траншеями, осипами и проселочной дорогой. Обнаружен в 1986 г. С.М. Киреевым и И.В. Усановым. В осипах и на подчистках стенок карьера и траншей обнаружено около двух десятков фрагментов керамики от сосудов горшковидной формы с отогнутыми наружу утолщенными венчиками и орнаментацией в виде округлых вдавлений и зигзага, выполненного оттиском гребенчатого штампа [Киреев, 1988а, с. 168; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 35–36].

Среди многочисленных фрагментов керамики, собранных жителями с. Манжерок в разрушенном поселенческом слое памятника **Чултуков Лог-9**, выявлено несколько венчиков сосудов майминской культуры, орнаментированных наколками и насечками. Этот поселенческий объект расположен между городищем Черемшанка и курганной группой некрополя Чултуков Лог-1.

На трех курганных группах представлены похоронные комплексы майминской культуры. Одна из них – курганская группа **Майма VII**, где к майминской культуре относится только курган 87. Среди сопроводительного инвентаря серебряная бляшка с отверстиями для пришивания (обнаружена на черепе погребенного), железный пластиначатый нож с кольчатым окончанием (найден рядом с жертвенными костями барана), 2 железных пряжки (одна лежала в ногах погребенного, другая – в изголовье) (рис. 87).

На южном краю некрополя Чултуков Лог-1, в курганах 59б, 60, 61, 62, 63, 73, 67, 70 и 86 обнаружено 9 непотревоженных захоронений майминской культуры гунно-сарматского времени (рис. 34).

Курганы майминской культуры не имели ярко выраженных рельефных признаков. Строительный материал насыпи майминских курганов (диаметр от 2 м) представлен грубообломочным материалом меньших размеров, чем у надмогильных конструкций скифского времени (северо-пазырьских, быстрянских и кара-кобинских). Кольцевая крепида майминских курганов имела эллипсоидные очертания. Каменные конструкции соединялись между собой. В основном курганы компактно располагались на юго-западном крае некрополя. В могильном заполнении фиксировались многочисленные угольки и следы прокалов почвы. После разборки камней во всех курганах выявлена крепида. Размеры могильных ям составили: длина 1,7 м, ширина до 0,7 м, глубина от материковой поверхности 0,19–0,5 м. Погребенные покоялись вытянуто на спине, головой на северо-запад, запад, юго-запад, восток, юго-запад-северо-восток и северо-восток. Руки были слегка согнуты в локтях. В большей части курганов отсутствовали деревянные внутримогильные конструкции. Из сопроводительного инвентаря следует отметить бронзовые нашивные бляшки с выпуклостями из кургана 61 (рис. 89). Производство этих изделий известно по материалам тагарской культуры на среднем Енисее со второй половины I тыс. до н.э. В майминских погребениях бляшки такого типа найдены исключительно на черепах погребенных. В одном случае сохра-

нился фрагмент налобной повязки, расшитой полусферическими выпуклыми бляшками, расположавшимися в два ряда одна над другой, со смещением в сторону. Интересно, что аналогичные детали головных украшений ранее зафиксированы Т.Н. Троицкой в захоронениях раннесредневековой верхнеобской культуры в Новосибирском Приобье. Не менее любопытны железные пряжки с подвижным язычком провинциального позднеримского типа (рис. 89, 4). Такие предметы являются датирующими. Они бытовали в Северном Причерноморье в I–II вв. н.э.

К заключительному этапу майминской культуры относится курганская группа **Усть-Муны-1**, расположенная на южной окраине с. Муны. К настоящему времени сохранились только 2 кургана. Один из них (диаметр 3,5 м) исследован А.П. Бородовским. Погребенный покоялся по центру могильной ямы, на спине, с вытянутыми вдоль туловища руками, головой на юго-восток (рис. 93). Сопроводительный инвентарь включает 4 железных наконечника, круглую железную пряжку, роговую накладку на лук, железный нож, бронзовую бляшку и 2 плохо сохранившихся железных изделия (рис. 93, 5). [Бородовский, 2003б; Бородовский, Ойношев и др., 2005, с. 28; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 58–59].

Единственным городищем горной долины нижней Катуни, которое относится к гунно-сарматскому времени, является **Черемшанка** (рис. 45). Среди сделанных на городище находок следует отметить половину глиняного пряслица, орнаментированного с одной стороны тремя концентрическими кольцами, выполненными соломинкой. Найдена проколка из отростка рога косули, крупный костяной наконечник дротика, просверленная рыбья кость, каменный пест со следами работы. Получена представительная коллекция керамики примерно от 50 сосудов [Киреев, 1991б, 1995а; Бородовский, Бородовская, 2001, с. 22; Соёнов, 2003, с. 21–22; Бородовский, Ойношев и др., 2005, с. 28; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 64–65].

На памятнике **Майма XXI** (сторожевой пункт) обнаружены 2 фрагмента тонкостенного сосуда с орнаментом из ряда неглубоких наклонных оттисков гладкого штампа. Найдки отнесены к майминской культуре I–V вв. н.э.

К случайным находкам гунно-сарматского времени ошибочно причислен медный котел из окрестностей с. Манжерок. Сведения о медном котле поступили от С.М. Кобзева в январе 2006 г. Бывший владелец сообщил следующие: металлический сосуд обнаружен «2 года назад»

(2004 г.) при проведении строительных работ на одной из турбаз с. Манжерок, о чем якобы писали в местной прессе. В 2006 г. котел доставили из г. Бийска на кафедру археологии, этнографии и источниковедения АГУ для атрибуции. Возможно, котел использовался в ритуальных целях. Более четкое соответствие изделию – находка из Балыктыюля. Предварительно котел из Манжерка можно датировать развитым (бело-бом-

ским) этапом булан-кобинской культуры II – первой половины IV в. н.э. [Тишкин, 2006]. Опросы местного населения, владельцев и персонала баз, расположенных в окрестностях с. Манжерок, проведенные А.П. Бородовским и А.Н. Политовым в 2006–2007 гг., а также анализ местной прессы за 2004–2005 гг. позволяют усомниться в принадлежности находки [Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 51].

2.4. ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В горной долине нижней Катуни немногочисленные памятники эпохи средневековья в основном сконцентрированы в Тавдинском археологическом микрорайоне, на левом берегу Катуни (рис. 120, 124). Отдельные археологические памятники встречаются на правобережье Катуни, на территории Майминского, Манжерокского и Усть-Мунинского микрорайонов.

Особое внимание привлекают случайные находки разнообразных предметов эпохи средневековья. Среди них каменная наковаленка с памятника *Манжерок-4* (рис. 21, 2), подпрямоугольная бронзовая бляшка с двумя шпеньками с памятника *Барангол*, керамический сосуд из *Дубровки* (рис. 9, 1). Сосуд имеет аналоги среди кыргызской керамики и, возможно, относится к завершающему этапу древнетюркской эпохи (конец I тыс. н.э.) – к сросткинской культуре [Киреев, Кудрявцева, Полосина и др., 1993, с. 162; Бородовский, Ойношев и др., 2005, с. 27; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 14].

Средневековые железные наконечники стрел найдены на памятниках Манжерок-6, Манжерокский Ключ и Усть-Муны-6. Их могли случайно потерять (Манжерок-6, Усть-Муны-6) или поместить в ритуальные комплексы у источников (*Манжерокский Ключ*) (рис. 9, 2). Находка датирована VIII–IX вв. н.э. [Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 50]. На нижней Катуни к настоящему времени, кроме манжерокских экземпляров, наконечники стрел обнаружены и у сел Усть-Муны и Чемал.

В 2008 г. у Манжерокского ключа найден фрагмент массивного бубенчика из светлой бронзы. Еще один бронзовый бубенчик есть среди материалов с *Соузгинского местонахождения-2*, в непосредственной близости от *Соузгинских Валов* (рис. 46). Бубенчик датируется концом I тыс. н.э. [Бородовский, Ойношев и др., 2005, с. 28; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 50]. Бронзовые бубенчики, как и бронзовая поясная

накладка из Барангола, могли быть тоже случайно утрачены и не связаны с ритуальным и погребальным объектами.

Керамика с поселений *Майма XIII* и *XIV* датирована ранним средневековьем (I тыс. н.э.).

Погребальные комплексы эпохи средневековья единичны и локализованы в основном на левом берегу Катуни (Бирюзовая Катунь-1 и -4, Тавдинские пещеры).

На одиночном кургане *Бирюзовая Катунь-1* (прежнее название «одиночный курган Тавдушка-1») вскрыто погребение человека в сопровождении коня (рис. 94, A). В составе инвентаря есть железные изделия – наконечники стрел, тесло и нож, а также каменная зернотерка и курант, гарнитура из стрелкового и основного пояса, железные удила с писалиями, два «восьмерковидных» стремени с петельчатым ушком, роговая подпружная пряжка. Скелет принадлежал мужчине преклонного возраста, у которого полностью отсутствовали зубы на верхней челюсти и частично – на нижней. В ногах погребенного стояла зернотерка. Согласно определениям кандидата биологических наук М.М. Силантьевой и доктора биологических наук Т.А. Терехиной, в погребении найдены неочищенные семена проса и сорняки (около лопаток коня). Комплекс предметов датируется катандинским этапом древнетюркской культуры Горного Алтая (вторая половина VII – первая половина VIII в. н.э.) (рис. 94, 1–26) [Кирюшин, Кондрашов и др., 2006; Кирюшин, 2006]. Погребение аналогично многим памятникам этого периода, в т.ч. погребению, исследованному у очистных сооружений г. Горно-Алтайска (рис. 95).

В одиночном кургане *Бирюзовая Катунь-4* изучено захоронение мужчины. Здесь собран богатый сопроводительный инвентарь: колчанный пояс, 14 железных наконечников стрел, железные нож, шило и тесло, бронзовая серьга и полный комплект поясного набора. Курган датирован тюркским временем [Соснин, 2008, с. 14–15].

На территории Тавдинского археологического микрорайона (природный парк «Бирюзовая Катунь»), у подножия Большой Тавдинской пещеры, в 2004 г. П.И. Шульга раскопал курган тюркского времени на памятнике **Тавдинские пещеры-1** (рис. 96). В кургане был похоронен подросток с жеребенком. Сопроводительный инвентарь включал роговые накладки на лук, 2 железных трехгранных наконечника стрел со свистунками, железный нож, кочедык, бронзовую подвеску-украшение, серебряную обувную застежку, псалий из рога, стремя, удила. Курган датирован VII–VIII вв. н.э. [Киришин, 2006].

Грунтовое захоронение эпохи позднего средневековья в горной долине нижней Катуны пока выявлено всего одно – **Манжерок-11**. Здесь на ноге погребенного найдена связка белых бус [Бородовский, Ойношев и др., 2005, с. 35; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 49].

Поминальные оградки **Бирюзовая Катунь-1** и **-3** располагаются в Тавдинском археологическом микрорайоне (природный парк «Бирюзовая Катунь»). Рядом с одной из них есть каменное изваяние с изображением человека [Киришин, Киришина, 2006]. Каменные оградки имеют внутреннюю выкладку из галечника, что, вероятно, связано с технологией их сооружения и местоположением. В отличие от оградок средней Катуны, выложенных на террасе с использованием грубообломочного материала, оградки нижней Катуны сооружены в пойме.

Остатки фортификационных сооружений эпохи позднего средневековья – **Соузгинские Валы** – находятся на 300 м от с. Соузга, по дороге к с. Манжерок (рис. 46). От укрепления сохранилась стена, разрезанная на две половины Чуйским трактом. Протяженность мощных и сложных оборонительных сооружений составляет более километра. Валы достигают ширины 10 м и высоты 8 м. Первоначально Соузгинские Валы перекрывали вход на правобережье нижней Катуны на участке максимального расширения горной долины [Уманский, 1959, с. 104; Бородовский, Ойношев и др., 2005, с. 27].

Производственные площадки эпохи средневековья немногочисленны – печи **Манжерок-10**, выложенные из грубого камня. Это сооружение, возможно, относится ко II тыс. н.э. [Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 49].

Памятник черной металлургии **Усть-Барангол** (остатки печей по производству железа и шлаки) расположен в окрестностях с. Барангол. Печи датированы Н.М. Зиняковым второй половиной I тыс. н.э. Выплавка металла на Алтае в средне-

вековье проводилась по единой технологии, в однотипных сырдутных печах, не имеющих прямых аналогий на других территориях. Все печи шахтного типа возводились на глубине 1,2–1,5 м. Общие размеры колебались в следующих пределах: длина 1,2–1,5 м, ширина 0,35–0,65 м, высота до 2 м [Зиняков, 1988, с. 72, 153, 200; Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 10].

Еще одна железноделательная площадка выявлена на юго-восточном краю некрополя скифского времени Чултуков Лог-1 (рис. 47, 3). Сооружение **Чултуков Лог-1ж** перекрывало один из детских курганов эпохи раннего железа. В центре конструкции обнаружены остатки керамического горна с двумя соплами. Под горном располагалась массивная крица. Вокруг горна сохранилось несколько тонких сосновых шестов от деревянной конструкции. К северо-востоку от этой конструкции лежал скелет крупного хищника. Он, возможно, связан с ритуалами при железноделательном производстве. Конструкция горна имеет аналогии среди железноделательных приспособлений, известных у шорцев вплоть до XVII в. Интересно, что недалеко от этой железноделательной площадки сохранилась русская топонимика, связанная с традиционным металлургическим производством. Вплоть до недавнего времени известны два места под названием «Первая загнетка» и «Вторая загнетка». Здесь, по рассказам старожилов, в конце XIX – начале XX в. выжигали древесный уголь для кузнецкого производства.

По кромке террасы могильного поля курганный группы Чултуков Лог-1 проходит сувак (оросящий канал) **Чултуков Лог-1а** (рис. 48, 49). Общая протяженность сувака составляет 200 м, ширина 1,0–1,5 м, глубина около 0,5 м. Датировка сувака более поздняя, чем курганов эпохи раннего железа в урочище Чултуков Лог, поскольку сувак у самого края террасы перерезает насыпи нескольких курганов. Аналогичные случаи отмечены С.В. Киселевым при обследовании древних оросительных систем Горного Алтая еще в 1930-е гг. в Курайской степи. Сувак Чултуков Лог-1а является одним из наиболее северных традиционных мелиоративных сооружений на Горном Алтае.

Каменное антропоморфное изваяние у поминальной оградки **Бирюзовая Катунь-3** выполнено на стеле, грани которой обработаны по периметру. Четко очерчен овал лица, глаза, рот, головной убор и левая рука, в которой находится сосуд [Киришин, Киришина, 2006; Киришин, Семибратьев и др., 2006]. Находка относится к разновиднос-

ти «лицевых» изваяний, где на камне изображено только лицо человека. Аналогичные изваяния встречены на средней Катуни (погребально-поминальный комплекс Чобурак-1) и в с. Чепош (Чепош-5). Еще одно древнетюркское изваяние с выделенной головой и туловищем обнаружено в окрестностях г. Горно-Алтайска. К западу от горной долины нижней Катуни каменное изваяние тюркского времени найдено на территории Гилёвского водохранилища.

Руническая надпись с реки Усть-Уба датируется IX–XI вв. Она состоит из двух горизонтально расположенных знаков (рис. 52, 2). Линии прорезаны острым (скорее всего, металлическим) инструментом и четко видны на камне. Частично знаки перекрыты лишайником. Первый (правый) знак соответствует мягкой букве «р» (рус.) и «г» (лат.) орхено-енисейского алфавита. Его размеры: высота до 4,8 см, ширина до 4,5 см. Второй (левый) знак обозначает твердую букву «т» (рус.)

и «т» (лат.), характерную для енисейского варианта рунического письма. Его размеры: высота до 4,7 см, ширина до 4 см.

Датированы надписи (840 г.– XI в.) авторами открытия по характерному написанию буквы «т», встречающемуся в енисейских надписях, но неизвестному по архонским текстам. По аналогии с более полными руническими текстами Горного Алтая можно предположить, что надпись передает словосочетание *эр аты* – «его мужское имя» или «его мужа-воина имя» [Кирюшин, Горбунов и др., 2007]. Выше рунической надписи нанесено резное изображение, напоминающее «солярный» символ (возможно, тамга) (рис. 52, 1) [Кирюшин, Горбунов и др., 2007].

Эпохой средневековья, вероятно, можно датировать петрографический памятник *Теплый Ключ*. По сведениям А.Н. Политова, здесь представлены рисунки животных и антропоморфные персонажи [Бородовский, Бородовская, 2005, с. 40].

2.5. ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАСПОЛОЖЕНИЯ РАЗНОВРЕМЕННЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Расположение археологических памятников различного времени и культурной принадлежности имеет на территории горной долины нижней Катуни определенные особенности.

Афанасьевские поселения расположены в предустьевых долинах малых рек (Муны-1, Манжерок-7) [Молодин, Петрин, 1985, с. 71] или в устье притоков Катуни (Манжерок-5). Единичные экземпляры афанасьевской керамики найдены на высоких Катунских террасах (Манжерок-3) [Бородовский, 2006].

Погребальные комплексы афанасьевской культуры локализуются на высоких мысовидных уступах террас (Чултуков Лог-3) у горных склонов, на скальных прижимах (Илбик), на участках древней поймы средней Катуни (Чепош-3, Чемал-2 и -3) [Бородовский, 2004].

На территории нижней Катуни афанасьевские курганы размещались недалеко (в 1,5–2,0 км) от поселенческих комплексов, в речной долине, удобной (по мнению П.И. Шульги) для выпаса скота в зимнее время. На юге, выше по течению, сформировались обширные афанасьевские некрополи (Чемал-2 и -3). Северней находятся одиночные курганы (Илбик, Усть-Муны-3) и небольшие курганные группы (Чултуков Лог-3), объединяющие несколько насыпей (рис. 98) [Бородовский, 2006].

В расположении погребальных и поселенческих комплексов эпохи раннего железа на территории горной долины нижней Катуни тоже прослеживаются определенные закономерности (рис. 99). Все курганные группы эпохи древних кочевников локализованы на надпойменной террасе у подножия гор. Курганные группы объединены в цепочки, вытянутые в основном с севера на юг и с запада на восток, вдоль или поперек речной долины. Курганы располагаются в шахматном порядке. Расстояния между курганными группами на правобережье Катуни (Чултуков Лог-1 -2, Барангол-1, -2 и -4) составляет 15–20 км, что соответствует дневному конному переходу. На противоположных берегах Катуни встречены «зеркально» расположенные курганные группы (Талда – Чултуков Лог-1 и -2), что характерно для некрополей скифского времени в Новосибирском Приобье.

Погребальные памятники эпохи раннего железа обнаружены поблизости от летних стоянок в устье или предустьевых долинах малых притоков нижней Катуни [Молодин, 1986] (Муны, Мунушка, Манжерочка, Усть-Тавдушка-1 и -2). Городища (Манжерок-3, Барангол-5) находились выше по течению от курганных групп (Чултуков Лог-1 и -2, Барангол-1, -2 и -4), на расстоянии 1,5–2,0 км. Аналогичное расположение городищ и курганных групп эпохи раннего железа характерно для рав-

нинного участка нижней Катуны у сел Суртайка, Березовка и Сростки.

Перейдем к археологическим памятникам гунно-сарматского времени (рис. 118). Майминские погребальные конструкции находились на юго-западной периферии скифского могильного поля (Чултуков Лог-1). Очевидно, это связано с заключительным периодом его функционирования. Следует подчеркнуть, что в трех километрах ниже по течению Катуны от майминского могильника Чултуков Лог-1 есть синхронное городище Чемешанка. Такое расположение единовременных и однокультурных городищ и погребальных комплексов на нижней Катуне формировалось, начиная со скифского времени. Однако в гунно-сармат-

ский период городища находились относительно могильников не выше, а ниже по течению реки. Вероятно, это объясняется иными принципами планировки жилого и погребального пространства у населения начала I тыс. н.э.

Погребальные памятники древнетюркского времени на территории горной долины нижней Катуны немногочисленны. В основном они сосредоточены на левом берегу (рис. 120). Очевидно, количество населения здесь по сравнению с эпохой раннего железа существенно уменьшилось. Об этом свидетельствует количество и плотность расположения памятников. Данная территория вновь стала периферийной зоной для археологических культур Горного Алтая.

Г л а в а 3

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ГОРНОЙ ДОЛИНЫ НИЖНЕЙ КАТУНИ В ЭПОХУ МЕТАЛЛА

Особые климатические условия (влажность, быстрый процесс образования почвенного покрова и залесенность), определенная недоступность и изолированность (относительно поздняя прокладка основы современного транспортного сообщения) территории горной долины нижней Катуны стали залогом сохранности многочисленных археологических комплексов. Вследствие этого уровень разграбленности погребальных памятников нижней Катуны менее значителен по сравнению со средней Катунью. В настоящее время здесь можно выделить зону, где потревоженные захоронения (Барангол-1, -2 и -4, Чултуков Лог-1 и -2, Усть-Муны-1, Талда, Бирюзовая Катунь-1) являются редким исключением среди сохранных археологических объектов.

Удобство территории нижней Катуны отражено в существовании целого ряда многослойных и разновременных археологических комплексов, формирование которых началось в эпоху камня (Майма I, II, III, V, XII, XVIII и XXI, Едрала-4, Усть-Сема, Усть-Сема-3, Тавдинский Грот) и продолжилось в эпоху бронзы (Муны-1, Манжерок-3 и -5), раннем железном веке (Майма VII, XV и XIX, Чултуков Лог-1) и гунно-сарматском периоде (Майма XIII и XIV) (рис. 97–99, 118, 120). Однако для этих комплексов вряд ли была характерна преемственность. Например, идея о доживании «афанаьевцев» до эпохи ранних кочевников обсуждалась на материалах средней и нижней Катуны с конца XX в. [Абдулганеев, Киришин, и др., 1982, с. 52, 54, 74; Плотников, 1992, с. 18; Бородовский, 2001в]. В настоящее время данная точка зрения подвергнута аргументированной критике [Тишкин, 2007, с. 90, 91]. В свою очередь, это позволяет усомниться в возможности существования на территории горной долины нижней Катуны районов-микроризолятов [Бородовский, 2001в, с. 59], аналогичных тем, что существовали на Северном Алтае в конце XIX – начале XX в., согласно этнографическим данным [Славнин, 1991, с. 180].

Специфику расположения археологических памятников в горной долине нижней Катуны отражают признаки древней сейсмоактивности, выявленные на курганной группе скифского времени Чултуков Лог-1 и многослойном разновременном поселении Муны-1 (рис. 117). При изучении курганов Чултукова Лога-1 выявлен целый ряд таких признаков. Например, над каменными насыпями курганов лежали огромные камни-валуны, которые, очевидно, скатались с горы Черепан и перекрыли курганы в V–III вв. до н.э. Громадные камни-валуны не только деформировали каменные насыпи и продавили кольцевые крепиды, но и придали захоронениям, расположенным ближе к горному склону, некоторые общие особенности. В частности, сильно сдвинутыми оказались стенки каменных ящиков (в ряде случаев они даже упали внутрь погребения), нарушен анатомический порядок расположения костей погребенных, хотя все исследованные курганы не ограблены. Все это позволяет говорить о том, что после III в. до н.э., на рубеже эр, на Алтае имело место мощное землетрясение. Сходные признаки древних землетрясений выявлены на некоторых средневековых курганах Монголии (рис. 117, I) [Трифонов, Караканян, 2004].

При исследовании многослойного поселения Муны-1 тоже были обнаружены характерные признаки землетрясения, очевидно, произошедшего в конце II – начале I тыс. до н.э. Один из признаков – определенное расположение фрагментов керамики, рассеянной в виде своеобразных эллипсов вокруг центральной точки. Эти фрагменты принадлежали к афанаьевской культуре, относящейся к более древнему времени, чем верхний слой памятника, датированный эпохой раннего железа. Аналогичное расположение фрагментов керамики в результате древнего землетрясения прослежено на археологических памятниках Карелии.

3.1. ФОРМИРОВАНИЕ ГРАНИЦ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР

Пространство и время – наиболее естественные и органические координаты культуры. Проблемы соотношения культуры и пространства, их взаимодействия чрезвычайно актуальны как в сфере научного поиска, так и в непосредственной практической деятельности, включая охрану историко-культурного наследия [Замятин, 2006, с. 7]. Культура, для осмыслиния собственного пространства и пространства других культур, должна выработать механизмы образной интерпретации пространства, создания его специфических географических образов [Замятин, 2006, с. 8, 9].

Определенный уровень и своеобразие самой культуры выступают непременным условием качества создаваемого синтетического образа культурного ландшафта, но и сами образы придают культуре неповторимость и уникальность [Замятин, 2006, с. 41]. Это в полной мере отражает районирование – уникальная субъект-объектная деятельность, прочно объединяющая особенности территориальных структур. Районирование – не только центральное понятие теоретической географии, но и широкий географический образ, позволяющий «осваивать» пространство и время.

На археологическом уровне районирование наиболее полно представлено в микрорайонах археологических памятников. Для территории горной долины нижней Катуны к эпохе металлов сложилась целая система археологических микрорайонов (правый берег – Майминский, Соузгинский, Черемшанский, Манжерокский и Усть-Мунинский, левый берег – Талдинский, Тавдинский и Усть-Семинский) (рис. 97).

Появление значительного количества археологических памятников на территории горной долины нижней Катуны связано с миграционным фактором. Миграции запустили многие процессы, в т.ч. заселение и хозяйственное освоение территории, этногенез.

Горная долина нижней Катуны издавна являлась естественной миграционной зоной для животных и людей. В связи с этим особенно показательны маршруты перемещения косуль. По данным Г.Г. Собанского, здесь сходятся три из пяти миграционных путей названных животных, направленных вглубь алтайских гор [1992, с. 134, рис. 12]. Археологические свидетельства (орудия труда, детали конского снаряжения, предметы культа) косвенно подтверждают интенсивность миграционных потоков косули в древности и средневековье [Бородовский, 2007, с. 45–47]. Дополнительная информация содержится и в современной топо-

нимике побережья нижней Катуны, как тюркской («Эликмонар» – загон для косуль), так и русской («кладовки» – места, где «набивались» во время миграции косули). Миграционные пути косуль в районе р. Убы коррелируют с распространением древнетюркской руники на Северном Алтае. Именно в узком ущелье, где еще во время Великой Отечественной войны осенью осуществлялся массовых покол косуль, найдена надпись «его мужское (геройское) имя» или «его мужа-война имя» [Кирюшин, Горбунов и др., 2007, с. 58]. Охота, по средневековым центральноазиатским представлениям, была лучшей школой войны, а промысел диких копытных – одна из излюбленных сцен древнетюркских гравировок Горного Алтая (Усть-Канская писаница, гравировки Мьюты-3, декор роговых лук седла могильника Кудырге) [Бородовский, 1986, с. 39].

Модусы миграции, выделенные В.П. Алексеевым [1979], имеют особое значение для этногенеза. Из трех вариантов миграций на археологическом материале территории горной долины Нижней Катуны бассейне особенно отчетливо представлены два. Одним из них является ситуация, когда переселенцы немногочисленны. Это справедливо как для эпохи ранней (афанасьевская культура) и поздней бронзы (ирменская культура), так и для средневековья (древнетюркская культура). Другим вариантом миграционного модуса является ситуация, когда численность переселенцев и местного населения примерно равна, как в предгорьях и низкогорьях Северного Алтая в эпоху раннего железа. Встречное движение друг к другу представителей быстрянской, северо-пазырыкской и кара-кобинской археологических культур привело к образованию в горной долине нижней Катуны поликультурных погребальных комплексов скифского времени (Чултуков Лог-1).

В связи с миграционной активностью населения Северного Алтая в эпоху раннего железа нами выдвинута гипотеза о появлении здесь керамических сосудов с вертикальными рассечеными налепами. Согласно ей, глиняная посуда с такими элементами из быстрянских памятников Бийск-1, Быстрянка, Майма IV и VI является имитацией кожаных вместилищ. Появление такой керамики, согласно более поздним историческим аналогиям (кидани и венгры), стало результатом оседлости в кочевой среде [Бородовский, 1990, с. 128]. Действительно, освоение поросшей лесом, достаточно узкой горной долины нижней Катуны было одним из факторов, существенно изменяющих

возможности кочевания на открытых степных пространствах предалтайской равнины носителей быстрянской культуры, а в горно-степной зоне – «пазырыкцев». Для майминской культуры в гунно-сарматское время территория горной долины нижней Катуны была не только основной зоной распространения, но и естественной магистралью для проникновения вплоть до средней Катуны (поселение Аскат-1).

По масштабам территориального охвата принято различать внешние (межконтинентальные) и внутренние (региональные) миграции. Для характеристики особенностей второй разновидности на нижней Катуни С.А. Киреев использует термин «тихая миграция» [1994а]. При всей специфичности данное определение имеет явное сходство с геологической терминологией, что соответствует медленному, постепенному смещению геологических пластов в определенном направлении. Именно таким образом, по мнению С.А. Киреева, происходило продвижение представителей быстрянской культуры из предалтайской равнины вглубь горной долины Катуны.

Близкий характер миграции населения был характерен для нижней Катуны с начала XIX до начала XX в. Например, при появлении русского миссионерского стана на р. Майме в середине XIX в. отмечено перемещение местного алтайского населения в верховья рек Манжерок и Чепош [Мамет, 1994, с. 27], что соответствует южной границе горной долины нижней Катуны. Русские поселения на кумандинских землях стали возникать еще в начале XIX в. До начала XX в. состав жителей этих населенных пунктов был смешанным [Назаров, 2008, с. 155]. Спустя столетие приток русского населения стал настолько значительным [Славнин, Шерстова, 2008, с. 90–92], что во многих селах (например, в с. Тарханскоем), основанных ранее местным населением (тубаларами), полностью изменились национальный состав и название (Быстрянское). При этом у русского населения горной долины нижней Катуны в районе с. Манжерок не только возникла специализация (плотогонный промысел), но и сохранились традиционные связи со степными районами предгорий. В обмен на лес население с. Манжерок получало зерно, производство которого на месте в необходимых для потребления объемах было невозможно вследствие ограниченных пахотных угодий [Бородовский, Бородовская, 2005, с. 48–55].

Однако на основе археологических данных вряд ли можно говорить об исключительно мирном характере миграционной активности на Северном Алтае в скифское время. Тесное соприкосновение

и взаимодействие различных культур вполне закономерно приводило к конфликтам, которые становились причиной вооруженных столкновений. Для территории нижней Катуны в материалах быстрянской и северо-пазырыкской археологических культур выявлена целая серия мужских черепов со следами военного травматизма. Основная часть ударов была последовательно нанесена чеканом в теменную область. Такие смертельные ранения могли быть результатом поединков двух пеших воинов, всадника и пехотинца, или двух всадников. Для быстрянской культуры факты такого травматизма выявлены в основном на предалтайской равнине (Бийск-1) [Завитухина, 1961, с. 92]. Погребения носителей северо-пазырыкской культуры с такими ранениями известны на территории горной долины нижней Катуны в курганной группе Барангол-2. В кургане 8, в парном захоронении мужчин в сопровождении коня, череп одного из погребенных имел два отверстия от чекана (рис. 57). Такие случаи характерны для пазырыкских погребений на востоке и юге Горного Алтая (Второй Пазырыкский курган, Уландрыйк II), Тувы (Саглы-Бажи II) и Западной Монголии (Улангомский могильник) [Кубарев, 1987, с. 65].

На левой тазовой кости мужского скелета из северо-пазырыкского захоронения кургана 38 памятника Чултуков Лог-1 обнаружены 6 отверстий от ударов чеканом. Все они нанесены последовательно. Можно предположить, что нападавший располагался перед жертвой с правой стороны. Два удара чеканом оказались сквозными и, очевидно, были нанесены с большой силой. Наличие следов травматизма в нижней части тела погребенного может быть связано с нападением пешего воина на всадника. Именно такой поединок изображен на золотом скифском гребне из кургана Солоха в Северном Причерноморье. Погребение мужчины с ранениями чеканом в области пояса из Чултукова Лога-1 датируется IV–III вв. до н.э., т.е. синхронно «скифскому» изображению.

Эти факты противоречат предположениям об исключительно мирных контактах представителей быстрянской и пазырыкской культур на нижней Катуни [Абдулганеев, Кунгиров, 1996, с. 155]. Появление быстрянских городищ на реках Иша, Березовка и Манжерок, а также в окрестностях с. Барангол подтверждает возможность существования конфликтных ситуаций [Абдулганеев, Кадиков, 1991, с. 67]. Имеено поэтому перемещение и взаимодействие населения скифского времени вряд ли можно охарактеризовать понятием «тихая миграция». Она вероятна лишь в случае временного запустения предгорий и низко-

горий Северного Алтая, что произошло после бурных событий второй половины XVIII в. В эпоху раннего железа сложилась совершенно иная ситуация: демографический рост, мобильность населения и увеличение количества конфликтов. Об относительном запустении территории горной долины нижней Катуны можно говорить не ранее гунно-сарматского времени (майминская культура). В полной же мере эта тенденция проявилась в древнетюркскую эпоху. Объективным отражением этого стало постепенное сокращение количества разновидностей археологических памятников (городищ, поселений, курганных групп, случайных находок).

Во второй половине I тыс. до н.э. многочисленные носители лесостепной быстрянской культурной традиции продвинулись по долине Катуны достаточно глубоко на юг, в горы, на расстояние почти 200 км. На данной территории они вступили в тесные контакты с представителями северо-пазырыкской культуры. Возможно, эти культурные связи (а не миграции пазырыкцев) [Молодин, 2000] обусловили в дальнейшем проникновение предметов «пазырыкского облика» далеко на север, включая территорию лесостепного Приобья. В ходе межпопуляционных контактов произошло распространение признаков сходной материальной культуры [Яблонский, 2007, с. 141]. Существенная близость керамических комплексов быстрянской и пазырыкской культур отражает значительность степени взаимодействия и культурных связей. Керамика включает кувшиновидные сосуды с прокраской, рельефными рассечеными валиками и петлевидными налепными ручками у горловин. Среди сосудов с налепными рассечеными валиками особое внимание следует обратить на те, что интерпретированы как имитации кожаных вместилищ, известных по материалам пазырыкской культуры [Бородовский, 1990]. Еще одним прототипом такой керамики у быстрянского населения могли быть пазырыкские сосуды из рога [Феномен..., 2000, с. 155].

Не менее любопытны сосуды с выступами (рис. 103). Такая керамика изредка встречается в северо-пазырыкских погребениях на нижней и средней Катуни и имеет аналоги не только на среднем Енисее в материалах тагарской культуры, но и среди находок, принадлежащих староалейской культуре [Фролов, 2008, с. 20, рис. 2, 2]. Отдельные экземпляры такой посуды найдены на севере Новосибирского Приобья (Березовый Остров-1). Подобная керамика на Северном Алтае появилась как следствие восточных и северных контактов, известных ранее исключительно по материалам

«тагарских» бронз (рис. 113). Существенное значение при этом принадлежит горно-таежной зоне Саяно-Алтая, соединяющей алтайские и средне-енисейские территории [Кимеев, 1987, с. 56].

Сходство деталей поясной гарнитуры и женских головных украшений с верхней Оби, из Горного Алтая и Тувы [Семенов, 2000, с. 179; Чугунов, 2001, с. 173–178] тоже результат активных контактов или общего происхождения древнего населения эпохи раннего железа Южной Сибири.

Наряду с бронзовыми петельчатыми «бабочковидными» поясными бляхами (рис. 78, 7) такими предметами являются *триквестры* (рис. 110). Данный термин ввел А.Д. Грач для характеристики рельефных окружных украшений Тувы, напоминающих «кокарду». Декор этих изделий, как правило, выполнен в скифо-сибирской изобразительной традиции. На территории нижней и средней Катуны триквестры встречены в северо-пазырыкских женских захоронениях (рис. 107). Одним из примеров подобного комплекса является курган 13 могильника Майма IV. В захоронении рядом с черепом погребенной выявлены остатки головного убора, каркас которого выполнен из железа. Сам головной убор изготовлен из какого-то органического материала. Судя по сохранившимся под воздействием окисла бронзы фрагментам, это был войлок. Основная часть головного убора имела форму колпака. Спереди головной убор имел высокий стержень, украшенный навершием из золотой фольги. На лицевой части над железным каркасом убора крепилась литая позолоченная бронзовая бляха с изображением трех бараньих голов (рис. 110, 3). Здесь же найдены железные шпильки [Бурыкина, 1989, с. 69; Киреев, 1994б, с. 41].

В коллективном погребении женщин кургана 7 могильника Барангол-2 найдены остатки остроконечных головных уборов: органический материал черного цвета. На голове одной из погребенных сохранились фрагменты сложного конического головного убора (сажный тлен конических очертаний) (рис. 56, A; 107, 7). Видимо, он аналогичен шапочке из органических материалов, обнаруженной в пазырыкском могильнике Ак-Алаха-1 на плоскогорье Укок [Феномен..., 2000, с. 57–119; Полосыма, 2001, с. 143–160]. В длинный конический отросток была воткнута длинная бронзовая шпилька с округлым деревянным резным навершием, боковая поверхность которого декорирована узкими вертикальными нарезками, похожими на долики маковой головки (рис. 108, 6–8). Бронзовые шпильки с круглыми деревянными резными долькообразными навершиями – типичные элементы пазырыкских головных украшений (рис. 56,

12, 13). Такие шпильки с шаровидными навершиями найдены в курган 9 могильника Юстыд XIII [Кубарев, 1991, с. 111; табл. LXII, 5].

В лобной части головного убора находился массивный бронзовый триквектр с изображением головы ушастого грифона, крепившийся на длинный железный стержень, перпендикулярный бронзовой заколке (рис. 56, 11). Изделие плакировано золотой фольгой и снабжено длинной железной булавкой. Бронзовые триквектры обнаружены в ряде погребений эпохи раннего железа на Алтае (Майма IV, Черный Ануй-3) и в Туве. Тыльная сторона головного убора в районе затылка отделана небольшими фрагментами оловянной фольги (сохранились 6 фрагментов).

В изголовье другой погребенной найдены остатки сложного головного убора. От него сохранился мощный сажистый след конических очертаний. Аналогичные следы от головных уборов-париков обнаружены в кургане 1 памятника Барангол-1. Бронзовые булавки были украшены шаровидными резными навершиями из дерева.

В курганах 11, 12, 37 и 46 (рис. 66, 4; 108) памятника Чултуков Лог-1 выявлены женские захоронения с головными уборами-париками, окрашенными в черный цвет [Кубарев, 1987, с. 135; Феномен..., 2000, с. 78, 163–167] (рис. 107, 1). В большинстве указанных погребальных комплексов парики были украшены длинными заколками с триквектрами. Орнамент этих изделий представлен зооморфными и солярными мотивами (рис. 109). Среди зооморфных изображений есть практически все образы скифо-сибирской изобразительной традиции: копытные (бараны), хищные (волки), орнитоморфные (орлы и грифоны).

Семантика этих образов достаточно разнообразна. Изображение головы барана (рис. 109, 1) вполне может являться *фарном* – символом удачи эпохи ранних кочевников [Бородовский, 2004, с. 135–140]. Сюжет с тремя орлами, распостершими крылья (рис. 110, 2), представляет наиболее типичное пазырыкское изображение. Но, с другой стороны, сама композиция имеет интересные аналогии в ведических гимнах, посвященных смерти («Атхарваведа»). В них упоминаются три орла, восседающие на вершине верхнего небосвода, наполненные амритой – напитком бессмертия богов, приготовляемым из растения *сомы* [Бородовский, 2003в]. Образ ушастого грифона (рис. 110, 1) явно не случайно совмещен с солярным орнаментом. Такой декор на триквектрах имеет различную ориентацию. Часть предметов декорирована солярным орнаментом, направленным в правую сторону. Другие изделия имеют подобный орна-

мент с левосторонней ориентацией. Это, в свою очередь, может иметь параллели с реальным движением солнца по небосклону. Направление слева направо соответствует движению «по солнцу», а направление справа налево – движению «встречь солнцу». Сочетание изображений грифона именно с левосторонней, обратной естественному движению солнца направлению, может соотноситься с хтоническими началами, одним из атрибутов которых является грифон.

Не менее любопытны хронологические особенности триквектра как части сопроводительного погребального инвентаря. Учитывая, что по конструкции триквектры являются биметаллическими изделиями (бронзовое навершие и железный стержень), их вполне можно рассматривать как датирующие предметы. Поскольку хронология изделий скифского времени, сочетающих в конструкции бронзу и железо, не выходит за пределы середины I до н.э., то такой датировке не будет противоречить возраст солярного декора на триквектрах (рис. 111).

Кроме триквектров в северо-пазырыкских захоронениях курганного могильника Чултуков Лог-1 обнаружены биметаллические *акинаки* (курган 36), бытовавшие не позднее середины I до н.э. Все это свидетельствует о достаточно раннем появлении носителей пазырыкской культуры на нижней Катуне. Очевидно, они достаточно быстро освоили эту территорию.

На Северном Алтае «пазырыкцы» вступили во взаимодействие с носителями быстрянской культуры. Отражение данного процесса наглядно на образцах художественной резьбы по рогу. Косторезный центр скифского времени на нижней Катуне, выделенный А.П. Бородовским [2007, с. 141, рис. 123], локализовался на стыке южного ареала быстрянской и северного ареала пазырыкской культур. Не случайно резная роговая бляха с изображением кошачьего хищника, оскалившего пасть, из быстрянской курганной группы Майма VII на нижней Катуне [Акимова, Бородовский и др., 2008, с. 101, рис. 43] имеет аналоги в материалах пазырыкских курганов Чобурак II на средней Катуне [Кирюшин, Семибратьев и др., 2007, с. 273, 274, рис. 1, 3, 4]. Другим примером является сходство декора резных роговых пронизей с изображением кошачьих хищников из быстрянского могильника Бийск-1 [Завитухина, 1961, с. 89–108] и среднекатунского пазырыкского могильника Кок-Эдиган [Худяков, Борисенко, 2002, с. 105–110]. Интересно, что, по свидетельствам исследователей второй половины XX в., единичные факты появления возможного прооб-

раза изображений снежного барса известны как в районе средней Катуны, так и в горной долине нижней Катуны.

Интенсивные культурные контакты отражает и типология поселений Алтая эпохи раннего железа, предложенная М.Т. Абдулганеевым и В.Н. Владимировым. Наряду с двумя типами быстрянских поселений (тип 3 и 4) выделяется смешанная группа (тип 6), расположенная от лесостепи до гор и относящаяся по керамическому материалу к различным археологическим культурам. Наиболее ярким примером является быстрянское поселение Майма I [Абдулганев, Владимиров, 1997, с. 49, 51–59].

Любая культура имеет собственные, уникальные пространственные измерения [Быстрова, 2004, с. 28; Замятин, 2006, с. 7]. Миграции – один из наиболее важных факторов формирования географических образов территории. В процессе миграции осуществляется перенос определенных пространственных представлений на новую территорию, где происходит столкновение и взаимодействие автохтонных и «пришлых» пространственных представлений [Замятин, 2006, с. 16, 113].

В горной долине нижней Катуны эти процессы зафиксированы в этнографических и археологических материалах. В окрестностях с. Манжерок у вытесненных алтайцев и пришедших им на смену русских существовали совершенно разные модели восприятия одного и того же пространства. Если алтайцы считали территорией проживания Катунь вниз по течению (с запада или северо-запада), то русские – исключительно вверх по течению (с востока или юго-востока).

Аналогичные принципы расположения различных объектов (курганов и городищ) были характерны для населения этой территории в скифское и гунно-сарматское время. В середине I тыс. до н.э. городища существовали относительно курганов выше по течению. Спустя пятьсот лет, при смене населения, городища уже располагались ниже по течению Катуни, а курганы – выше. Такое взаиморасположение жилой и погребальной зон скифского времени подтверждают внутримогильные конструкции (каменные ящики) курганной группы Чултуков Лог-1. Материал для их сооружения брали на выходах плитняка (достаточно редких для этих мест) в 15 км выше по течению Катуни от современного села Муны. Материал с этого месторождения до сих пор используется в строительстве.

Одним из наиболее мощных географических образов является образ границы – эффективное средство для характеристики пространственно-

го саморазвития. Географическое пространство самоопределяется пограничными процессами, а границы и их образы структурируют фундаментальные общественные представления [Замятин, 2006, с. 46].

Репрезентация историко-географического образа границы связана как с непосредственным выделением пограничных территорий и самих границ, так и с выявлением особых специфических пограничных символов и знаков, историко-географически соответствующих определенным границам и пограничным пространствам [Замятин, 2006, с. 310]. Выделяются две основных стратегии репрезентации историко-географического образа границы – прямая и косвенная. Согласно первой, основу границы составляют визуальные символы и знаки, сопровождаемые определенными ритуалами [Замятин, 2006, с. 312]. Например, при демаркации границ на Алтае в конце XIX в. между Цинским Китаем и Российской империей из района современного с. Усть-Кан были извлечены половинки пограничных табличек, которые по традиции помещали на границах Китая. Их вторые половинки хранились в Пекине [Самаев, 1991, с. 180].

Косвенная стратегия определения границ основана на осознании границ в определенный исторический период и соотношении границ различных типов (природных, этнических, социально-экономических, культурных, политических) [Замятин, 2006, с. 312]. Например, по представлениям алтайцев еще в начале XX в. Катунь являлась границей Алтая. К западу от реки – Алтай, к востоку, по правому берегу реки – «чернь» [Сапожников, 1912, с. 20]. Не менее значима культура географических и путевых описаний – одна из методологических традиций исследования понятия «образ пространства» [Замятин, 2006, с. 39]. По описаниям В.Я. Шишкова, в 1914 г. граница между «Русью и Ордой» проходила в районе западного притока Катуни – р. Сема у с. Мынто. Если в селе еще можно было достать традиционные для русских продукты питания (хлеб, овощи и др.), то при продвижении на юг следовало рассчитывать только на традиционную пищу кочевников (мясо, молоко) [По дважды..., 2003, с. 60, 61]. Особенности заготовки пищевых ресурсов являются ярким культурным признаком [Далин, 1981, с. 202]. Так, в окрестностях с. Манжерок многокомпонентность состава современного населения отражена в разнообразии способов подрезки ствола березы для заготовки березового сока весной.

Согласно археологическим данным, пограничный характер территории в районе с. Мынто подтверждается наличием здесь одного из северных

пунктов (Мынота-3) распространения центрально-азиатской петроглифической традиции (рис. 52, 3–5) [Бородовский, Бородовская, 2005, с. 37–40; Бородовский, Ойношев, Соёнов, 2005, с. 39].

Границы различных археологических культур начали складываться на территории горной долины нижней Катуны уже в финале палеолита. Например, на комплексе верхнепалеолитических стоянок Маймы представлены материалы заключительного этапа нижнекатунской археологической культуры [Кунгурев, Циро, 2006, с. 121], в основном распространенной на равнинных и предгорных территориях нижней Катуны.

В эпоху раннего металла территория горной долины нижней Катуны стала одной из естественных северных границ распространения афанасьевской культуры. Привлекательность этих мест для первых скотоводов Южной Сибири очевидна. Малоснежность горновой долины делала ее привлекательной для зимнего выпасов скота [Шульга, 1994]. Однако количество археологических памятников по сравнению с территорией средней Катуны свидетельствует, что нижняя Катунь была одной из периферийных зон для «афанасьевцев». Здесь существовали в основном поселения летнего типа (Муны-1, Манжерок-5) и единичные курганные захоронения (Илбик, Чултуков Лог-3). На северо-западе Алтая единичные афанасьевские поселения встречаются в долине верхнего Ануя (Куевы Щеки) [Бородовский, 1991].

По археологическим данным конца ХХ в. южная граница быстрянской культуры проходила в районе с. Майма [Абдулганеев, Кунгурев, 1996, с. 155]. Исследования начала ХХI в. позволили существенно сместить эту границу в южном направлении, на территорию горной долины нижней Катуны. Так, курганская группа Чултуков Лог-1 расположена на границе южного участка распространения носителей быстрянской культуры. Здесь «быстрянцы» соседствовали с северо-пазырыкским населением.

В отношении границ пазырыкской культуры существуют различные точки зрения. Одни исследователи придерживаются мнения, что эти границы до сих пор не определены [Кубарев, 1997]. Другие ученые считают, что «к настоящему времени определены хронологические и территориальные рамки пазырыкской культуры» [Полосьмак, 1997]. В рамках последней точки зрения давно ведутся работы по уточнению территории расположения носителей пазырыкской культуры на Северном Алтае [Киреев, 1992а-в, 1999; Бородовский, 2000, 2001а-в; Степанова, 2004]. Судя по датировке курганных групп (Майма IV, Чултуков Лог-1, Барангол-1, -2 и -4), носители пазырыкской культуры проживали на севере Горного Алтая с конца V до начала II в. до н.э. Это соответствует общей хронологии существования пазырыкской культуры на территории Горного Алтая.

Исключительная принадлежность курганных групп Барангол-1, -2 и -4 носителям северного варианта пазырыкской культуры подтверждает точку зрения о пестроте населения на данной территории [Кирюшин, Степанова, 2004]. Об этом же свидетельствуют материалы двухкомпонентного могильника Кайнду-1 на средней Катуни (район среднегорья).

Следует подчеркнуть, что проблема границы является одной из центральных при пространственном анализе и требует адекватного методологического и методического инструментария [Замятин, 2006, с. 256], применимого к археологическим, историческим и этнографическим материалам. Понятие и явление «граница» плодотворно исследуется многими естественными и гуманитарными науками, включая археологию. В общем смысле граница рассматривается как область (линия, точка, район, зона) между средами или пространствами с качественно и количественно различными свойствами и параметрами [Замятин, 2006, с. 308].

3.2. ПРЕДМЕТНЫЙ КОМПЛЕКС КАК ИНДИКАТОР ГРАНИЦ КУЛЬТУРЫ

Со существование двух перечисленных выше стратегий презентации границ возможно как комбинированное. Например, особенности динамики знаков и символов определенных границ совмещены с осознанием расширения или сокращения территории [Замятин, 2006, с. 39]. Отражением этого могут быть отдельные составляющие предметного комплекса. Одним из признаков культурно-этнических границ на территории Горного Алтая явля-

ется распространение предметов, связанных с примитивным прядением [Славнин, Шерстова, 2008, с. 50]. На археологическом уровне это отражено в распространении пряслиц (рис. 104, 105) в эпоху раннего железа [Бородовский, 1995а-б]. Следует отметить тот факт, что в материалах археологических культур южной и центральной частей Горного Алтая (пазырыкской и кара-кобинской) пряслица практически не встречаются.

В верховьях Оби и ее истоках в эпоху раннего железа существовало несколько археологических культур, где прядлица как признак примитивного прядения представлены неодинаково. На территории лесостепи (большереченская [Троицкая, Бородовский, 1994, с. 34] и саргатская [Полосьмак, 1987] культуры) прядлица являлись одной из наиболее многочисленных категорий поселенческого и погребального инвентаря. Аналогичная ситуация характерна для Средней Азии [Литвинский, 1978]. Все дело в прочных и разносторонних связях, включая периодический приток некоторой части населения. При всем разнообразии вариантов прядлиц, предназначенных для обработки шерсти, растительного волокна и сучения ниток [Понырко, 1985], все они относились к нижнему способу крепления на стержне веретена. Именно поэтому резкое увеличение количества и разнообразия прядлиц в эпоху раннего железа связано не только с развитием ткачества и изготовлением нитей из различного волокна. Нижний способ крепления прядлиц для решения этих задач располагал возможностью специализации разновидностей по форме, диаметру и весу. Как показали экспериментальные наблюдения, это совсем не требовалось при верхнем способе расположения прядлица, когда оно имело полусферическую форму. Однако такой способ прядения, судя по находкам, не был широко распространен у лесостепных соседей Горного Алтая в эпоху раннего железа. Все прядлица по характеристикам относились к нижнему способу закрепления на веретене, что соответствовало прядению на весу.

На Северном Алтае, в отличие от южных территорий, прядлица встречаются на поселенческих и погребальных комплексах (рис. 105). Это объясняется не только близостью к лесостепным территориям, хотя сей фактор, несомненно, играл существенную роль, особенно там, где имелись естественные «транзитные» пути из лесостепи в горы [Васильевский, 1985]. Здесь прядлица присутствуют в сопроводительном инвентаре погребальных комплексов, явно испытавших влияние высокогорных соседей (например, оставивших могильник Черный Ануй-3 [Молодин, Бородовский, 1994] и синхронные слои Денисовой пещеры [Деревянко, Молодин, 1994]). Значительная группа памятников, где найдены прядлица, локализуется севернее, в нижнем течении Катуни. В предгорьях пока обнаружено незначительное число прядлиц в погребальных комплексах Сростки-2, Бийск-1 и Усть-Иша-1 [Суразаков, 1988; Абдулганеев, Кадиков, 1991]. В горной долине нижней Катуни прядлица были компактно сгруппированы в по-

гребальных и поселенческих комплексах эпохи раннего железа Майма I [Киреев, 1988а-б] и XIX [Киреев, 1992а], а также Муны-1 [Молодин, Петрин, 1985; Бородовский, 1995а-г]. В долине Маймы прядлица найдены в Бочкареке и Кызыл Озеке-2 [Киреев, 1987]. На средней Катуни прядлица есть в материалах памятников Аскат-2 [Шульга, 1992] и Тыткескень-6 [Кирюшин, Кунгуров, 1994].

Примитивное прядение имеет явное этническое своеобразие [Андреев, 1958; Кармышева, 1979]. Это проявляется в различии способов и на выков прядения у населения определенного региона, отличающегося этнической пестротой. Разница заключается в особенностях использования и расположения в работе предметов и приспособлений примитивного прядения. В частности, это касается места закрепления прядлиц из различных материалов на стержне веретена. Так, по этнографическим свидетельствам из Средней Азии, отличительным признаком прядения тюркских народов (казахов, киргизов) является помещение прядлица-маховичка в верхнюю часть стержня веретена и намотка нити непосредственно под прядлицем. А вот у среднеазиатских арабов, узбеков, карлуков и туркмен прядлице размещалось в нижней части стержня веретена, над которым наматывалась нить, получаемая при прядении.

В зависимости от нижнего или верхнего расположения прядлиц на веретене отличалась и их форма. Прядлица, закрепленные в нижней части веретена, имели уплощенно-дисковидные или биконически-сферические очертания с плоским нижним краем. Прядлица, расположенные в верхней части стержня веретена, как правило, были полусферическими, со значительной выпуклостью внешней поверхности. Близкие по форме прядлица арабов, туркменов и карлуков, наложенные ближе к нижнему концу веретена, имели некоторые отличия. Они сводились к меньшей выпуклости сферической поверхности прядлица, его высоте и расположению предмета не в самом низу, а на одной трети общей длины веретена от его окончания. Разница в установке прядлиц (вверху или внизу) на стержень веретена соответствовала различным навыкам примитивного прядения.

Согласно этнографическим и экспериментальным данным, при закреплении прядлица в нижней части веретена приспособление для прядения находилось на весу. Это требовало фиксации врачающейся прядлицы специальным клином, чтобы предотвратить его соскальзывание при работе. При таком способе крепления с помощью прядлиц малого диаметра получали более тонкую нить, тогда как для изготовления толстых нитей требо-

валось прядлище с большим диаметром и весом. Большое прядлище действовало как отвес для толстой нити и не позволяло ей скручиваться. Однако его большая оборотистость при вращении во время прядения тонкой нити приводило к частым порывам. Кроме того, нить необходимо было крепить петлей на стержне веретена при сматывании. В целом, прядение с закреплением прядлища внизу веретена требовало особых навыков, что невозможно без сложившейся культурной традиции, связанной с оседлым характером экономики. Для среднеазиатского региона и сопредельных территорий такой способ прядения, по мнению специалистов, связан с древней переднеазиатской и среднеазиатской традицией, сыгравшей существенную роль в процессах этногенеза [Кармышева, 1979].

Прядение при расположении прядлища в верхней части стержня веретена значительно проще и рациональнее. Вращение приспособления примитивного прядения происходит о бедро, для чего необходимо прядлище с большим диаметром и значительной выпуклостью внешней поверхности. Это способствует лучшему соприкосновению при передаче вращательного движения на веретено. Уплощенные дисковидные прядлища для данного способа практически непригодны, их применение ограничивается прядением с закреплением предмета-утяжелителя внизу веретена.

При верхнем способе крепления прядлища проще контролировать скорость его вращения во время прядения, что затруднено при расположении предмета внизу веретена. Кроме того, это способствует получению более ровной и прочной нити и не требует специализации прядлищ, проявляющейся в разнообразии формы и веса. Последняя особенность наиболее характерна для прядения с закреплением прядлища-маховичка внизу стержня веретена.

В зависимости от положения руки на веретене с закрепленным вверху прядлищем можно довольно просто регулировать качество получаемой нити. Если рука находится ближе к прядлищу, нить становится крутой и жесткой. Ну а если держать веретено за конец стержня, то можно получить более пологую и мягкую нить. Помимо этого, готовая нить сматывается под прядлищем и не требует специального закрепления на веретене, что необходимо при прядении с прядлищем внизу. Показательно, что веретена с верхним закреплением прядлищ, характерные для тюркоязычных народов, бытовали в недалеком прошлом на юге Западной Сибири – у шорцев и алтайцев [Попов, 1955].

Однако распространение примитивного прядения на Алтае не было повсеместным. По этнографическим данным, у значительной части алтайских племен этот промысел отсутствовал. Только на Северном Алтае у челканцев и кумандинцев существовало прядение [Народы Сибири..., 1956]. Таким образом, кроме этнического своеобразия проявлялись территориальные особенности распространения примитивного прядения. По археологическим свидетельствам, подобный феномен можно выявить по наличию прядлищ в поселенческих и погребальных комплексах конкретной территории. Так, в горной долине нижней Катуни в эпоху раннего железа существовала граница распространения прядлищ, что является признаком примитивного прядения. Именно здесь проходила граница распространения прядения и осуществлялись контакты различных по происхождению археологических культур Горного Алтая (кара-кобинской, пазырыской) и сопредельных лесостепных территорий (быстрянская культура).

Примечательно, что на Северном Алтае этнотERRITORIALНЫЕ особенности распространения прядения, установленные по находкам прядлищ эпохи раннего железа, фактически совпадают с границами существования данного промысла в регионе по этнографическим данным [Славнин, Шерстова, 2008, с. 50]. Причины данного явления обусловлены целым комплексом социально-экономических и экологических факторов.

Своеобразие прослеживается и на уровне сырьевых источников примитивного прядения. Анализ остеологических материалов из северо-пазырыкских погребений Барангола-1, проведенный А.Д. Гальченко, позволяет говорить о наличии тонкорунных овец, дававших шерсть высокого качества, не уступавшую шерсти мериносов. В свою очередь, овечья шерсть из пазырыкских курганов, по мнению С.И. Руденко, позволяет выделить три породы овец: грубошерстных, слобожирнохвостых, тонкорунных [Руденко, 1953, с. 73].

Тонкорунные и грубошерстные овцы отличаются по длине шерсти, годовому настригу и сезонности заготовки сырья. Если у тонкорунных овец длина шерсти 5–9 см, то у грубошерстных – 10–15 см. Годовой настриг с тонкорунных овец может достигать 5–31,7 кг, а у грубошерстных – только 1–4 кг. Стрижка тонкорунных овец осуществляется только весной, а грубошерстных стригут весной и осенью [БСЭ, 1974, с. 825]. Шерсть тонкорунных овец позволяет получать при прядении тонкую нить. Динамические характеристики прядлищ с нижней Катуни (рис. 104) пригодны для получения такого текстильного материала.

С этнотерриториальной точки зрения интересен железоделательный горн памятника Чултуков Лог-1ж (рис. 47, 2). Похожие по конструкции сооружения существовали у кузнецких татар (шорцев) в XVIII в. Горн характеризует наличие ямы, над которой возведено глиняное коническое сооружение с дымоходом. В нижней части, для поддержания необходимой температуры, конструкция снабжена керамическим соплом. Наличие вокруг горна развала длинных жердей и целой серии столбовых ямок позволяет предположить, что вокруг него было возведено какое-то сооружение. По описаниям И.Г. Гмелина, плавильные печи в одном из улусов Барсаятской волости располагались внутри юрт. Данная конструкция и ее археологические аналоги на поселении Теш-5, по мнению Ю.В. Шириной, похожи на тандыры. Такое очажное и печное сооружение эпизодически встречалось у кузнецких татар в XVIII – начале XIX в.

Конструкция очага является одним из важных этнокультурных признаков. Наличие «тандырных» печей у кузнецких татар Ю.В. Ширин свя-

зывает с проникновением традиций других этнических групп, хозяйственным комплекс которых имеет центральноазиатские или среднеазиатские корни. Такой этнический компонент вполне может соотноситься с белыми калмыками («выезжими телеутами») [Ширин, 2005, с. 160–162]. Наличие железоделательных печей тандырного типа, возможно, связано с телеутским присутствием в горной долине нижней Катуны, что интересно с точки зрения пограничного характера этой территории. По мнению Н.А. Аристова и В.В. Радлова, «выезжие телеуты» кузнецкой группы происходят из района р. Маймы, где проживала их меньшая часть [Уманский, 1980, с. 201]. Критика данной точки зрения А.П. Уманским в большей степени направлена на отрицание появления «выезжих телеутов» в какой-то одной небольшой долине речной системы р. Обь [Уманский, 1980, с. 202, 203]. В этой связи показательны материалы пространственных мифологических представлений телеутов, согласно которым истоки р. Обь (в непосредственной близости к нижней Катуне) воспринимались как маргинальная территория.

3.3. КУЛЬТУРЫ И ПРОЦЕССЫ АДАПТАЦИИ

Взаимодействие производственной деятельности с природной средой во многом определяется процессом овладения источниками сырья, что является одной из основных составляющих процесса адаптации. Характер обработки каменного сырья свидетельствует о том, что афанасьевцы не были местным населением Горного Алтая. Несмотря на изобилие в пойме Катуны выходов каменного сырья, для инструментария носителей афанасьевской культуры присущи признаки вырождения технических приемов обработки камня. По мнению Н.Ю. Кунгуровой, афанасьевское население утратило эти навыки еще до прихода на Алтай [1994, с. 48–49].

Анализ рецептуры формовочной массы афанасьевской керамики Горного Алтая, по мнению Н.Ф. Степановой, приводит к выводу, что традиции изготовления глиняной посуды у носителей этой культуры сложились не в горной местности. Косвенным свидетельством этому является использование афанасьевцами шамота, что более характерно для территорий, где камень отсутствует. Тем не менее, несмотря на занятие скотоводством, в афанасьевской культуре отсутствует традиция применения шерсти при изготовлении глиняной посуды [Степанова, 2007, с. 101].

Адаптационный характер носит и качество керамики эпохи раннего железа. В керамическом

комплексе четко выделяются две разновидности глиняной посуды: 1) плотная, хорошо обожженная; 2) рыхлая, плохо обожженная. При этом количество сосудов с плохим обжигом и рыхлым тестом явно больше, чем количество высококачественной керамики пазырыкского облика. Вполне вероятно, что первая разновидность посуды могла быть привезена из других районов Горного Алтая, а вторая – произведена на месте, в условиях не очень хорошей адаптации к сырьевым ресурсам.

Окрестности с. Манжерок являются одним из немногих мест Алтая, где сохранились легенды, связанные с керамическим промыслом. В них представлен сюжет о злой ханше Тавде, жившей в Большой Тавдинской пещере на левобережье Катуны, и мастере-керамисте Манжероке с правобережья. Следует подчеркнуть, что в урочище Верх-Муны (окрестности поселения Муны-1) на правобережье действительно есть высококачественные глины для керамического производства. Именно на этом сырье в первой половине XX в. сложился в с. Манжерок локальный очаг русского гончарства, представленный даже в традиционной топонимике села (район «Гончары»).

Качество продукции гончаров с. Манжерок (бокалы, чашки, кружки, горшки и кувшины) было достаточно высоким. Сосуды не только поставлялись на продажу в соседние села выше и ниже

по течению Катуни, но и использовались для нужд армии. В годы Великой Отечественной войны гончарная артель с. Манжерок, работавшая под руководством «деда Горшкова» (Спирина) – переселенца из Перми, производила керамическую посуду для Бийского сборного пункта [Бородовский, Бородовская, 2005, с. 55, 56].

Реализацию ресурсных возможностей сопредельных территорий Северного Алтая отражают также изделия из цветных металлов. Например, изделия из серебра единичны среди находок эпохи раннего железа в курганах пазырыкской культуры на востоке и юго-востоке Горного Алтая [Бородовский, Оболенский и др., 2005]. По свидетельству Геродота, у среднеазиатских массагетов «серебра совсем нет в обиходе, так как этого металла вовсе не встретишь в этой стране» [Геродот, 1972, кн. 1, с. 79].

Среди украшений с памятника Чултуков Лог-1 целая серия предметов из серебра (например, пластина и серьги из кург. 1, 36 и 37) [Бородовский, Оболенский и др., 2005]. Показательно, что состав серебра петельчатых сережек из некрополя Чултуков Лог-1 аналогичен составу металла украшений из пазырыкских курганов Горного Алтая (Пазырык, Балык-Саок) [Бородовский, Оболенский и др., 2005]. Объяснить это можно близостью северо-пазырыкских памятников к рудным месторождениям Западного Алтая, активная разработка которых велась именно в пазырыкское время [Черников, 1949, с. 70, 71].

Начиная с освоения «афанаасьевцами» территории Горного Алтая в III–II тыс. до н.э., в этом региона стала складываться экономика животноводческого типа. Принципы расположения летних стоянок скотоводов, сформировавшиеся в афанаасьевское время, рациональны и применимы до сих пор. Как правило, эти поселенческие комплексы располагались в предустьевых долинах малых притоков больших рек и не только являлись многослойными, но и используются до настоящего времени. В рамках занятия скотоводством «афанаасьевцы» освоили в качестве загонов некоторые пещеры северо-западного Алтая (Денисова пещера) [Деревянко, Молодин, 1994, с. 109–113], совмещая при этом жилую и производственную зоны. В дальнейшем такая черта стала характерной для носителей ирменской культуры эпохи поздней бронзы верхней Оби [Матвеев, 1993, с. 53–59]. Тип таких каркасно-столбовых построек сохранялся в Приобье и Горном Алтае до середины – конца XX в.

В период окончательного сложения комплексной производящей экономики (эпоха поздней

бронзы и переходного к раннему железу периода) в Верхнеобском регионе сложилась определенная система поселений. Долговременные населенные пункты возникали в предустьевых участках малых рек, впадающих в Катунь. Сезонные пастушеские поселения располагались на водоразделах, далеко от основного русла. Аналогичная система размещения населенных пунктов применялась в первой половине XVIII – первой половине XIX в., когда сюда хлынула волна переселенцев из России.

Большое значение для занятия скотоводством сыграли местные природные условия. Так, территория нижней Катуни привлекала афанаасьевское население тем, что в зимнее время из-за отсутствия снежного покрова в речной долине можно было осуществлять выпас скота. Для ирменского населения, двигавшегося на юг в начале I тыс. до н.э., излишняя влажность в летнее время и заселенность горной долины нижней Катуни во многом была сдерживающим фактором. Наряду с ирменским поселенческим комплексом Майма XVIII отдельные фрагменты ирменской керамики на многослойном поселении Муны-1 позволяют локализовать южную границу ирменской культуры в горной долине нижней Катуни.

Традиционно количество скота на данной территории было несравнимо меньшим, чем в более южных и северных степных пространствах. Например, при освоении горной долины нижней Катуни русскими в середине XIX в. мигранты очень быстро столкнулись с проблемой ограниченности пастбищных угодий. На нижней Катуни занятие выпасом скота и покосами вплоть до первой половины XX в. существенно влияло на залесенность горных склонов. Изменение растительного покрова гор Северного Алтая нашло отражение в мифологии. Так, гора Бобырган бросала во время ссоры в «гору Синюху деревьями, кустарниками и, в конце концов, завалил ее всю. До ссоры Синюха была голая, а после этого стал расти на ней густой лес» [Легенды..., 2004, с. 12]. Следует отметить, что процесс увеличения количества лесов на Алтае имеет определенный ритм. Например, с середины 1850-х гг., особенно с конца 1870-х гг., на территории Горного Алтая резко повысилась интенсивности прироста деревьев и продвижение лесной растительности вверх по склонам [Адаменко, 1986, с. 113].

Оптимальным вариантом адаптации к природным условиям горной долины нижней Катуни было ведение комплексного хозяйства. Это отразилось на типологии поселений Горного Алтая, разработанной П.И. Шульгой. Несмотря на критику данной типологии [Бородовский, 2000], по во-

просам неоправданного выделения поселений с преимущественно земледельческой или скотоводческой деятельностью [Шульга, 1990, с. 11, 12] для территории горной долины нижней Катуны вполне оправданно существование третьего типа поселений – с комплексным хозяйством. Эта разно-

видность специфична для горной долины нижней Катуны. Для средней Катуны, по данным В.С. Миронова, подтверждено существование поселений оstepненной зоны, где люди вели полукочевой образ жизни, обусловленный сезонными откочевками на высокогорные пастища [2000, с. 12].

3.4. ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ГОРНОЙ ДОЛИНЫ НИЖНЕЙ КАТУНИ

Репрезентативность археологического наследия горной долины нижней Катуны открывает возможности для предварительного обсуждения проблем социальных реконструкций [Миронов, 1997]. Количество курганов пазырыкского облика, исследованных в последнее время на нижней Катуни, вполне сопоставимо со среднекатунскими погребальными комплексами [Киришин, Степанова и др., 2003; Киришин, Степанова, 2004]. Предварительно можно говорить о приблизительно равном количестве населения (около 500 человек) в скифское время на территории горной долины нижней и средней Катуны [Миронов, 2000, с. 16]. Расположение некрополей эпохи раннего железа (Майма IV, VI и XIX, Чултуков Лог-1 и -2; Барангол-1, -2 и -4) относительно друг друга на расстоянии 15–25 км позволяет говорить о синхронном существовании нескольких территориальных групп населения. Расстояние между некрополями соответствовало однодневному конному переходу. Для Верхнеобского региона аналогичное расположение археологических комплексов (городищ) выявлено для эпохи средневековья [Адамов, 2000].

С социальной точки зрения особое внимание следует обратить на то, что в горной долине нижней Катуны отсутствуют большие элитные курганы пазырыкской культуры. Наличие представительных и явно доминирующих погребальных комплексов зафиксировано только на левом берегу средней Катуны у села Аюла и на правом – между селами Эликмонар и Чемал. При этом в рядовых курганах скифского времени горной долины нижней Катуны найдено значительное количество высохудожественных бронзовых изделий, что существенно отличает их от аналогичных погребальных комплексов других территорий Горного Алтая. Возможно, здесь осталось больше неограбленных захоронений, но можно предположить и своеобразие социальной структуры населения горной долины нижней Катуны в скифское время. Показательно, что для погребальных комплексов быстрянской культу-

ры характерна аналогичная особенность. Элитные курганы обнаружены только в предгорьях (Быстрянка), а рядовые захоронения насыщены сопроводительным инвентарем, включая высохудожественные бронзовые изделия (Чултуков Лог-1, курган 13).

Однако не все металлические изделия поступали на территорию горной долины нижней Катуны из сопредельных регионов (рис. 113). Часть из них изготавливалась на месте. Подтверждением является существование целого ряда производственных площадок, датируемых от эпохи раннего железа (Майма II, Дубровка-Карьер, Чултуков Лог-1) до средневековья (Манжерок-4 и -10, Усть-Барангол, Камышла-1, печи у Камышлинского водопада). Следы бронзолитейного производства в гунно-сарматское время есть и на средней Катуни (Чепош-1).

В расположении этих производственных комплексов существуют определенные закономерности. Большинство комплексов локализовано непосредственно в Катунской долине (Майма II, Дубровка-Карьер, Чултуков Лог-1, Манжерок-4, Усть-Барангол, Камышла-1, печи у Камышлинского водопада), что могло быть связано с концентрацией основной массы населения в летний период, а также с особой аэрацией (продуваемостью) долин. Последний фактор для горной долины нижней Катуны многозначен. С одной стороны, интенсивное и направленное циркулирование воздуха – одно из необходимых условий металлургического производства в древности. Именно для этого еще в эпоху освоения металла в Малой Азии печи для плавки бронзы имели под собой углубления, служившие как поддувало и емкость для сбора выплавленного из руды металла. В эпоху раннего железа в Польше (в Свентокшишских горах) примитивные железоделательные печи устанавливались на тех участках, где был естественный постоянный и сильный поток воздуха [Лукаш, 2007]. С другой стороны, сильный ветер в магистральной речной долине был одним из сдерживающих факторов для раз-

мещения населенных пунктов. Так, село Муны (Усть-Муны) появилось относительно недавно. Ранее основное его население проживало выше по течению, на одноименной реке (притоке Катуны), в исчезнувшем ныне селе Верх-Муны. Причиной этого были сильные ветра, особенно в зимнее время. Очевидно, расположение второй группы металлургических производственных комплексов (Манжерок-10, Камышла-1) связано с поселенческими комплексами, находившимися на малых притоках Катуны.

Достаточно показательна территориальная специализация металлургического производства. Согласно историческим и этнографическим данным, территории Северного Алтая и Кузнецкой котловиной отличалась ярко выраженной металлургической специализацией. Отразилось это, например, в сохранении в устной традиции кумандинцев особой топонимики месторождений черных и цветных металлов [Славин, Шерстова, 2008, с. 51]. На территории горной долины нижней Катуны, в окрестностях с. Манжерок, в непосредственной близости от железоделательного комплекса Чултукова Лога-1 есть т.н. «первая и вторая загнетки». Это были места для отжига древесного угля, предназначенного для железоделательного производства. В Курайской степи тоже существуют памятники железоделательного производства и соответствующая им топонимика. Имеено поэтому можно говорить, что топонимические материалы с. Манжерок, связанные с процессом обработки металла, вряд ли связаны исключительно с более поздней русской традицией.

Существование носителей северо-пазырьской погребальной традиции в лесной зоне горной долины нижней Катуны нашло отражение в погребальной обрядности. Несмотря на значительные лесные ресурсы, характерным признаком северо-пазырьских захоронений является наличие в могилах деревянных рам и обкладок. В чем причина появления такого признака? С одной стороны, можно рассматривать эту особенность как проявление культурных связей и контактов с носителями лесостепных культур юга Западной Сибири в эпоху раннего железа (быстрянская и староалейская культуры, население березовского этапа большереченской культуры). Однако и на более северных территориях упомянутые погребальные сооружения существовали в ленточных Приобских борах, где явно не ощущался дефицит дре-весины [Троицкая, Бородовский, 1994]. Об этом свидетельствует колода из погребения 25 кургана 3 могильника Быстровка-2, изготовленная из ство-

ла трехсотлетнего дерева [Бородовский, Слюсаренко и др., 2003]. Для сравнения: максимальный возраст современных лесов Новосибирского Приобья, истощенных использованием и пожарами конца XIX в., не превышает 100–150 лет.

Почему же деревянные погребальные конструкции (перекрытия в несколько накатов, срубы), близкие пазырьским сооружениям, либо встречаются редко, либо отсутствуют? Одним из вариантов ответа может быть совершенно различная ценность и престижность подобных погребальных конструкций там, где дерево как строительный материал было в избытке.

Для горной долины нижней Катуны это имеет особое значение. Не случайно в конце XIX – первой половине XX в. у русского населения с. Манжерок сложилась производственная специализация, связанная с заготовкой леса и сплавом его в степные районы [Бородовский, Бородовская, 2005]. Не исключено, что избыточный лесной ресурс ценился не так высоко, как степень плотницкой обработки. Сложные в производстве погребальные конструкции из досок могли иметь большую ценность и социальный престиж. Возможно, это были специальные погребальные носилки или ложа, связанные с древней переднеазиатской традицией.

Существование в эпоху раннего железа многокомпонентных групп населения на территории с разнообразными ресурсами не могло не отразиться в социальной сфере. Детали этого своеобразия еще предстоит выяснить. Тем более что исторические и этнографические материалы по Южной Сибири для более позднего времени демонстрируют совершенно иные модели. Речь идет о системе «двоеданничества», сформировавшейся на Северном Алтае в XVI–XVII вв. Такая социально-экономическая модель явно не способствовала процветанию территории, была формой адаптации к политическим реалиям расширения Российского государства и столкновения его интересов с южными соседями (джунгарами и Китаем). При этом в начальный период нового времени (XVI–XVII вв.) металлургическая специализация Северного Алтая являлась одним из существенных факторов в рамках взимания дани.

В целом, согласно археологическим, историческим и этнографическим данным, территория нижней Катуны была зоной контактов населения лесостепи и гор Северного Алтая. В археологических материалах это нашло отражение в случайных находках, погребальных и поселенческих комплексах. Здесь происходили не только контакты, но и взаимопроникновения групп различ-

ного населения на территорию друг друга. В этих пограничных районах погребальный обряд носителей пазырыкской культуры представляет собой особенно мозаичную картину [Степанова, 2004, с. 230].

Территория горной долины нижней Катуны является «культурным перекрестком», где сталкивались и взаимодействовали различные группы древнего населения. В рамках теории культуроге-

неза такие особенности наиболее соответствуют поликультурному развитию южносибирского региона [Савинов, 2002, с. 155], что наиболее явно проявилось в эпоху ранних кочевников. В ходе этих процессов возникали новые, особенные черты, происходили изменения в культуре и погребальном обряде, что в полной мере проявилось в северо-пазырыкской культурной традиции эпохи раннего железа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Переходные зоны, территории, расположенные на стыке различных культур, являются источниками интенсивного историко-культурного и социально-экономического развития [Замятин, 2006, с. 258]. Они характеризуются таким понятием как «трансграничный регион». Это достаточно значительная территория, обладающая определенным культурно-историческим единством, общностью культурных ландшафтов и в то же время сосредотачивающая максимально возможное количество переходных зон в развитии существенных масштабных явлений (культурных и социально-экономических) [Замятин, 2006, с. 258]. Данной характеристике вполне соответствует горная долина нижней Катуны.

В результате исследований археологических памятников горной долины нижней Катуны в конце ХХ – начале XXI в. получены новые репрезентативные материалы. Это позволило ввести в научный оборот материалы обширных неограбленных погребальных комплексов (Чултуков Лог-1 и -2, Барангол-1, -2 и -4), которые можно рассматривать как эталонные памятники эпохи раннего железа Северного Алтая. В результате нами получена новая информация для разработки проблем ряда культур скифского (быстрянской, северо-пазырыкской, каракобинской) и гунно-сарматского (майминская культура) времен Горного Алтая.

Неограбленность выявленных погребальных комплексов (Чултуков Лог-1 и -2, Барангол-1, -2 и -4, Усть-Муны-1) на нижней Катуни составляет одно из главных условий достоверности и высокой информативности данных археологических источников. Это особенно важно для корректных историко-культурных реконструкций.

Анализ погребального обряда, инвентаря, расположения погребальных комплексов дает информацию о зонах контакта между культурами скифского времени, подтверждает выводы о смешанном населении севера Горного Алтая в долине нижней Катуны. Исследованные комплексы открывают особые возможности для изучения погребальной

обрядности эпохи раннего железа Северного Алтая, в т.ч. вторичных захоронений. Некрополи раннего железа Барангол-1, -2 и -4 и Чултуков Лог-1 на нижней Катуни дали материал, позволяющий решить важные проблемы эпохи в целом и заключительного этапа существования пазырыкской культуры на Северном Алтае в частности.

Изучение археологического наследия горной долины нижней Катуны как части Северного Алтая дало следующие результаты:

1. Впервые было произведено картографирование и систематизация всех археологических памятников на данной территории.
2. Установлены закономерности расположения разновременных разнокультурных археологических памятников различного типа.
3. Введены в научный оборот репрезентативные материалы по неограбленным погребальным комплексам эпохи раннего железа (Барангол-1, -2 и -4, Чултуков Лог-1 и -2).
4. Выявлен новый тип кенотафов скифского времени.
5. Расширена источниковая база по вторичным погребениям скифского времени Горного Алтая.
6. На основании представительных неограбленных курганных групп (Чултуков Лог-1 и -2, Барангол-1, -2 и -4) уточнены черты погребальной обрядности северного варианта пазырыкской культуры.
7. Собраны и опубликованы репрезентативные материалы по погребальной обрядности гунно-сарматского времени (майминская культура).
8. Определены границы афанасьевской, ирменской, быстрянской, северо-пазырыкской и каракобинской археологических культур.
9. Разработана культурно-хронологическая периодизация археологического наследия изучаемой территории эпохи металла.
10. Установлены особенности культурного пространства горной долины нижней Катуны.

На основе многочисленных разнокультурных археологических памятников эпохи металла уста-

новлена историческая динамика освоения территории горной долины нижней Катуны. Выявленные закономерности исторического и социально-культурного развития позволили сделать выводы о существовании определенной системы адаптации древнего населения к местным условиям. Она проявила в целом ряде признаков, характеризующих особенности освоения пространства и использова-

ния его ресурсов на протяжении ряда исторических периодов. Многократное воспроизведение этой адаптационной модели в различные временные периоды свидетельствует о своеобразии возможностей формирования культурного пространства на территории горной долины нижней Катуны как части обширной Саяно-Алтайской горной страны в рамках Южной Сибири.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдулганеев М.Т.** К этнокультурной ситуации в северных предгорьях Алтая в сер. I тыс. н.э. (по материалам поселений) // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. – Горно-Алтайск: Б.и., 1992а. – С. 59–63.
- Абдулганеев М.Т.** Раскопки у Маймы и Енисейского // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск: Б.и., 1992б. – С. 52–53.
- Абдулганеев М.Т.** Майминская культура: предварительные итоги и перспективы изучения // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1993. – С. 3–5.
- Абдулганеев М.Т.** Поселение Майма I и культурнохронологическая атрибуция земледельческих поселений горного Алтая // Древние поселения Алтая: сб. науч. тр. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1998. – С. 165–171.
- Абдулганеев М.Т., Владыкиров В.Н.** Типология поселений Алтая VII–II вв. до н.э. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1997. – 148 с.
- Аблуулганеев М.Т., Кадиков Б.Х.** К археологической карте Красногорского района // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1991. – С. 64–67.
- Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х.** Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1982. – С. 43–63.
- Абдулганеев М.Т., Киреев С.М., Кунгurova N.YU., Ларин О.В.** Могильник Майма-4 (по раскопкам 1998 г.) // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2004. – С. 246–253.
- Абдулганеев М.Т., Кунгurov A.L.** Курганы быстрянской культуры в междуречье Бии и Чумыша // Погребальный обряд древних племен Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1996. – С. 143–155.
- Абдулганеев М.Т., Тишкун А.А.** Погребальные комплексы скифского времени левобережья низовьев Катуни // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1999. – С. 99–111. – (Изв. лаб. археологии; вып. 4).
- Адаменко М.Ф.** Реконструкция режима летних месяцев на территории горного Алтая в XIV–XX вв. // Дендрохронология и дендроклиматология. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 110–113.
- Адамов А.А.** Новосибирское Приобье в X–XIV вв. – Тобольск; Омск, 2000. – 256 с.
- Акимова Т.А., Бородовский А.П., Бородовская Е.Л., Кириев С.М.** Археологические памятники и объекты Майминского района. – Горно-Алтайск: Изд-во АКИН, 2008. – 144 с.
- Алексеев В.П.** Историческая антропология. – М.: Наука, 1979.
- Алексеева Е.М.** Миниатюрная мозаика в стеклянных украшениях рубежа н.э. // СА. – 1971. – № 4.
- Алексеева Е.М.** Античные бусы Северного Причерноморья // Археология СССР. – М., 1978. – 110 с. – (САИ; вып. Г1-12).
- Алтай.** Республика Алтай: природно-ресурсный потенциал / А.М. Маринин, Г.Я. Барышников, Б.Н. Лузгин, Т.Д. Модина и др. – Горно-Алтайск: Б.и., 2005. – 336 с.
- Алтай – сокровище культуры.** – М.: Наследие народов Российской Федерации, 2004. – 384 с.
- Античные государства Северного Причерноморья.** Археология СССР. – М.: Наука, 1984. – 392 с.
- Археологические** коллективы системы дополнительного образования г. Новосибирска на рубеже тысячелетий (история, теория, практика): сб. мат-лов / Ред. Е.Л. Бородовская. – Новосибирск: Изд-во ДДТ им. В. Дубинина. 2002. – 120 с.
- Археологические** микрорайоны северной Евразии: мат-лы науч. конф. / Ред. С.С. Тихонов. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. – 114 с.
- Баженов А.И., Бородаев В.Б., Малолетко А.М.** Владимировка на Алтае – древнейший медный рудник Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 2002. – 120 с.
- Богданов Е.С.** Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – 240 с.
- Бородовская Е.Л.** Исследование археологических памятников правобережья Нижней Катуни объединением «ИКАр» // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций: мат-лы XLVIII РАЭСК (IV Всерос. конф. с междунар. участием). – Барнаул: Азбука, 2008а. – С. 35–36.
- Бородовская Е.Л.** Многолетнее участие в проектах по изучению археологического наследия Горного Алтая (на материалах научно-исследовательской

- деятельности объединения «ИКАр») // Качество социального проектирования в дополнительном образовании детей: мат-лы IX открытых город. педагог. чтений. – Новосибирск: Изд-во ДДТ им. В. Дубинина, 2008б. – С. 74–77.
- Бородовский А.П.** Хозяйственные сцены в древнетюркских изображениях // Исторический опыт освоения Сибири. – Новосибирск, 1986. – Вып. 1. – С. 38–40.
- Бородовский А.П.** Проблемы возникновения керамики, имитирующей кожаную утварь (по материалам Верхнего Приобья в раннем железном веке) // Древняя керамика Сибири: типология, технология, семантика. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 122–130.
- Бородовский А.П.** Предварительные итоги исследования одного из многослойных поселений горного Алтая // Охрана и исследования археологических памятников Алтая (тезисы докладов и сообщений к конференции). – Барнаул, 1991. – С. 61–65.
- Бородовский А.П.** Многослойный поселенческий комплекс Муны-1 на нижней Катуне // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. – Горно-Алтайск: Б.и., 1994. – С. 18–22.
- Бородовский А.П.** Аварийные исследования могильника эпохи раннего железа в верховых р. Ануй // Изучение памятников археологии Алтайского края. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1995а. – Ч. 1. – С. 118–121.
- Бородовский А.П.** Исследования на нижней Катуне и верхнем Приобье // Обозрение результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов в полевом сезоне 1993 г. – Новосибирск, 1995б. – С. 92–94.
- Бородовский А.П.** Исследования на нижней Катуне и юге Новосибирского Приобья // АО 1994 года. – М.: Наука, 1995в. – С. 253.
- Бородовский А.П.** Предметы примитивного прядения как индикатор этнотERRиториальных границ горного Алтая в эпоху раннего железа // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур: тез. междунар. науч. конф. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995г. – Т. II. – С. 9–12.
- Бородовский А.П.** Исследования археологических памятников Новосибирского водохранилища и нижней Катуне // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: мат-лы конф. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1997. – С. 67–70.
- Бородовский А.П.** Археологическая разведка на нижней Катуне // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: мат-лы всерос. науч.-практ. конф. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1999а. – Вып. X. – С. 169–170.
- Бородовский А.П.** Исследования в Новосибирском Приобье и на нижней Катуне // АО 1997 года. – М.: Наука, 1999б. – С. 261–262.
- Бородовский А.П.** Вторичные погребения эпохи раннего железа на Нижней Катуне (по материалам Барангольского некрополя) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2000. – Вып. XI. – С. 197–200.
- Бородовский А.П.** Исследование некрополей гунно-сарматского времени на Нижней Катуне // АО 2000 года. – М.: Наука, 2001а. – С. 207–209.
- Бородовский А.П.** Исследование некрополей эпохи раннего железа на Нижней Катуне и в Новосибирском Приобье // АО 1999 года. – М.: Наука, 2001б. – С. 229–232.
- Бородовский А.П.** Многослойный поселенческий комплекс Муны на нижней Катуне // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2001в. – С. 56–67. – (Изв. лаб. археологии; вып. 7).
- Бородовский А.П.** Исследование некрополя эпохи раннего железа на нижней Катуне // АО 2001 года. – М.: Наука, 2002а. – С. 398–399.
- Бородовский А.П.** Микрорайон археологических памятников у с. Манжерок Майминского района Республики Алтай // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2002б. – С. 42–52. – (Изв. лаб. археологии; вып. 9).
- Бородовский А.П.** Археолого-этнографические исследования по туристическому маршруту «Алтайская одиссея» // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2003а. – Вып. XIII. – С. 33–39.
- Бородовский А.П.** Исследования на нижней и средней Катуне // АО 2002 года. – М.: Наука, 2003б. – С. 335–337.
- Бородовский А.П.** Скифские модницы с нижней Катуне // Наука в Сибири. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003в. – № 34–35 (2420–2421). – С. 7.
- Бородовский А.П.** Археологические микрорайоны Горного Алтая на правобережье нижней Катуне // Археологические микрорайоны Северной Азии. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. – С. 19–22.
- Бородовский А.П.** Афанасьевские памятники нижней Катуне // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2006. – С. 84–95.
- Бородовский А.П., Бородовская Е.Л.** Туризм и археология Горного Алтая: метод. пособ. для экскурсоводов и туристов. – Новосибирск: ООО «Сибирь-Алтай», 2001. – 49 с.
- Бородовский А.П., Бородовская Е.Л.** Археология и туризм Горного Алтая. – Новосибирск: ООО «Сибирь-Алтай», 2005. – 60 с.
- Бородовский А.П., Бородовская Е.Л.** Обследование прибрежных территорий озера Манжерок // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 188–192.
- Бородовский А.П., Бородовский П.А.** Синхронизация погребальных и поселенческих комплексов нижней Катуне эпохи раннего железа // Истоки, формирование и развитие евразийской поликультурности: культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности. – Иркутск: РПЦ «Радиан», 2005. – С. 188–189.
- Бородовский А.П., Оболенский А.А., Бабич В.В., Борисенко А.С., Морцов Н.К.** Древнее серебро

- Сибири (краткая история и состав металла, рудные месторождения). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 88 с.
- Бородовский А.П., Ойношев В.П., Соенов В.И., Суразаков А.С., Танкова М.В.** Древности Чуйского тракта. – Горно-Алтайск: Б.и., 2005. – 102 с.
- Бородовский А.П., Слюсаренко И.Ю., Кузьмин Я.В., Орлова Л.А., Кристен Дж.А., Гаркуша Ю.Н., Бурр Дж. С., Джайл Э.Дж.Т.** Хронология погребальных комплексов раннего железного века в верхнем Приобье по данным древвестно-кольцевого и радиоуглеродного методов (на примере курганной группы Быстровка-2) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 3 (15). – С. 79–92.
- Бородовский П.А.** Курганный могильник эпохи раннего железного века на нижней Катуни Чултуков Лог-1 // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем. – Томск: Изд-во ТГУ, 2003. – С. 209–210.
- Бриан П.** Александр Македонский. – М.: АСТ-Астель, 2007. – 158 с.
- Бурыкина Е.Л.** Женские украшения из могильника Майма IV в Горном Алтае // Археологические исследования в Сибири: Тез. докл. конф. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1989. – С. 68–69.
- Быстрова А.Н.** Структура культурного пространства: автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. – Томск: Изд-во ТГУ, 2004. – 39 с.
- Вдовина Т.А.** Изучение оросительных систем Горного Алтая в 2003 году // Археология и этнография Алтая. – Горно-Алтайск: Б.и., 2004. – Вып. 2. – С. 174–178.
- Вдовина Т.А.** Обследование остатков ирригационных систем Горного Алтая в 2006 году // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2007. – Вып. 3. – С. 62–65.
- Верещагин В.И.** Экскурсия учеников Барнаульского реального училища летом 1909 г. в Горный Алтай // Естествознание и наглядное обучение. – СПб.: Б.и., 1910. – № 1–2.
- Вистенгаузен В.К.** Спелеология Алтая // Археология и этнография Алтая. – Барнаул: Б.и., 1982. – С. 148–149.
- Гальченко А.В., Шульга П.И.** К вопросу об интерпретации костных остатков на материалах поселений раннего железного века Горного Алтая // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1992. – С. 94–97.
- Генинг В.Ф., Бунятиян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А.** Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). – Киев: Б.и., 1990. – 106 с.
- Геродот.** История: в 9-ти кн. – Л.: Наука, 1972. – 600 с.
- Гладкий Ю.Н., Чистобаева А.И.** Регионоведение. – М.: Гардарики, 2003. – 382 с.
- Грач А.Д.** Древние кочевники в центре Азии. – М.: Наука, 1980. – 256 с.
- Далин В.М.** Историки Франции XIX–XX веков. – М.: Наука, 1981. – 326 с.
- Дашковский П.К., Грушин С.П.** Кенатафы пазырыкского времени Горного Алтая // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1998. – С. 51–52.
- Деревянко А.П., Молодин В.И.** Денисова пещера. – Новосибирск: Наука, 1994. – 260 с.
- Деревянко А.П., Молодин В.И., Маркин С.В.** Археологические исследования на Алтае в 1986 г.: предварит. итоги сов.-яп. экспедиции. – Новосибирск: Изд-во ИИФФ, 1987. – 76 с. (препринт).
- Древности Алтая.** – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2004. – 182 с. – (Изв. лаб. археологии; вып. 12).
- Дьякова О.В.** Городища и крепости Дальнего Востока (северо-восточное Приморье). – Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 2005. – 188 с.
- Ермолова Н.М.** Животные в жизни и искусстве скотов Сибири // Скифо-сибирский мир: тез. докл. Всесоюз. археол. конф. – Кемерово: Б.и., 1979. – С. 133–136.
- Завитухина М.П.** Могильник времени ранних кочевников близ г. Бийска // Эпоха бронзы и раннего железа Сибири и Средней Азии. – Л.: Искусство, 1961. – С. 89–108.
- Зайцева О.В.** Вторичные погребения: проблемы изучения и интерпретации // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении: Зап. Сибирь и сопред. территории: мат-лы XII Зап.-Сиб. археол.-этнограф. конф. – Томск: Изд-во ТГУ, 2001. – С. 96–98.
- Зайцева О.В.** Погребения с нарушенной анатомической целостностью костяка: методика исследования и возможности интеграции: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск: Б.и., 2005. – 30 с.
- Замятин Д.Н.** Культура и пространство: моделирование географических образов. – М.: Знак, 2006. – 488 с.
- Зиняков Н.М.** История черной металлургии и кузнечного дела древнего Алтая. – Томск: Изд-во ТГУ, 1988. – 275 с.
- Зольников И.Д., Мицрюков А.А.** Четвертичные отложения и рельеф долин Чуи и Катуни. – Новосибирск: Изд-во Ин-та геологии и минералогии СО РАН, 2008. – 182 с.
- История Республики Алтай: древность и средневековье.** – Горно-Алтайск: Изд-во Ин-та алтайистики им. С.С. Суразакова, 2002. – Т. 1. – 360 с.
- Каталог** случайных находок из археологических сокровищ Донецкой области // Археологический альманах. – Донецк: Донецк. обл. краевед. музей, 1993. – № 1. – 236 с.
- Кимеев В.М.** Горные хребты Южной Сибири – границы или центры этнических территорий // Проблемы археологии степной Евразии. – Кемерово: Б.и., 1987. – Ч. 1. – С. 55–56.
- Киреев С.М.** Новые памятники эпохи раннего железа в предгорьях Алтая // Скифская эпоха Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1986а. – С. 16–18.
- Киреев С.М.** Поселение Майма I в предгорьях Алтая // Материалы по археологии Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАНИИЯЛ, 1986б. – С. 165–191.

- Киреев С.М.** Поселения долины р. Майма и проблемы культурной принадлежности памятников северо-западных предгорий Горного Алтая во второй половине I тыс. до н.э. // Проблемы истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАНИИЯЛ, 1987. – С. 65–73.
- Киреев С.М.** Майминский археологический комплекс // Проблемы изучения древней культуры населения Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАНИИЯЛ, 1988а. – С. 162–168.
- Киреев С.М.** Памятники нижней Катуны раннего железного века // Проблемы археологии Северной Азии. – Чита: Б.и., 1988б. – С. 60.
- Киреев С.М.** Охранные раскопки памятников Майминского археологического комплекса // Охрана и использование археологических памятников Алтая: тез. докл. конф. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1990. – С. 53–57.
- Киреев С.М.** О северной границе горно-алтайских погребений скифского времени с восточной ориентировкой // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. – Барнаул: Б.и., 1991а. – С. 119–122.
- Киреев С.М.** Поселение Черемшанка // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. – Барнаул: Изд-во БГПИ, 1991б. – С. 84–89.
- Киреев С.М.** Работы на Майминском комплексе // Проблемы сохранения, использования и исследования археологических памятников Алтая. – Барнаул: Б.и., 1991в. – С. 67–70.
- Киреев С.М.** Курганы Майма XIX // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. – Барнаул: Изд-во БГПИ, 1992а. – С. 39–50.
- Киреев С.М.** Погребения быстрянской культуры // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1992б. – С. 50–58.
- Киреев С.М.** Работы на Майминском комплексе в 1990–1991 гг. // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии: мат-лы конф. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГПИ, 1992в. – С. 55–56.
- Киреев С.М.** Роль миграционных процессов в сложении быстрянской культуры // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. – Барнаул, 1994а. – С. 118–121.
- Киреев С.М.** Спасательные работы на могильнике Майма IV // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. – Горно-Алтайск: Б.и., 1994б. – С. 39–43.
- Киреев С.М.** Новое обследование городища Черемшанка // Алтай и тюрко-монгольский мир. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАИГИ, 1995а. – С. 135–139.
- Киреев С.М.** Спасательные работы на могильнике Майма IV // Изучение памятников археологии Алтайского края. – Барнаул, 1995б. – Ч. 1. – С. 110–114.
- Киреев С.М.** Тризы и тризовая керамика майминских погребений эпохи раннего железного века // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1999. – С. 92–99. – (Изв. лаб. археологии; вып. 4).
- Киреев С.М., Алехина Е.В.** Поселение Майма XVIII // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во АКИН, 1994. – С. 43–46.
- Киреев С.М., Алехина Е.В., Пивоварова Н.Н., Герасимов Е.В.** Продолжение археологических работ на Майминском комплексе // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока: мат-лы РАЭСК XXXIV. – Барнаул, 1994. – С. 86–88.
- Киреев С.М., Баженов А.И., Музыка С.А., Тулинин А.В.** Минерало-петрографические особенности керамики поселений Нижней Катуны // Археология Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1988. – С. 91–104.
- Киреев С.М., Булычев С.С.** Раскопки поселения Майма III в 1989 г. // Вопросы истории и археологии Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГПИ, 1990. – С. 7–9.
- Киреев С.М., Кудрявцев П.И., Полосина Я.Ю.** К вопросу о хозяйстве населения предгорий северного Алтая в эпоху поздней бронзы и раннего железа (по материалам Майминского археологического комплекса) // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1994. – С. 88–91.
- Киреев С.М., Кудрявцев П.И., Полосина Я.Ю., Герасимов Е.В., Пивоварова Н.Н.** Материалы к археологической карте северного Алтая // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Б.и., 1993. – Ч. 1. – С. 159–162.
- Киреев С.М., Кунгurova Н.Ю.** Микролитическая индустрия с поселения Майма III // Источники по истории Республики Алтай. – Горно-Алтайск: Б.и., 1997. – С. 60–68.
- Киреев С.М., Чевалков С.Ю.** Погребения Майминской культуры на могильнике Майма VII // Археология и этнография Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во АКИН, 2004. – Вып. 2. – С. 60–65.
- Киреев С.М., Чевалков С.Ю.** Курган позднего этапа быстрянской культуры // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: Изд-во АКИН, 2005. – С. 86–91.
- Киреев С.М., Эбель А., Алехина Е. В., Буржуа Ж., Дебен Б., Ван Хооф Л.** Предварительные итоги исследования поселения Майма XII в 2000 г. // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. – Барнаул: Б.и., 2002. – С. 49–51.
- Кирюшин К.Ю.** Работы по интеграции объектов археологического наследия туркомплекса «Бирюзовая Катунь» в сферу туризма // Состояние, проблемы и перспективы развития туризма на Алтае: экологическая безопасность как фактор инвестиционной привлекательности территории: мат-лы регион. науч.-практ. конф. – Барнаул: Азбука, 2005. – С. 29–32.
- Кирюшин К.Ю.** Археологический парк «Перекресток миров»: итоги работ 2002–2005 гг. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2006.
- Кирюшин К.Ю., Горбунов В.В., Данышин О.В.** Руническая надпись с реки Усть-Уба (Алтайский район алтайского края) // Полевые исследования в Верх-

- нем Приобье и на Алтае: археология, этнография, устная история. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2007. – Вып. 3. – С. 57–59.
- Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Волков П.В., Семибраторов В.П.** Роговые изделия Тавдинского грота // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. – Барнаул: Азбука, 2006. – Вып. XV. – С. 217–222.
- Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Семибраторов В.П.** Исследования Тавдинского грота в 2005 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. XI, ч. I. – С. 333–339.
- Кирюшин К.Ю., Кирюшина Ю.В.** Работы АлтГУ по созданию археологического парка «Перекрёсток миров» на территории туркомплекса «Бирюзовая Катунь» (проблема позиционирования) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. – Барнаул: Азбука, 2006. – Вып. XV. – С. 229–234.
- Кирюшин К.Ю., Кондрашов А.В., Семибраторов В.П.** Исследование одиночного кургана древнетюркского времени на территории природного парка Бирюзовая Катунь в 2005 г. // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2006. – Вып. 2. – С. 46–52.
- Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В., Степанова Н.Ф.** Курганный могильник Верх-Еланда-2 в Горном Алтае // Археологические исследования на Катуни. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 224–242.
- Кирюшин Ю.Ф., Семибраторов В.П., Матренин С.С., Грушин С.П., Кирюшин К.Ю., Шмидт А.В.** Исследование погребальных и поминальных комплексов в зоне строительства Алтайской ГЭС в 2007 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 273–277.
- Кирюшин К.Ю., Семибраторов В.П., Силантьева М.М., Терёхина Т.А.** Палеоботанические данные по материалам исследования кургана Бирюзовая Катунь-1 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. – Барнаул: Азбука, 2006. – Вып. XV. – С. 211–217.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф.** Заколки из захоронений скифского времени горного Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – С. 386–390.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф.** Скифская эпоха Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2004. – Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуни. – 292 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тиштин А.А.** Признаки погребального обряда скифских памятников Средней Катуни // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири: мат-лы Всерос. науч. конф. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1997. – С. 102–106.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тиштин А.А.** Скифская эпоха Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2003. – Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. – 234 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Тиштин А.А.** Скифская эпоха Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1997. – Ч. I: Культура населения в раннескифское время. – 232 с.
- Котляков В.М., Комарова А.И.** Географические понятия и термины: пятиязычный академ. словарь. – М.: Наука, 2007. – 860 с.
- Кочеев В.А.** Новые находки развитой бронзы из горного Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1997. – С. 171–173.
- Кочеев В.А.** Три боевых кинжала эпохи раннего железа из Горного Алтая, или еще раз о случайных находках // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: Изд-во АКИН, 2005. – С. 91–95.
- Кубарев В.Д.** Древние изваяния Алтая (оленевые камни). – Новосибирск: Наука, 1979. – 120 с.
- Кубарев В.Д.** Курганы Уландрыка. – Новосибирск: Наука, 1987. – 304 с.
- Кубарев В.Д.** История изучения археологических памятников Средней Катуны // Археологические исследования на Катуни. – Новосибирск: Наука, 1990а. – 272 с.
- Кубарев В.Д.** Росписные сосуды из курганов Алтая // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Б.и., 1990б. – С. 31–55.
- Кубарев В.Д.** Курганы Юстыда. – Новосибирск: Наука, 1991. – 190 с. + табл. (80 с.).
- Кубарев В.Д.** К истории изучения древнетюркской эпиграфики Алтая // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. – Горно-Алтайск: Б.и., 1992. – С. 68–73.
- Кубарев В.Д.** Древние кочевники Восточного Алтая: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск: Б.и., 1997. – 29 с.
- Кубарев В.Д., Шульга П.И.** Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). – Барнаул: Изд-во АГУ, 2007. – 282 с.
- Кудрявцев П.И.** К вопросу о южных границах распространения ирменской культуры // Проблемы археологии Северной Азии. – Чита: Б.и., 1988. – С. 62–63.
- Кудрявцев П.И.** Новые материалы эпохи поздней бронзы в предгорьях Алтая // Археологические исследования в Сибири. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1989. – С. 55.
- Кунгурев А.Л.** Многослойное поселение Усть-Сема // Алтай в эпоху камня и раннего металла. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1985. – С. 37–59.
- Кунгурев А.Л.** Относительная хронология палеолитических памятников бассейна Катуны // Проблемы хронологии в археологии и истории. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1991. – С. 50–63.

- Кунгуро́в А.Л., Ка́диков Б.Х.** Многослойное поселение Усть-Сема // Алтай в эпоху камня и раннего металла. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1997. – С. 29–50.
- Кунгуро́в А.Л., Цыро́ А.Г.** История открытия и изучения палеолита Алтая: учеб. пособ. – Барнаул: Азбука, 2006. – 144 с.
- Кунгуро́ва Н.Ю.** К вопросу о технологии производства афанасьевской культуры // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1994. – С. 46–50.
- Кызылласов Л.Р.** Древняя Тува. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 208 с.
- Лапшин Б.И.** История исследований алтайского палеолита // Археология и этнография Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1982. – С. 3–17.
- Лапшин Б.И., Ка́диков Б.Х.** Палеолитическая стоянка у села Майма в горном Алтае (по материалам Бийского краеведческого музея) // Проблемы западносибирской археологии: эпоха камня и бронзы. – Новосибирск: Б.и., 1981. – С. 9–21.
- Ларин О.В.** К истории изучения афанасьевской культуры Горного Алтая // Археология Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Б.и., 1988. – С. 82–91.
- Ларин О.В.** Афанасьевская культура Горного Алтая: могильник Сальдар-1. – Барнул: Изд-во АГУ, 2005. – 208 с.
- Легенды и мифы седого Алтая.** – Горно-Алтайск: Б.и., 2004. – 52 с.
- Майминский район.** – Новосибирск: Олсиб, 2002. – 46 с.
- Мамет Л.П.** Ойротия. – Горно-Алтайск: Б.и., 1994.
- Марсадолов Л.С.** История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV веков до н.э. (от истоков до начала 80-х годов XX века). – СПб.: Изд-во ИИМК, 1996. – 100 с.
- Маруашвили Л.И.** Палеографический словарь. – М.: Мысль, 1985. – 367 с.
- Матвеев А.В.** Ирменская культура в лесостепном Приобье. – Новосибирск, 1993. – 180 с.
- Матюшенко В.И.** Археологический микрорайон как познавательная категория // Археологические микрорайоны Западной Сибири. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1994. – с. 64–66.
- Матюшенко В.И.** Опыт осмыслиения идеи археологического микрорайона // Нижнетарский археологический микрорайон. – Новосибирск: Наука, 2001.
- Миронов В.С.** К вопросу о социальной структуре населения долины Средней Катуны в скифское время (по материалам погребальной обрядности) // Социально-экономические структуры древних обществ в Западной Сибири. – Барнаул: Б.и., 1997. – С. 106–108.
- Миронов В.С.** Культура населения Средней Катуны в скифское время: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск: Б.и., 2000. – 19 с.
- Могильников В.А.** Курганы Кара-Коба II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. – Горно-Алтайск: Б.и., 1983а. – С. 52–89.
- Могильников В.А.** Курганы Кызыл-Джар II–V и некоторые вопросы состава населения Алтая во второй половине I тыс. до н.э. // Вопросы археологии и этнографии горного Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАНИИЯЛ, 1983б. – С. 40–71.
- Могильников В.А.** К этнокультурной ситуации на Алтае в скифское время // Скифская эпоха Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1986а. – С. 29–32.
- Могильников В.А.** Некоторые аспекты этнокультурного развития Горного Алтая в раннем железном веке // Мат-лы по археологии Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАНИИЯЛ, 1986б. – С. 35–67.
- Могильников В.А.** Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. – М.: Наука, 2002. – 362 с.
- Молодин В.И.** К изучению поселенческих комплексов эпохи раннего железного века Горного Алтая // Скифская эпоха Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1986. – С. 18–20.
- Молодин В.И.** Пазырыкская культура: проблемы этногенеза, этнической истории и исторических судеб // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 4. – С. 131–142.
- Молодин В.И.** Горный Алтай в эпоху бронзы // История Республики Алтай. – Горно-Алтайск: Изд-во Института алтайистики им. С.С. Суразакова, 2002. – Т. 1. – С. 97–142.
- Молодин В.И., Бородовский А.П., Троицкая Т.Н.** Археологические памятники Колыванского района Новосибирской области. – Новосибирск: Наука, 1996. – 192 с.
- Молодин В.И., Петрин В.Т.** Разведка в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1985. – С. 50–73.
- Молодин В.И., Петрин В.Т.** Памятник с микролитическим инвентарем в Горном Алтае // Проблемы археологии и этнографии южной Сибири. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1990. – С. 3–18.
- Мурзаев Э.М.** Словарь народных географических терминов. – М.: Мысль, 1984. – 653 с.
- Назаров И.И.** Традиционное хозяйство и материальная культура кумандинцев // Культура и традиции коренных народов Северного Алтая. – СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2008. – С. 125–185.
- Овца //** Большая советская энциклопедия. – М.: Сов. энциклопед., 1974. – Т. 18. – С. 825.
- Ольховский В.С.** Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // СА. – 1986. – № 1. – С. 71.
- Ольховский В.С.** Погребальная обрядность и социологические реконструкции // РА. – 1995. – № 2. – С. 86.
- Погожева А.П.** Курганы эпохи бронзы на западе Горного Алтая // АО 1982 года. – М.: Наука, 1984. – С. 225–226.
- Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае: археология, этнография, устная история.** – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2007. – Вып. 3. – 208 с.

- Полосьмак Н.В.** Пазырыкская культура // Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок). – Новосибирск: Наука, 1994. – С. 137–144.
- Полосьмак Н.В.** Пазырыкская культура (реконструкция мировоззренческих и мифологических представлений): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1997. – 54 с.
- Полосьмак Н.В.** Всадники Укока. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. – 336 с.
- По дважды Алтайской земле.** – Барнаул: Б.и., 2003. – 120 с.
- Руденко С.И.** Культура населения горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953.
- Руденко С.И.** Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР 1960. – 350 с.
- Савинов Д.Г.** Погребения в каменных ящиках в Южной Сибири конца I тыс. до н.э.: возрождение традиции или миграции // Смены культур и миграции в Западной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1987. – С. 37–40.
- Савинов Д.Г.** Ранние кочевники Верхнего Енисея: археологические культуры и культурогенез. – СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2002. – 202 с.
- Самаев Г.Д.** Горный Алтай в XVII – середине XIX в.: проблемы политической истории и присоединения к России. – Горно-Алтайск: Б.и., 1991. – 210 с.
- Сапожников В.В.** Пути по русскому Алтаю. – Томск: Б.и., 1912. – 169 с.
- Селедцов Н.Г., Шпилекова Н.Е.** В помощь туристу (картосхематический материал Республики Алтай и некоторые примечательные памятники природы). – Горно-Алтайск: Б.и., 2000. – 88 с.
- Семёнов В.А.** Проблема выделения хронологических индикаторов в скифских комплексах V–IV вв. до н.э. в Туве // Сохранение и изучение историко-культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2000. – Вып. XI. – С. 179–182.
- Славинин В.Д.** Архаика в духовной культуре кумандинцев // Методы реконструкций в археологии. – Новосибирск: Наука, 1991. – С. 176–192.
- Славинин В.Д., Шерстова Л.И.** Народы Северного Алтая: некоторые проблемы этногенеза и этнической истории // Культура и традиции коренных народов Северного Алтая. – СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2008. – С. 5–124.
- Смирнов Н.Ю.** Орнаментализация идей (к вопросу об орнаментальных мотивах эпохи ранних кочевников Саяно-Алтая) // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2004. – С. 426–432.
- Современный толковый словарь русского языка.** – М.: Ридерз дайжест, 2004. – 169 с.
- Соёнов В.И.** Археологический словарь Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГПИ, 1993. – 152 с.
- Соёнов В.И.** Археологические памятники Горного Алтая гунно-сарматской эпохи (описание, система, анализ). – Горно-Алтайск: Б.и., 2003. – 160 с.
- Соснин В.С.** История создания археологического парка «Перекресток миров» // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций: мат-лы XLVIII РАЭСК (IV всерос. конф. с междунар. участием). – Барнаул: Азбука, 2008. – С. 14–15.
- Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф.** – Барнаул: Изд-во АГУ, 1999. – Вып. X. – 240 с.
- Степанова Н.Ф.** Погребения в каменных ящиках и их датировка // Погребальный обряд древних племен Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1996. – С. 54–69.
- Степанова Н.Ф.** Заколки из захоронений скифского времени горного Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – С. 386–390.
- Степанова Н.Ф.** Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуни: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2000. – 26 с.
- Степанова Н.Ф.** О локальных вариантах пазырыкской культуры скифского времени Горного Алтая // Шестье ист. чтения памяти М.П. Грязнова. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. – С. 230–234.
- Степанова Н.Ф.** К вопросу об адаптации населения афанасьевской культуры Горного Алтая (по материалам керамических комплексов) // Культуро-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез. – СПб.: Б.и., 2007. – С. 95–104.
- Степанова Н.Ф., Кирюшин Ю.Ф.** Могильник скифского времени Тыткесень VI // Археологические исследования в Сибири. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1989. – С. 64–66.
- Степанова Н.Ф., Неверов С.В.** Курганный могильник Верх-Еланда-2 // Археология Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1994. – С. 11–24.
- Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время.** – М.: Наука, 1992. – 493 с.
- Суразаков А.С.** Об археологических исследованиях в Горном Алтае // Археология и этнография Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1982. – С. 121–136.
- Суразаков А.С.** Курганы эпохи раннего железа в могильнике Кызык-Телань I (к вопросу о выделении кара-кобинской культуры) // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАНИИЯЛ, 1983. – С. 45–52.
- Суразаков А.С.** Афанасьевские памятники Горного Алтая // Проблемы истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАНИИЯЛ, 1987. – С. 3–22.
- Суразаков А.С.** Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа: проблемы хронологии и культурного разграничения. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд. Алт. кн. изд-ва, 1989. – 216 с.
- Тишкин А.А.** Опыт изучения на Алтае археологических микрорайонов // Археологические микрорайоны Северной Евразии: мат-лы науч. конф. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. – С. 89–93.
- Тишкин А.А.** Об археологических находках из частных коллекций // Теория и практика археологиче-

- ских исследований. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2006. – Вып. 2. – С. 147–154.
- Тишкин А.А.** Культурно-экологические области и контактные зоны на юге Западной Сибири // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез. – СПб.: Б.и., 2007. – С. 85–95.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В.** Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2002. – С. 82–91. – (Изв. лаб. археологии; вып. 9).
- Тишкин А.А., Горбунов В.В., Матренин С.С.** Яломанский археологический микрорайон в Горном Алтае // Археологические микрорайоны северной Евразии: мат-лы науч. конф. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. – С. 93–97.
- Тишкин А.А., Дашковский П.К.** К дискуссии о культурно-хронологическом разграничении на Алтае захоронений скифской эпохи в каменных ящиках // Алтае-Саянская горная страна и соседние территории в древности. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – С. 13–22.
- Трифонов В.Г., Караканян А.С.** Геодинамика и история цивилизаций. – М.: Наука, 2004. – 667 с.
- Троицкая Т.Н., Бородовский А.П.** Большелереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: Наука, 1994. – с.
- Уманский А.П.** Памятники культуры Алтая. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1959. – 252 с.
- Уманский А.П.** Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. – Новосибирск: Наука, 1980. – 296 с.
- Фаган Б., Де Корс К.** Археология: в начале. – М.: ЗАО РИЦ «Техносфера», 2007. – 592 с.
- Феномен алтайских мумий / В.И. Молодин, Н.В. Полосьмак, Т.А. Чикишева и др.** – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН 2000. – 320 с.
- Фролов Я.Н.** К вопросу о формировании староалейской культуры (по данным погребальной обрядности) // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2008. – Вып. 3. – С. 16–31.
- Худяков Ю.С.** Сведения о природных аномалиях, проходивших на территории Центральной и Восточной Азии на рубеже эпохи раннего средневековья // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Новосибирск; Омск: Изд. дом «Наука», 2008. – С. 335–337.
- Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю.** Изображение барса и сайгака из могильников Кок-Эдиган, Тянгистыт в горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 2 (10). – С. 105–110.
- Чыбулин С.М.** Птицы Северного Алтая. – Новосибирск: Наука, 1999. – 518 с.
- Черников С.С.** Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. – Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР, 1949. – 116 с.
- Чугунов К.В.** Локально-хронологические особенности Тувы в середине I тыс. до н.э. // Евразия сквозь века. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. – С. 173–178.
- Ширин Ю.В.** Поселение кузнецких татар Барсаятской волости XVIII в. // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: Изд-во АКИН, 2005. – С. 157–168.
- Шульга П.И.** Поселения раннего железного века в Горном Алтае: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово: Б.и., 1990. – 18 с.
- Шульга П.И.** Хозяйство племен Горного Алтая в раннем железном веке // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. – Горно-Алтайск: Б.и., 1994. – С. 48–60.
- Шульга П.И.** Поселение Чепош-2 на средней Катуни // Археология, антропология, этнография Сибири. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1996. – С. 106–123.
- Шульга П.И.** Афанасьевские памятники в северо-западных предгорьях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2000. – Вып. 11. – С. 108–112.
- Шульга П.И.** О методике раскопок и погребальном обряде пазырыкской культуры // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2005. – С. 42–49.
- Щапова Ю.Л.** Введение в вещеведение: естественно-научный подход к изучению древних вещей. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 143 с.
- Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций: мат-лы XLVIII РАЭСК (IV всерос. конф. с междунар. участием).** – Барнаул: Азбука, 2008.
- Яблонский Л.Т.** Миграции ранних кочевников Арапоуральского региона (в свете разработок В.П. Алексеева) // Человек в культурной и природной среде: мат-лы третьих антрополог. чтений к 75-летию со дня рожд. акад. В.П. Алексеева. – М.: Наука, 2007. – С. 141–146.
- Borodovsky A.P.** Cultural Genesis and Infiltration of Early Population in the Lower Katun River during the Paleometal Period: material from the Multilayered Site Muny 1 // Journal of Korean Ancient Historical Society Hanguk Sanggosa Hakbo. – 1995. – № 20. – P. 269–301.

Приложение 1

**СВОДНАЯ ТАБЛИЦА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ
ГОРНОЙ ДОЛИНЫ НИЖНЕЙ КАТУНИ**

№	Название	Разновидность	Расположение	Датировка	Автор открытия
1	2	3	4	5	6
1	Барангол (каменные орудия)*	Случайная находка	На 300 м к западу от курганной группы Барангол-1	Эпоха камня	А.П. Бородовский
2	Барангол (подпрямоугольная бронзовая накладка)	Случайная находка	На 250 м к западу от курганной группы Барангол-1	Средневековье	А.П. Бородовский
3	Дубровка (бронзовый наконечник)	Случайная находка	Около с. Дубровка	Эпоха раннего железа	Местные жители
4	Дубровка (каменный пест)	Случайная находка	Окрестности с. Дубровка	Эпоха бронзы	Местные жители
5	Дубровка (керамический сосуд)	Случайная находка	Окрестности с. Дубровка	Эпоха раннего железа	Местные жители
6	Дубровка (керамический сосуд)	Случайная находка	Окрестности с. Дубровка	Средневековье	Местные жители
7	Майма (бронзовый кинжал)	Случайная находка	У с. Майма, к северу от могильника Майма IV	Эпоха раннего железа	Местные жители
8	Майма (бронзовый нож)	Случайная находка	Окрестности с. Майма	Эпоха поздней бронзы	Местные жители
9	Аэропорт (бронзовый нож)	Случайная находка	Окрестности аэропорта	Эпоха поздней бронзы	Местные жители
10	Долина Свободы-3 (каменное изваяние)	Случайная находка	Село Долина Свободы	Эпоха развитой бронзы	Местные жители
11	Манжерокское Озеро-1 (оленный камень)	Случайная находка	Южная оконечность Манжерокского озера	Эпоха раннего железа	Н.М. Воробьев
12	Манжерок-6 (железный трехлопастной наконечник)	Случайная находка	На пашне в окрестностях с. Манжерок	I тыс. н.э.	П. Шадаев
13	Манжерокский Ключ (железный наконечник, фрагмент бронзового бубенчика)	Случайная находка	На 250 м к юго-западу от Манжерокского ключа	Средневековье	Н.М. Воробьев
14	Муны-2 (каменное блюдо)	Случайная находка	На р. Муны	Эпоха бронзы	Местные жители
15	Манжерок (медный котел)	Случайная находка	Одна из туристических баз в окрестностях с. Манжерок	II – первая половина IV в. до н.э.	Местные жители
16	Старый Майминский аэродром (бронзовый поясной крючок)	Случайная находка	Район старого Майминского аэродрома	Эпоха раннего железа	Местные жители

Продолжение прил. 1

1	2	3	4	5	6
17	Соузгинское местонахождение-1 (бронзовое сейминско-турбинское копье)	Случайная находка	Территория с. Соузга	Эпоха бронзы (XVI–XIV вв. до н.э.)	Местный житель С.И. Кергилов
18	Соузгинское местонахождение-2 (бронзовый бубенчик)	Случайная находка	На участке строительства Чуйского тракта в районе Соузгинского мясокомбината	Средневекование (конец I тыс. н.э.)	А.П. Бородовский
19	Усть-Муны-4 (образцы каменной индустрии)	Случайная находка	Территория с. Усть-Муны	Эпоха камня	С.С. Зяблицкий
20	Усть-Муны-5 (образцы каменной индустрии)	Случайная находка	Окрестности с. Усть-Муны	Эпоха камня	С.С. Зяблицкий
21	Усть-Муны-6 (железный наконечник стрелы)	Случайная находка	Окрестности с. Усть-Муны, на р. Муны	Средневековые	Местные жители
22	Чоурак-1 (каменное орудие)	Случайная находка	В предустьевой долине ручья Чоурак, на 1,5 км к востоку от пос. Известковый	Эпоха камня	А.П. Бородовский
23	Васькин Лог-1	Пещера	К северу от с. Муны, на правом берегу р. Катунь, в известковом горном склоне	Эпоха железа	А.П. Бородовский
24	Усть-Убинская пещера	Пещера	Левый берег р. Уба, северо-западная окраина с. Усть-Уба	Эпоха палеометалла	
25	Большая Тавдинская пещера	Пещера	На левом берегу р. Катунь, на 1,5 км к северо-западу от пос. Известковый. Территория ОЭЗ ТРТ «Бирюзовая Катунь»	Эпоха бронзы, эпоха железа, средневековые	
26	Гrotы у Большой Тавдинской пещеры	Гrotы (два)	Левый берег р. Катунь, под Большой Тавдинской пещерой. Территория ОЭЗ ТРТ «Бирюзовая Катунь»	Финальный неолит – ранний энеолит – скифское время	В.П. Семибраторов
		Святилище	В Тавдинском гrotе	Эпоха раннего железа	В.П. Семибраторов
27	Барангол	Стоянка	На 10–20-метровой террасе при впадении Барангола в Катунь	Эпоха камня	Б.Х. Каидиков
28	Едрала-1	Стоянка	На западном мысе, образованном р. Едрала и оврагом, на 1,1 км восточнее Чуйского тракта	Не ясна	В.И. Молодин, В.Т. Петрин
29	Едрала-2	Стоянка, мастерская	В лесу, на левом берегу р. Едрала, в 350 м на восток от стоянки Едрала-1	Эпоха камня	В.И. Молодин, В.Т. Петрин
30	Едрала-3	Стоянка	На правом берегу р. Едрала, в 200 м на восток от памятника Едрала-2	Эпоха камня	В.И. Молодин, В.Т. Петрин
31	Едрала-4	Стоянка	На правом берегу р. Едрала, в 90 м севернее стоянки Едрала-3	Эпоха камня	В.И. Молодин, В.Т. Петрин
32	Барангол	Местонахождение	На р. Барангол	Эпоха камня	А.П. Окладников
33	Еловый Ключ-1	Местонахождение	В устье Елового ручья, впадающего в р. Едрала	Эпоха камня	С.С. Зяблицкий

Приложение 1. Сводная таблица археологических памятников горной долины нижней Катуни

Продолжение прил. 1

1	2	3	4	5	6
34	СПТУ	Местонахождение	На 1,5 км к югу от Майминского СПТУ (на полях)	Конец I тыс. до н.э.	С.М. Киреев, А.В. Фуршатов
35	Манжерок-1	Стоянка	Устьевая зона р. Едрала	Верхний палеолит – неолит	А.П. Окладников
36	Манжерок-2	Стоянка-мастерская, местонахождение	Устьевая зона левого берега р. Едрала в месте ее пересечения с Чуйским трактом	Эпоха камня	А.П. Окладников
37	Майма V	Местонахождение	Южная оконечность высокой террасы р. Катунь	Эпоха раннего железа	С.М. Киреев
38	Майма X	Местонахождение	На 500 м к юго-западу от могильника Майма X	Эпоха раннего железа	С.М. Киреев, О.М. Нуянзинов
39	Майма XI	Местонахождение	На 5,5 км к северу от с. Майма, недалеко от могильника Майма VII	Эпоха раннего железа	С.М. Киреев, О.М. Нуянзинов
40	Майма XIII	Местонахождение	В 1,5 км к северу-северо-востоку от с. Майма, на левой террасе руч. Алгаир	Эпоха раннего железа	С.М. Киреев, О.М. Нуянзинов
41	Мунушка-1	Местонахождение	Долина р. Мунушка, на 3 км вверх по течению от устья	Эпоха раннего железа	В.И. Молодин, В.Т. Петрин
42	Мунушка-2	Местонахождение	Долина р. Мунушка, на 3 км вверх по течению от устья	Не ясна	В.И. Молодин, В.Т. Петрин
43	Страшной Лог	Местонахождение	К северо-востоку от с. Дубровка, в урочище Страшной Лог	Не ясна	С.М. Киреев
44	Усть-Кутырга-1	Местонахождение	На 300 м к юго-западу от владения Кутыргы в Мунушку	Эпоха бронзы	А.П. Бородовский
45	Усть-Мунушка-1	Стоянка	Правый берег в устье одноименной реки	Эпоха раннего железа	Л.М. Чевалков
46	Черемшанка-1	Местонахождение	Долина р. Черемшанка, в 0,5 км вверх по течению от Чуйского тракта	Эпоха камня	В.И. Молодин, В.Т. Петрин
47	Черемшанка-2	Местонахождение	Долина р. Черемшанка, в 0,5 км вверх по течению от Чуйского тракта	Не ясна	В.И. Молодин, В.Т. Петрин
48	113-й км Чуйского тракта	Местонахождение	У старого дорожного знака по Чуйскому тракту	Не ясна	В.И. Молодин, В.Т. Петрин
49	Барангол-Карьер	Поселение	Горный склон над полотном Чуйского тракта	Эпоха палеометалла	О.В. Ларин
50	Безымянный Ключ	Поселение	Выше Камышлинского водопада, на правом берегу ключа, впадающего в Катунь, напротив устья Мунушки	Эпоха палеометалла	А.Л. Кунгуров
51	Бирюзовая Катунь-7	Поселение	Левый берег р. Катунь, в 2,3 км на юг-юго-запад от грота Тавдинского; территория ОЭЗ ТРТ «Бирюзовая Катунь»	Эпоха раннего железа	В.П. Семибраторов, К.Ф. Кирюшин, С.С. Матренин
		Каменное изваяние	Территория поселения Бирюзовая Катунь-7	Эпоха раннего железа	В.П. Семибраторов, К.Ф. Кирюшин, С.С. Матренин
52	Верх-Соузга	Поселение	На левом берегу р. Соузга, к востоку от заброшенного с. Верх-Соузга	Не ясна	А.П. Бородовский

Продолжение прил. 1

1	2	3	4	5	6
53	Долина Свободы-1	Поселение	В 1,2 км к югу от одноименного села, на 4–5-метровой уступчатой террасе р. Катунь	Эпоха бронзы – раннего железа	С.М. Киреев
54	Долина Свободы-2	Поселение	На юго-восточной окраине одноименного села, вдоль пологого склона горы	Гунно-сарматское время	С.М. Киреев
55	Еловый Ключ-2	Поселение	Участок слияния р. Едрала с Еловым ручьем	Не ясна	А.П. Бородовский
56	Камышла-2	Поселение	Левый берег Катуни над водопадом Камышла	Эпоха раннего железа	А.П. Бородовский
57	Майма I	Поселение	Аллювиальная терраса правобережья Катуни, в 3 км от одноименного села	Эпоха верхнего палеолита – раннего железа	Б.Х. Кадиков
58	Майма II	Поселение и стоянка	На северо-восточной окраине с. Майма, на высоком мысе	Эпоха верхнего палеолита – раннего железа	В.Е. Рясина
		Бронзолитейный комплекс	На северо-восточной окраине с. Майма, на высоком мысе	Эпоха раннего железа	А.С. Суразаков
59	Майма III	Поселение	На 5,5 км к северу от с. Майма	Эпоха камня, бронзы и раннего железа	С.М. Киреев
60	Майма VIII	Поселение	Подножие горы Большой Камень, на остатке Катунской террасы	Эпоха раннего железа	С.М. Киреев
61	Майма IX	Поселение и сезонная стоянка	На песчаной Катунской террасе, на 300 м к востоку от могильника Майма IV	Эпоха раннего железа	С.М. Киреев, О.М. Нуянзинов
62	Майма XII	Поселение	На 3 км к северу от с. Майма, в пойме р. Катунь, на правом берегу	Эпоха неолита, поздней бронзы и раннего железа	С.М. Киреев
63	Майма XIV	Поселение	На 0,5 км к северо-востоку от с. Майма, на правом берегу ручья Алгаир	Эпоха раннего железа, средневековые	С.М. Киреев, И.В. Усанов
64	Майма XV	Поселение	На 3,8 км к северу от с. Майма, в пойме Катуни	Эпоха палеометалла	С.М. Киреев
65	Майма XVI	Поселение	На 5,3 км к северу-северо-востоку от с. Майма, на пологом склоне горы	Эпоха палеометалла	П.И. Шульга, С.М. Киреев
66	Майма XVII	Поселение	На 2,2 км к северу-северо-востоку от с. Майма на правом берегу ручья	Эпоха палеометалла	С.М. Киреев, П.И. Кудрявцев
67	Майма XVIII	Поселение	На 5,3 км к северу от с. Майма, на мысовой окраине высокой Катунской террасы	Эпоха неолита и раннего железа	С.М. Киреев
68	Манжерок-4	Поселение	Северо-восточная окраина с. Манжерок, на 300 м к северо-востоку от городища Манжерок-3	Средневековые	А.Н. Политов
		Производственная площадка	На поселении Манжерок-4	Средневековые	А.Н. Политов, А.П. Бородовский

Приложение 1. Сводная таблица археологических памятников горной долины нижней Катуни

Продолжение прил. 1

1	2	3	4	5	6
69	Манжерок-5	Поселение	Недалеко от Манжерокских порогов, в пределах территории села	Эпоха раннего металла и раннего железа	А.П. Бородовский
		Святынище	Напротив самых больших камней Манжерокских порогов	Эпоха раннего железа	А.П. Бородовский
70	Манжерок-7	Поселение	На 500 м к северо-востоку от с. Манжерок	Эпоха палеометалла	А.П. Бородовский
71	Муны-1	Поселение	На 2 км вверх по течению от с. Муны	Эпоха бронзы и раннего железа – рубеж эр	В.И. Молодин, В.Т. Петрин
72	Соузга-2	Поселение	Правый берег безымянного ручья выше по течению от курганной группы Соузга-1	Эпоха палеометалла	А.П. Бородовский
73	Усть-Муны-2	Поселение	Устье р. Муны около моста по Чуйскому тракту	Эпоха палеометалла	А.П. Бородовский
74	Усть-Сема	Поселение	Высокий цокольный мыс, на 150 м от моста через р. Сема	Эпоха камня	Б.Х. Кадиков
75	Усть-Сема-2	Поселение	Правый берег р. Сема (за мостом), на краю Катунской террасы	Мезолит	А.Л. Кунгuroв
76	Усть-Сема-3	Поселение	Мыс Катунской террасы, на 300 м к северу-северо-востоку от с. Усть-Сема	Эпоха камня и раннего железа	А.Л. Кунгuroв
77	Усть-Тавда-1	Поселение	Левый берег Катуни в устье Тавдышки	Эпоха раннего железа	А.Л. Кунгuroв
78	Усть-Тавда-2	Поселение	Правый берег Катуни, левый берег устья Тавдышки	Эпоха раннего железа	А.Л. Кунгuroв
79	Чултуков Лог-9	Поселение	На пашне к северо-востоку от некрополя Чултуков Лог-1, между городищем Черемшанка и курганной группой Чултуков Лог-1г	Гунно-сарматское время	А.П. Бородовский
80	Черемшанка-3	Поселение	На левом берегу Черемшанки, в 300 м от городища Черемшанка	Эпоха раннего железа	А. Н. Политов
81	Айские курганы	Курганы	Левый берег Катуни, у края террасы, на 3 км к северу ниже по течению от оз. Ая	Эпоха палеометалла	С.М. Киреев
82	Бирюзовая Катунь-1	Курган и поминальная оградка	Территория ОЭЗ ТРТ «Бирюзовая Катунь»	Средневековье	К.Ф. Кирюшин, А.В. Кондрашов
		Каменное изваяние	У поминальной оградки	Средневековье	К.Ю. Кирюшин, А.В. Кондрашов
83	Курганы у Большой Тавдинской пещеры	Курганы	У подножия Большой Тавдинской пещеры	Средневековье	П.И. Шульга, К.Ф. Кирюшин
84	Бирюзовая Катунь-3	Одиночный курган	Территория ОЭЗ ТРТ «Бирюзовая Катунь»	Средневековье	К.Ф. Кирюшин, А.В. Кондрашов
85	Барангол-1	Курганы	На 60 км к югу от Горно-Алтайска, между селами Муны и Барангол	Эпоха раннего железа	А.П. Бородовский
	Барангол-1а	Ритуальная выкладка	В составе курганной группы Барангол-1	Эпоха раннего железа	А.П. Бородовский

Продолжение прил. 1

1	2	3	4	5	6
86	Барангол-2	Курганы	На расстоянии 1,5 км между селами Муны и Барангол по Чемальскому тракту	Эпоха раннего железа	А.П. Бородовский
87	Барангол-4	Курганы	В центральной части Барангольского некрополя	Эпоха раннего железа	А.П. Бородовский
		Округлая выкладка	В центральной части Барангольского некрополя	Эпоха раннего железа	А.П. Бородовский
88	Бурундуй-1	Курганы	На правом берегу ручья, впадающего в Катунь у подножия лога Бурундуй	Эпоха палеометалла	А.П. Бородовский
89	Дубровка-1	Курган	Около с. Дубровка	Конец I тыс. до н.э.	С.С. Зяблицкий
90	Дубровка-2	Курган	На 1 км к северу от с. Дубровка	Эпоха палеометалла	С.М. Киреев
91	Майма IV	Курганная группа	На 1 км к северо-востоку от северной окраины с. Майма, на высокой правобережной террасе Катуни	Эпоха раннего железа (III в. до н.э.)	С.М. Киреев, О.М. Нуянзинов
		Кольцевые выкладки	По периметру большинства насыпей курганов	Эпоха раннего железа	С.М. Киреев
92	Манжерок-8	Курганы	Скальный выступ у горного склона, на 500 м к северо-востоку от с. Манжерок	Эпоха палеометалла	А.П. Бородовский
93	Майма VI	Курганы	На 4,5 км к северу от с. Майма, на высокой гравийной надпойменной террасе Катуни	Эпоха раннего железа	С.М. Киреев, В.А. Кочеев
		Ритуальные выкладки	Около трех курганов	Эпоха раннего железа	С.М. Киреев
94	Майма VII	Курганы	На 6 км к северу от с. Майма, на высокой надпойменной террасе Катуни	Эпоха раннего железа	Б.Х. Кадиков
95	Майма XIX	Курганы	На 5 км к северу от с. Майма, на высокой Катунской террасе	Эпоха раннего железа	С.М. Киреев
96	Майма – Чегачак	Курганная группа	Около сел Майма и Чегачак	Эпоха раннего железа	С.М. Сергеев
97	Соузга-1	Курганы	На 3 км к северо-востоку от одноименного села	Эпоха металла	А.П. Бородовский
98	Тавдушка	Курганная группа	Левый берег р. Тавдушка у подножья горного склона	Эпоха раннего железа	П.И. Шульга
99	Усть-Муны-1	Курганы	На 84 м к северо-северо-востоку от дорожного знака 475/488 Чуйского тракта, напротив южного въезда в с. Муны	Гунно-сарматское время	А.П. Бородовский, Д.А. Михайлов
100	Усть-Муны-3	Курганный могильник	Южнее с. Усть-Муны, не доходя 0,5 км до длинного бома, на тракте	Эпоха бронзы	Местные жители
101	Чултуков Лог-1	Курганы	К северу от с. Манжерок, в одноименном урочище, на ровном участке Катунской террасы у подошвы горного склона	Эпоха раннего железа	А.П. Бородовский
	Чултуков Лог-1д	Оленный камень	У кургана 82 группы Чултуков Лог-1	Эпоха раннего железа	А.П. Бородовский

Приложение 1. Сводная таблица археологических памятников горной долины нижней Катуни

Продолжение прил. 1

1	2	3	4	5	6
101	Чултуков Лог-1е	Балбал	У кургана 82 группы Чултуков Лог-1	Эпоха раннего железа	А.П. Бородовский
	Чултуков Лог-1в	Поминальник	В составе курганной группы Чултуков Лог-1	Эпоха раннего железа	А.П. Бородовский
102	Чултуков Лог-1г	Курганы	На юго-западной окраине некрополя Чултуков Лог-1	Гунно-сарматское время	А.П. Бородовский
103	Чултуков Лог-2	Курганы	На 200 м к северу от могильника Чултуков Лог-1, на небольшом и высоком выступе горного склона	Эпоха раннего железа	А.П. Бородовский
	Чултуков Лог-2а	Балбалы (два)	У кургана 1	Эпоха раннего железа	А.П. Бородовский
	Чултуков Лог-2б	Кольцевые выкладки	Возле курганов	Эпоха раннего железа	А.П. Бородовский
104	Чултуков Лог-3	Курганы	На 1,2 км к северо-западу от с. Манжерок, напротив памятника писателю Шишкову	Эпоха ранней бронзы	А.П. Бородовский
	Чултуков Лог-3а	Ритуальные выкладки	В составе курганной группы Чултуков Лог-3	Эпоха бронзы	А.П. Бородовский
105	Чултуков Лог-4	Курганы	Около кромки горного склона, в лесу	Эпоха палеометалла	А.П. Бородовский
106	Чултуков Лог-8	Курганы	На 500 м к северо-западу от с. Манжерок	Эпоха палеометалла	А.П. Бородовский
107	Дубровка-Карьер	Грунтовый могильник	У с. Дубровка	Эпоха палеометалла	С.С. Зяблицкий
108	Илбик	Грунтовый могильник	Территория с. Муны рядом с Чуйским трактом, на высокой Катунской террасе	Эпоха бронзы	Местные жители
109	Майма II	Грунтовое погребение	Северо-восточная окраина с. Майма	Не ясна	С.С. Зяблицкий
110	Майма IV	Безкурганные захоронения	На 1 км к северо-востоку от северной окраины с. Майма, на высокой правобережной террасе Катуни	Эпоха раннего железа (III в. до н.э.)	С.М. Киреев, О.М. Нуянзинов
111	Майма VII	Грунтовое погребение	На 6 км к северу от с. Майма, на высокой надпойменной террасе Катуни	Эпоха раннего железа	Б.Х. Кадиков
112	Манжерок-9	Грунтовый могильник	В верховьях Манжерочки	Эпоха раннего железа	Местные жители
113	Манжерок-11	Грунтовый могильник	В верховьях Манжерочки	Позднее средневековье	Местные жители
114	Манжерок-12	Грунтовый могильник	Новое кладбище с. Манжерок, на высокой Катунской террасе	Эпоха палеометалла	А.Н. Политов
115	Манжерок-Карьер	Грунтовый могильник	На левом берегу Манжерочки, на северо-восточной окраине с. Манжерок	Эпоха раннего железа	Н.М. Воробьев
116	Чултуков Лог-1б	Грунтовый могильник	В одноименном урочище, на ровном участке Катунской террасы у подошвы горного склона	Эпоха раннего железа	А.П. Бородовский
117	Барангол-3	Поминальник	Между курганными группами Барангол-2 и -4	Эпоха раннего железа	А.П. Бородовский

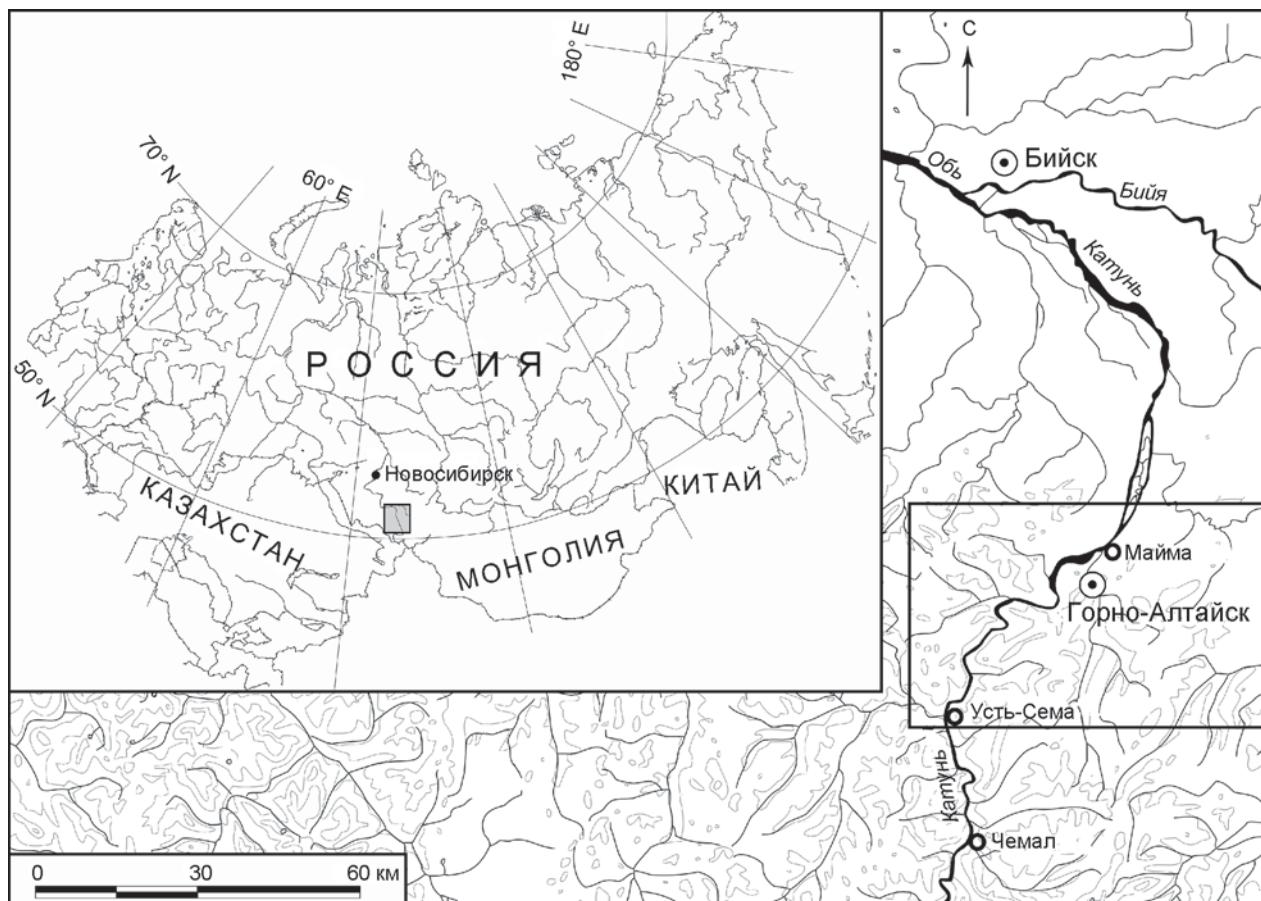
Окончание прил. I

1	2	3	4	5	6
118	Бирюзовая Катунь-2	Поминальная оградка	Территория ОЭЗ ТРТ «Бирюзовая Катунь»	Средневековые	К.Б. Кирюшин
119	Бирюзовая Катунь-4	Группа каменных выкладок	Территория ОЭЗ ТРТ «Бирюзовая Катунь», к юго-востоку от памятника «Бирюзовая Катунь-2»	Не ясна	К.Б. Кирюшин, С.С. Матрёнин
120	Барангол-5	Городище	На мысовидном горном склоне	Эпоха раннего железа	А.П. Бородовский
121	Манжерок-3	Городище	На 120 м к юго-востоку от крайнего строения одноименного села	Эпоха ранней бронзы и раннего железа	А.П. Бородовский, А.Н. Политов
122	Майма XX	Городище	На 1,6 км к северу от с. Майма, на 0,6 км к югу от могильника Майма IV	Эпоха палеометалла	С.М. Киреев
123	Соузгинские Валы	Фортификационные сооружения	На 300 м по дороге между селами Соузга и Манжерок	Позднее средневековые	И.С. Чевалков
124	Черемшанка	Городище	Высокая мысовидная аллювиальная терраса на южной окраине одноименного села	Рубеж эр – первая половина I тыс. н.э.	Б.Х. Кадиков
125	Еловый Ключ-3	Мастерская	На 2,5 км с востока на север от современного русла Катуни, на повороте ее правого притока – Едралы	Эпоха камня	С.С. Зяблицкий
126	Камышлинский Водопад	Печи	На левом берегу Катуни, ниже по течению от Камышлинского водопада, у горного склона	Позднее средневековые	А.Л. Кунгурев
127	Камышла-1	Производственная площадка	Левый берег нижней Катуни над водопадом Камышла	Раннее новое время	А.П. Бородовский
128	Манжерок-10	Печи	На 100–120 м к северо-востоку от городища Манжерок-3, в склоне левого берега р. Манжерок	II тыс. н.э.	А.Н. Политов, Н.М. Воробьев
129	Усть-Барангол (остатки печей по производству железа и шлаки)	Памятник черной металлургии	Северо-восточная окраина с. Барангол, горный склон возле ручья	Вторая половина I тыс. н.э.	Б.Х. Кадиков
130	Чултуков Лог-1ж	Железоделательная печь	Юго-восточный край некрополя Чултуков Лог-1	Средневековые	А.П. Бородовский
131	Чултуков Лог-1а	Сувак	Кромка террасы некрополя Чултуков Лог-1	Средневековые	А.П. Бородовский
132	Усть-Уба (на скальные знаки)	Руническая надпись	На 1,4 км выше слияния Усть-Убы с безымянным ручьем, на скальной поверхности	Средневековые (840 г. – XI в.)	К.Ю. Кирюшин, Н.В. Горбунов, О.В. Даньшин
		Наскальное изображение	Выше рунической надписи	Средневековые	К.Ю. Кирюшин, Н.В. Горбунов, О.В. Даньшин
133	Теплый Ключ	Петроглифы	Участок впадения ключа в Усть-Убу, на отвесной скале	Эпоха палеометалла – средневековые	А.Н. Политов
134	Майма XXI	Сторожевой пункт	На 100 м к востоку от поселения Майма XII	Эпоха мезолита – неолита и раннего железа	С.М. Киреев

Примечание. * В скобках указаны самые значимые находки с памятника.

Приложение 2

РИСУНКИ

Rис. 1. Карта-схема территории в районе нижней Катуни (в рамке).

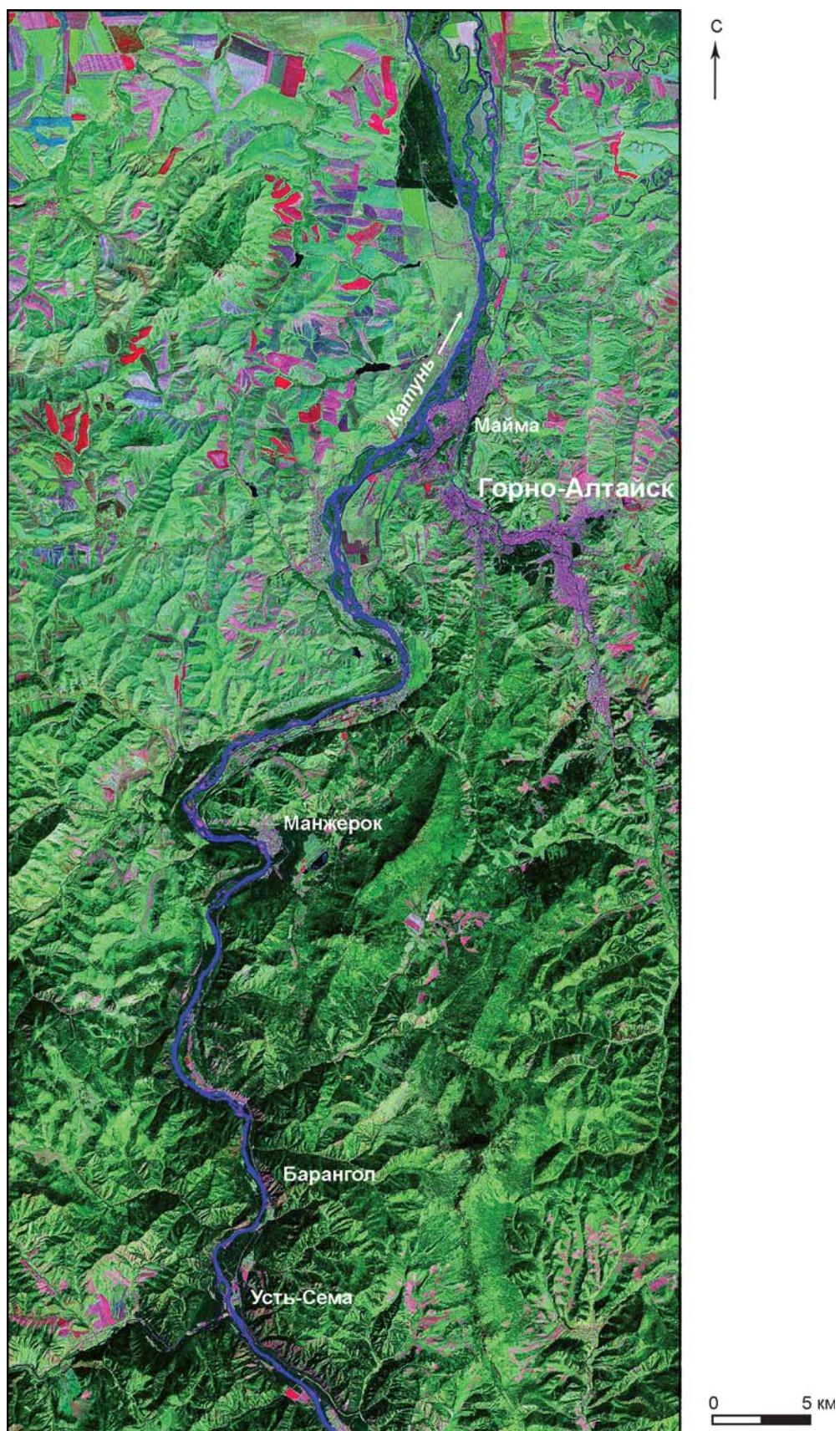

Рис. 2. Горная долина нижней Катуни.

Рис. 3. Горная долина нижней Катуни в окрестностях с. Манжерок.

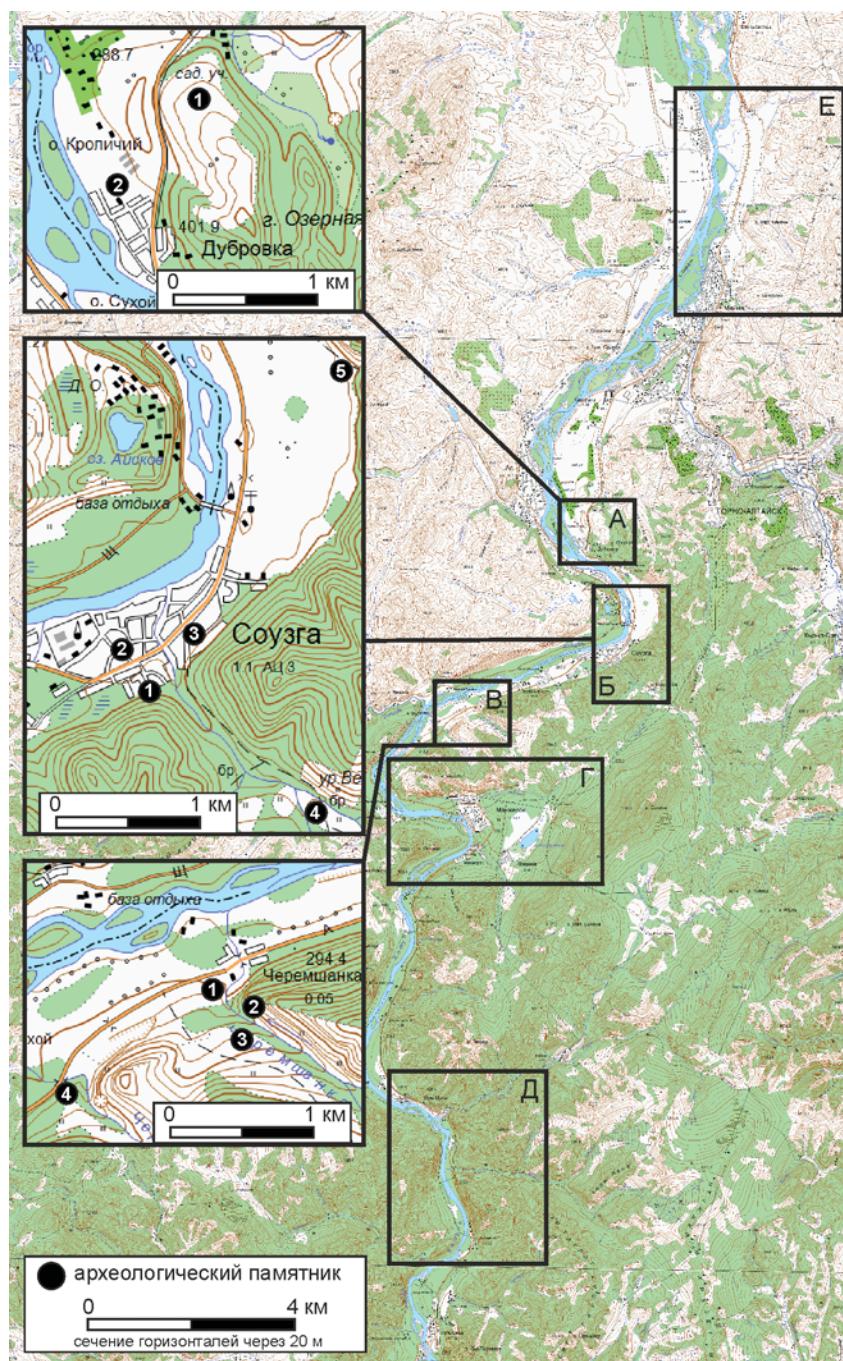

Рис. 4. Карта с обозначением районов исследования археологических объектов в правобережье горной долины Нижней Катуни.

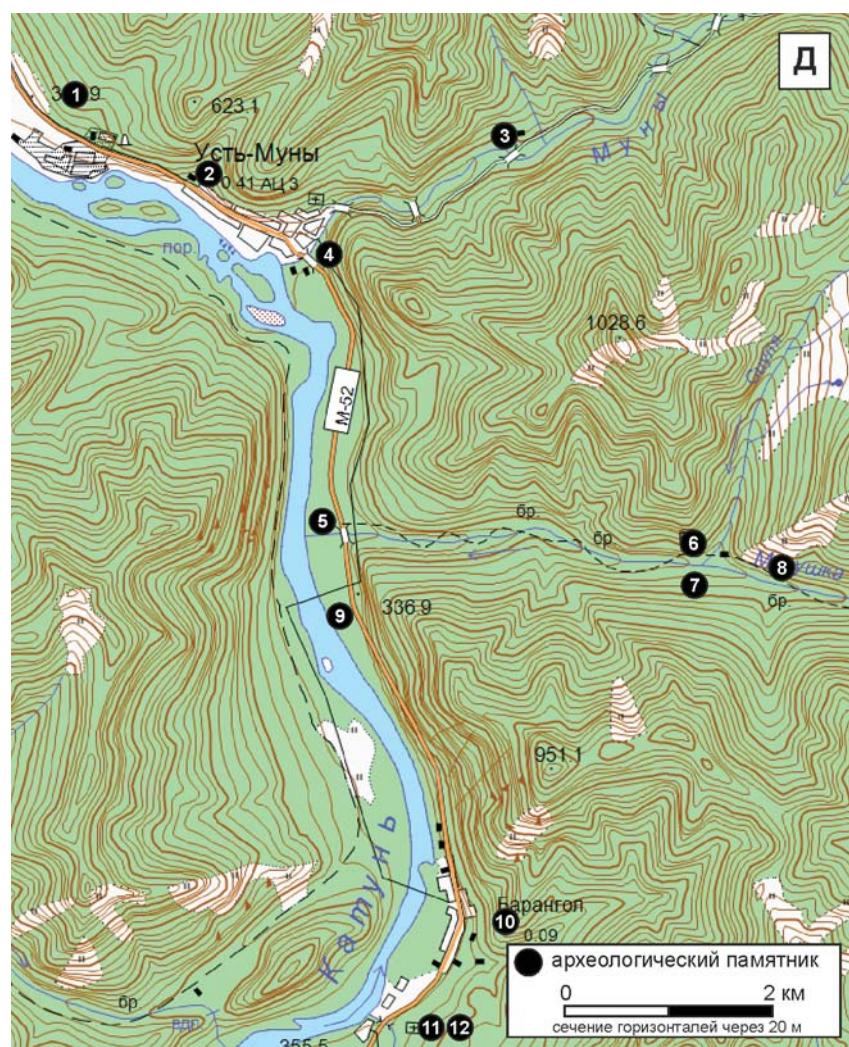
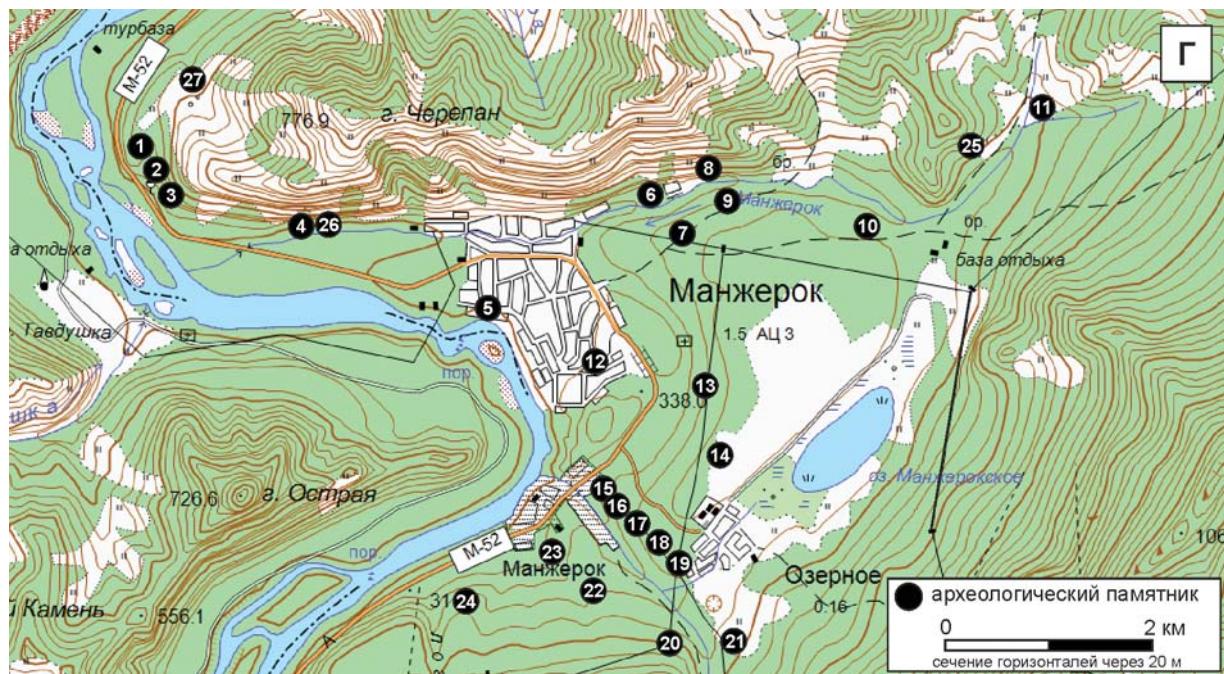
A – памятники у с. Дубровка: 1 – Страшной Лог; 2 – Дубровка-Кар'yer.

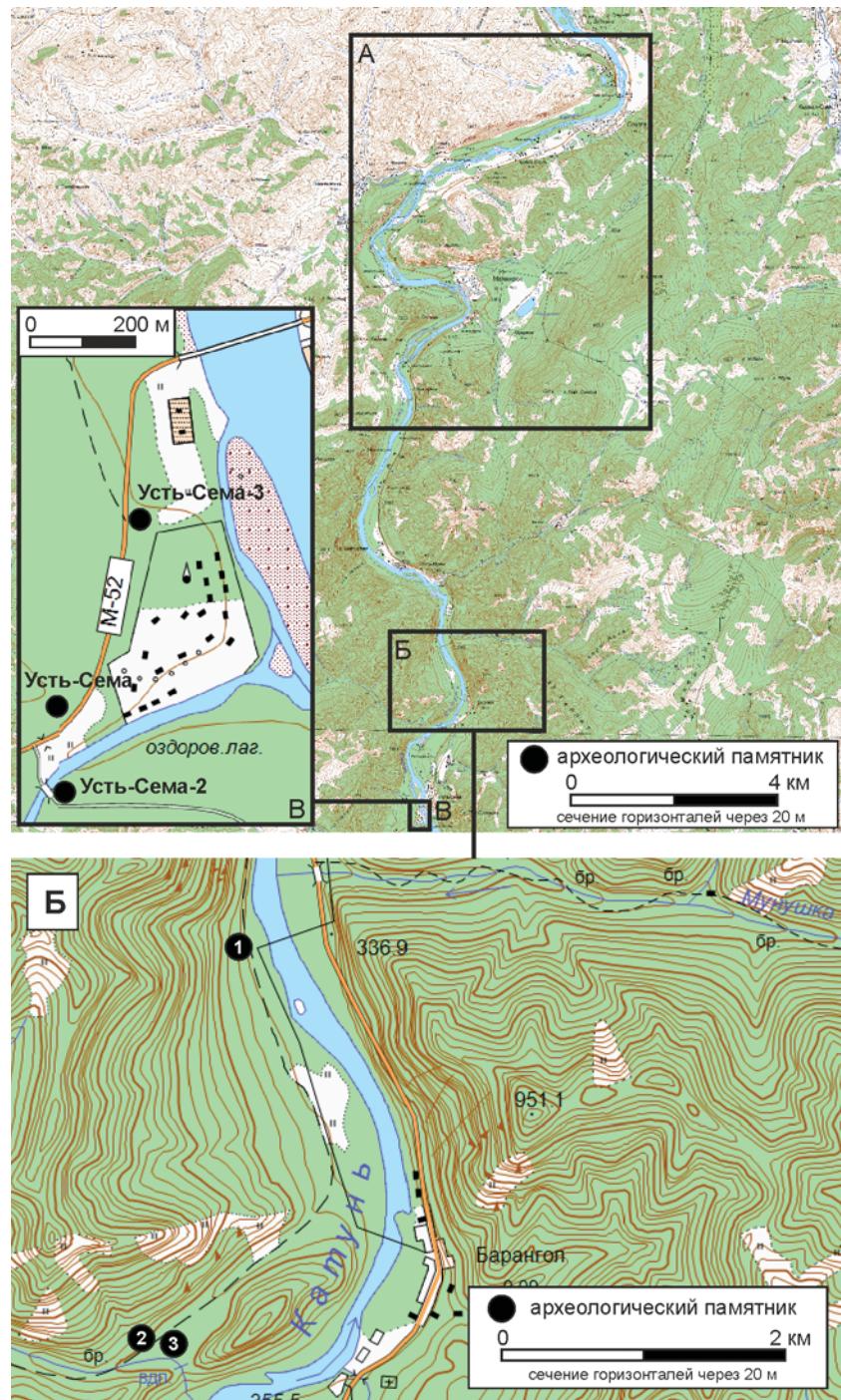
Б – памятники у с. Соузга: 1 – Соузгинское-местонахождение-1; 2 – Соузгинские Валы-2; 3 – Соузгинское местонахождение-1; 4 – Верх-Соузга; 5 – Соузга-1.

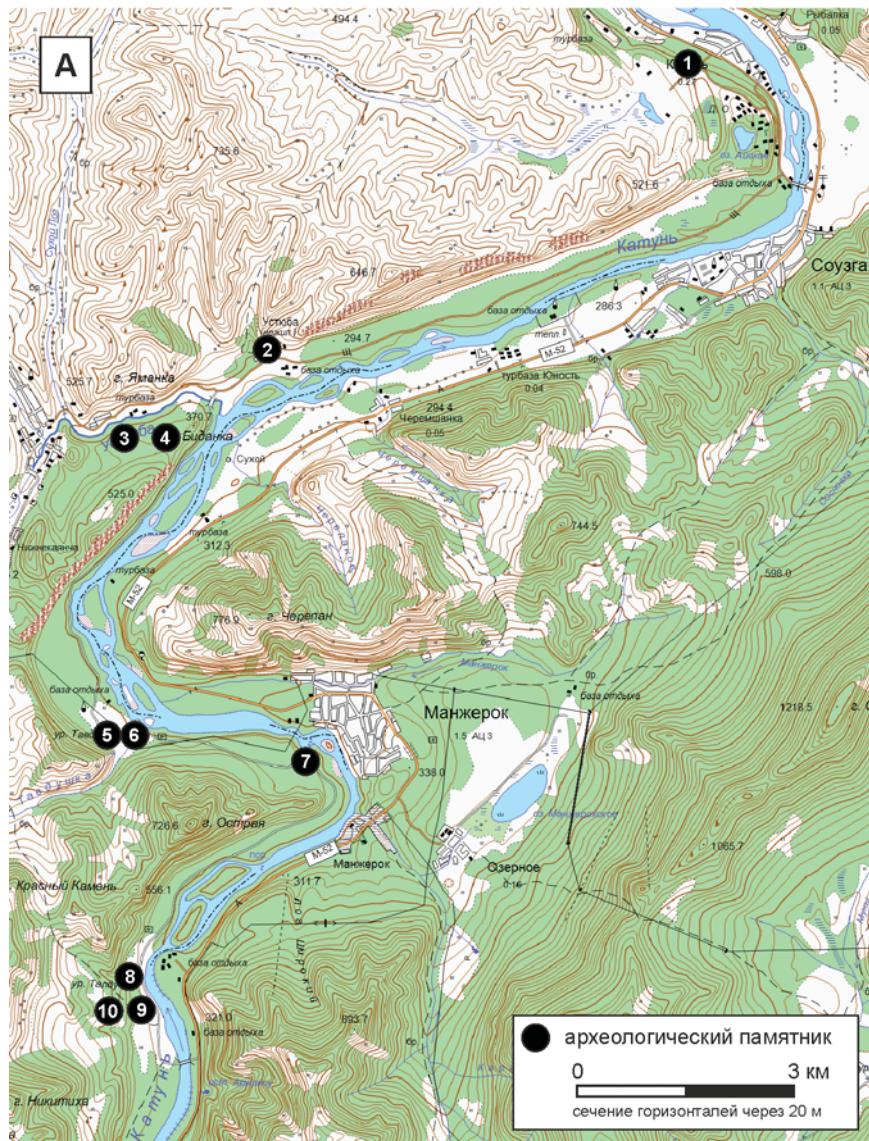
В – памятники у с. Черемшанка: 1 – городище Черемшанка; 2 – Черемшанка-1; 3 – Черемшанка-2; 4 – 113-й километр Чуйского тракта.

Г – памятники у с. Манжерок: 1 – Чултуков Лог-2; 2 – Чултуков Лог-1, -1а, -1б, -1в и -1г; 3 – Чултуков Лог-3; 4 – Манжерок-8; 5 – Манжерок-5; 6 – Манжерок-4; 7 – Манжерок-Кар'yer; 8 – Манжерок-7; 9 – Манжерок-3; 10 – Манжерок-10; 11 – Манжерок-11; 12 – Манжерокский Ключ, Манжерок-9; 13 – Манжерок-12; 14 – Манжерокское Озеро; 15 – Манжерок-1; 16 – Едрала-2; 17 – Едрала-3; 18 – Едрала-4; 19 – Еловый Ключ-1; 20 – Еловый Ключ-2; 21 – Еловый Ключ-3; 22 – Едрала-1; 23 – Манжерок-2; 24 – Бурундуй-1; 25 – Манжерок-15; 26 – Манжерок-13; 27 – Чултуков Лог-9.

Д – памятники у с. Усть-Муны: 1 – Ваксин Лог-1; 2 – Илбик; 3 – Муны-1; 4 – Муны-2; 5 – Усть-Мунушка-1; 6 – Мунушка-1; 7 – Мунушка-2; 8 – Ягушка; 9 – Барангольский некрополь (Барангол-1, -2, -3, -4); 10 – Усть-Барангол; 11 – Барангол-Кар'yer; 12 – Барангол-5.

◀ Рис. 5. Карта с обозначением районов исследования археологических объектов в левобережье горной долины нижней Катуни.

A – памятники в окрестностях сел Ая и Тавда: 1 – Айские курганы; 2 – Усть-Убинская пещера; 3 – Усть-Уба (настальное изображение); 4 – Усть-Уба (руника); 5 – Тавдушка; 6 – Усть-Тавдушка-1; 7 – Бирюзовая Катунь-1; 8 – гrot Тавдинский; 9 – Большая Тавдинская пещера; 10 – курганы у Большой Тавдинской пещеры.

B – памятники в окрестностях Камышлинского водопада: 1 – Безымянный Ключ; 2 – Камышла-2; 3 – Камышла-1; 4 – Камышлинский Водопад (печи).

B – памятники у с. Усть-Сема.

Рис. 6. Археологические памятники у с. Манжерок.

1 – Чултуков Лог-2; 2 – Чултуков Лог-1, -1а, -1б, -1г; 3 – Чултуков Лог-3; 4 – Манжерок-8; 5 – Манжерок-5; 6 – Манжерок-4; 7 – Манжерок-Карьер; 8 – Манжерок-7; 9 – Манжерок-3; 10 – Манжерок-10; 11 – Манжерок-11; 12 – Манжерокский Ключ, Манжерок-9; 13 – Манжерок-12; 14 – Манжерокское Озеро-1; 15 – Манжерок-1; 16 – Едрала-2; 17 – Едрала-3; 18 – Едрала-4; 19 – Еловый Ключ-1; 20 – Еловый Ключ-2; 21 – Еловый Ключ-3; 22 – Едрала-1; 23 – Манжерок-2; 24 – Бурундуй-1; 25 – Манжерок-15; 26 – Манжерок-13.

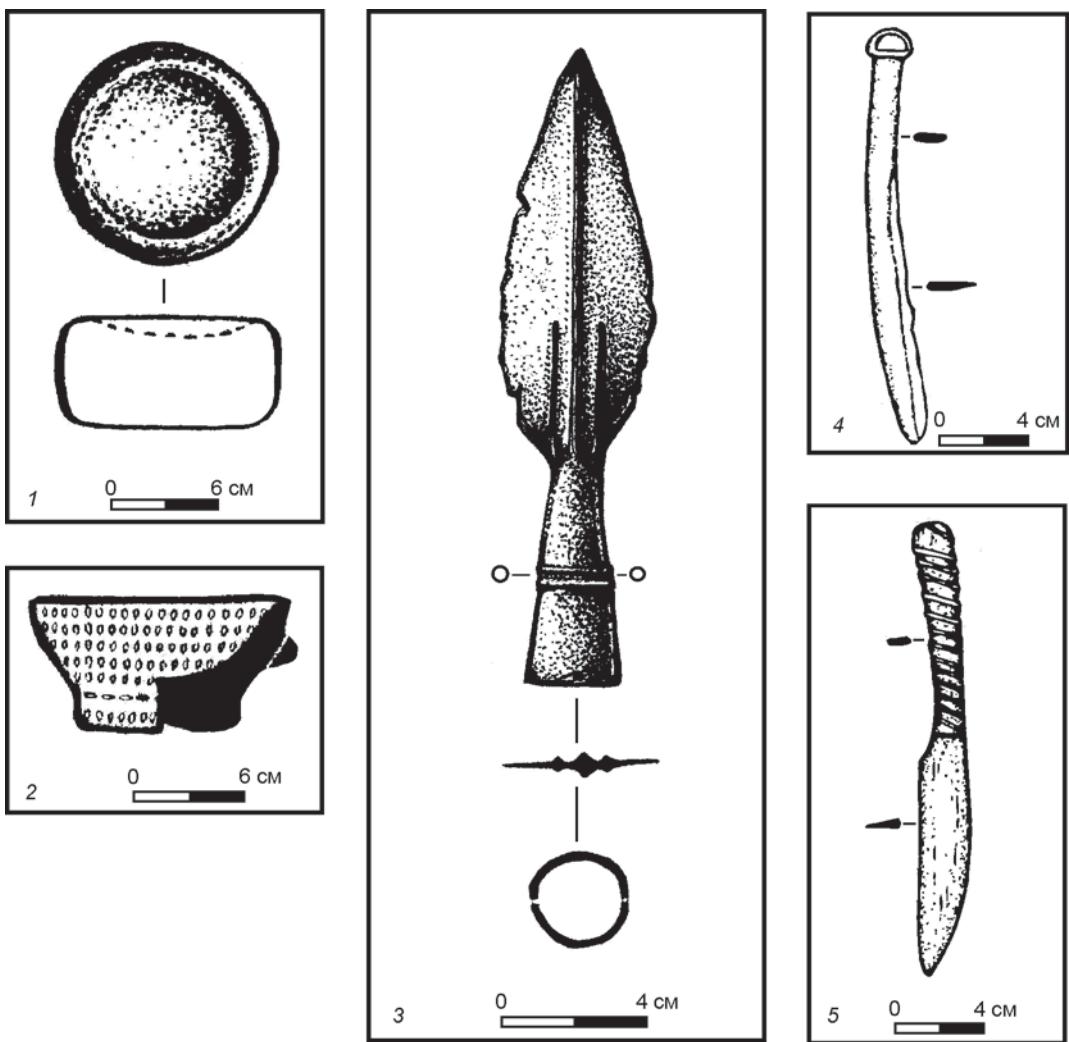

Рис. 7. Случайные находки (эпоха бронзы).

1 – каменный алтарь (Муны-2); 2 – керамическая курильница (Усть-Муны-3); 3 – бронзовое копье (Соузгинское-местонахождение-1);
4 – бронзовый нож (окрестности с. Майма); 5 – бронзовый нож (окрестности аэропорта).

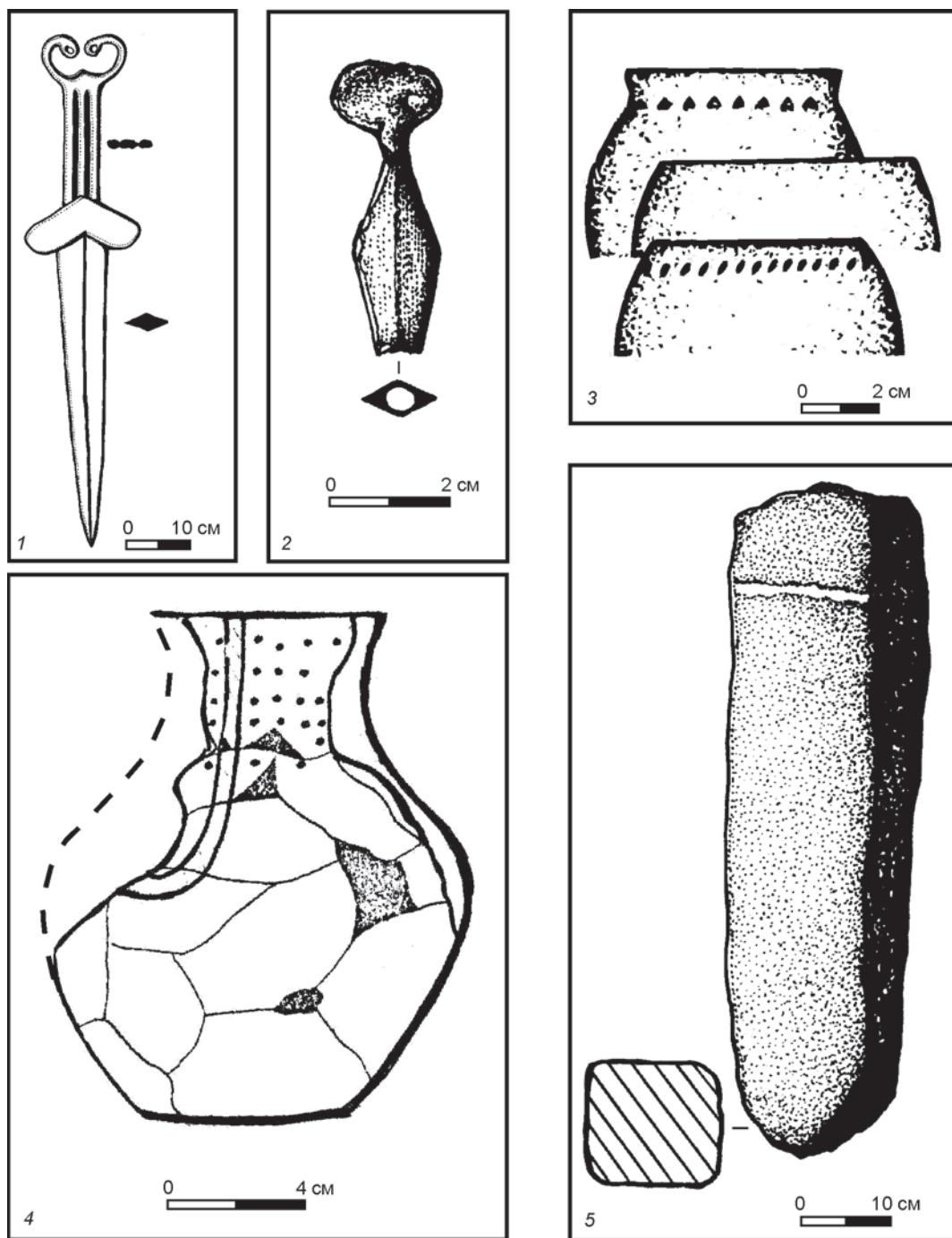

Рис. 8. Случайные находки (ранний железный век).

1 – бронзовый кинжал (Майма); 2 – бронзовый наконечник (Дубровка); 3 – керамика (местонахождение СПТУ) (Дубровка); 4 – глиняный сосуд (Дубровка); 5 – «оленный» камень (Манжерокское Озеро-1).

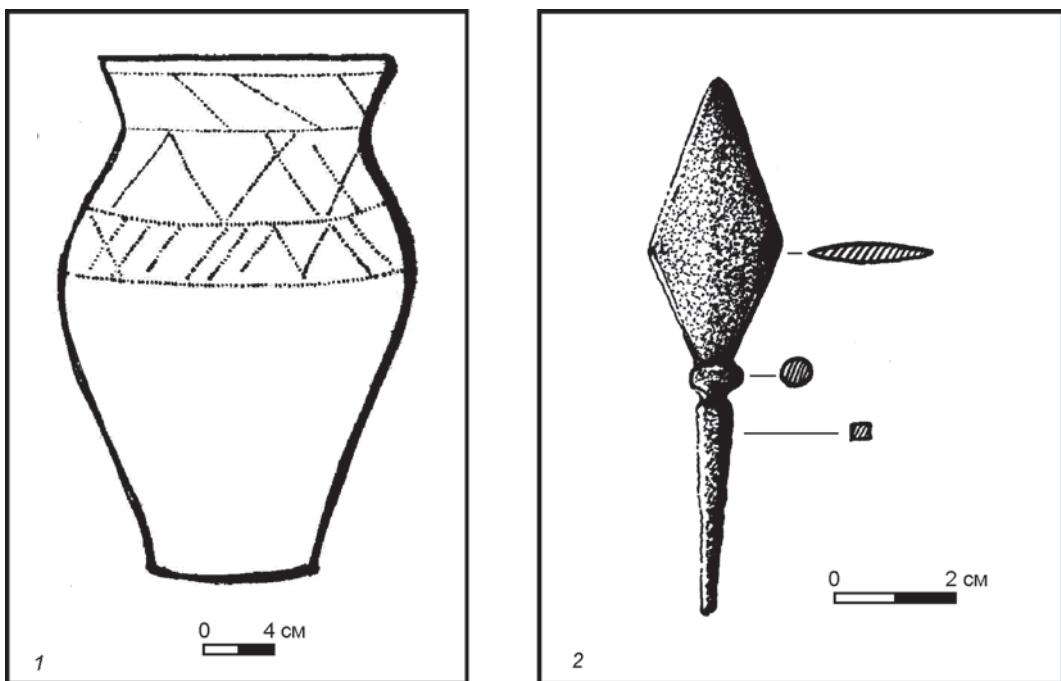

Рис. 9. Случайные находки (средневековые).
1 – глиняный сосуд (Дубровка); 2 – железный наконечник стрелы (Манжерокский Ключ).

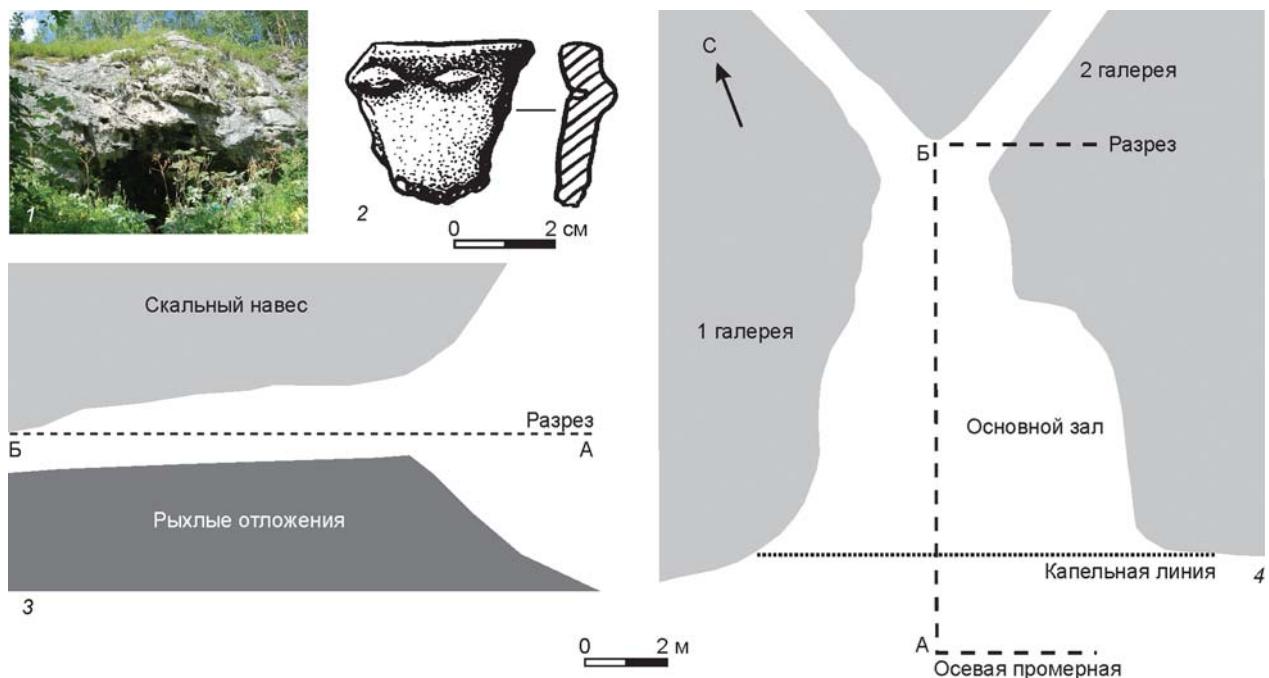

Рис. 10. Пещера Васькин Лог-1.
1 – вход в пещеру; 2 – фрагмент керамики (эпоха палеометалла); 3 – предвходовой участок в разрезе; 4 – план пещеры.

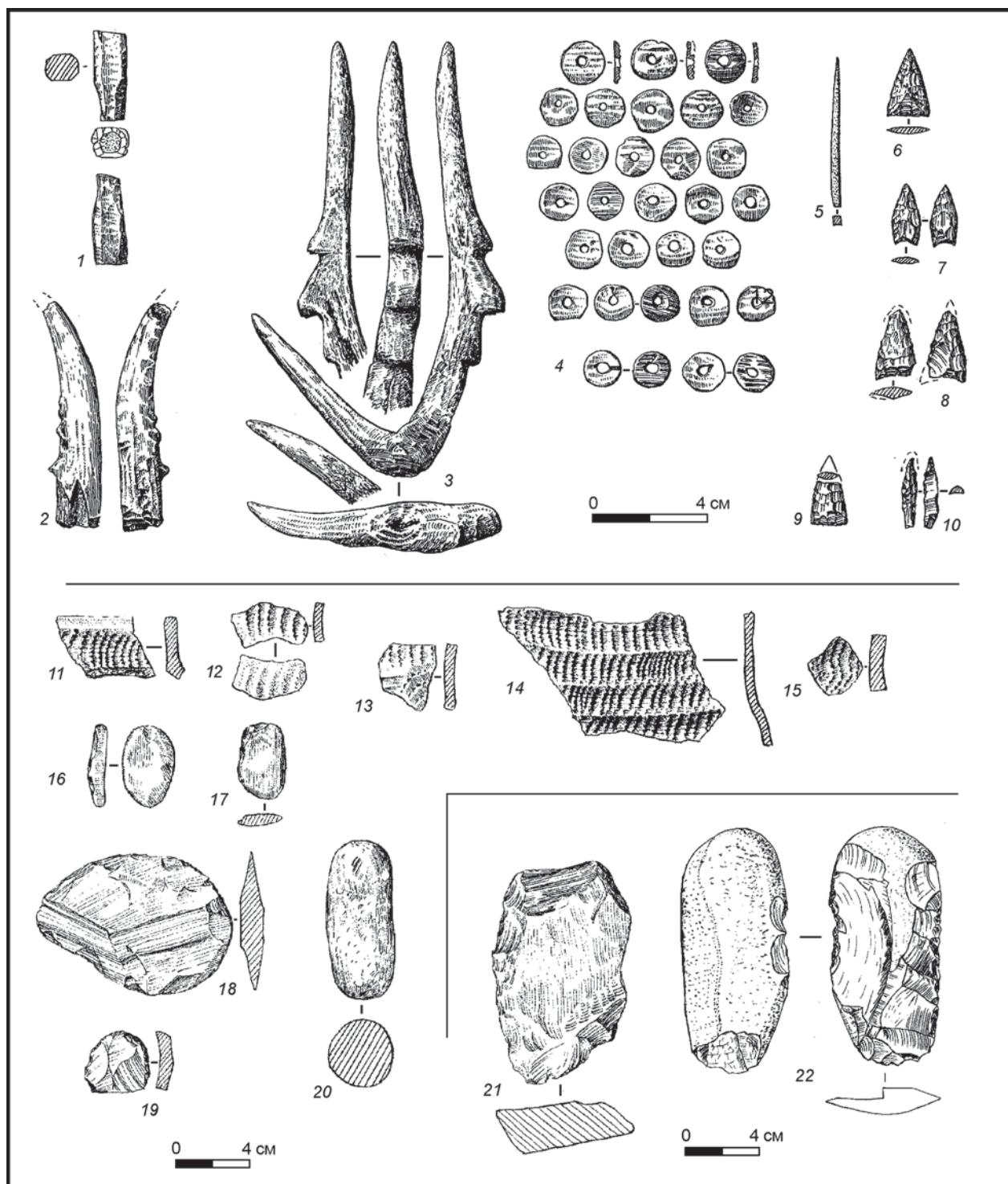

Рис. 11. Предметный комплекс из Тавдинского грота.

1 – каменный предмет; 2 – роговой ретушер; 3 – изделие из рога косули (из святилища); 4 – перламутровые бусы; 5 – бронзовое шило;
6–10 – каменные наконечники стрел; 11–15 – фрагменты керамики; 16–22 – каменные орудия.

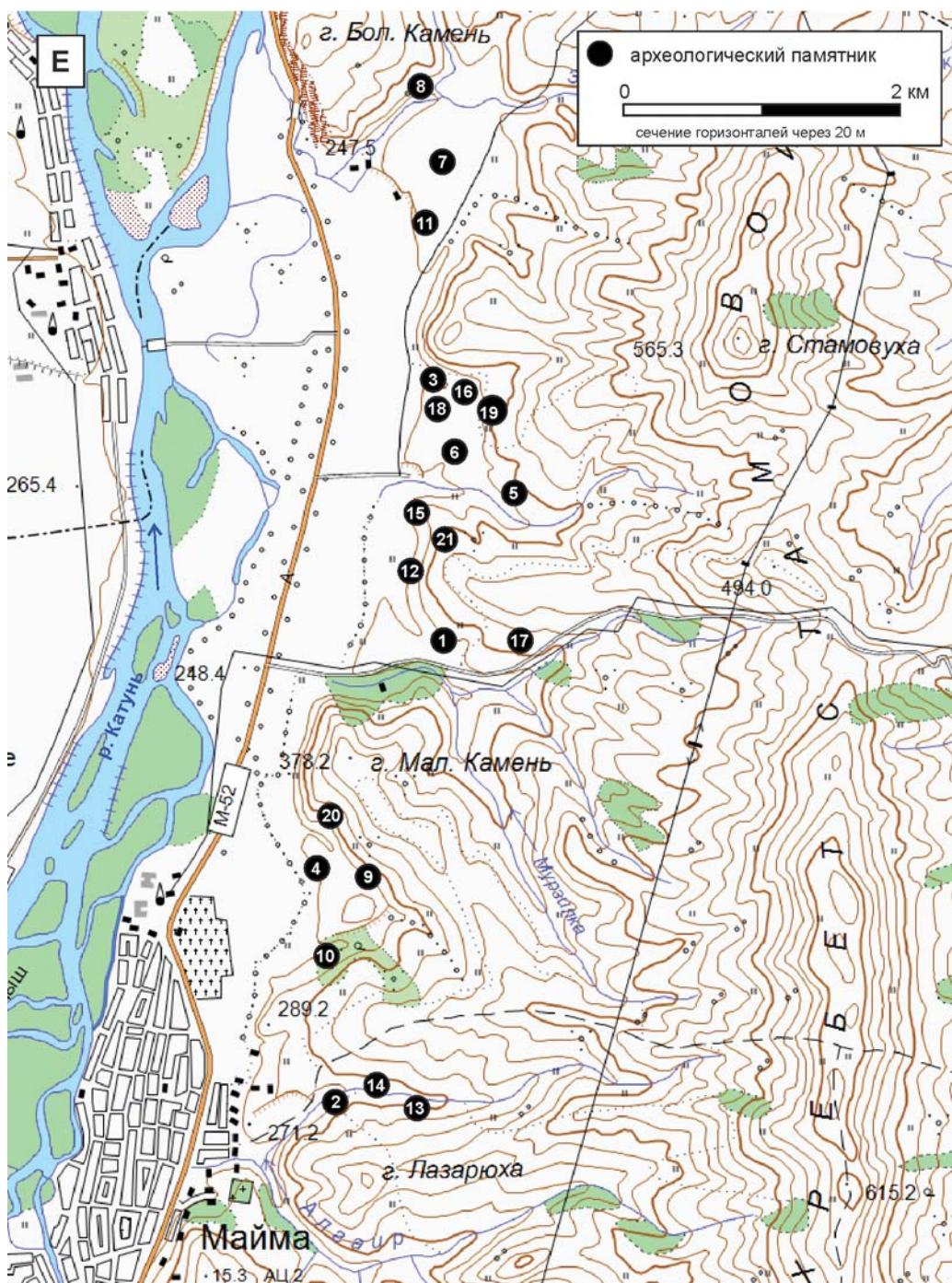

Рис. 12. Топографическая карта Майминского археологического микрорайона.

1 – Майма I; 2 – Майма II; 3 – Майма III; 4 – Майма IV; 5 – Майма V; 6 – Майма VI; 7 – Майма VII; 8 – Майма VIII; 9 – Майма IX; 10 – Майма X; 11 – Майма XI; 12 – Майма XII; 13 – Майма XIII; 14 – Майма XIV; 15 – Майма XV; 16 – Майма XVI; 17 – Майма XVII; 18 – Майма XVIII; 19 – Майма XIX; 20 – Майма XX; 21 – Майма XXI.

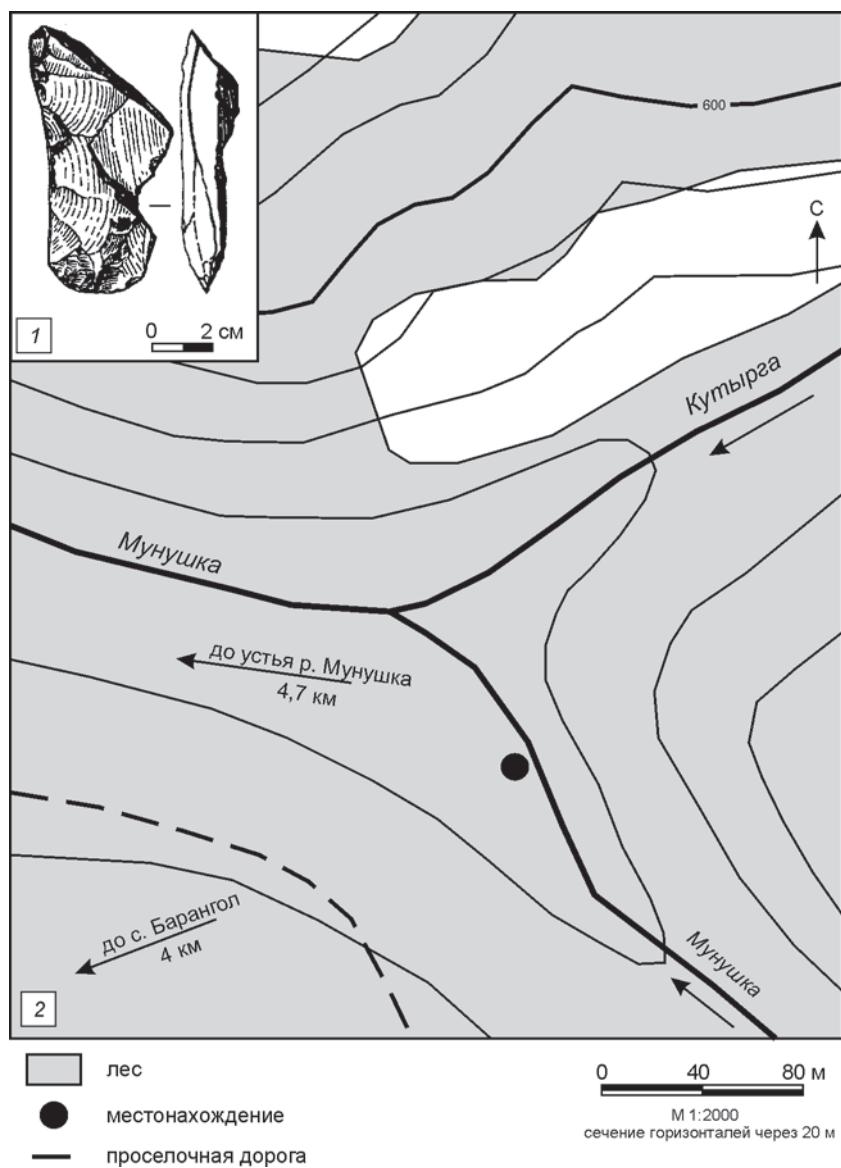

Рис. 13. Карта-схема местонахождения Усть-Кутырга-1 (2) и обнаруженное здесь каменное изделие (1).

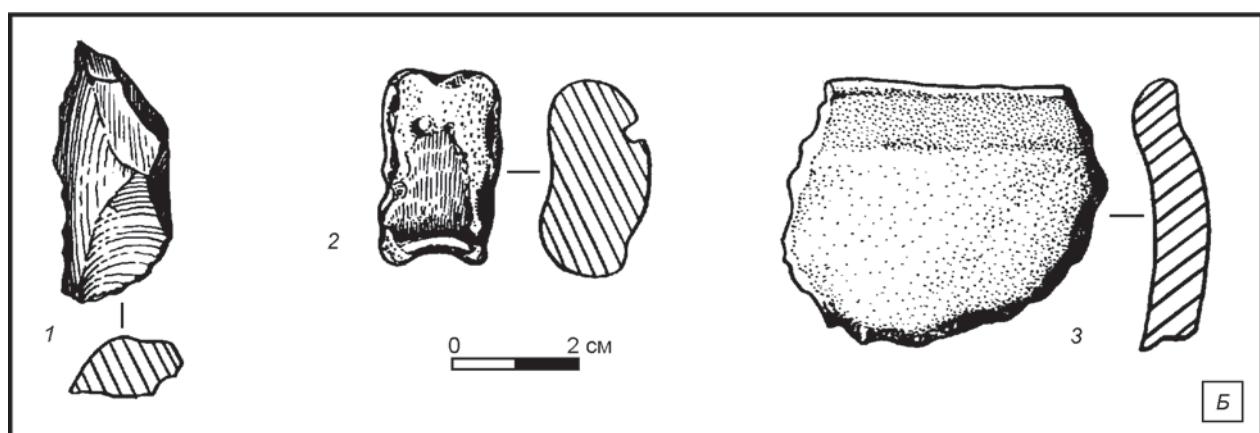
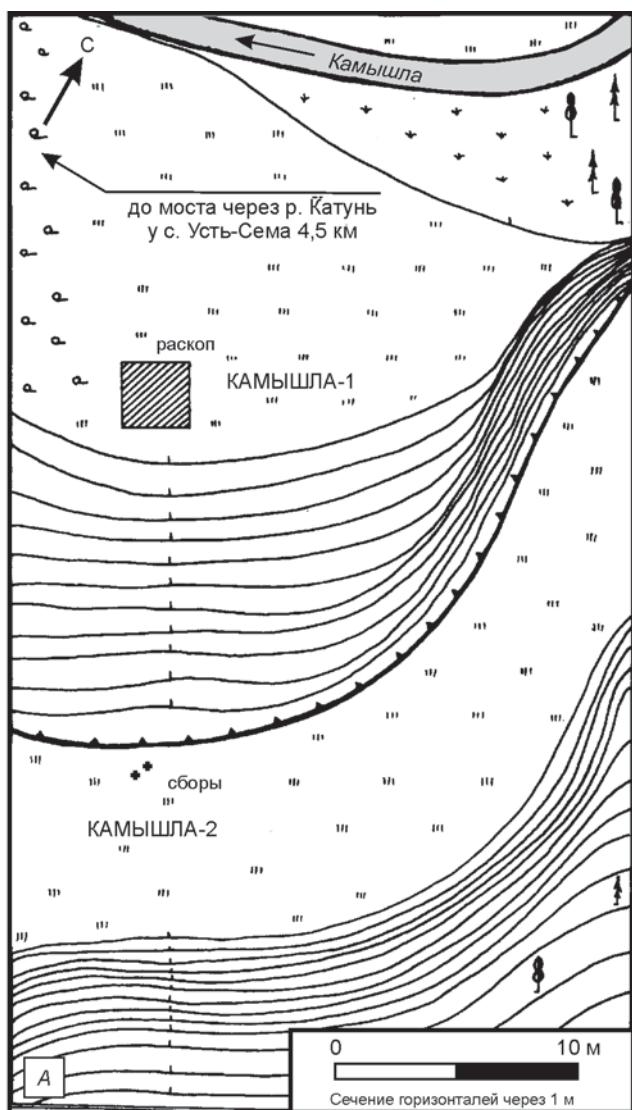
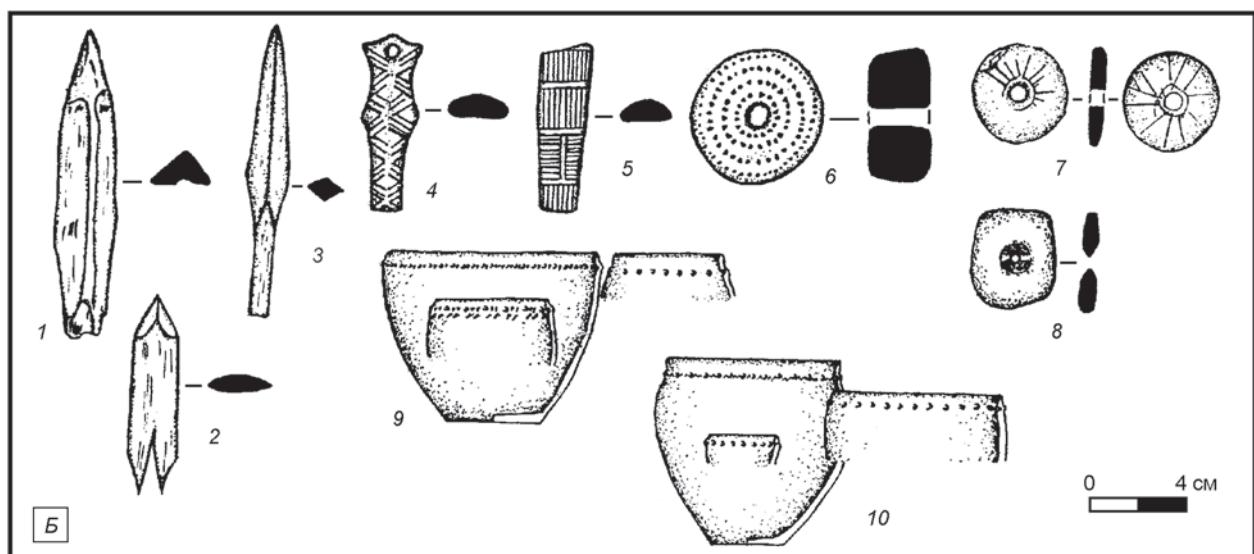
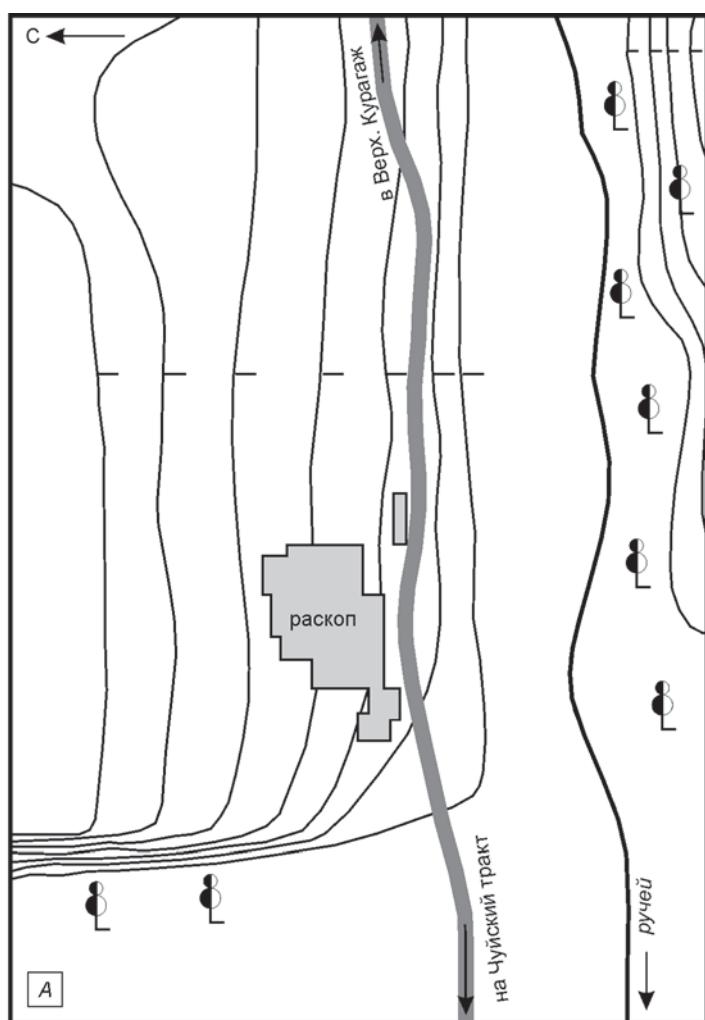

Рис. 14. План поселения раннего железного века Камышла-2 (А) и артефакты с памятника (Б).

1 – каменное изделие; 2 – засверленный альчик; 3 – фрагмент керамики.

Rис. 15. Топографическая карта поселения Майма I (A) и предметный комплекс с памятника (B).
1–3 – костяные наконечники стрел; 4, 5 – резные изделия из рога; 6–8 – керамические пряслица; 9–10 – керамика.

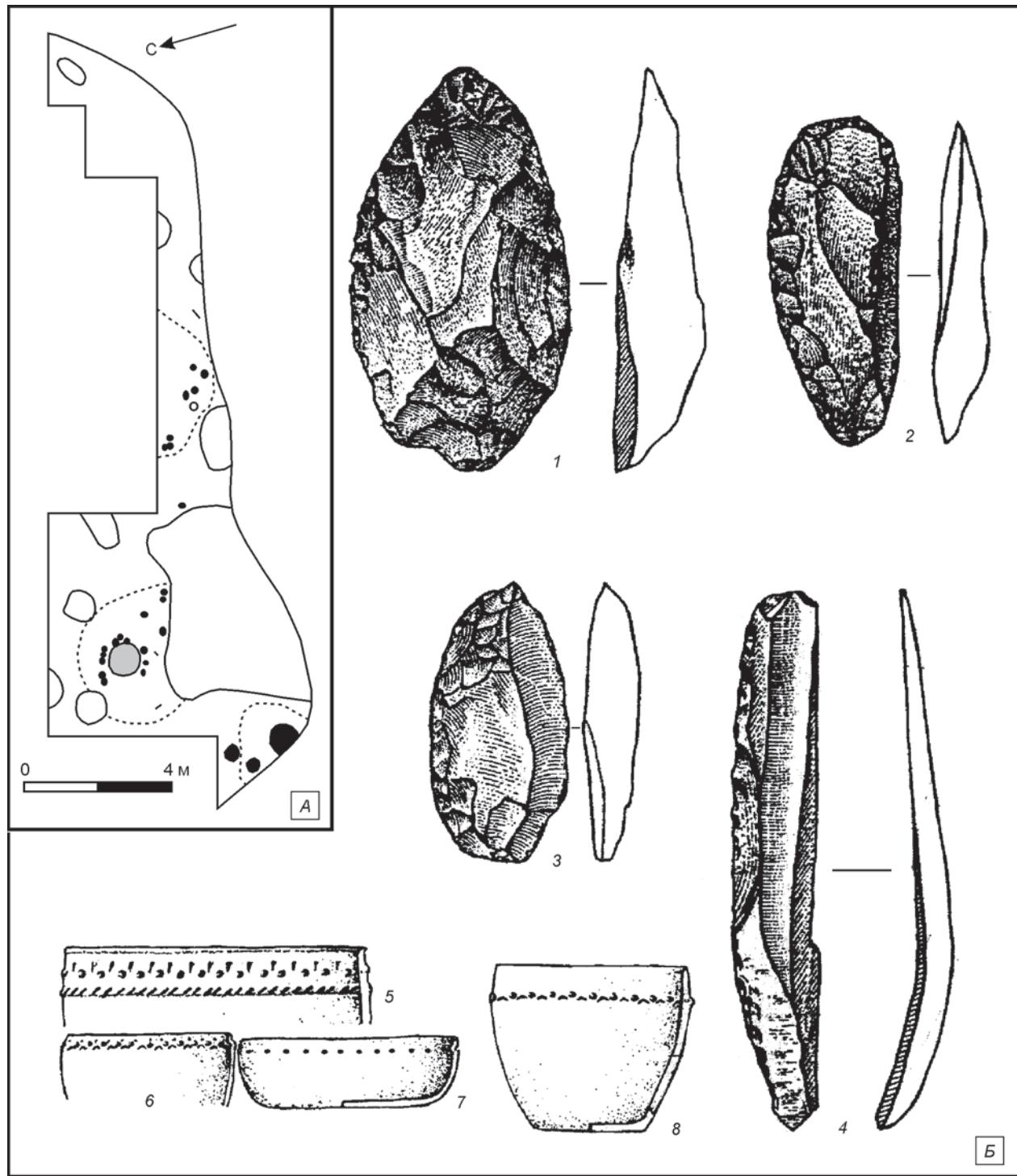

Рис. 16. План раскопа стоянки и поселения Майма II (А) и предметный комплекс с памятника (Б).
1–4 – каменные орудия; 5–8 – керамические сосуды.

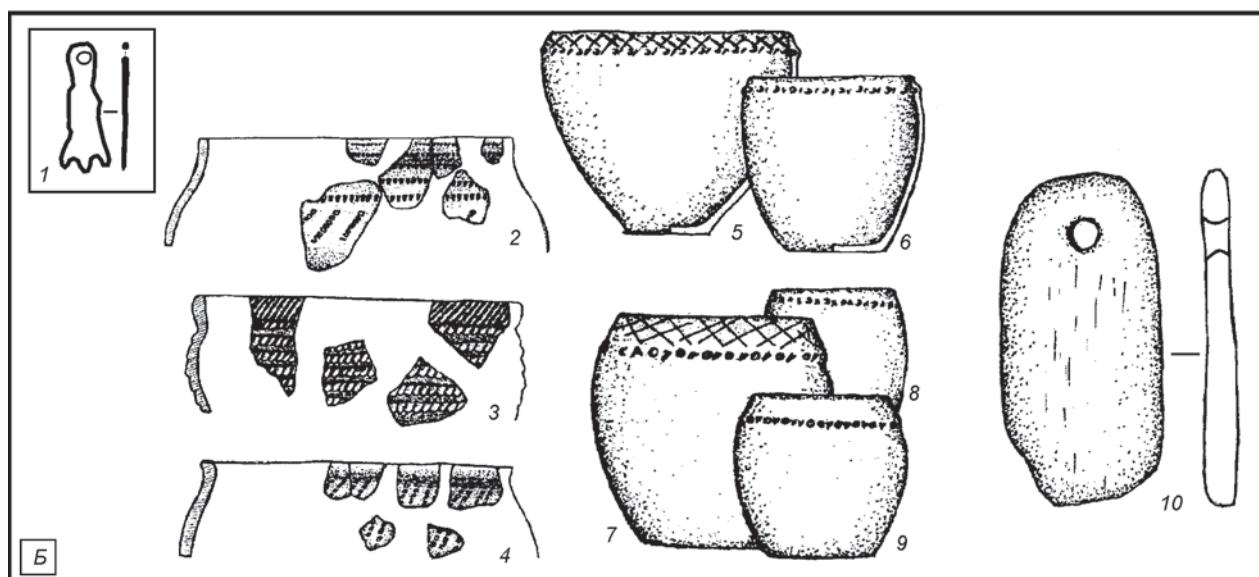
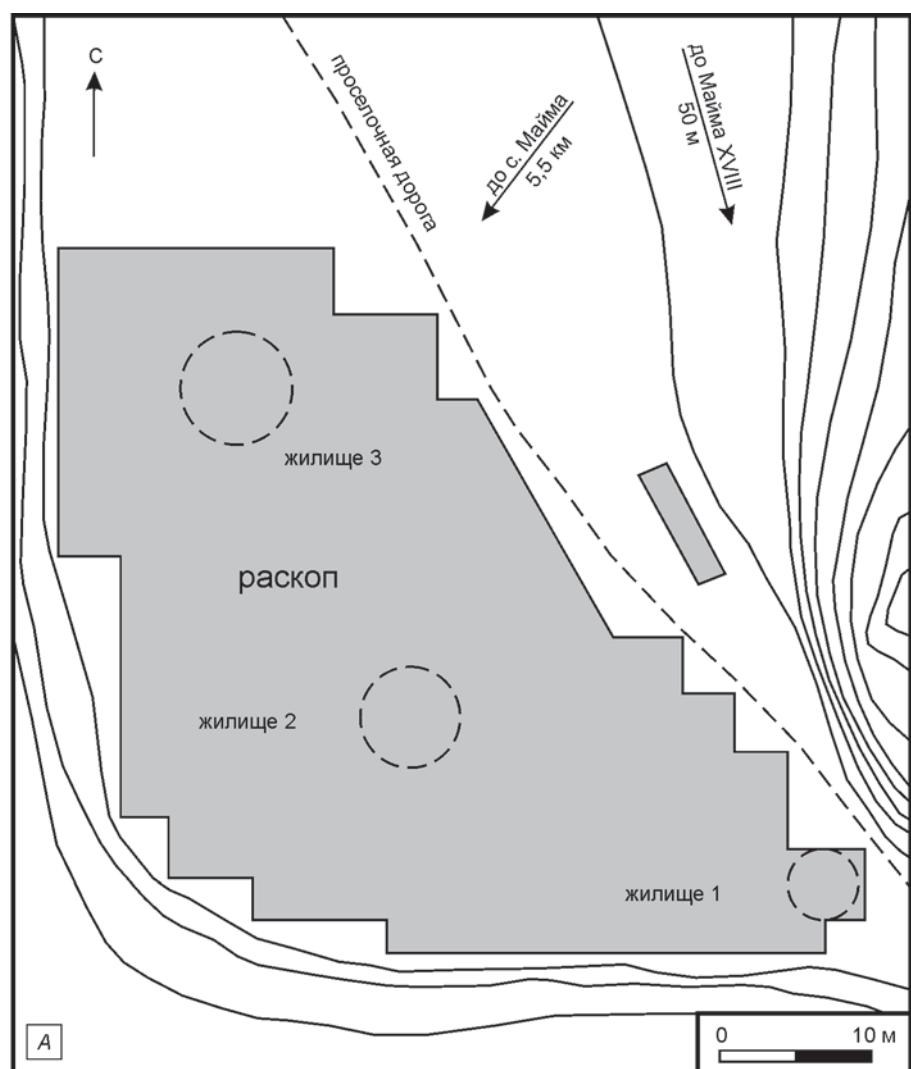

Рис. 17. План поселения Майма III (A) и предметный комплекс с памятника (Б).

1 – металлическая лапчатая подвеска; 2–9 – керамические сосуды; 10 – каменный оселок.

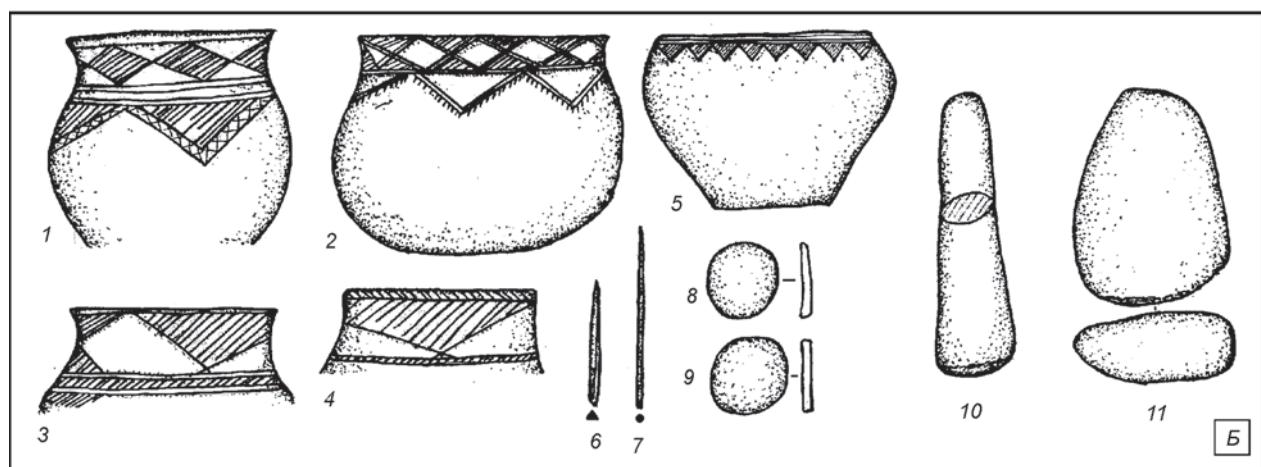
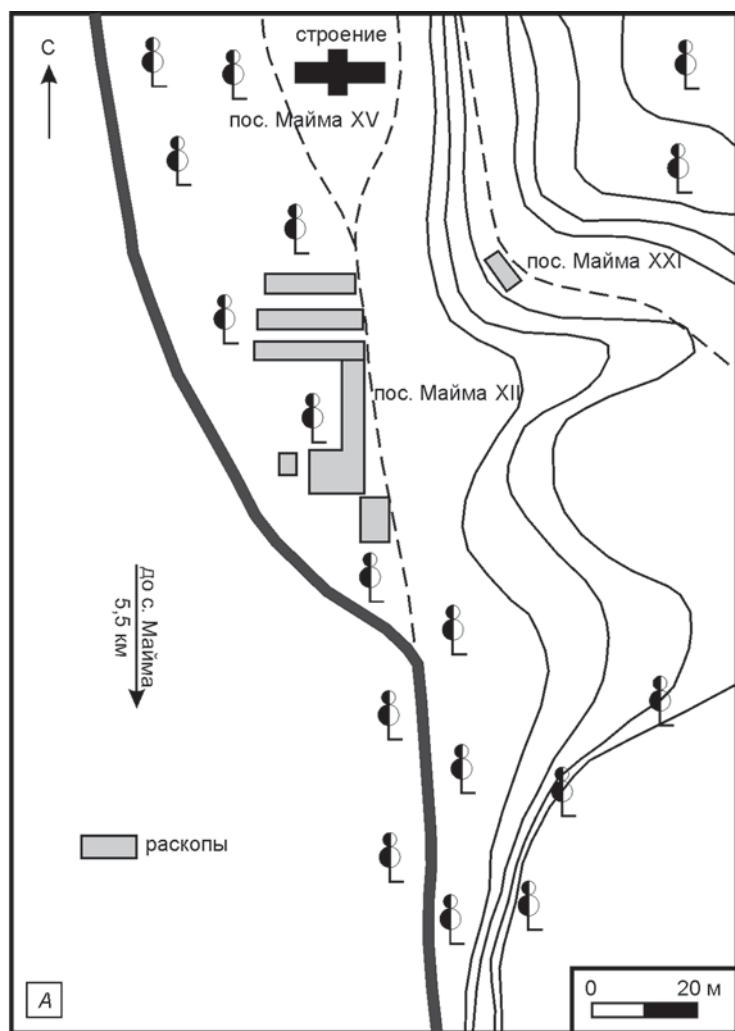

Рис. 18. Топографическая карта района расположения поселений Майма XII, XV и XXI (A) и предметный комплекс с памятника Майма XII (Б).

1–5 – керамические сосуды; 6, 7 – бронзовые предметы; 8–9 – керамические фишки; 10, 11 – каменные пестры.

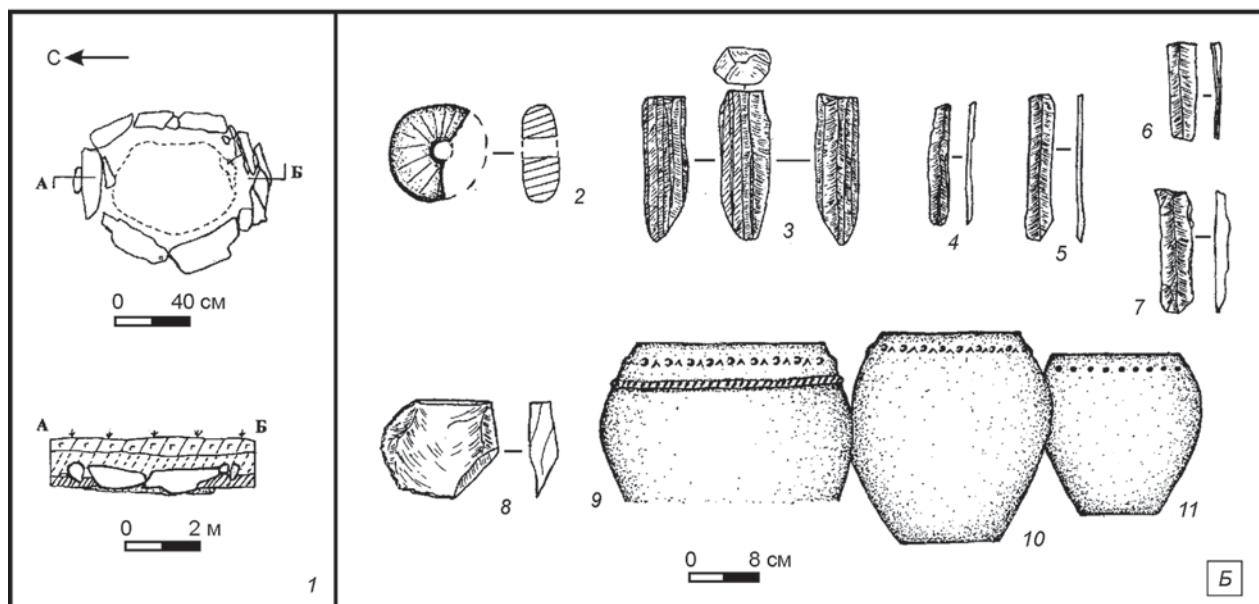
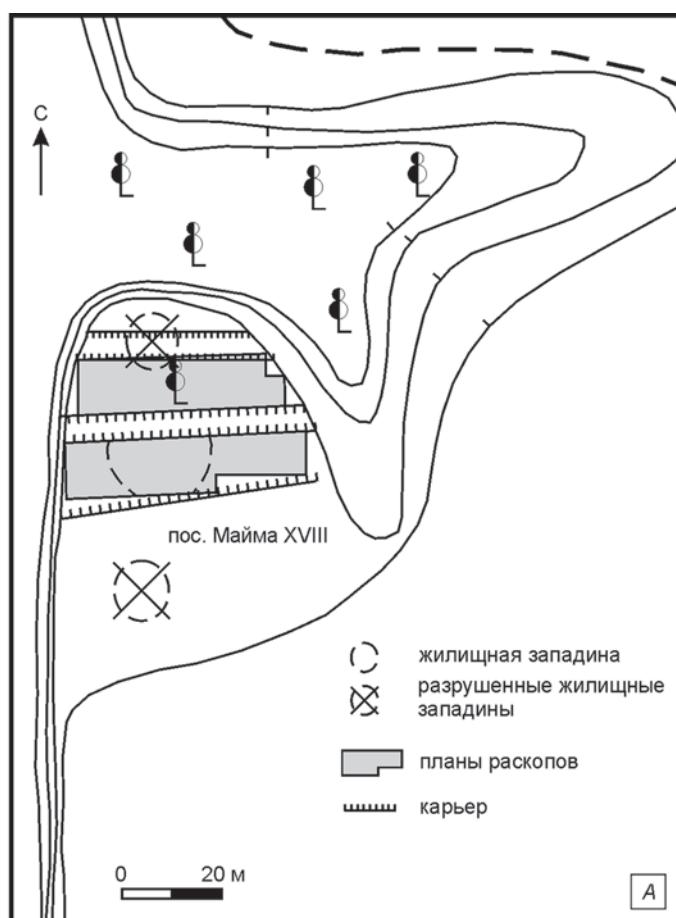

Рис. 19. План поселения Майма XVIII (A) и предметный комплекс с памятника (Б).

1 – каменный очаг (вид сверху и разрез); 2 – керамическое прядлище; 3–7 – каменные предметы; 9–11 – керамические сосуды.

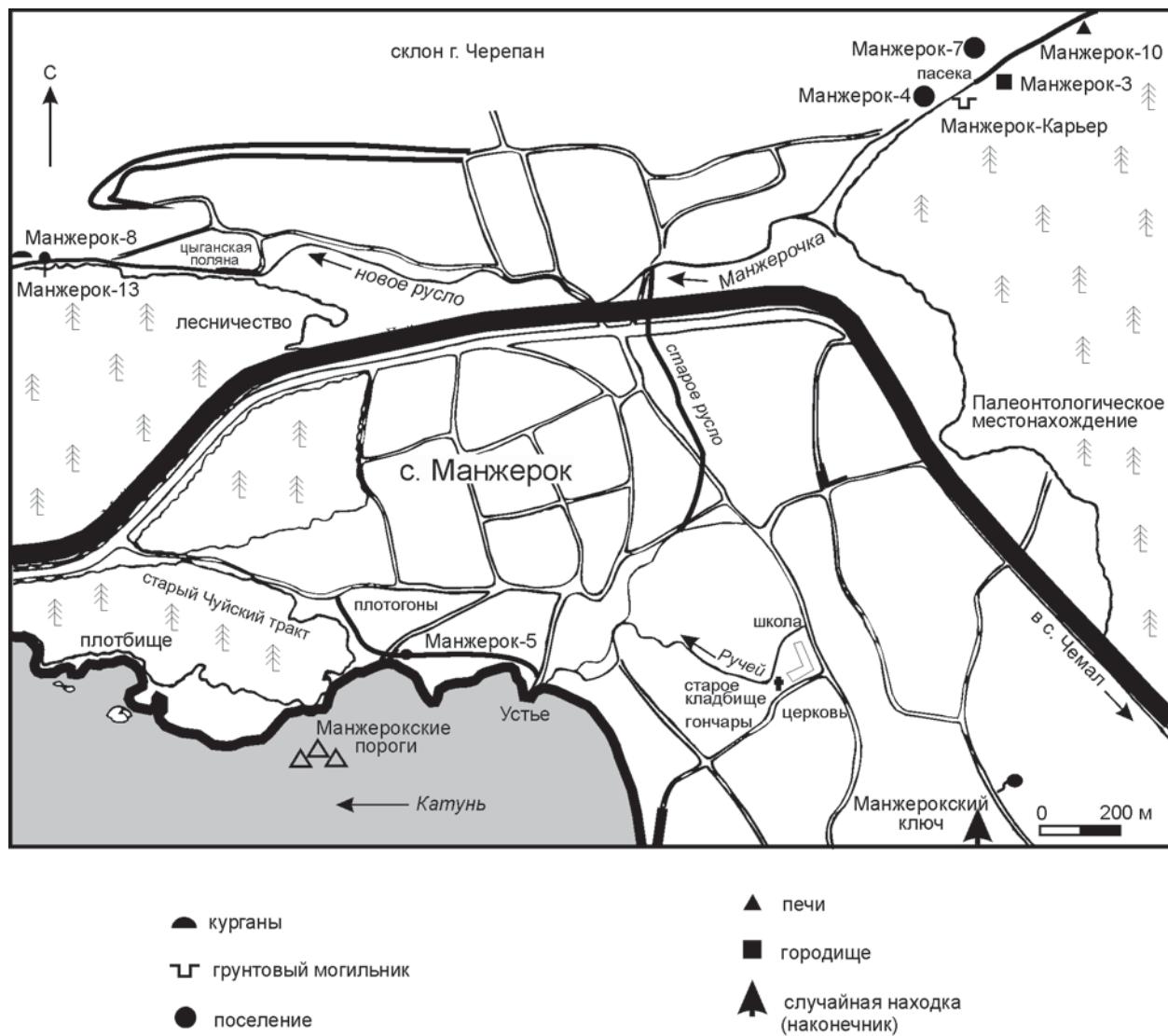

Рис. 20. Карта-схема расположения археологических памятников у с. Манжерок.

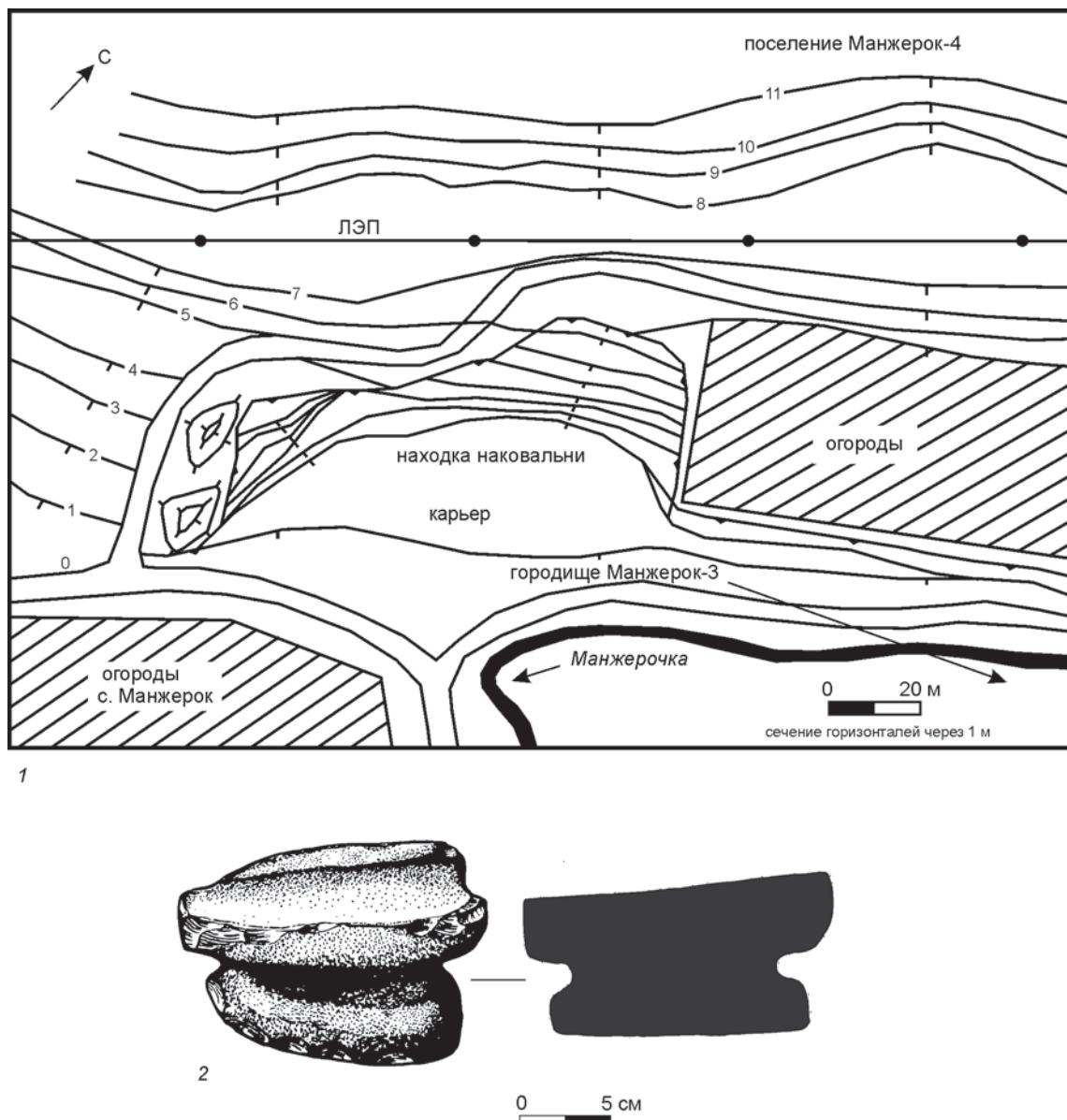

Рис. 21. Карта-схема расположения поселения Манжерок-4 (1) и найденная на памятнике каменная наковальня (2).

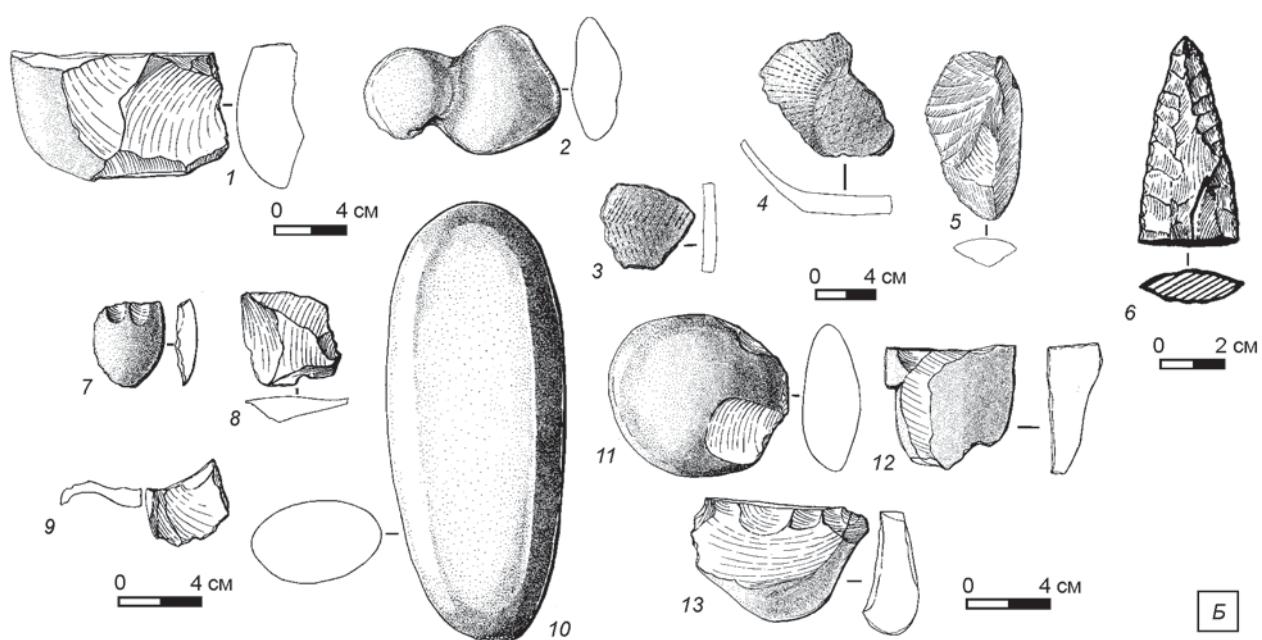
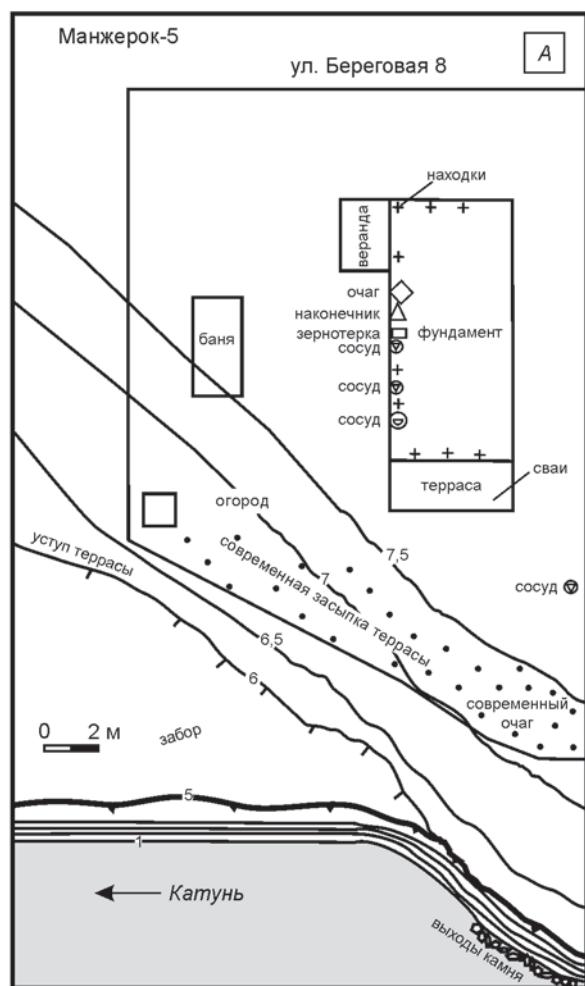

Рис. 22. План поселения Манжерок-5 (A) и комплекс энеолитических изделий с памятника (Б).

1, 12, 13 – нуклеусы; 2 – грузило; 3, 4 – фрагменты керамики; 5 – каменный нож; 6 – наконечник каменного дротика; 7–9 – отщепы; 10 – каменный пест; 11 – каменный отбойник.

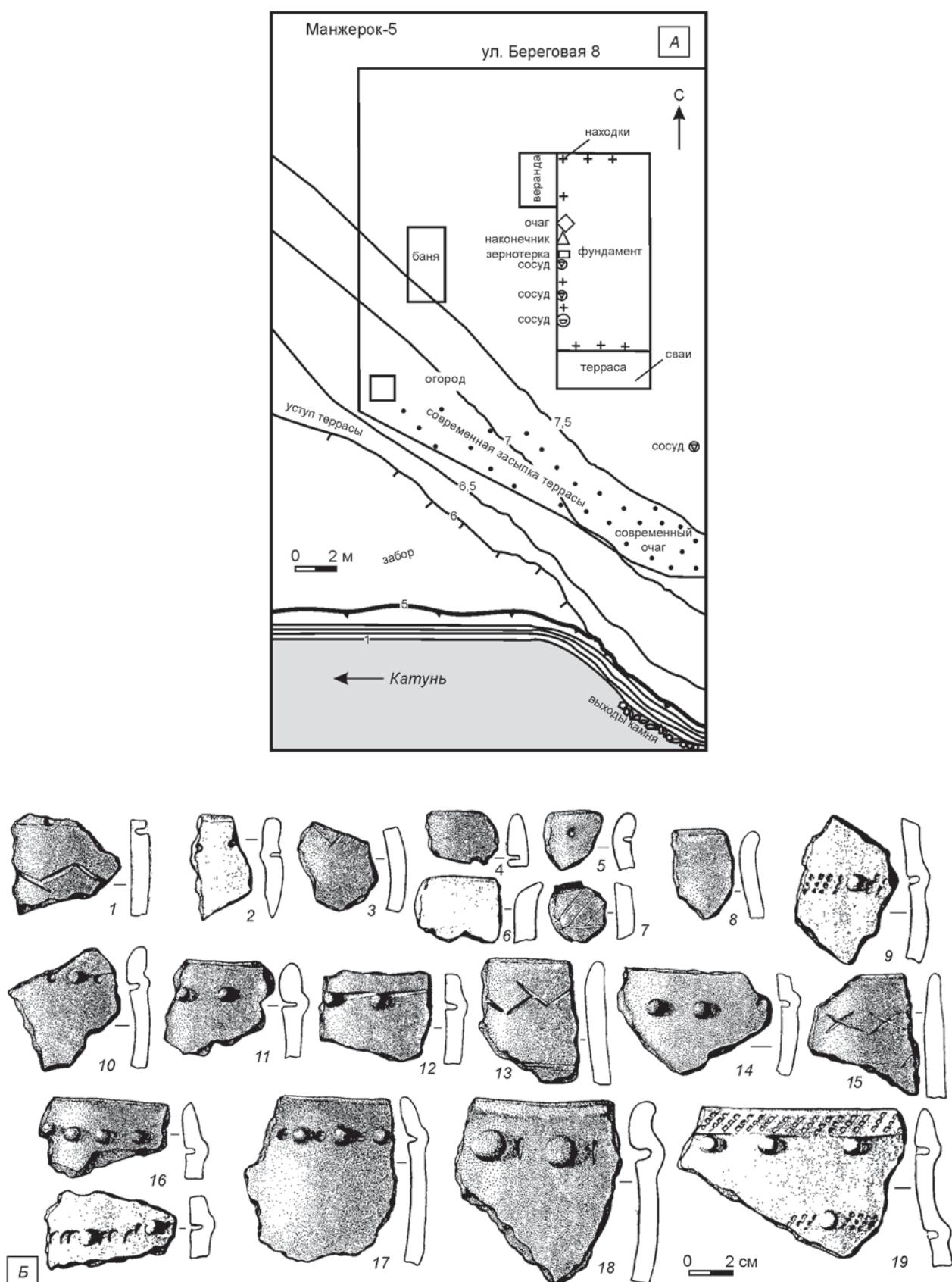

Рис. 23. План поселения Манжерок-5 (A) и керамика эпохи раннего железа с памятника (Б).

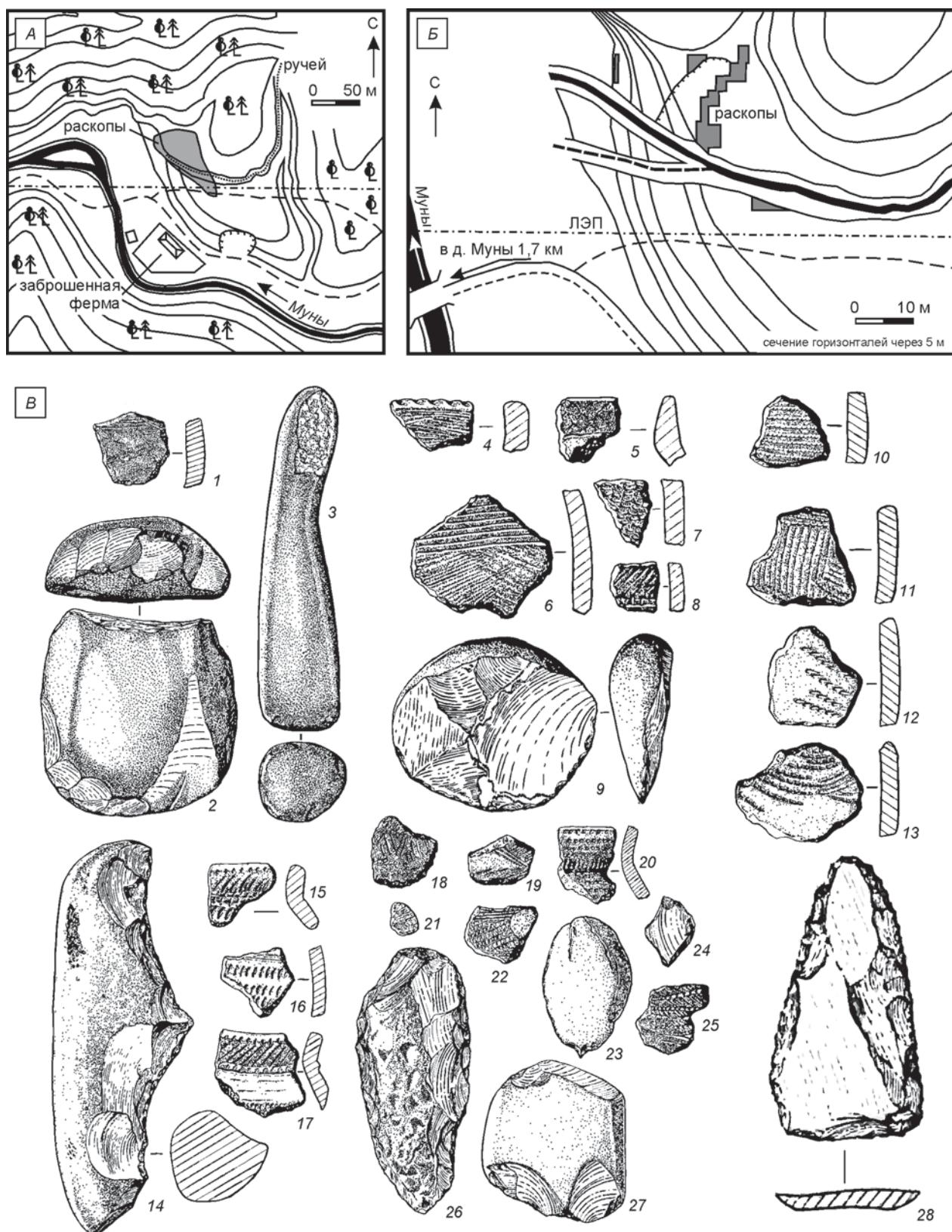

Рис. 24. Топографическая карта (А) и план (Б) поселения Муны-1, а также предметный комплекс с памятника (афанасьевская культура) (В).

1, 4–8, 10–13, 15–22, 25 – фрагменты керамики; 2, 14 – каменные орудия; 3 – каменный жезл; 9 – каменный скребок; 23 – каменное сверло; 24 – отщеп; 26 – каменный нож; 27 – каменный отбойник; 28 – каменный наконечник дротика.

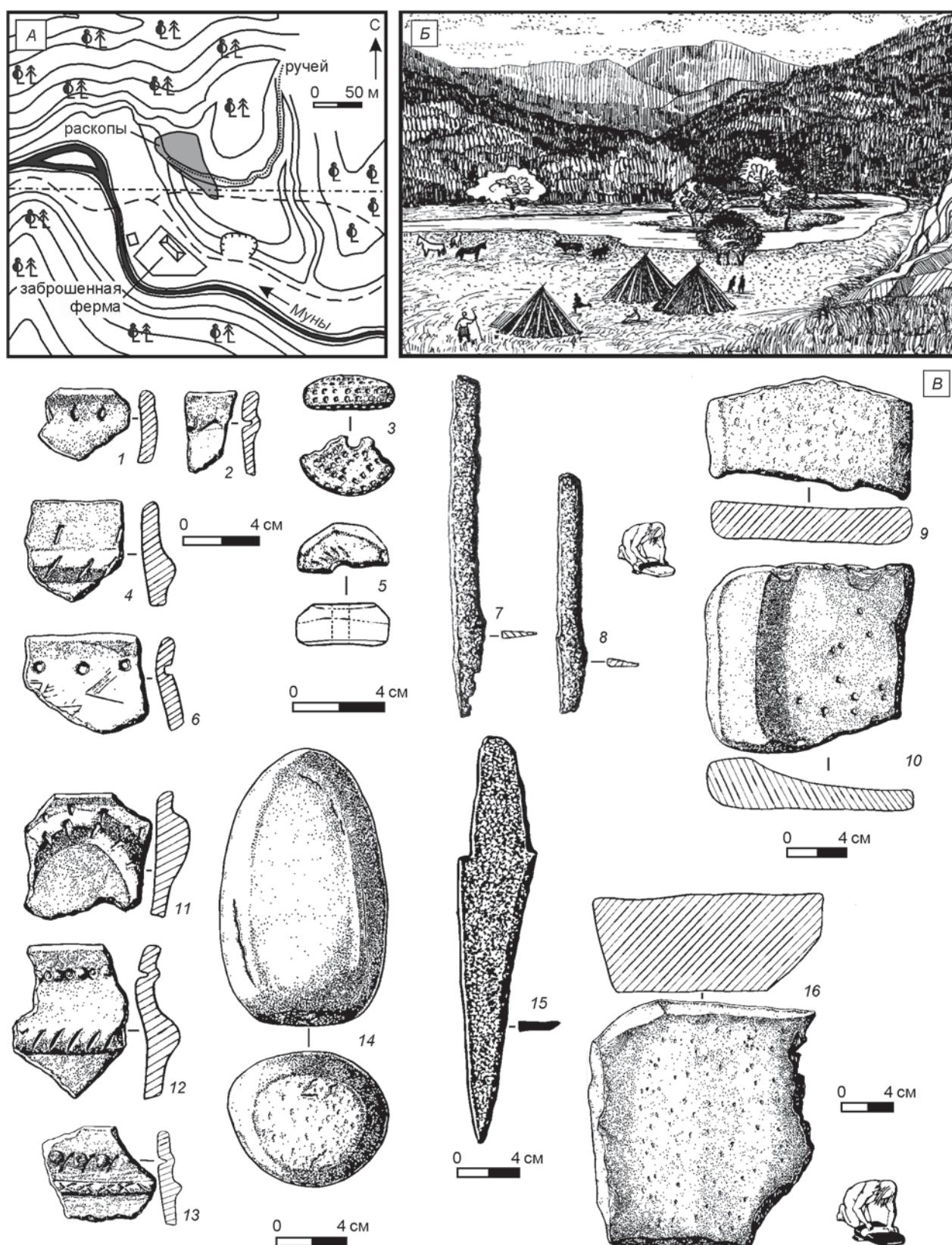

Рис. 25. План (А) и реконструкция (Б) поселения Муны-1, а также предметный комплекс раннего железного века (В).
1, 2, 4, 6, 11–13 – фрагменты керамики; 3, 5 – глиняные прядлица; 7, 8, 15 – железные ножи; 9, 10, 16 – зернотерки; 14 – каменный пест.

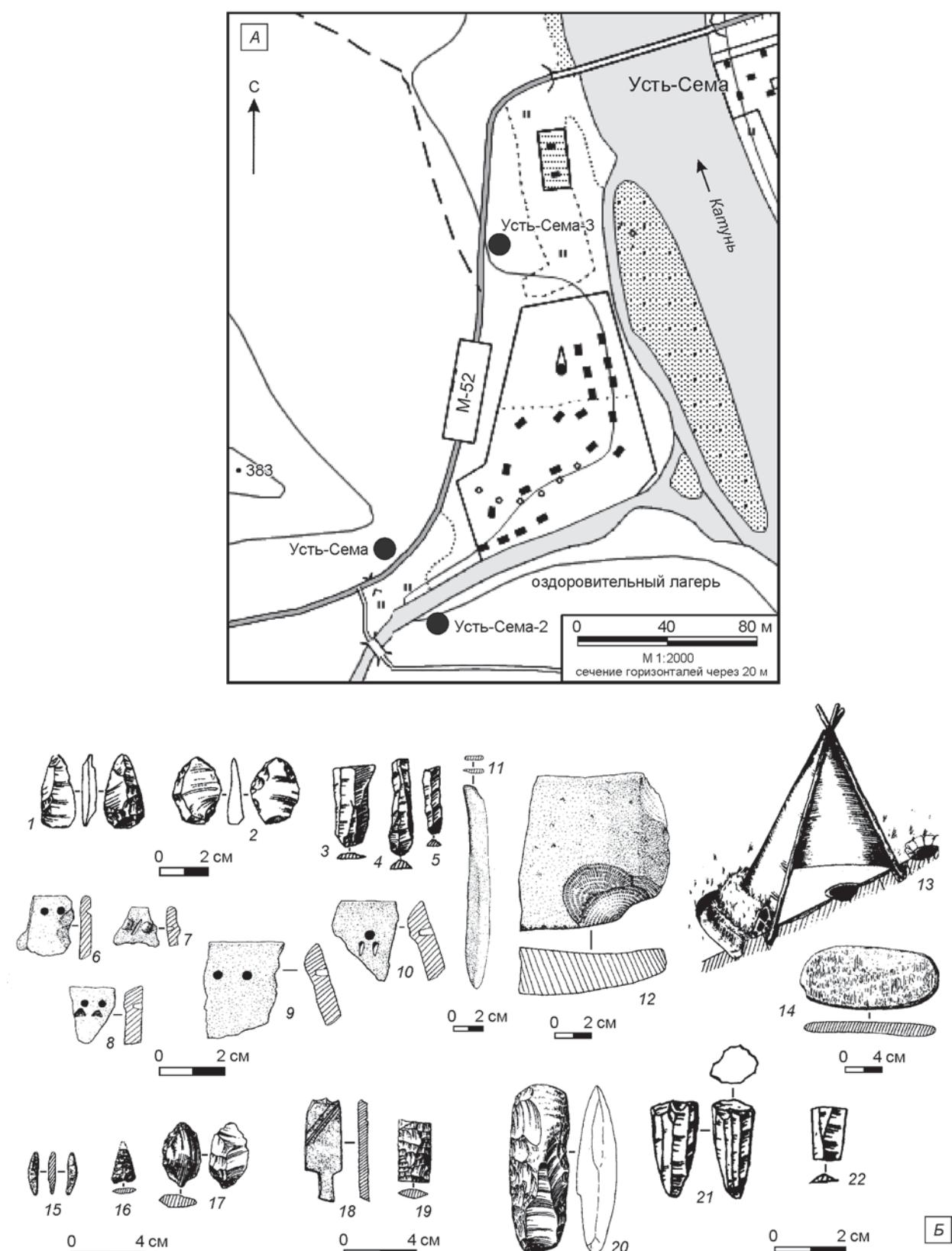

Рис. 26. Карта-схема расположения разновременных поселений в устье р. Семы (А) и предметный комплекс с памятниками (Б).

1–5, 15–22 – каменные изделия; 6–10 – фрагменты керамики; 11 – бронзовый нож; 12, 14 – каменные зернотерки; 13 – реконструкция наземного жилища (по А.Л. Кунгурову).

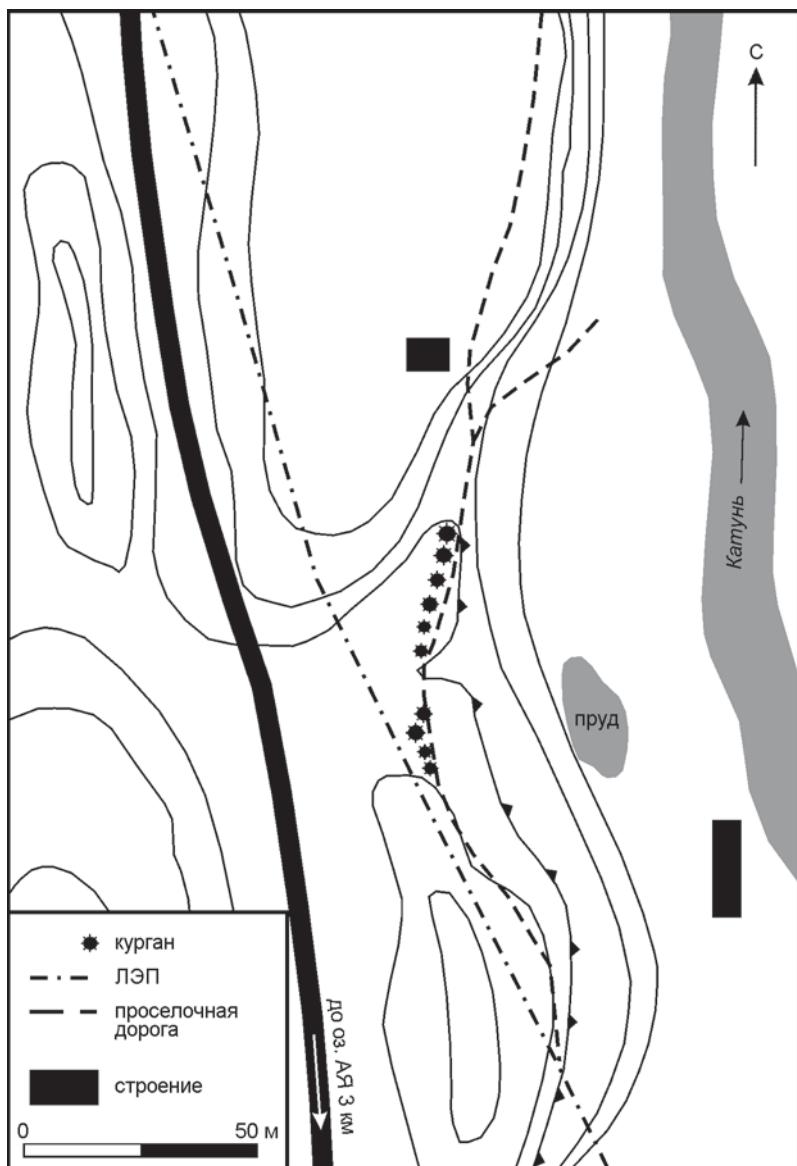

Рис. 27. Схема расположения курганов у озера Ая.

Рис. 28. Планиграфия Барангольского некрополя.

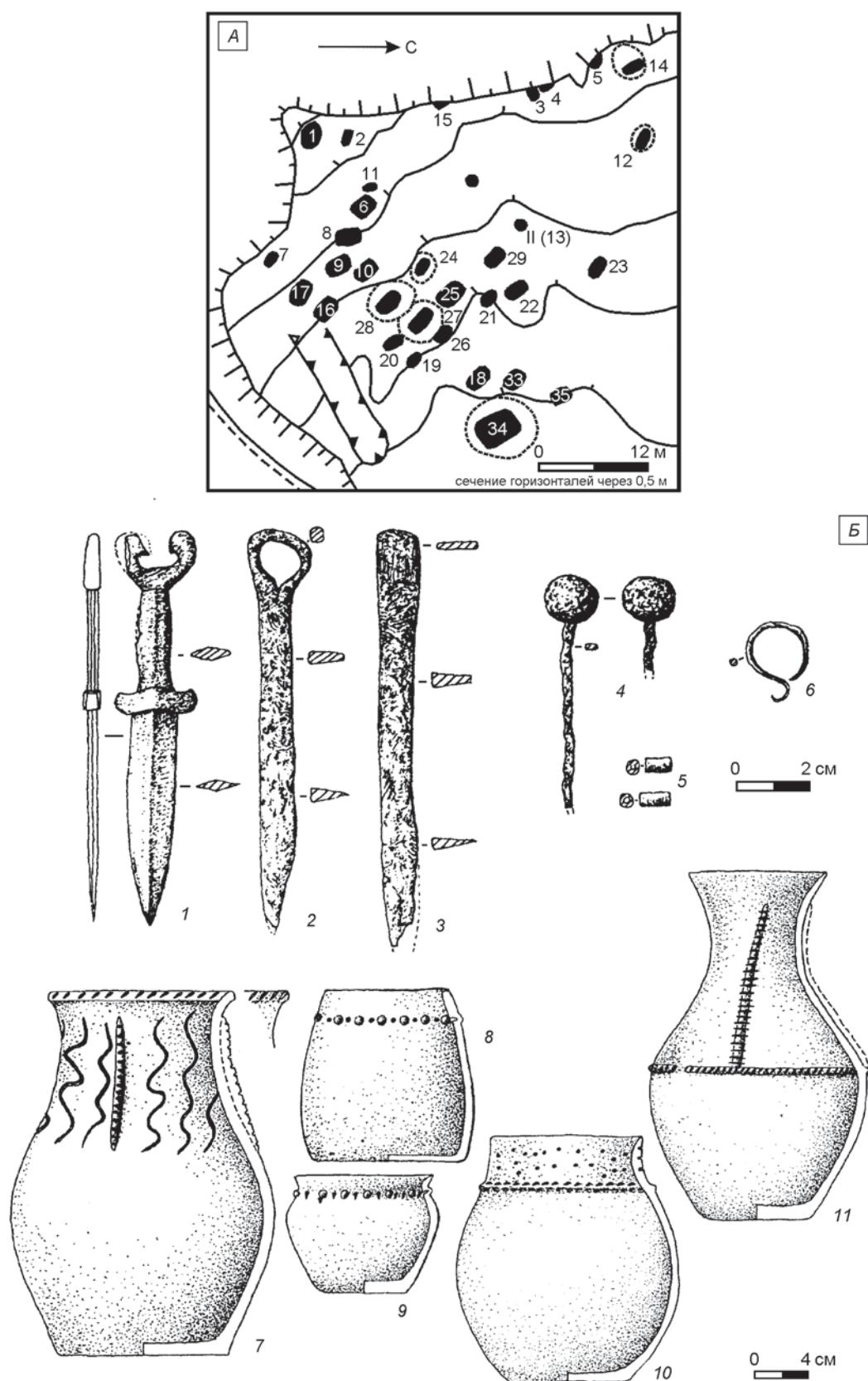

Рис. 29. План курганной группы Майма IV (A) и находки с памятников (Б).

1 – бронзовый кинжал; 2, 3 – железные ножи; 4 – железные шпильки; 5 – бусины; 6 – серебряная серьга; 7–11 – керамические сосуды.

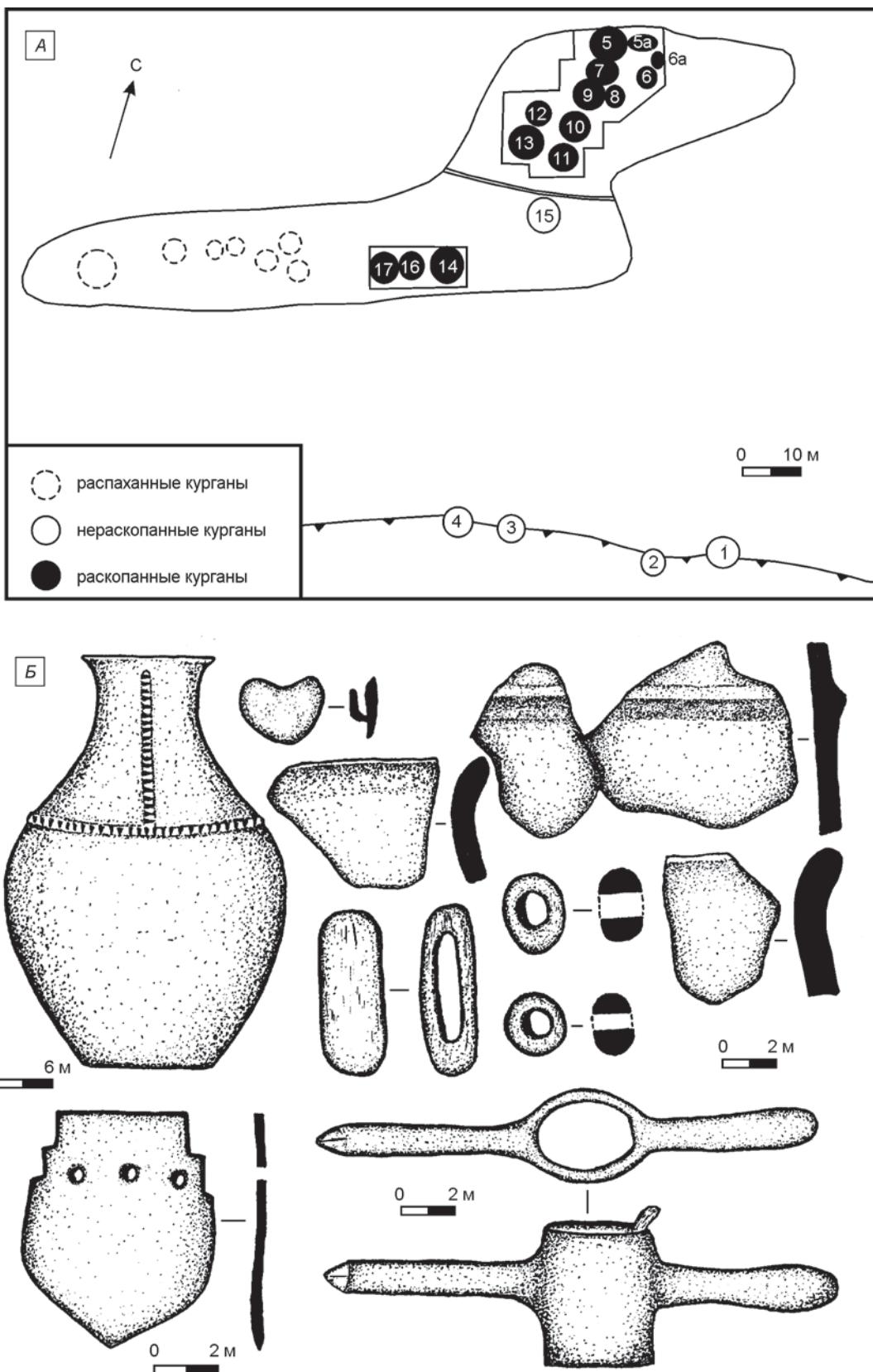

Рис. 30. План курганной группы Майма VI (А) и находки с памятников (Б).

1 – керамический сосуд с налепным рассеченным валиком; 2 – бронзовая бляшка; 3, 4, 8 – фрагменты керамики; 5–7, 9 – роговые детали конской упряжи; 10 – бронзовый чекан.

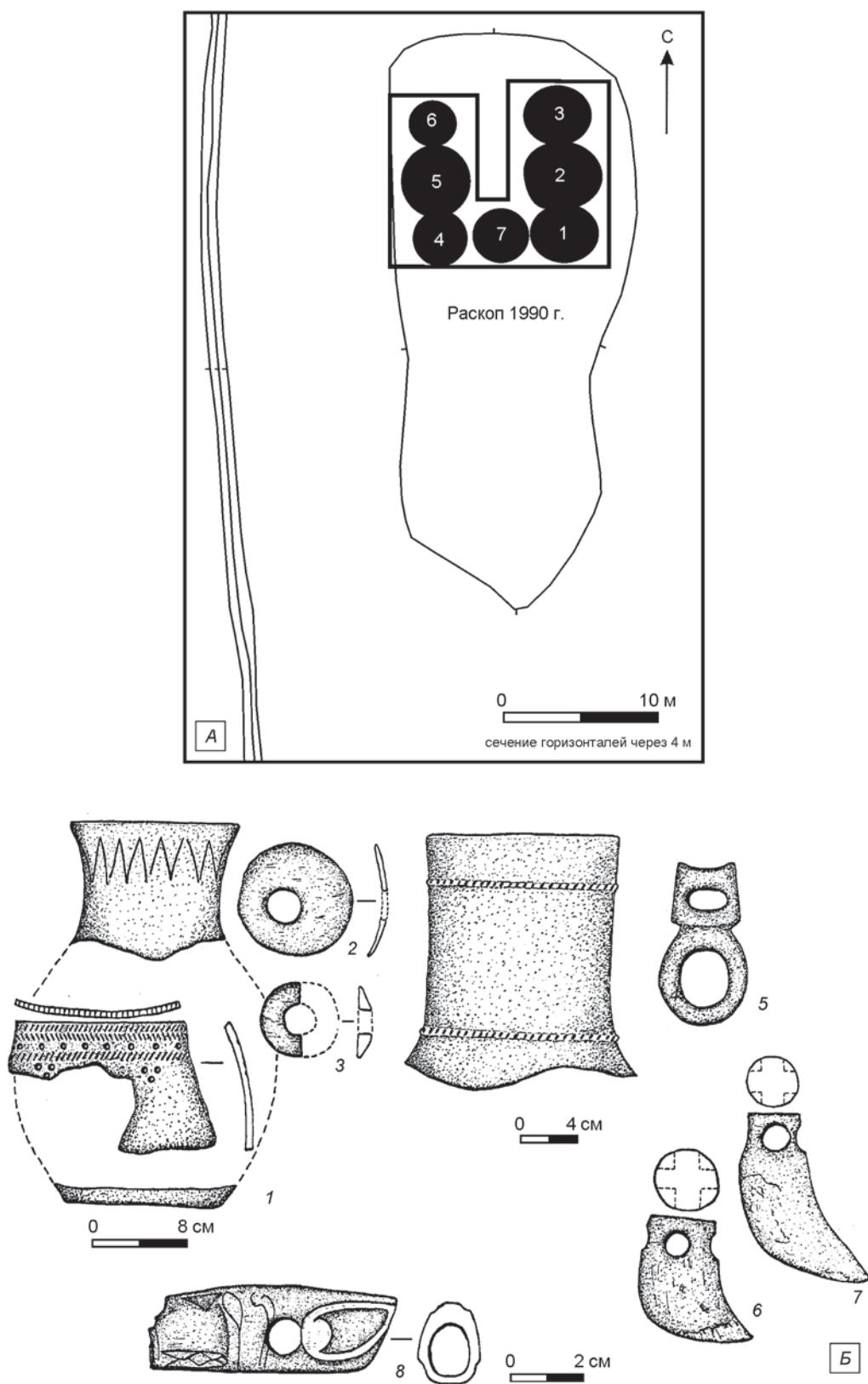

Рис. 31. План курганной группы Майма XIX (A) и находки с памятников (Б).

1, 4 – керамические сосуды; 2, 3 – роговые детали конской упряжи; 5 – роговой чумбурный блок; 6, 7 – роговые подвески, имитирующие кабаньи клыки; 8 – роговое навершие в виде головы волка.

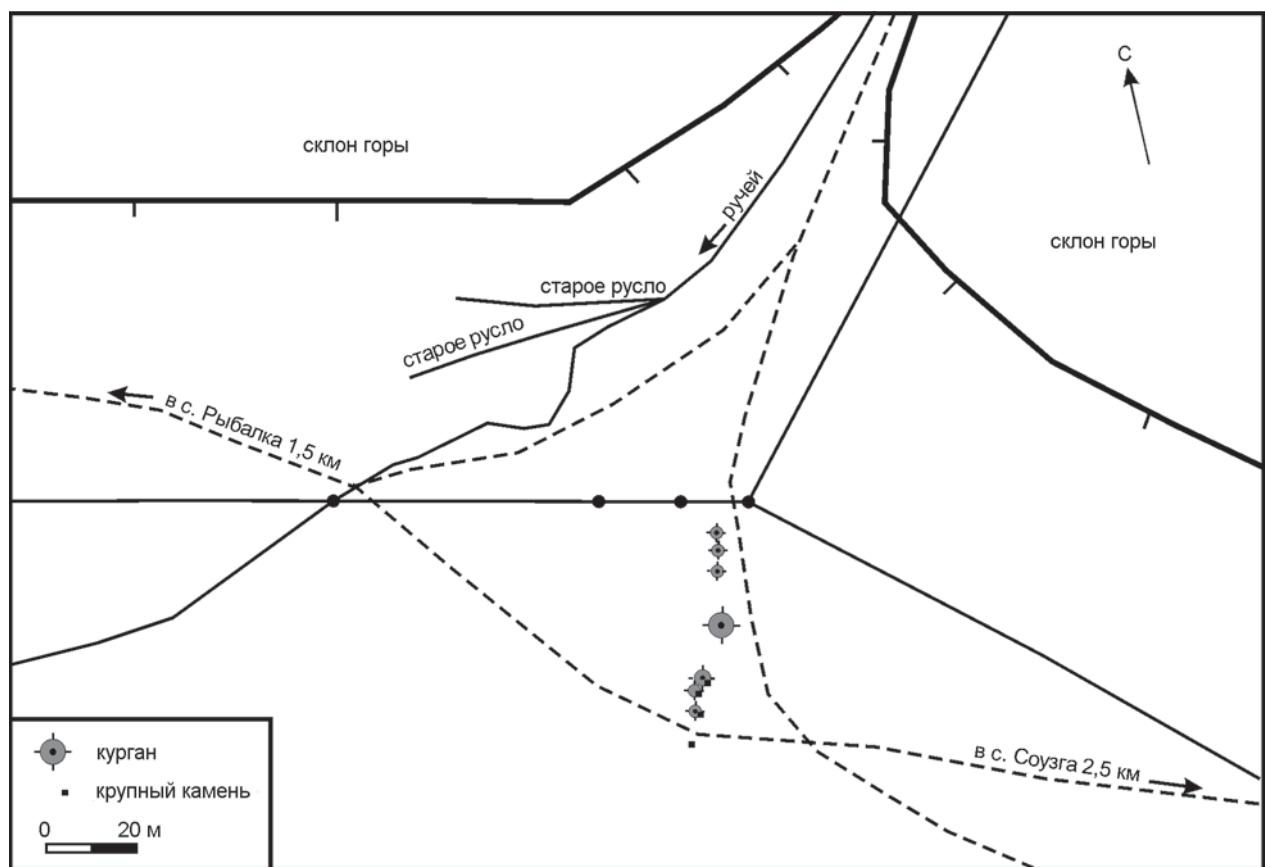

Рис. 32. План курганной группы Соузга-1.

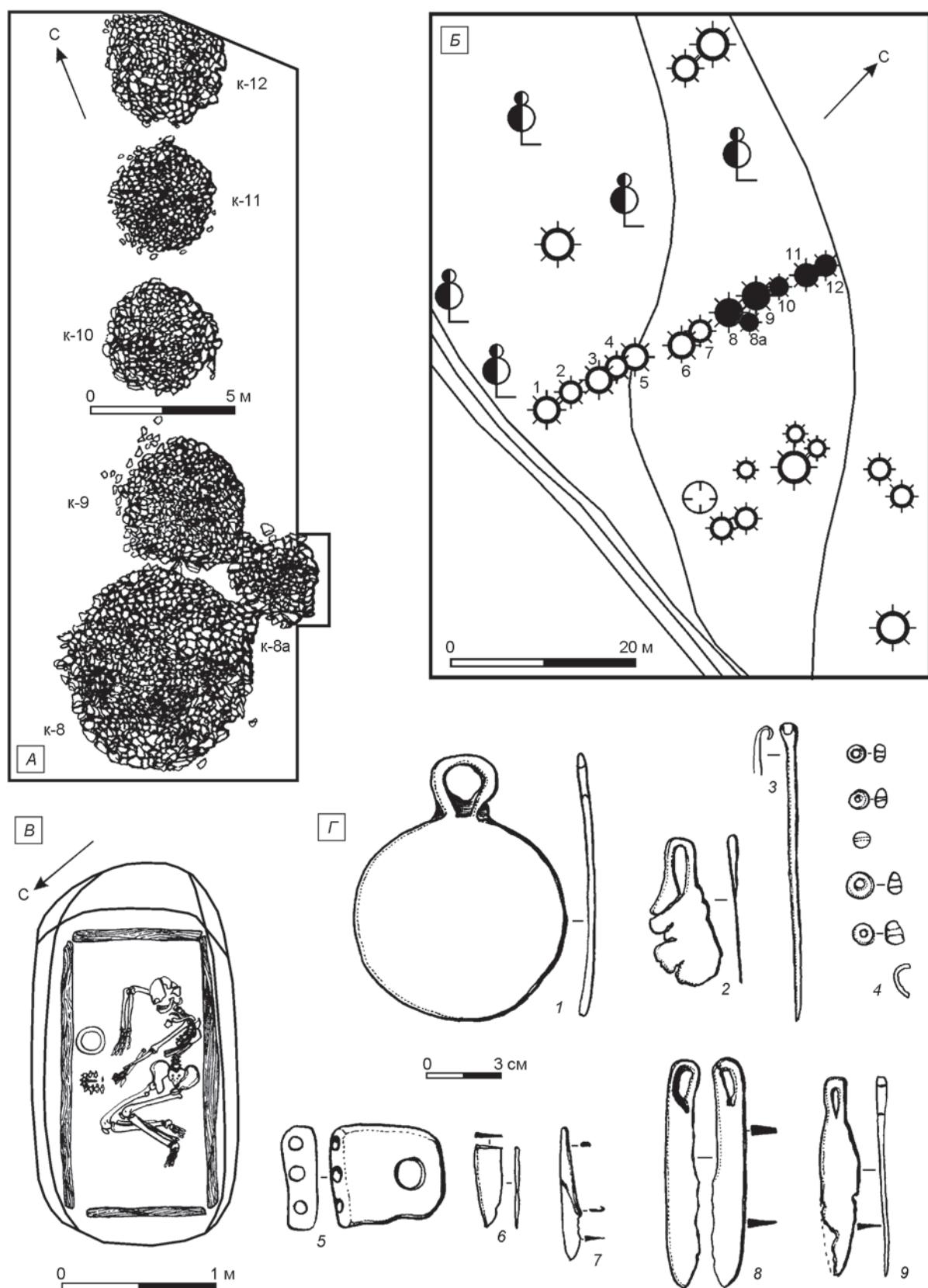

Рис. 33. План курганной группы Талда (Б), раскопки курганов (А), погребение кургана 10 (Б) и находки с памятников (Г).
1 – бронзовое зеркало; 2 – бронзовая подвеска; 3 – бронзовый стержень; 4 – бусы; 5 – роговая пряжка; 6–9 – бронзовые пластинчатые ножи.

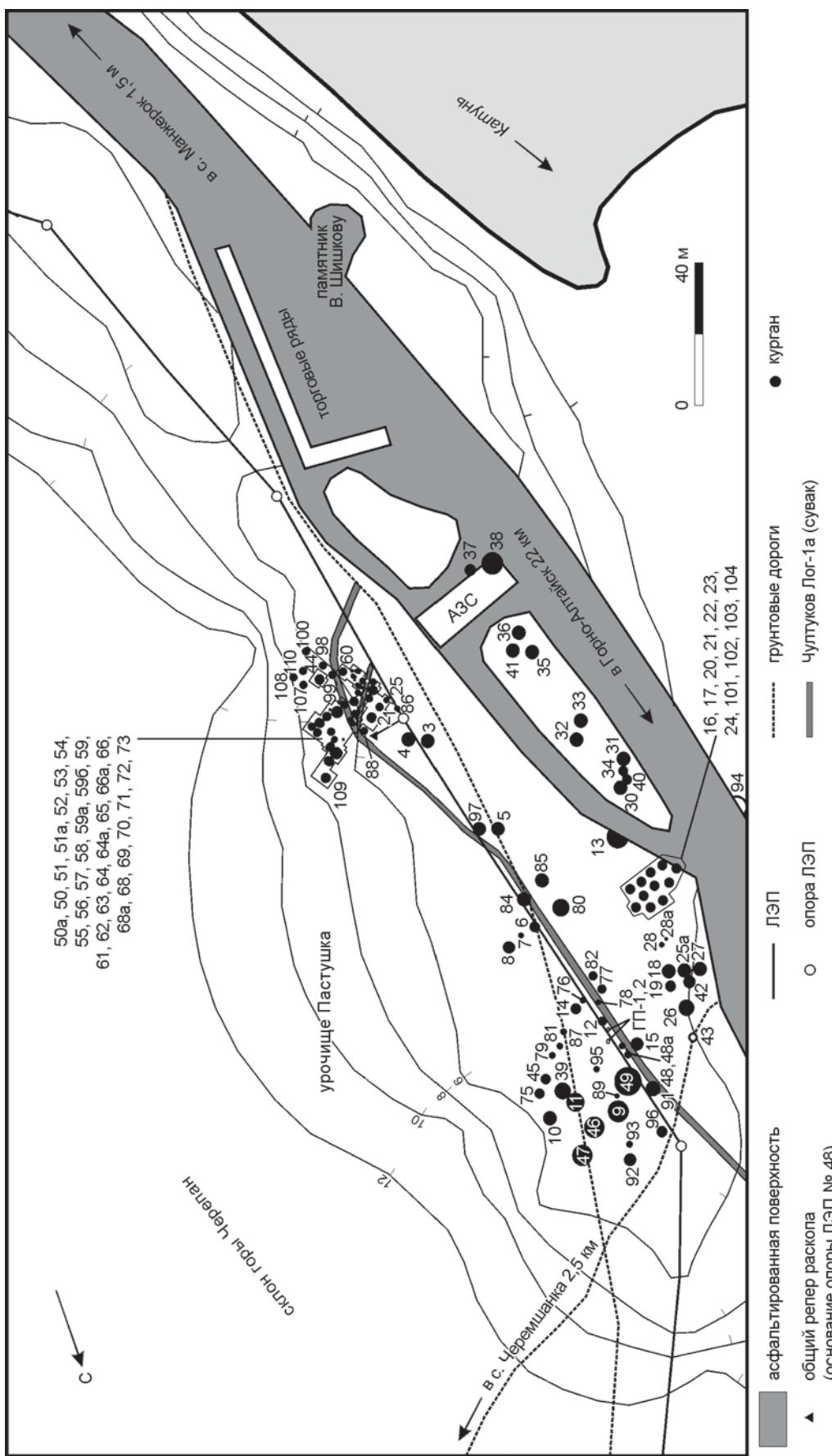

Рис. 34. План курганный группы Чултуков Лог-1.

А

Б

Рис. 35. Курганный комплекс Чултуков Лог-1.

А – северный край некрополя (вид с востока); Б – раскопки юго-восточного края некрополя (вид с севера).

A

Б

Рис. 36. Рекультивация каменных конструкций курганов памятника Чултуков Лог-1.

*Рис. 37. Расположение курганов цепочкой на юго-восточном краю курганной группы Чулутков Лог-1
(вид с северо-востока).*

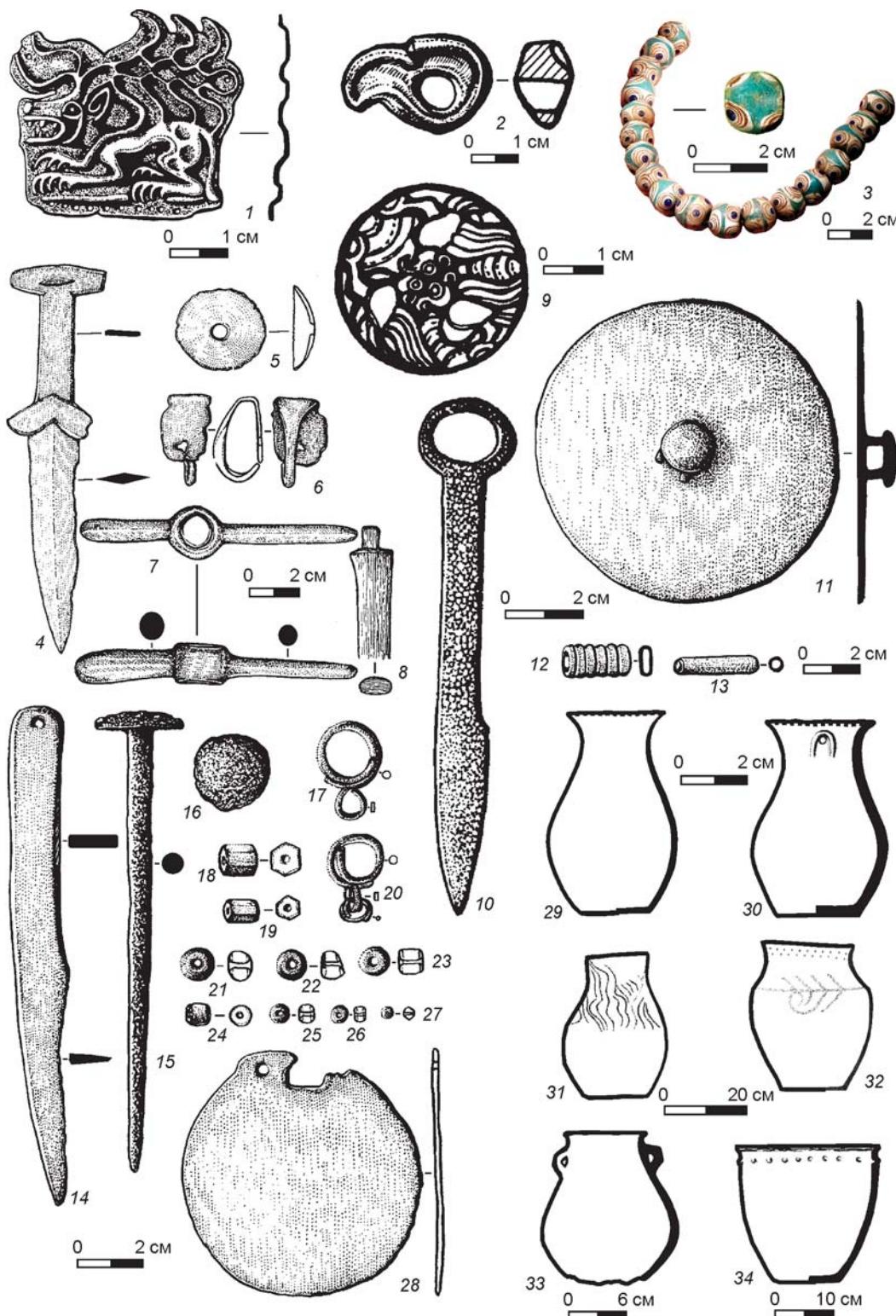

Рис. 38. Предметный комплекс курганной группы Чултуков Лог-1.

1 – золотая пластина с изображением рогатого хищника (кург. 25а); 2 – костяная пряжка в виде головы грифона; 3 – стеклянные многослойные глазчатые бусы (кург. 35); 4 – бронзовый кинжал; 5 – бронзовая пронизь; 6 – бронзовый крючок-застежка; 7 – бронзовый чекан; 8 – деревянная рукоять чекана; 9 – навершие бронзового триквстра, покрытого золотой фольгой; 10 – железный нож с кольчатым окончанием; 11 – бронзовое дисковидное зеркало с кнопкой на обороте (кург. 35); 12 – бронзовая рубчатая «обойма» (кург. 35); 13 – бронзовая пронизка (кург. 35); 14 – бронзовый пластиначатый нож; 15, 16 – железная заколка; 17, 20 – золотые и серебряные петлевидные серьги; 18, 19, 21–27 – бусы; 28 – бронзовое зеркало; 29–34 – разновидности керамических сосудов.

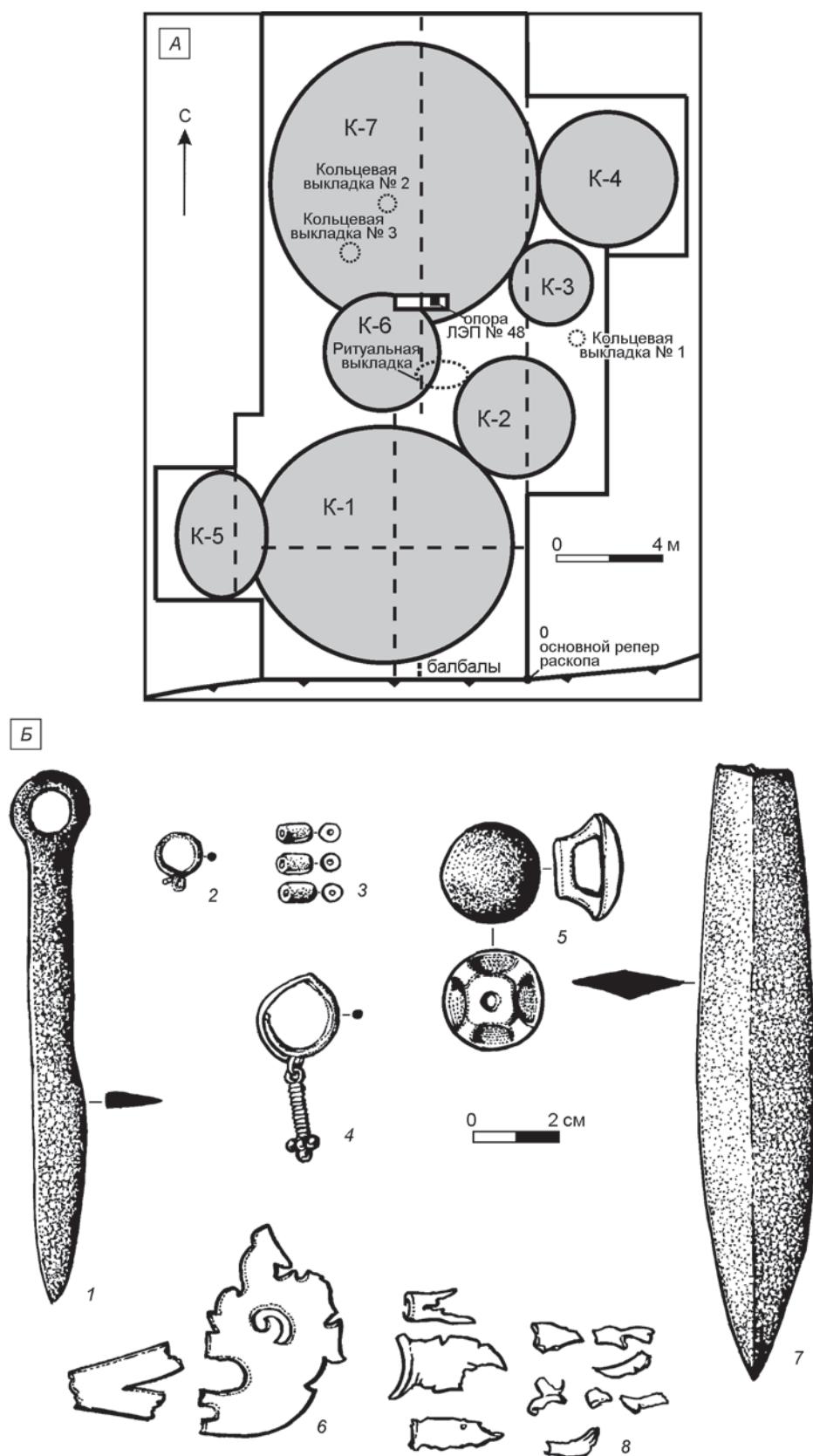

Рис. 39. План курганной группы Чулкув Лог-2 (A) и находки с памятника (Б).

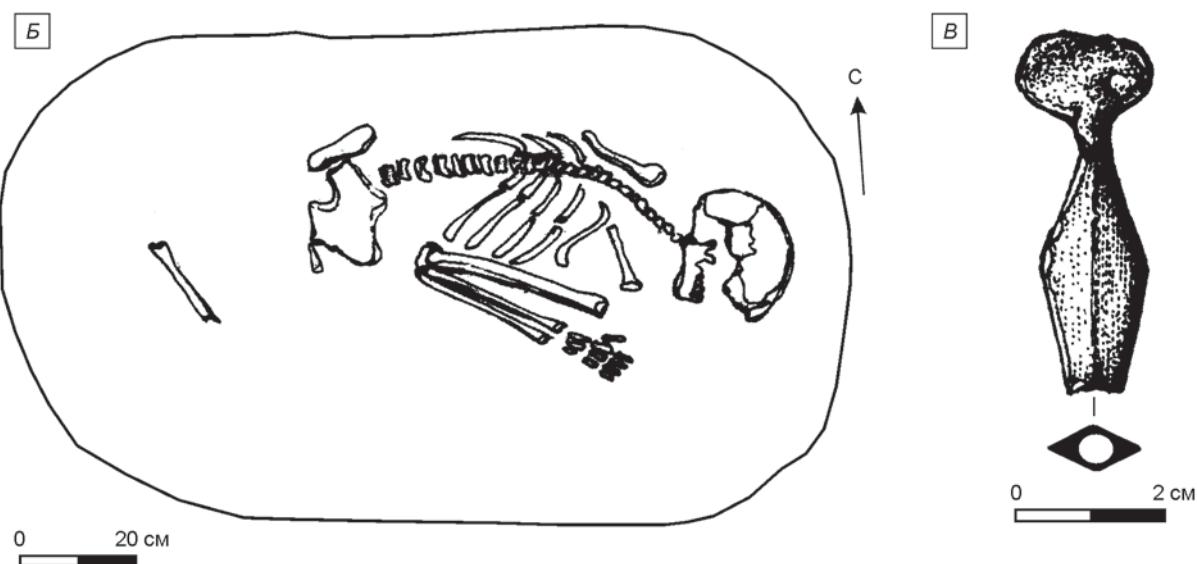
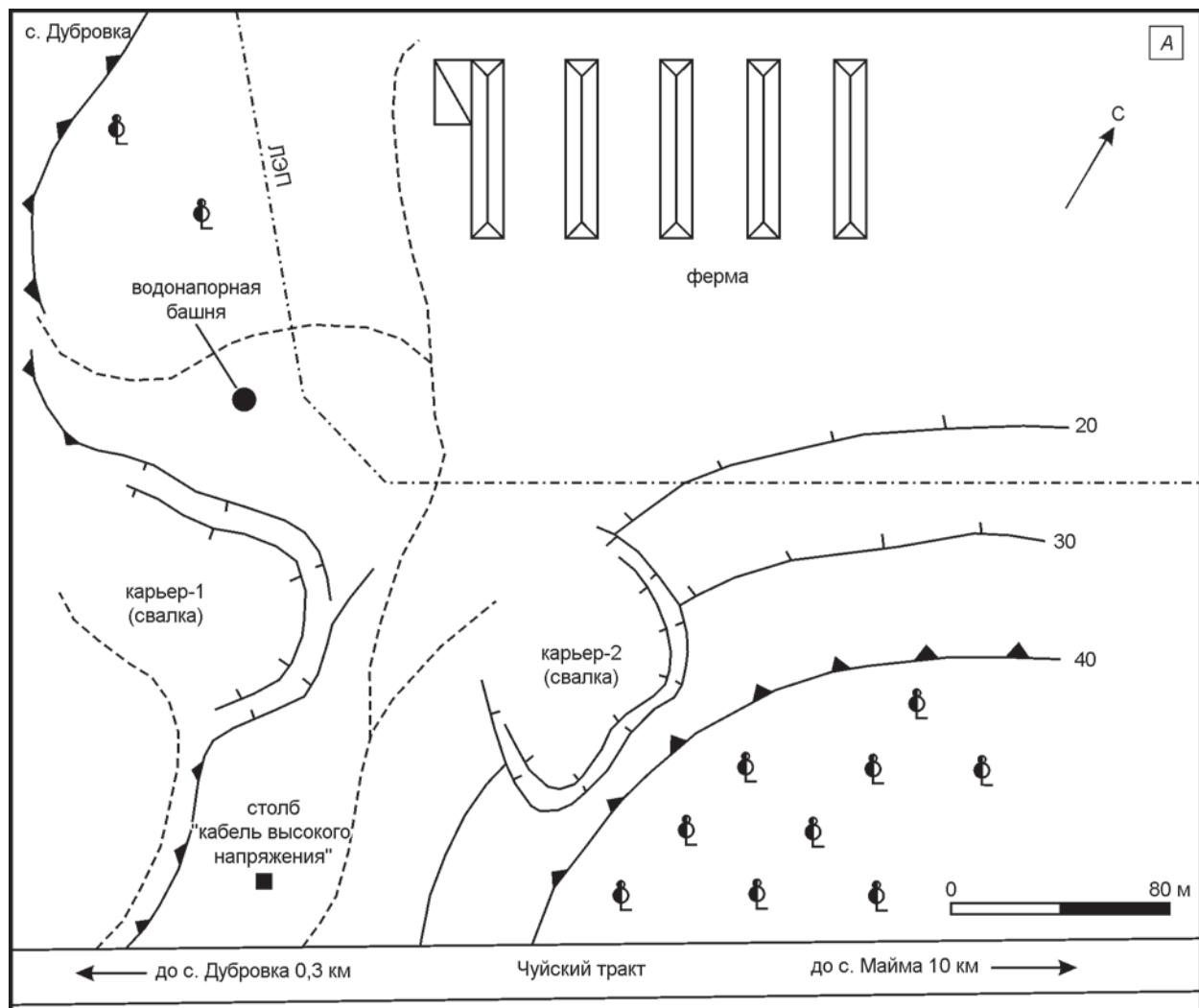

Рис. 40. Топографическая карта окрестностей с. Дубровка (А), план погребения Дубровка-Кар'ер (Б) и найденный на памятнике бронзовый наконечник (Б).

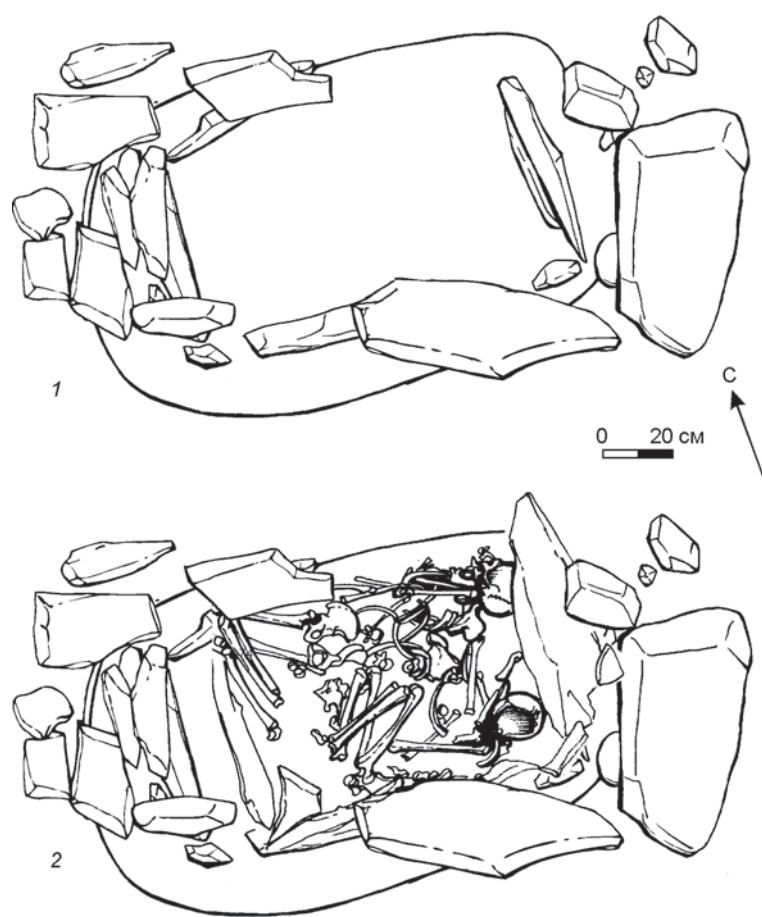

Рис. 41. Грунтовое погребение 1 памятника Чултуков Лог-16.
1 – верхний уровень каменной конструкции; 2 – грунтовое захоронение в ящике.

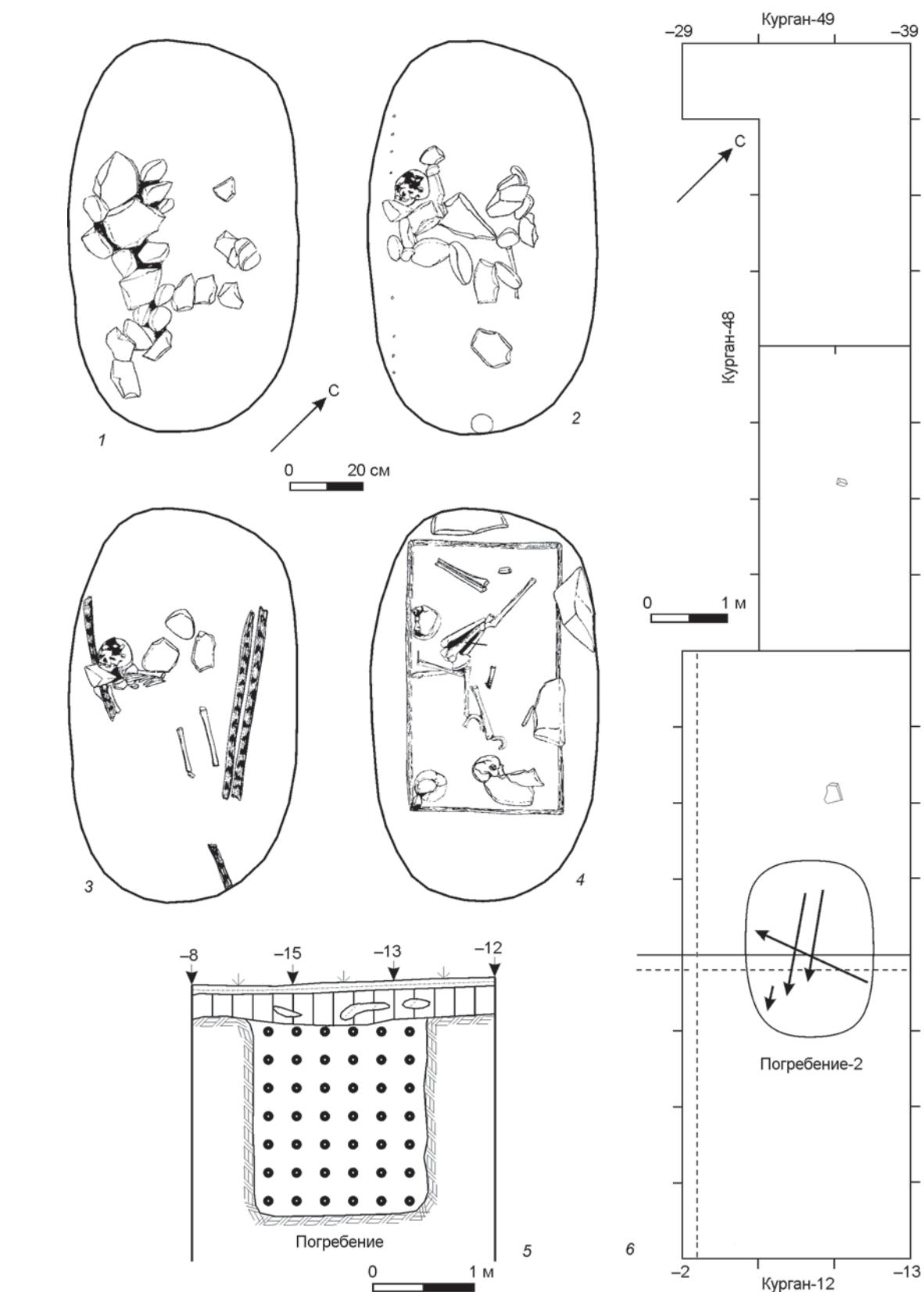

Рис. 42. Грунтовое погребение 2 в межкурганном пространстве. Чултуков Лог-16.

1, 2 – верхний уровень; 3 – погребения первого яруса; 4 – погребения второго яруса; 5 – стратиграфический разрез; 6 – межкурганное пространство с грунтовым захоронением.

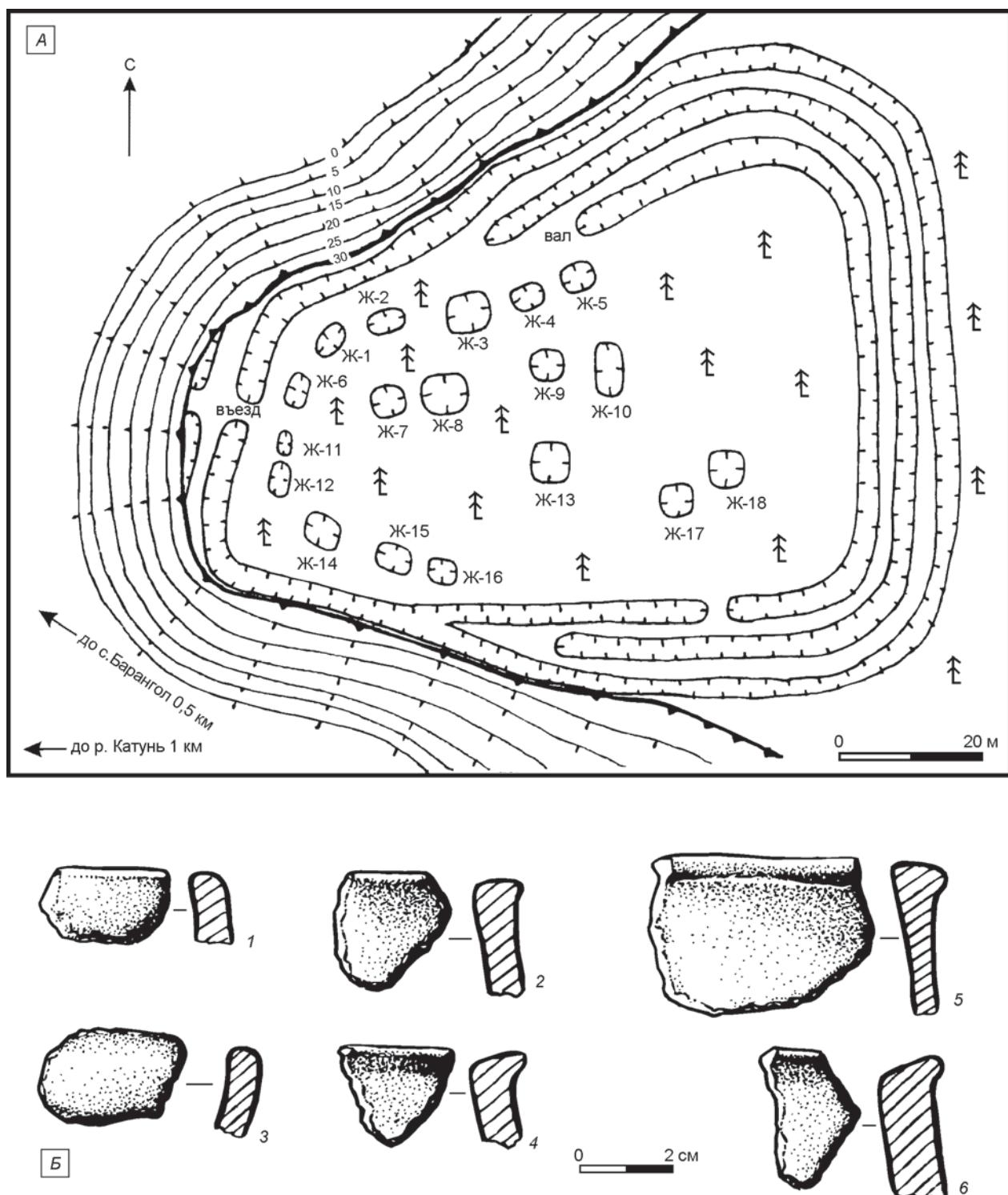

Рис. 43. План городища Барангол-5 (A) и фрагменты керамики с памятника (Б).

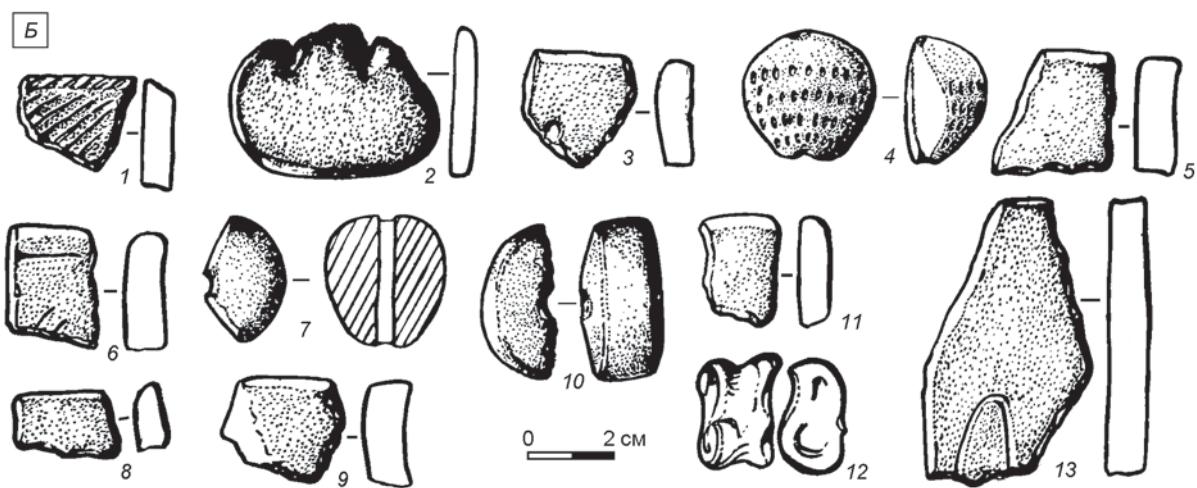
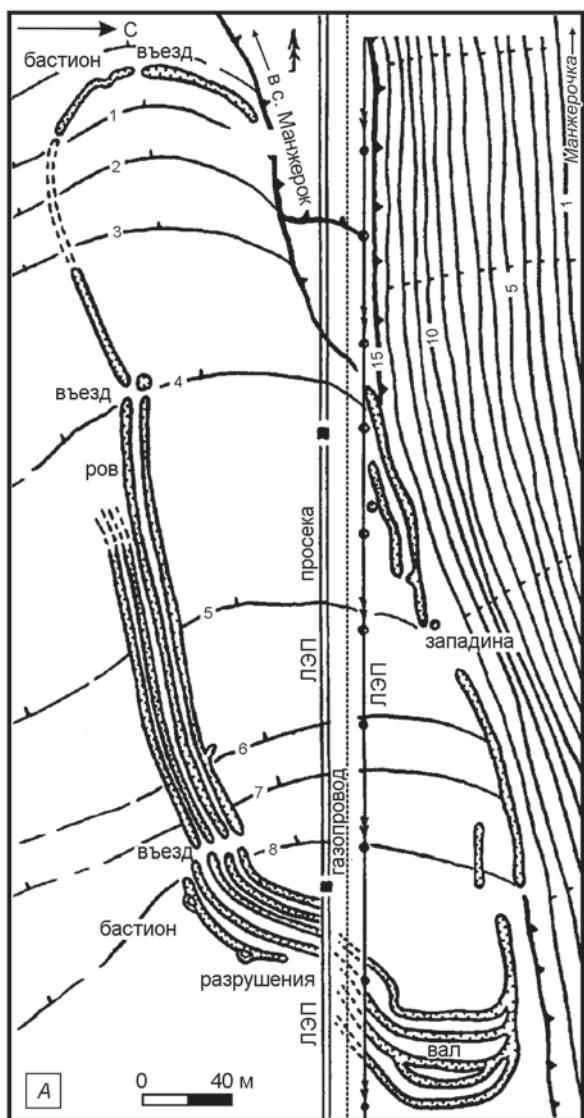

Рис. 44. План городища Манжерок-3 (А) и находки с памятника (Б).

1, 3, 5-8, 10, 12 – фрагменты керамики; 2 – каменная плитка; 4, 9 – керамические прядильницы; 11 – альчик (таранный блок мелкого копытного животного).

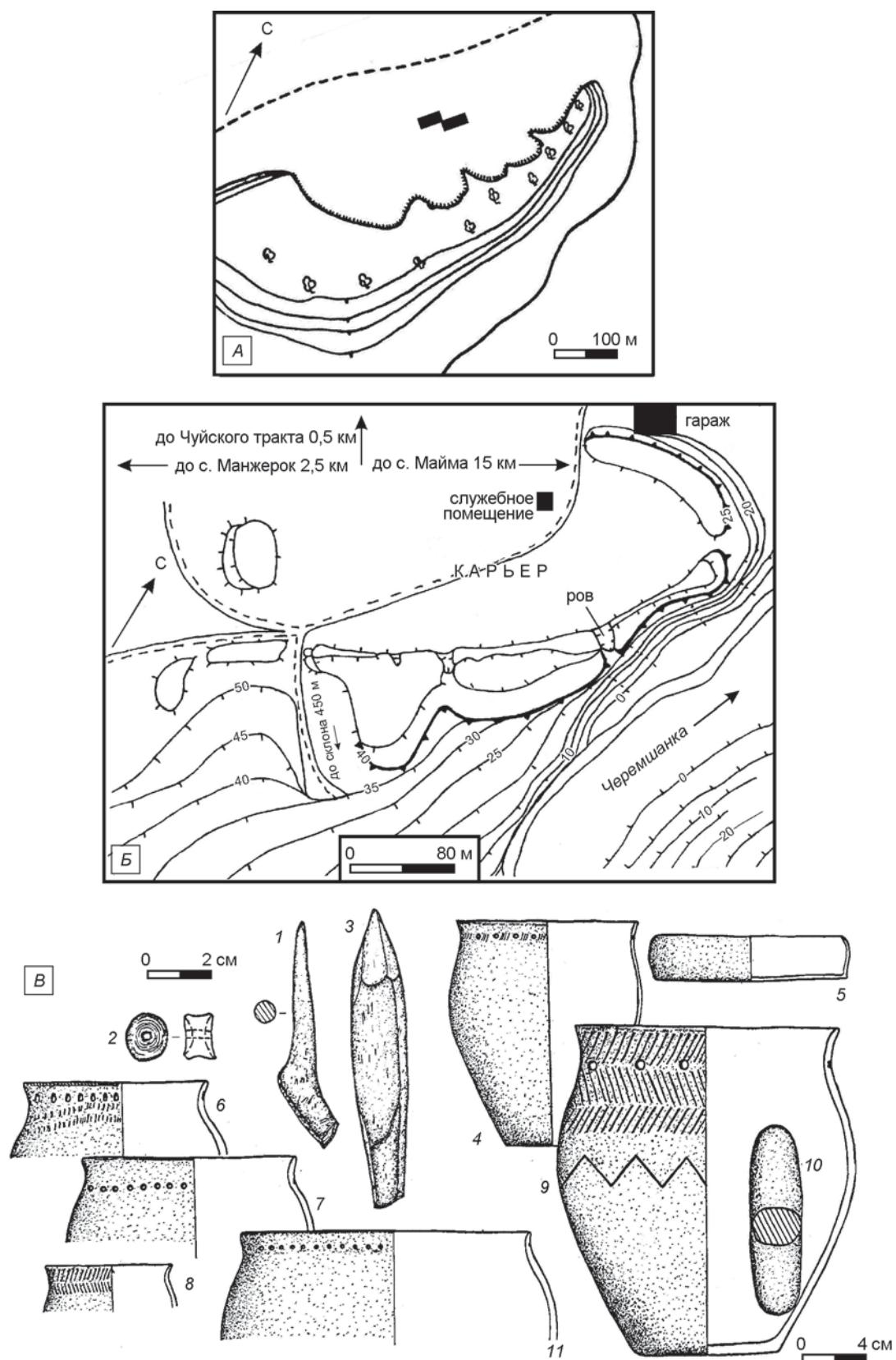

Рис. 45. План (A) и топографическая карта (Б) городища Черемшанка, находки с памятника (В).

1 – проколка из отростка рога косули; 2 – бусина (просверленная рыбья кость); 3 – роговой наконечник стрелы; 4–9, 11 – керамика; 10 – каменный пестик.

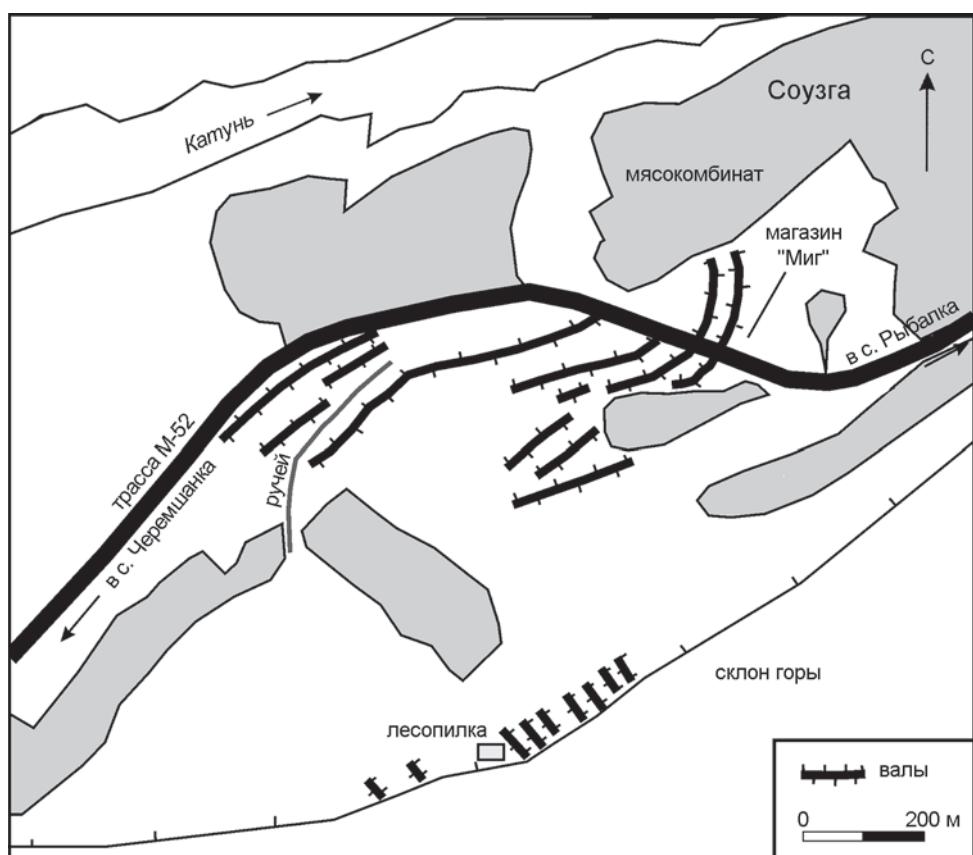

Рис. 46. План расположения на местности Соузгинских валов.

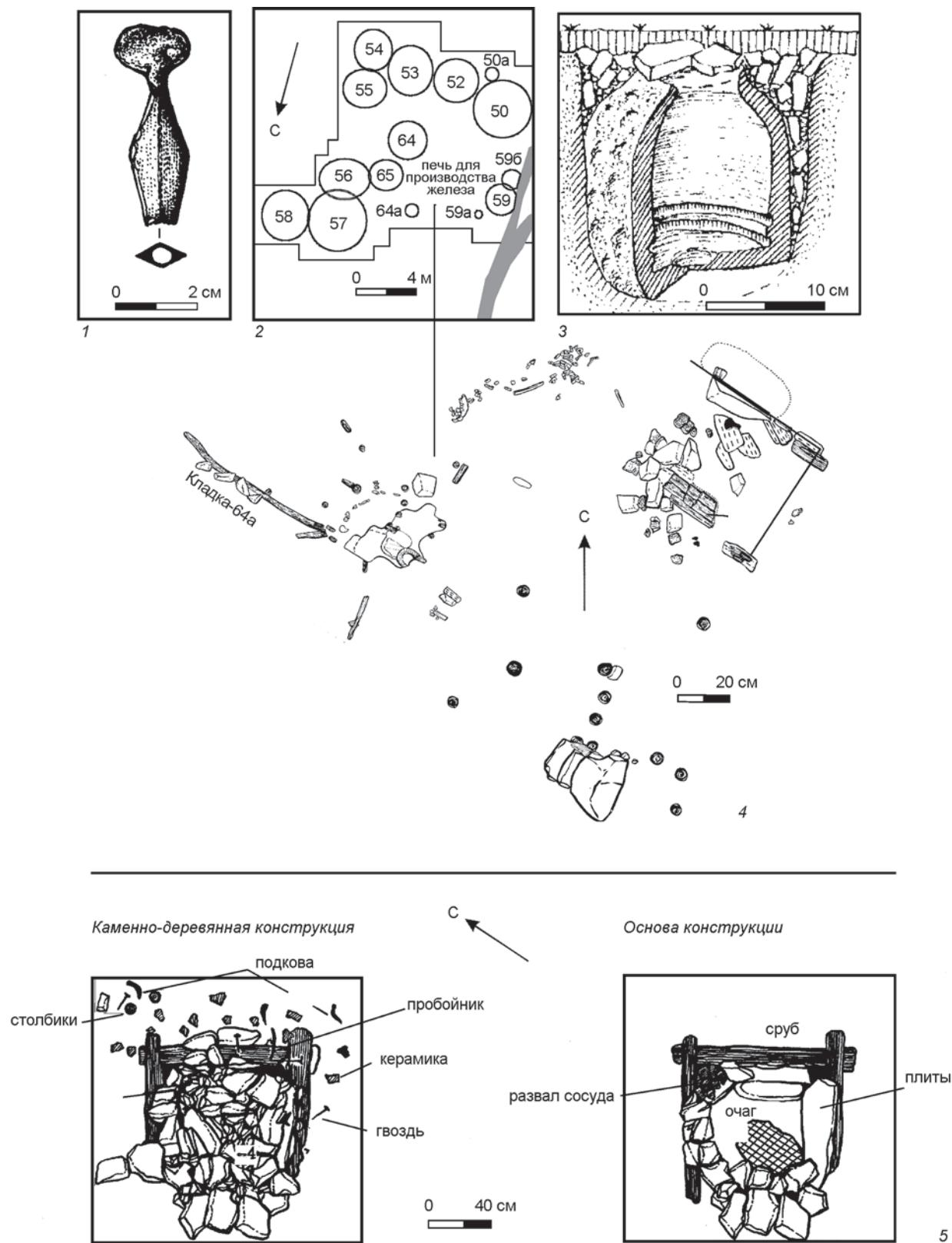

Рис. 47. Производственные комплексы, связанные с обработкой металла.

1 – бронзовый наконечник из с. Дубровка; 2 – комплекс на памятнике Чултуков Лог-1; 3 – реконструкция металлургического сооружения на памятнике Гора Скалистая (по А.Л. Кунтурову); 4 – план печи для производства железа на памятнике Чултуков Лог-1; 5 – конструкция кузнцы памятника Камышла-1.

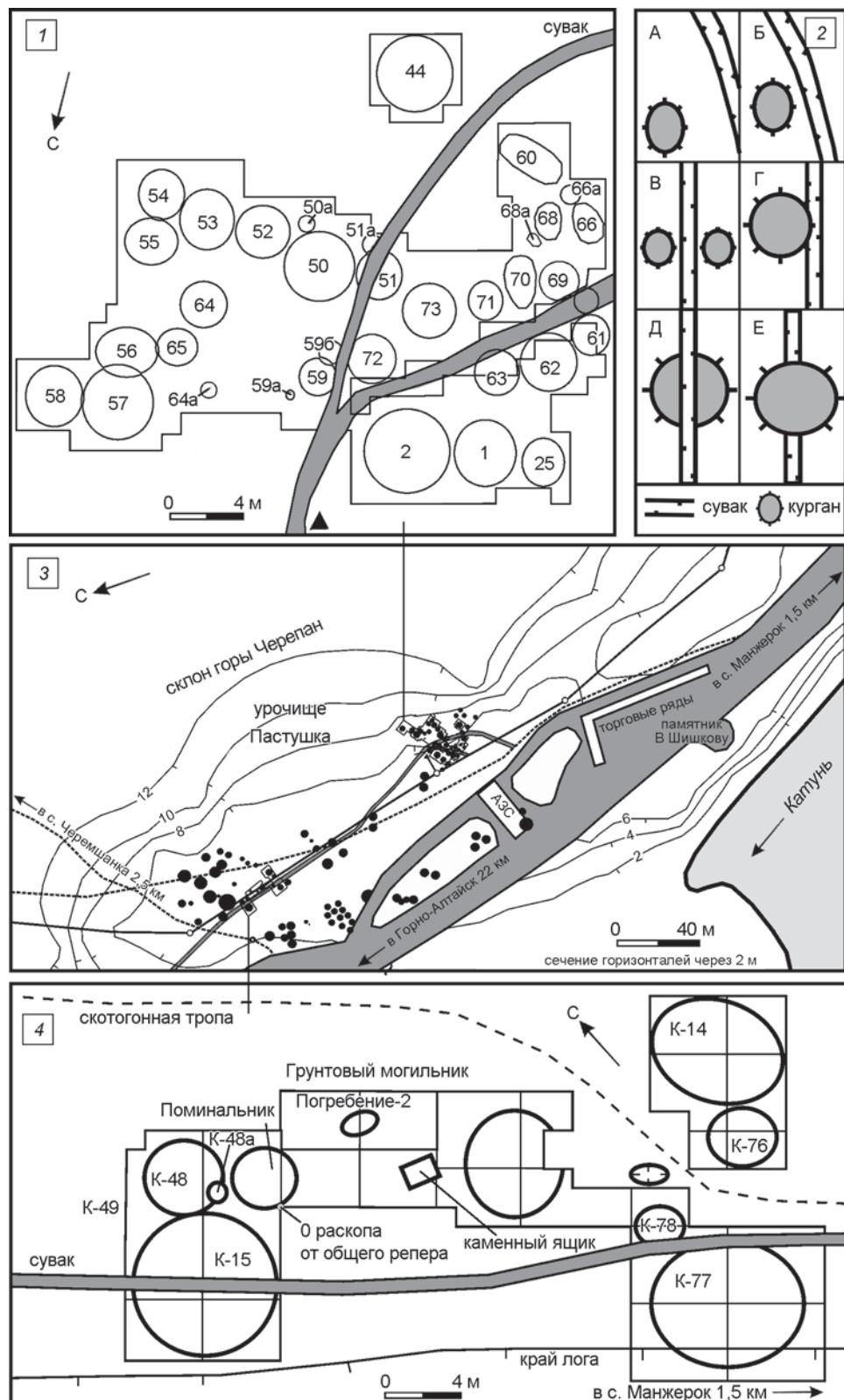

Рис. 48. Археологический комплекс Чултуков Лог-1.

1 – расположение сливных рукавов сувака Чултуков Лог-1а относительно курганной группы; 2 – варианты расположения сувака на некрополе: А – далеко от каменной насыпи кургана; Б – близко от насыпи; В – между насыпями курганов; Г, Д – по насыпи кургана; Е – под насыпью кургана; 3 – расположение сувака Чултуков Лог-1а на курганной группе; 4 – пересечение суваком курганов скифского времени.

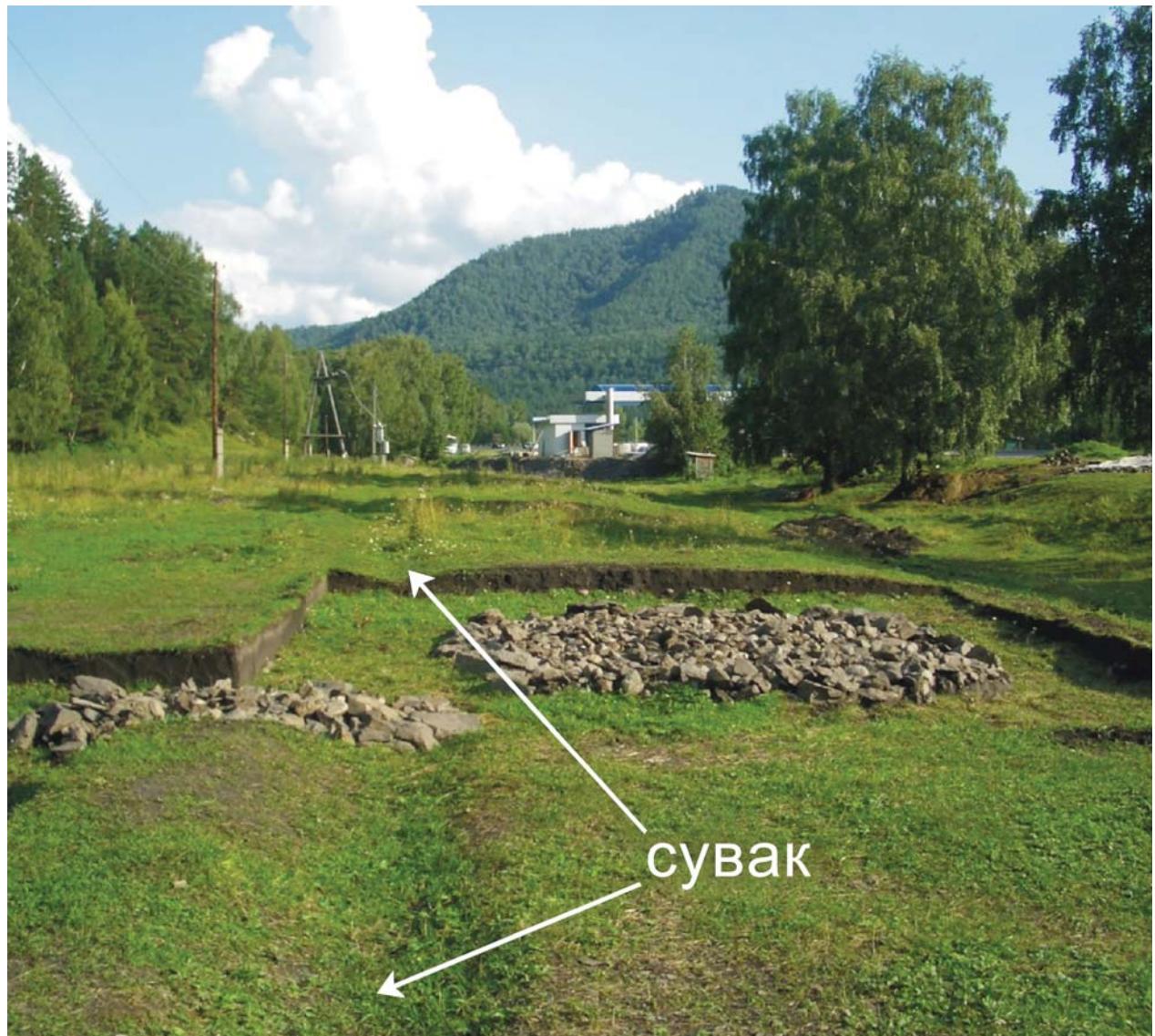

Рис. 49. Пересечение курганов группы Чултуков Лог-1 оросительным сооружением – суваком Чултуков Лог-1а (вид с северо-запада).

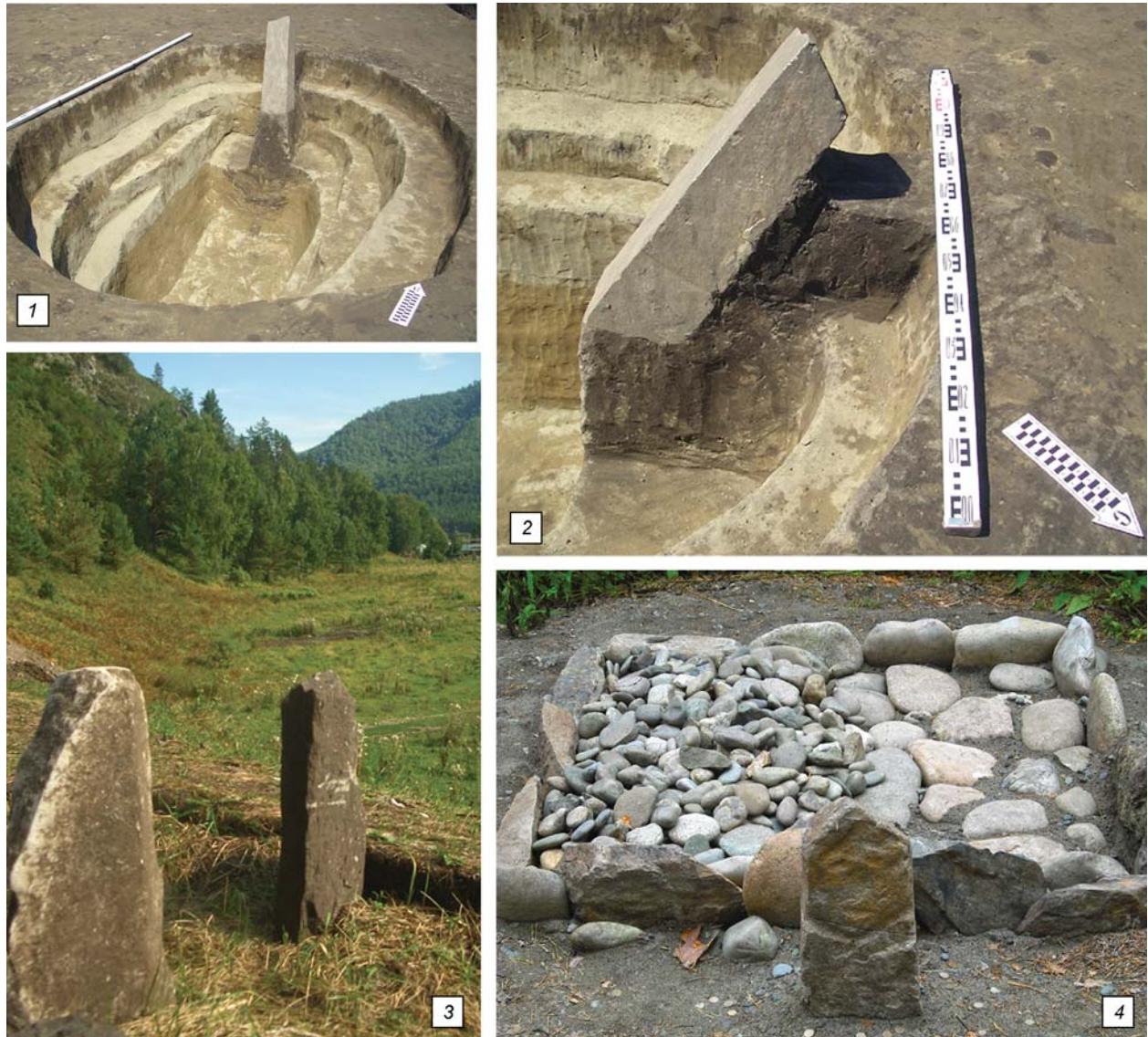

Рис. 50. Каменные изваяния горной долины нижней Катуни.

1, 2 – «оленный» камень в могиле кургана 82 памятника Чултуков Лог-1; 3 – балбалы у кургана 1 памятника Чултуков Лог-2; 4 – средневековое каменное изваяние у оградки памятника Бирюзовая Катунь-1 (натурная реконструкция).

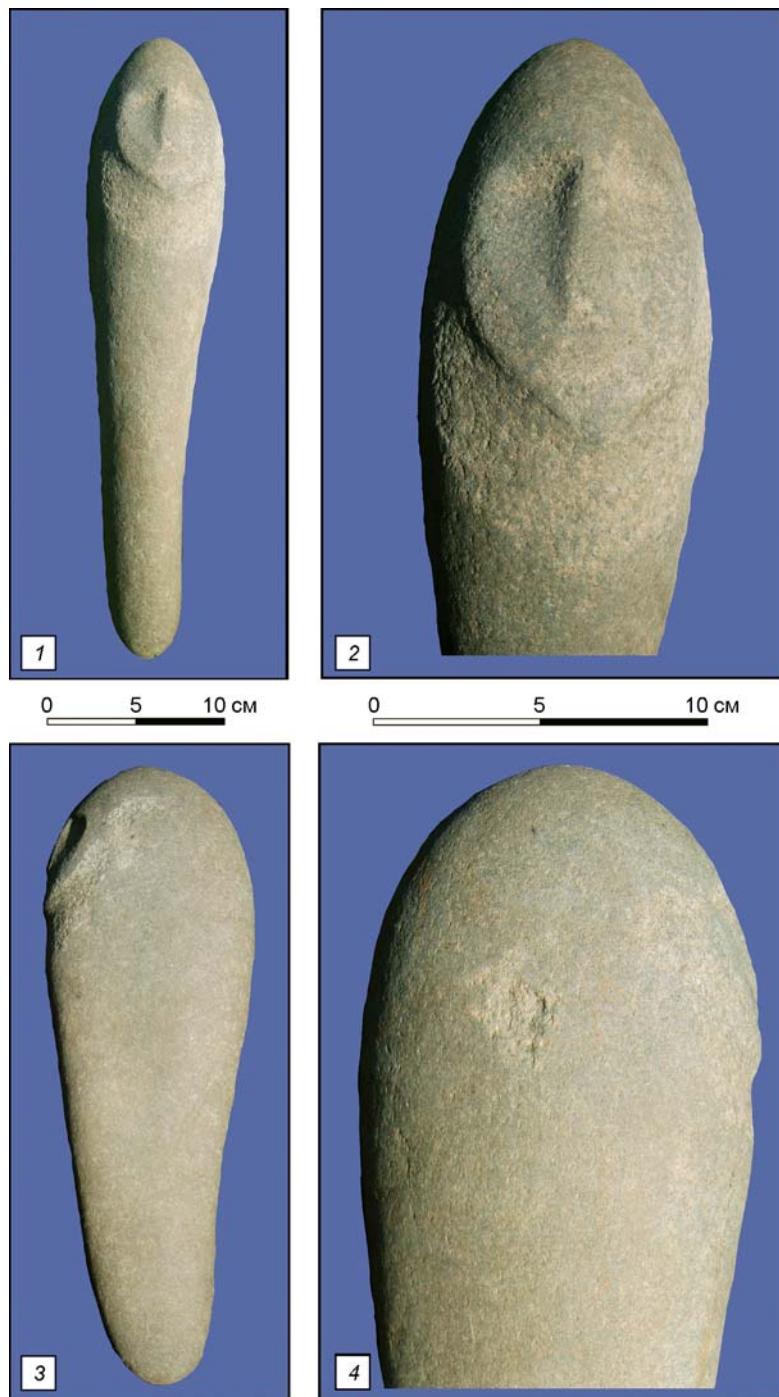

Рис. 51. Каменное изваяние из с. Долина Свободы.

Рис. 52. Петроглифы и эпиграфика Северного Алтая.
1 – наскальный знак (р. Усть-Уба); 2 – руническая надпись (р. Усть-Уба); 3–5 – петроглифы (Мынота-3); 6 – карта района расположения петроглифов Мынота-3; 7 – средневековые гравировки (Мынота-3).

Рис. 53. Могильник Барангол-1.

1 – погребение кургана 1; 2 – погребение кургана 2; 3 – погребение кургана 3; 4 – погребения кургана 4.

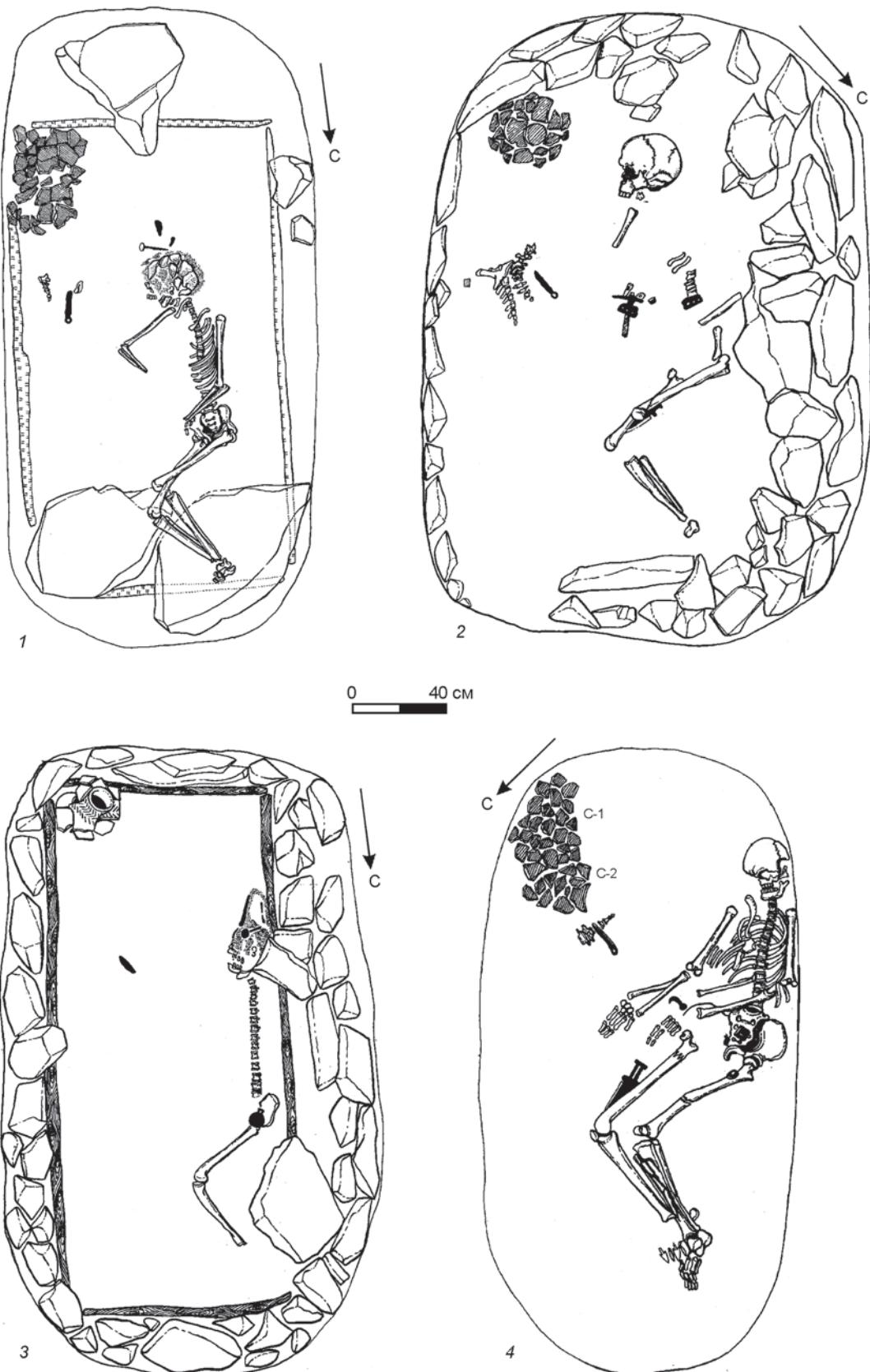

Рис. 54. Могильник Баарнгол-1.

1 – погребение кургана 5; 2 – погребение кургана 6; 3 – погребение кургана 7; 4 – погребение кургана 8.

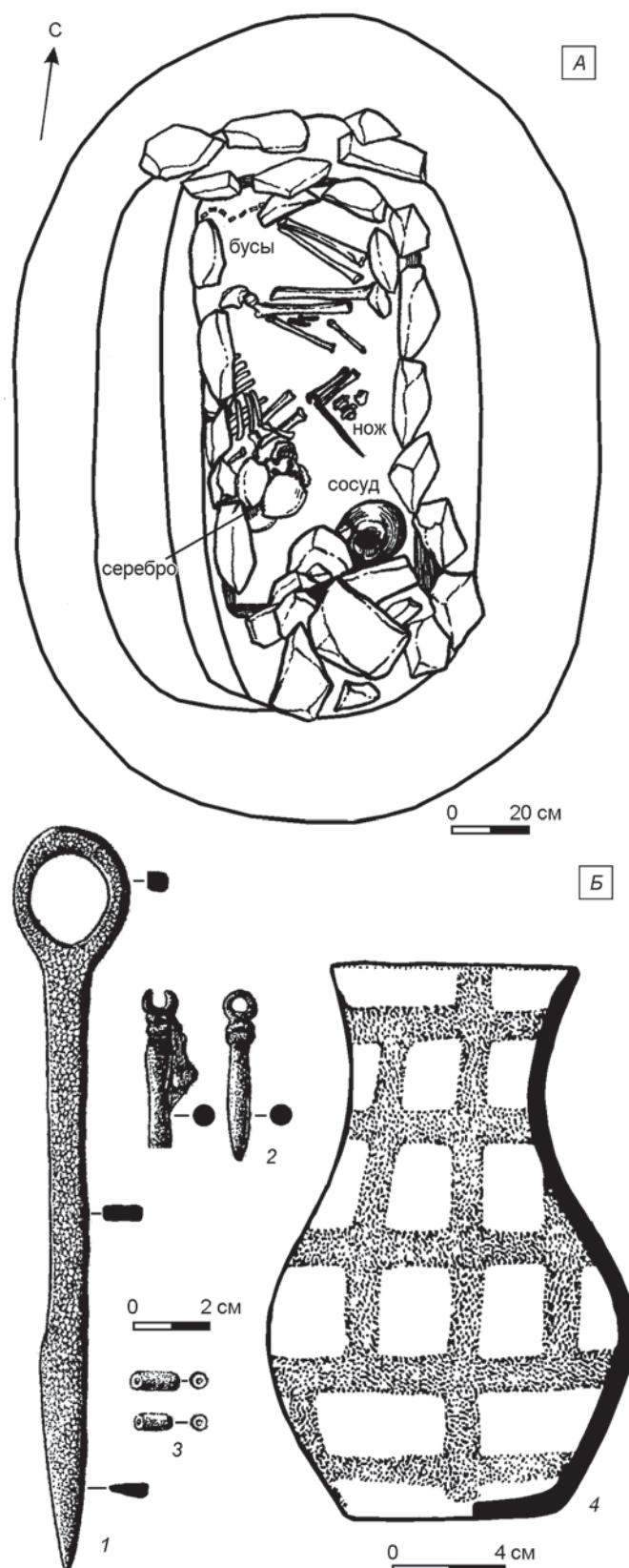

Рис. 55. План погребения 1 (A) и сопроводительный инвентарь (Б) кургана 4 скифского могильника Барангол-2.
1 – железный нож с кольчатым окончанием; 2 – бронзовый костыль; 3 – пастовые бусины; 4 – керамический сосуд, декорированный черной краской.

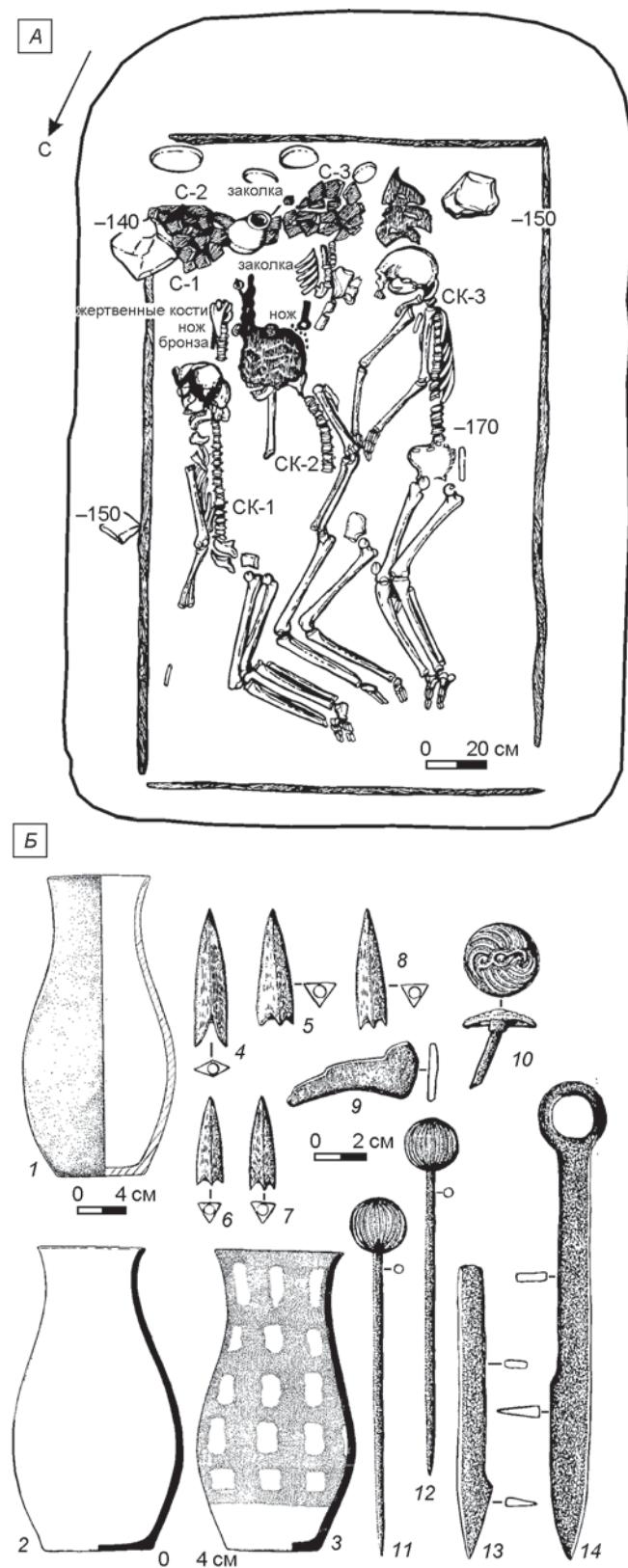

Рис. 56. План погребения (А) и сопроводительный инвентарь (Б) кургана 7 памятника Барангол-2.

1–3 – керамические сосуды; 4–8 – роговые наконечники стрел; 9 – бронзовое украшение в виде профильного изображения головы птицы с длинным клювом; 10 – бронзовый триквестр с изображением головы ушастого грифона; 11, 12 – бронзовые булавки с шаровидными резными навершиями из дерева; 13 – железный пластинчатый нож; 14 – железный нож с кольчатым окончанием.

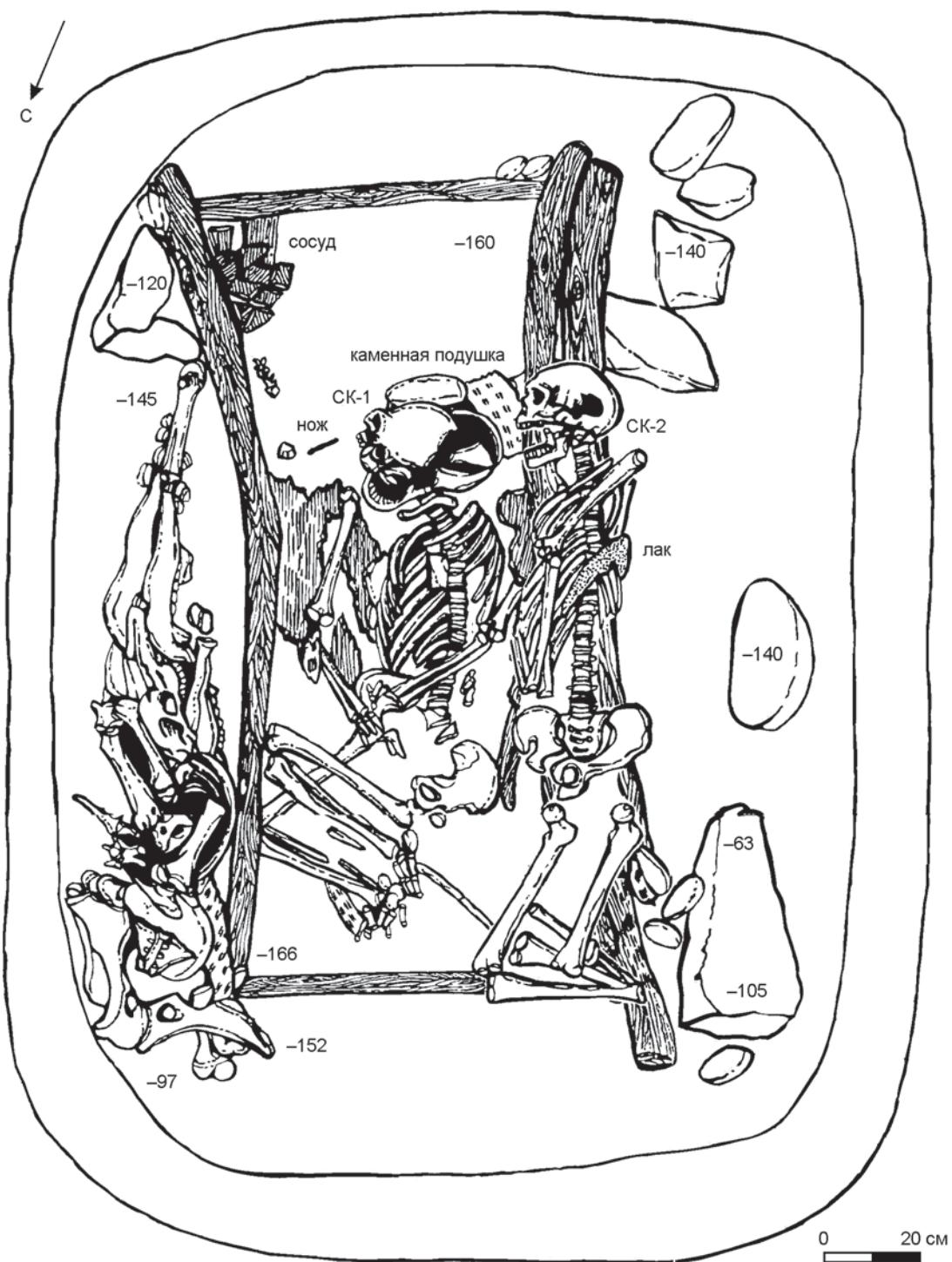

Рис. 57. Погребение с конем кургана 8 могильника Барангол-2.

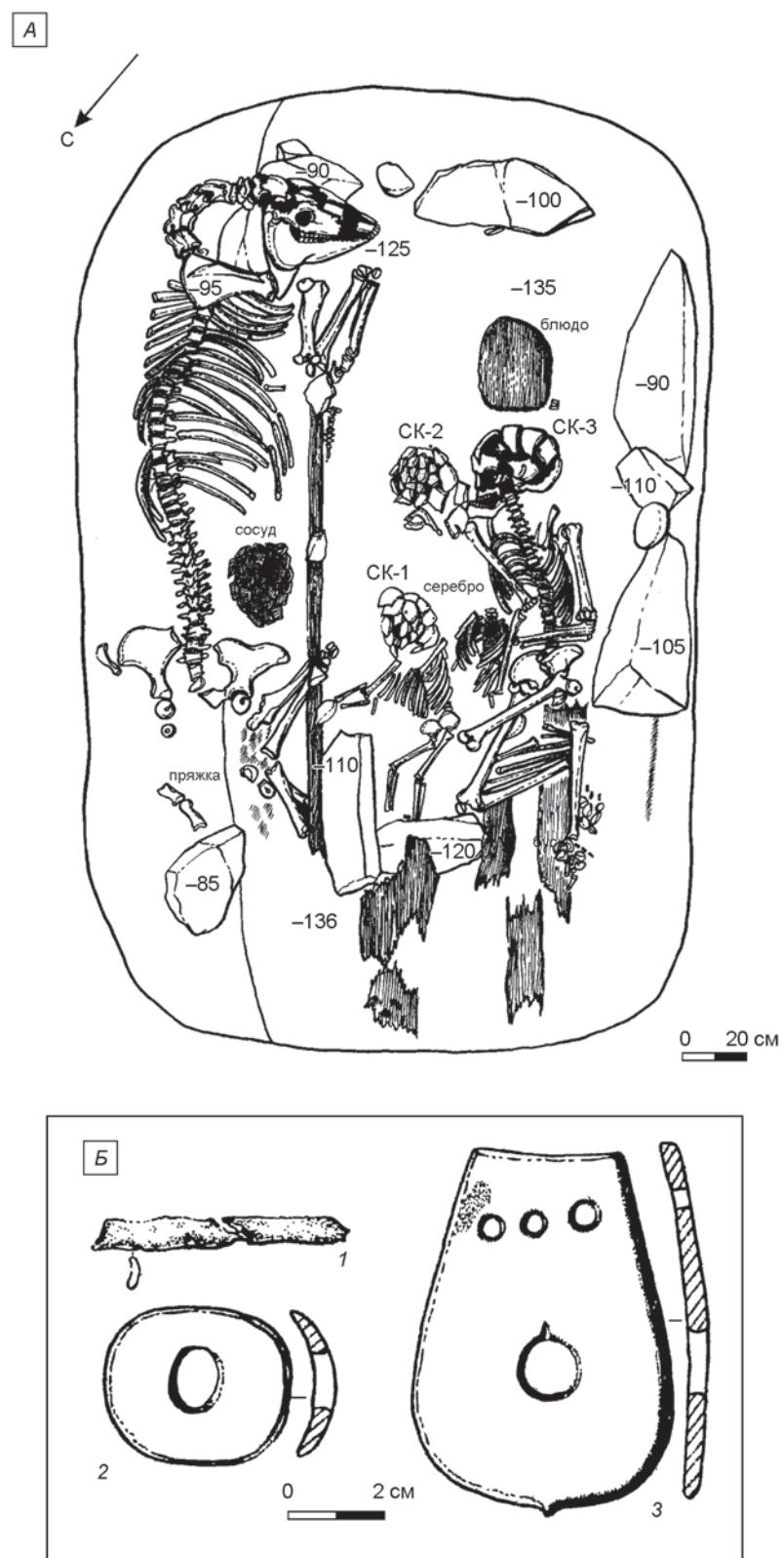

Рис. 58. План погребения с конем (A) и сопроводительный инвентарь (Б) кургана 5 (северный локальный вариант пазырыкской культуры) памятника Барангол-2.

1 – серебряное изделие; 2, 3 – роговые детали конского седла.

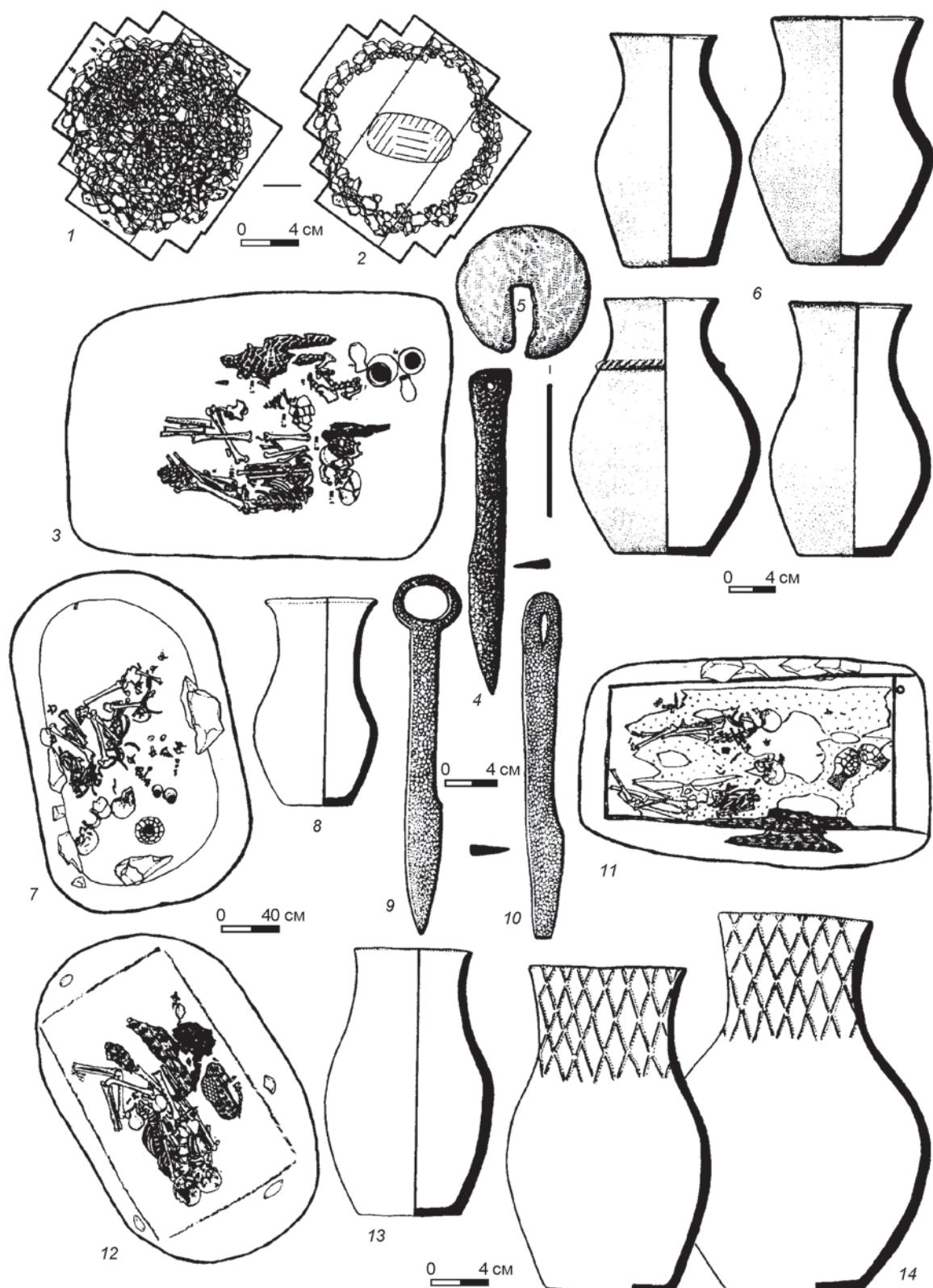

Рис. 59. Вторичные захоронения и сопроводительный инвентарь из курганной группы Барангол-2.

1–3 – план погребения кургана 1; 4 – железный пластиначатый нож; 5 – бронзовый диск с клиновидной прорезью (кург. 1); 6 – гладкостеные керамические сосуды и сосуд с рассеченным рельефным валиком (кург. 1); 7 – план погребения кургана 3; 8 – керамический сосуд; 9 – железный нож с кольчатым окончанием; 10 – железный пластиначатый нож; 11 – план погребения кургана 2; 12 – план погребения кургана 6; 13 – гладкостенный керамический сосуд (кург. 2); 14 – кувшиновидные сосуды с сетчатым орнаментом (кург. 2).

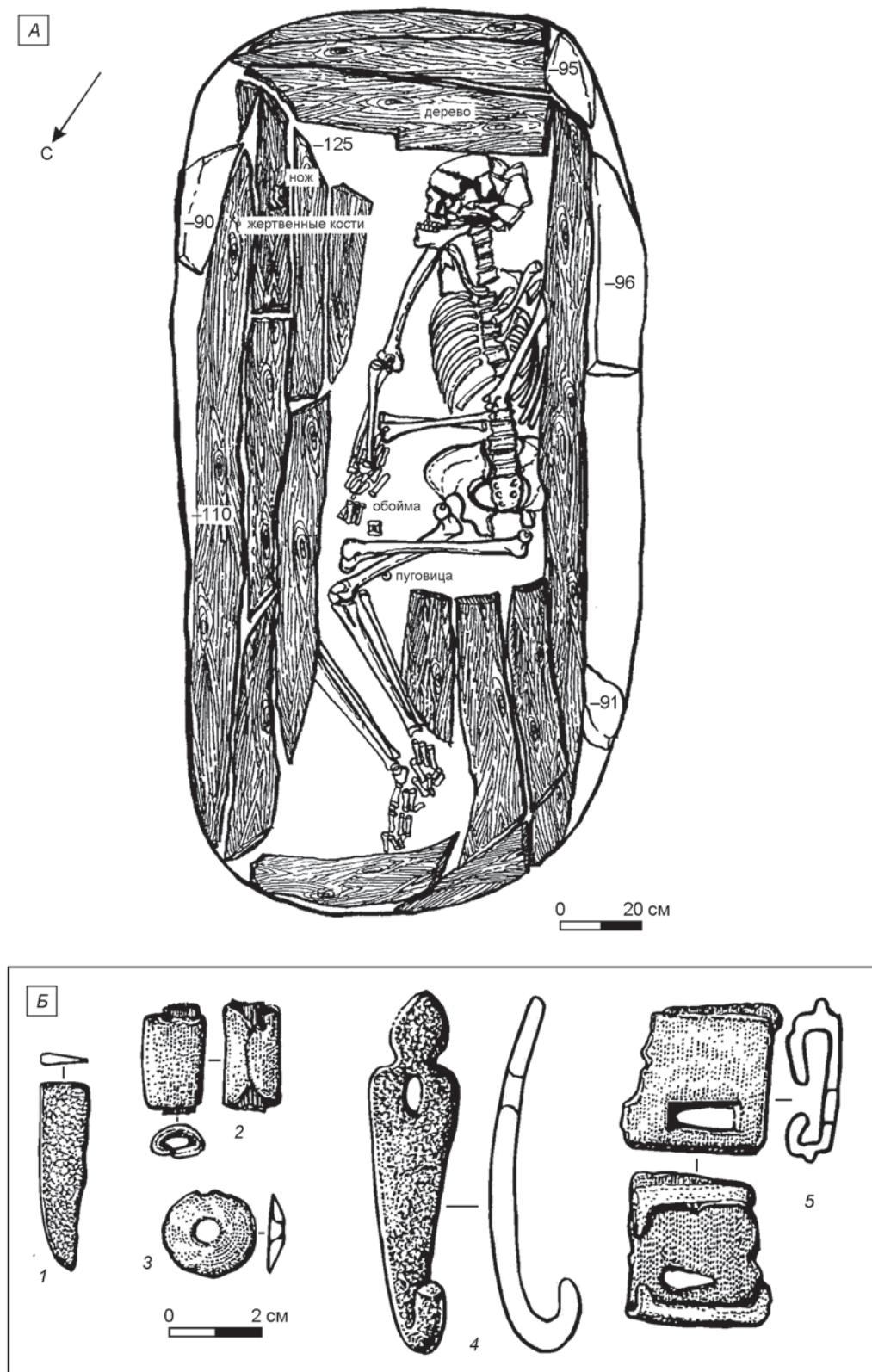

Рис. 60. План погребения (А) и сопроводительный инвентарь (Б) из кургана 5 памятника Чултуков Лог-1.
 1 – бронзовый пластинчатый нож; 2 – бронзовая пронизь; 3 – бронзовая пуговица с отверстием в центре; 4 – бронзовый пластинчатый крючок; 5 – бронзовая поясная обойма.

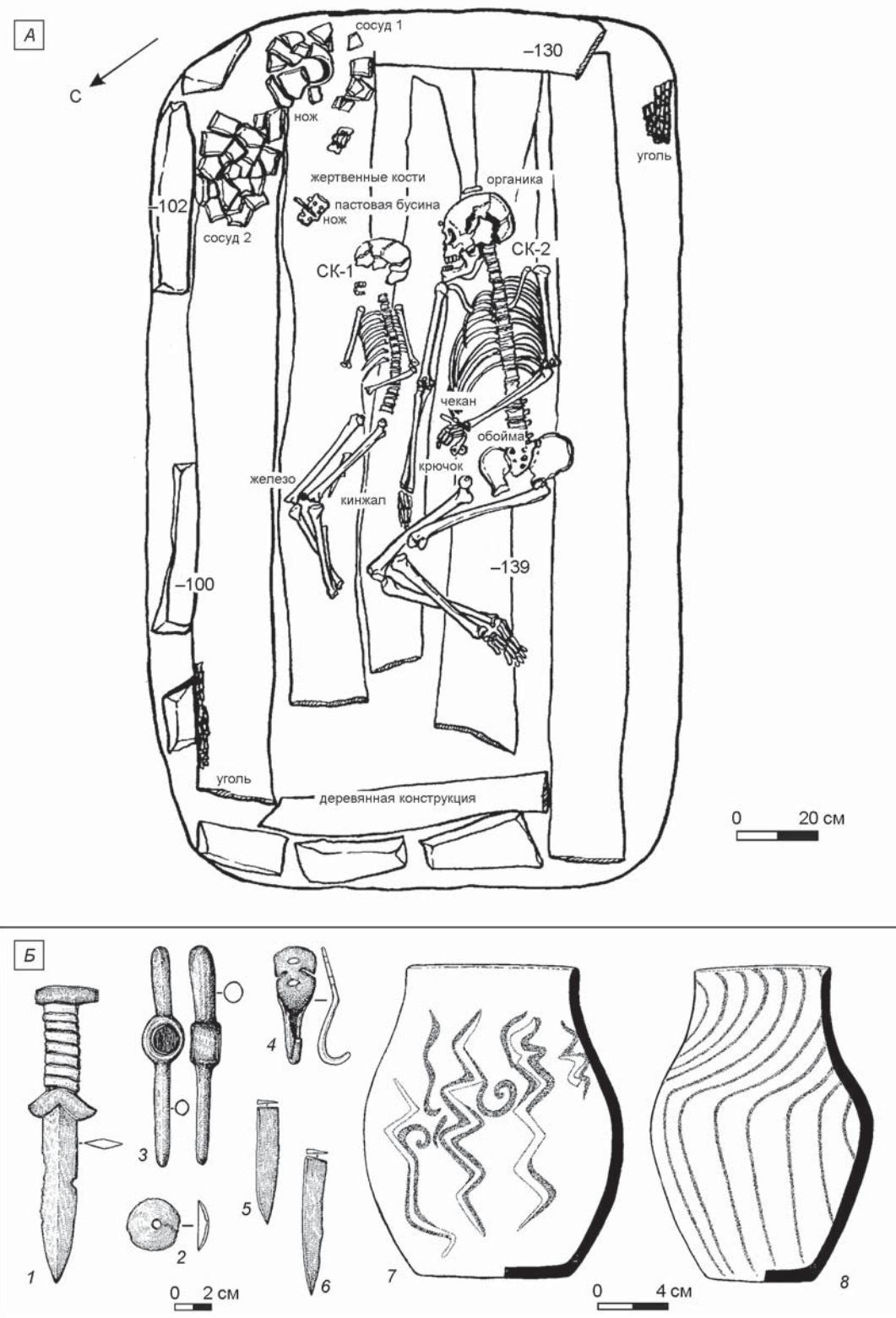

Рис. 61. План погребения (A) и сопроводительный инвентарь (Б) из кургана 16 памятника Чултуков Лог-1.

1 – бронзовый кинжал с кожаной оплёткой; 2 – бронзовая полусферическая обойма с отверстием в центре; 3 – бронзовый чекан; 4 – бронзовый поясной пластинчатый крючок; 5, 6 – бронзовые пластинчатые ножи; 7, 8 – керамические сосуды с прокрашенным орнаментом.

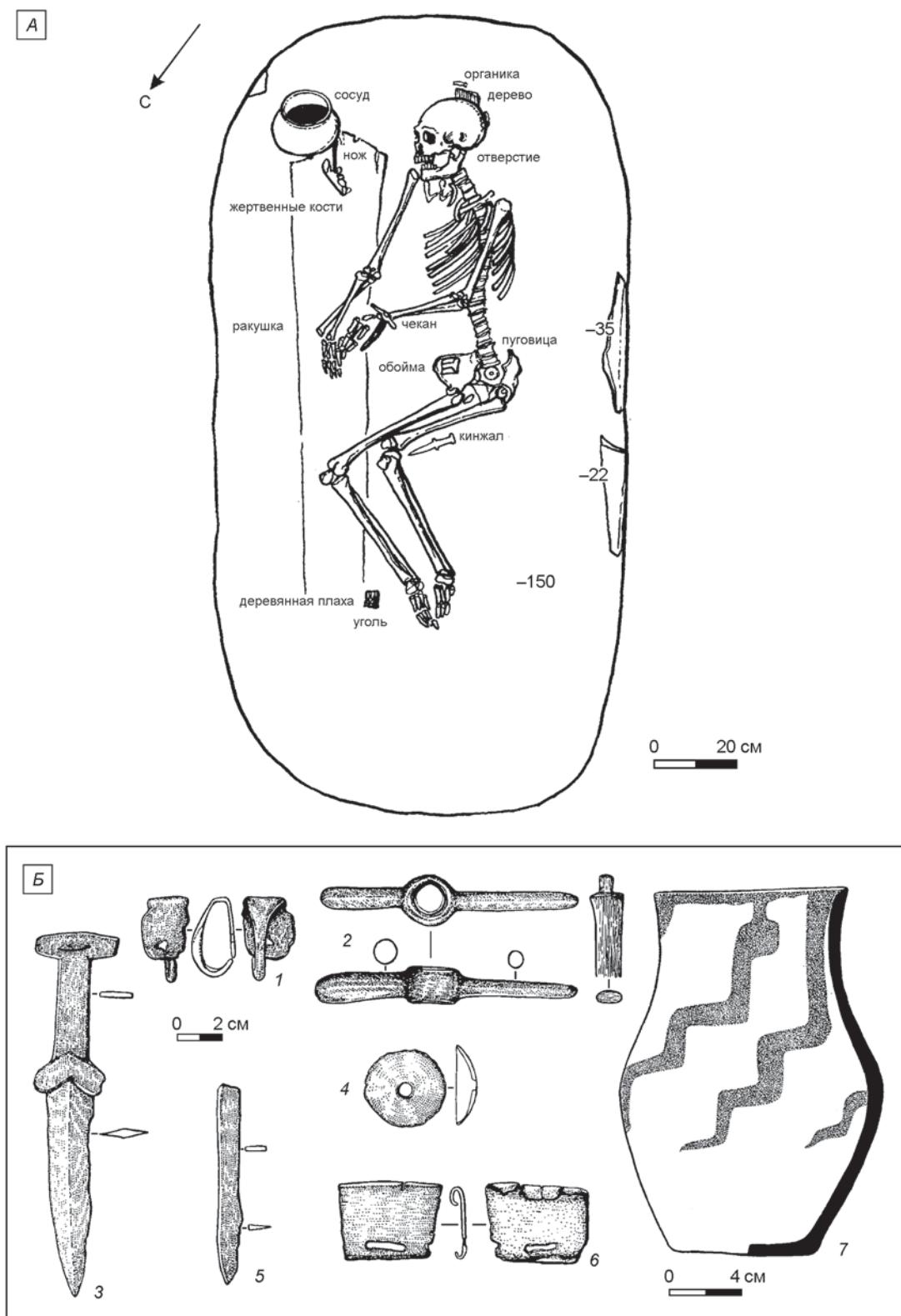
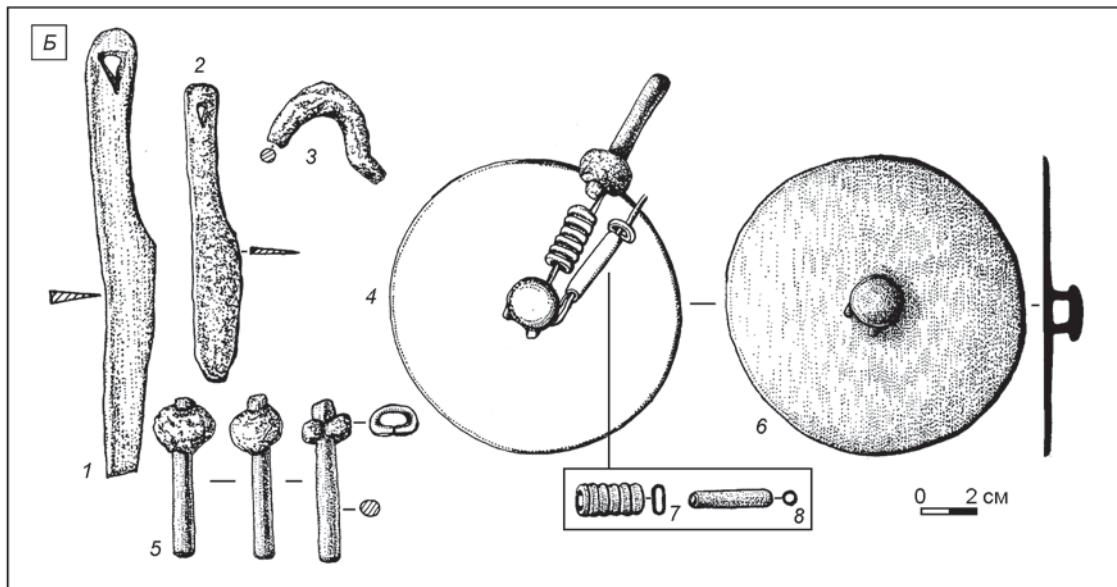
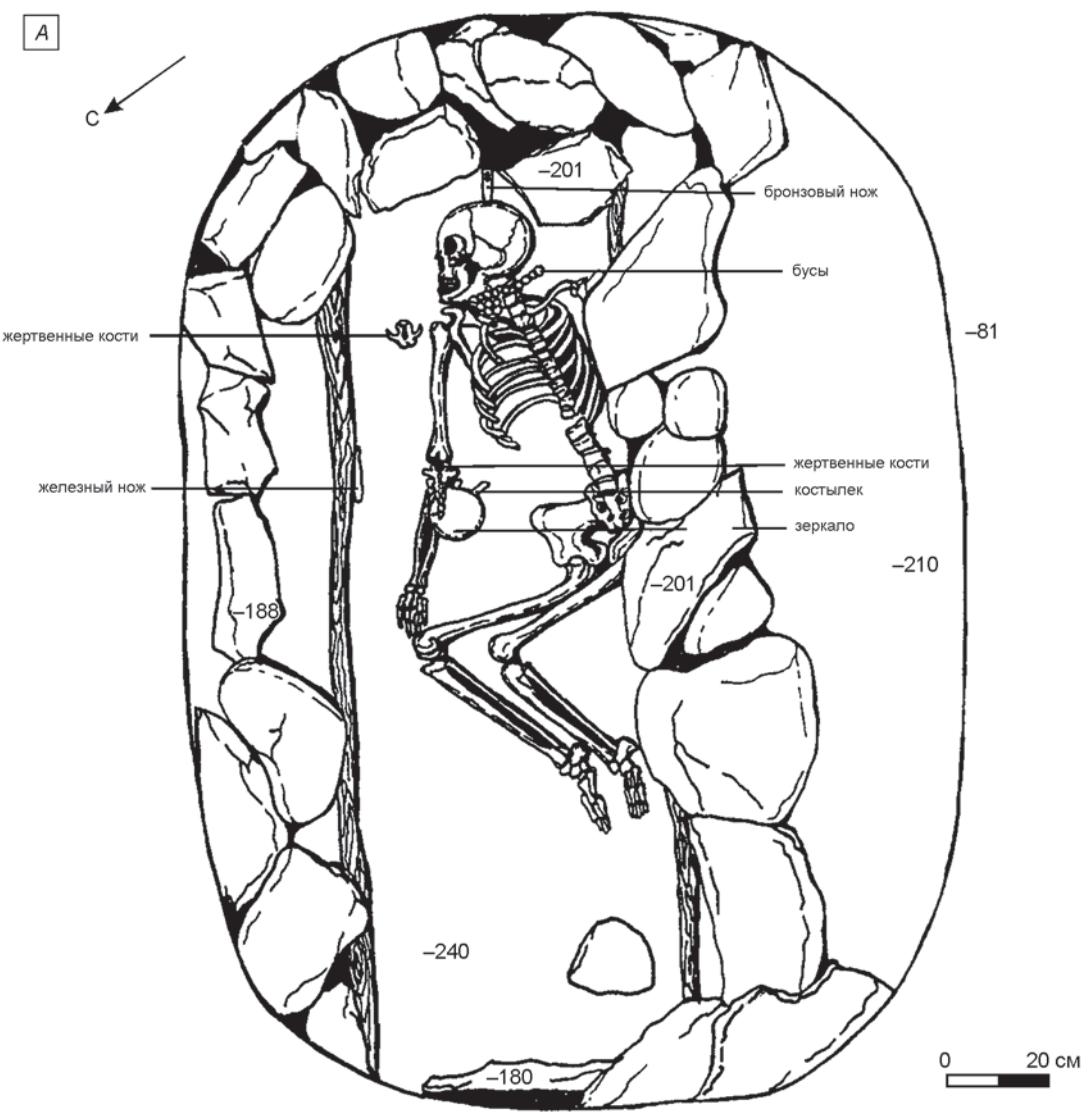
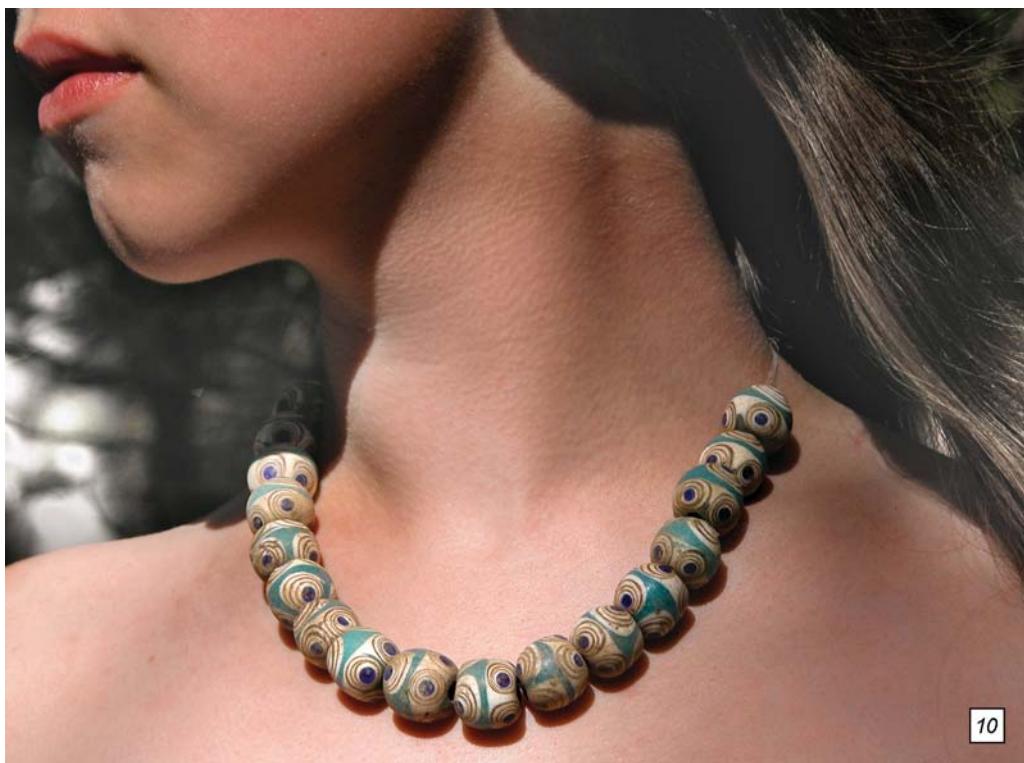

Рис. 62. План погребения (А) и сопроводительный инвентарь (Б) из кургана 17 памятника Чултуков Лог-1.
1 – поясная бронзовая пронизь; 2 – бронзовый чекан с деревянной рукоятью; 3 – бронзовый кинжал; 4 – бронзовая пуговица; 5 – бронзовый пластиначатый нож; 6 – бронзовая пронизь; 7 – керамический сосуд с прокрашенным орнаментом.

◀ Рис. 63. План погребения (А) и сопроводительный инвентарь (Б) из кургана 35 памятника Чултуков Лог-1.
1 – бронзовый нож; 2 – железный пластинчатый нож; 3 – железный предмет; 4 – связка металлических изделий на тонком кожаном ремешке;
5 – бронзовый костыльек с отверстием и железной «обоймой»; 6 – бронзовое дисковидное зеркало с кнопкой; 7 – бронзовая рубчатая
«обойма»; 8 – гладкая бронзовая пронизь; 9, 10 – стеклянные многослойные полихромные глазчатые бусы в погребении (9) и на шее
современной девушки (10).

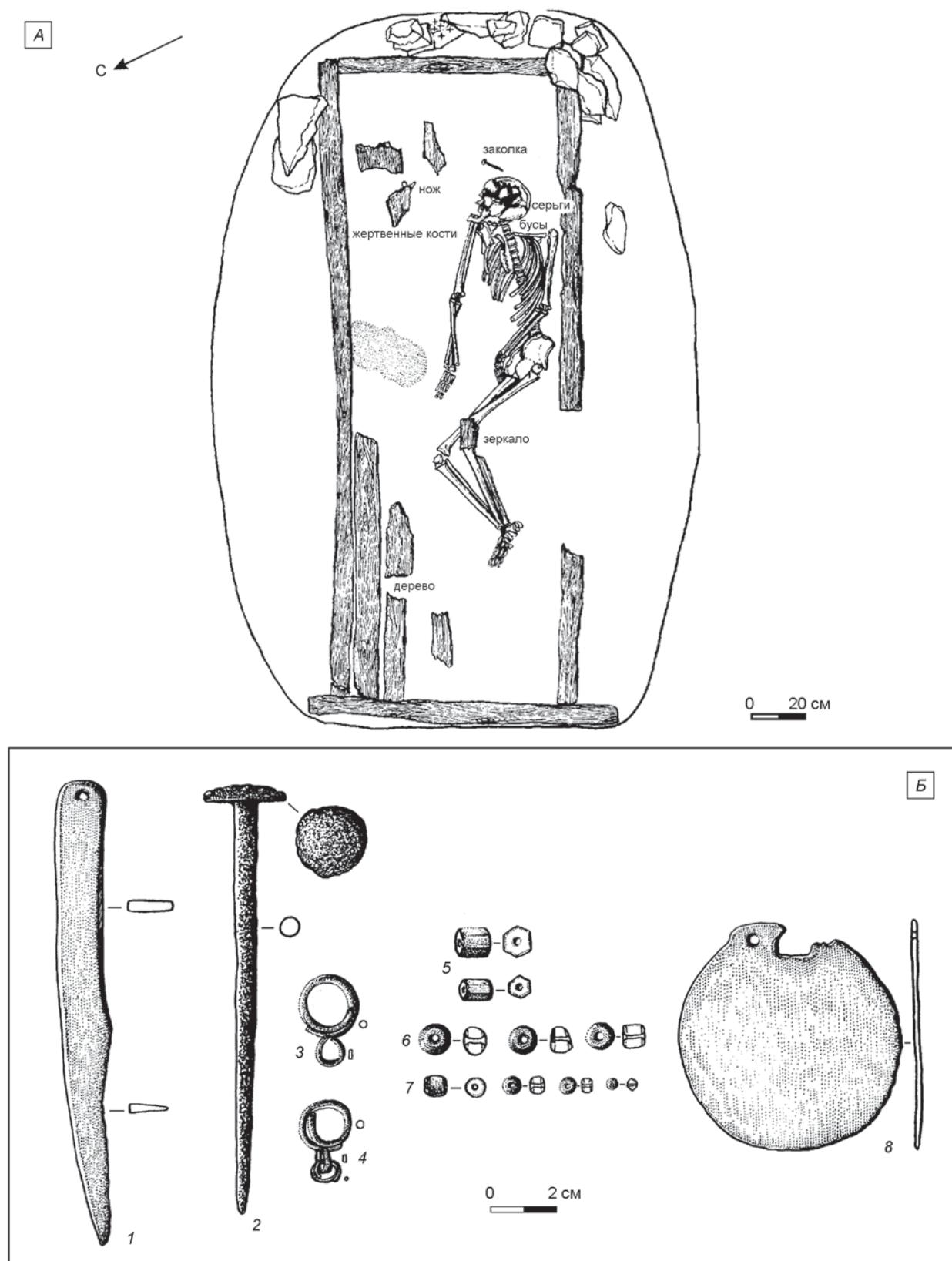

Рис. 64. План погребения (A) и сопроводительный инвентарь (Б) из кургана 37 памятника Чултуков Лог-1.
1 – бронзовый пластинчатый нож; 2 – железная заколка; 3, 4 – золотая и серебряная петлевидные серьги; 5–7 – бусы; 8 –дисковидное зеркало.

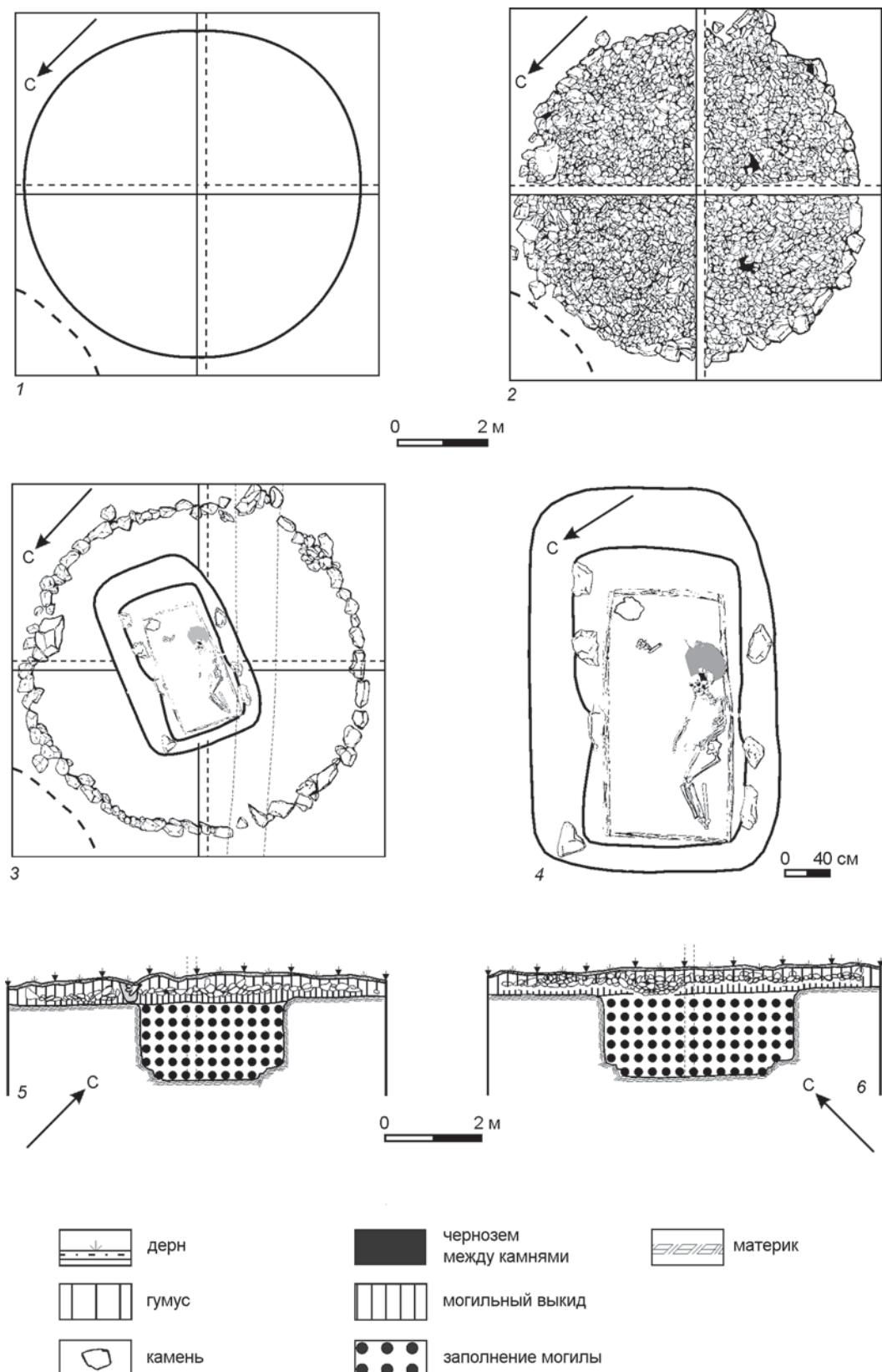

Рис. 65. Курган 46 памятника Чултуков Лог-1.

1 – курган до раскопок; 2 – каменная конструкция; 3 – крепида и могила; 4 – погребение; 5, 6 – стратиграфические разрезы.

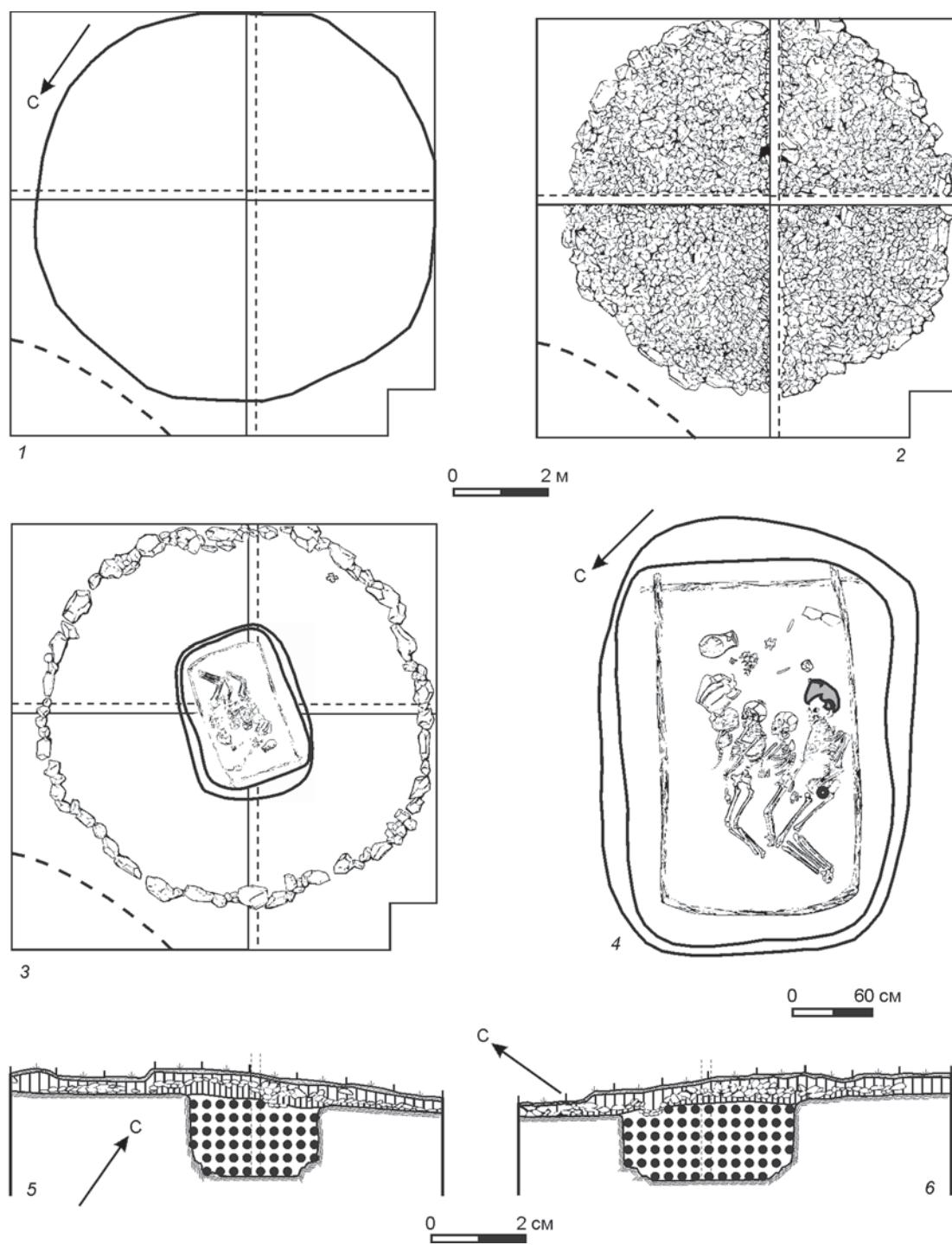
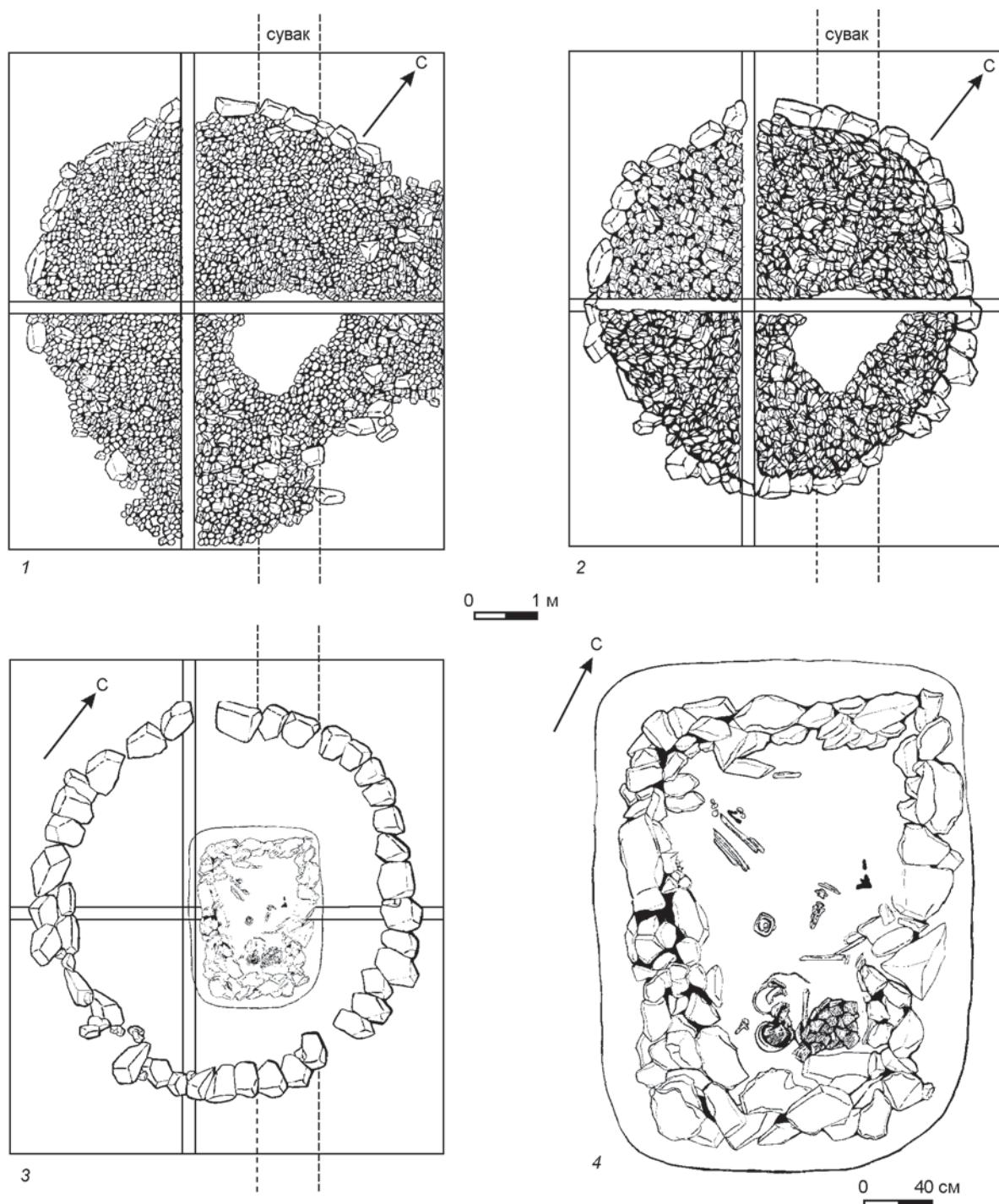

Рис. 66. Курган 47 памятника Чултуков Лог-1.

1 – курган до раскопок; 2 – каменная конструкция; 3 – крепида и могила; 4 – погребение; 5, 6 – стратиграфические разрезы (см. услов. обознач. к рис. 65).

Ruc. 67. Курган 15 памятника Чултуков Лог-1.

1 – галечная облицовка каменной насыпи; 2 – основа каменной конструкции; 3 – кольцевая крепида; 4 – погребение.

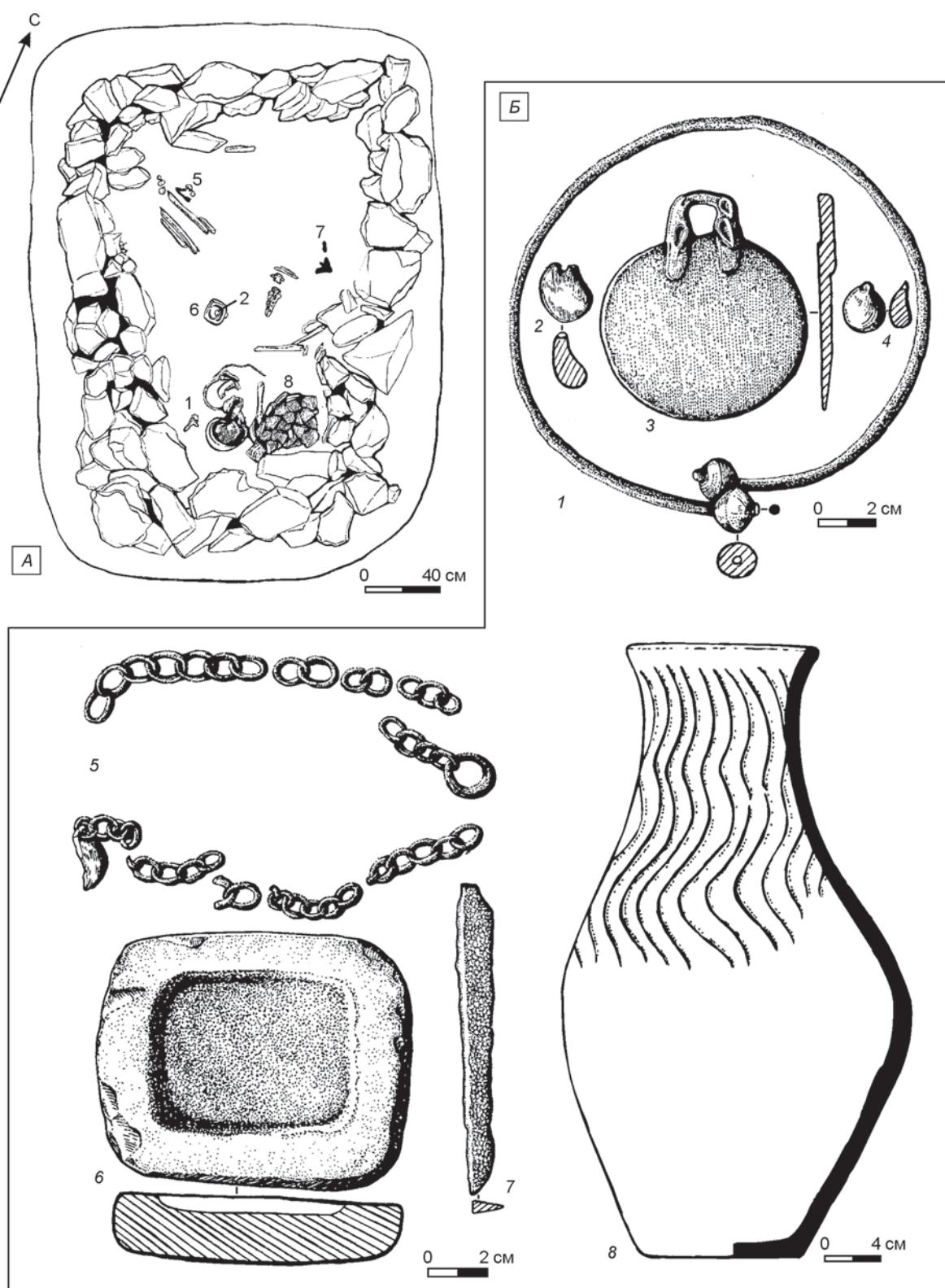

Рис. 68. План погребения (А) и сопроводительный инвентарь (Б) из кургана 15 памятника Чултуков Лог-1.

1 – бронзовая гривна с деревянными навершиями; 2 – подвеска из клыка марала; 3 – бронзовое зеркало с зооморфной ручкой; 4 – каменная имитация подвески из клыка марала; 5 – железная цепочка; 6 – каменный алтарик; 7 – железный пластинчатый нож; 8 – керамический сосуд с прочерченным орнаментом.

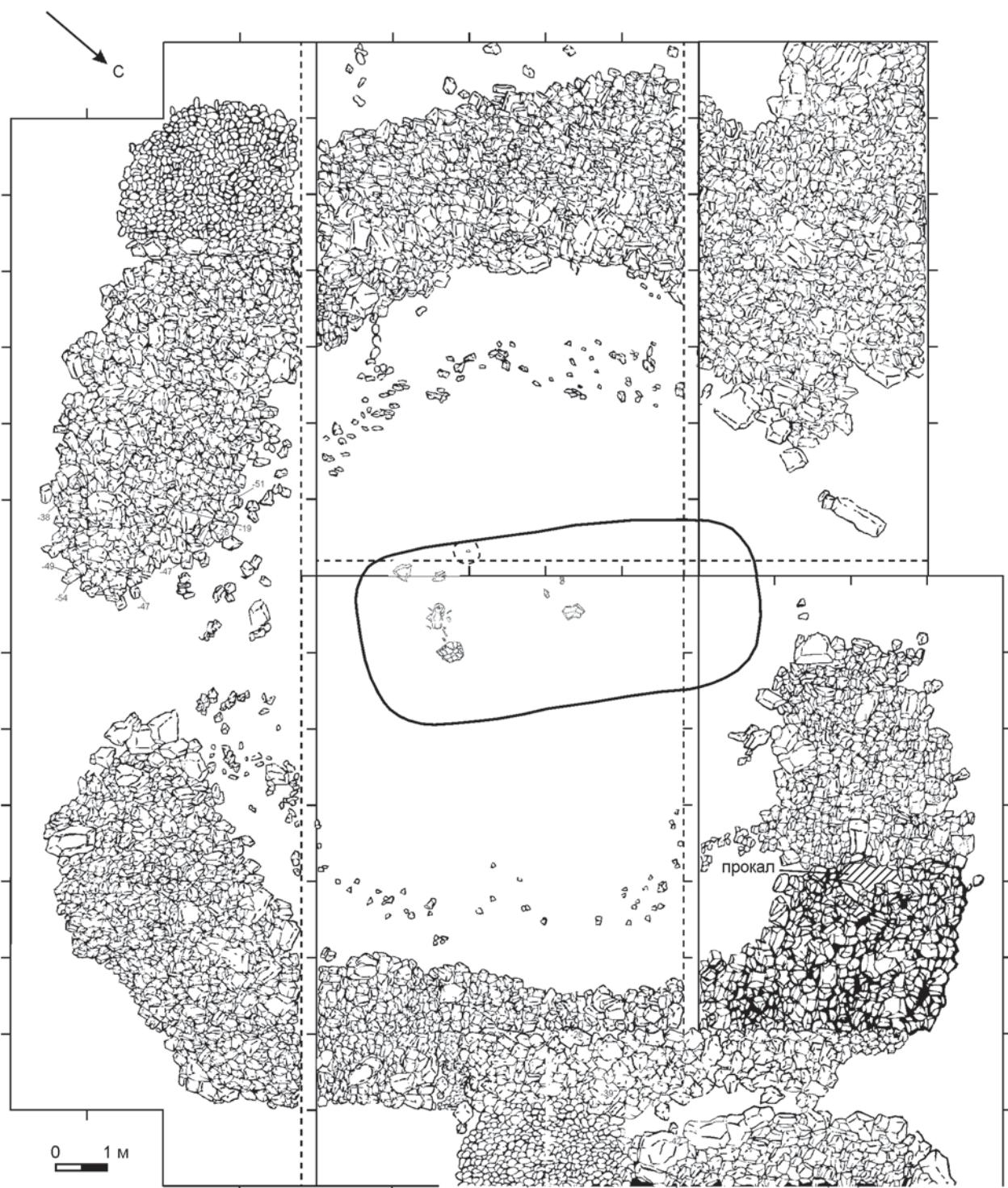

Рис. 69. Каменная конструкция кургана 49 памятника Чултуков Лог-1.

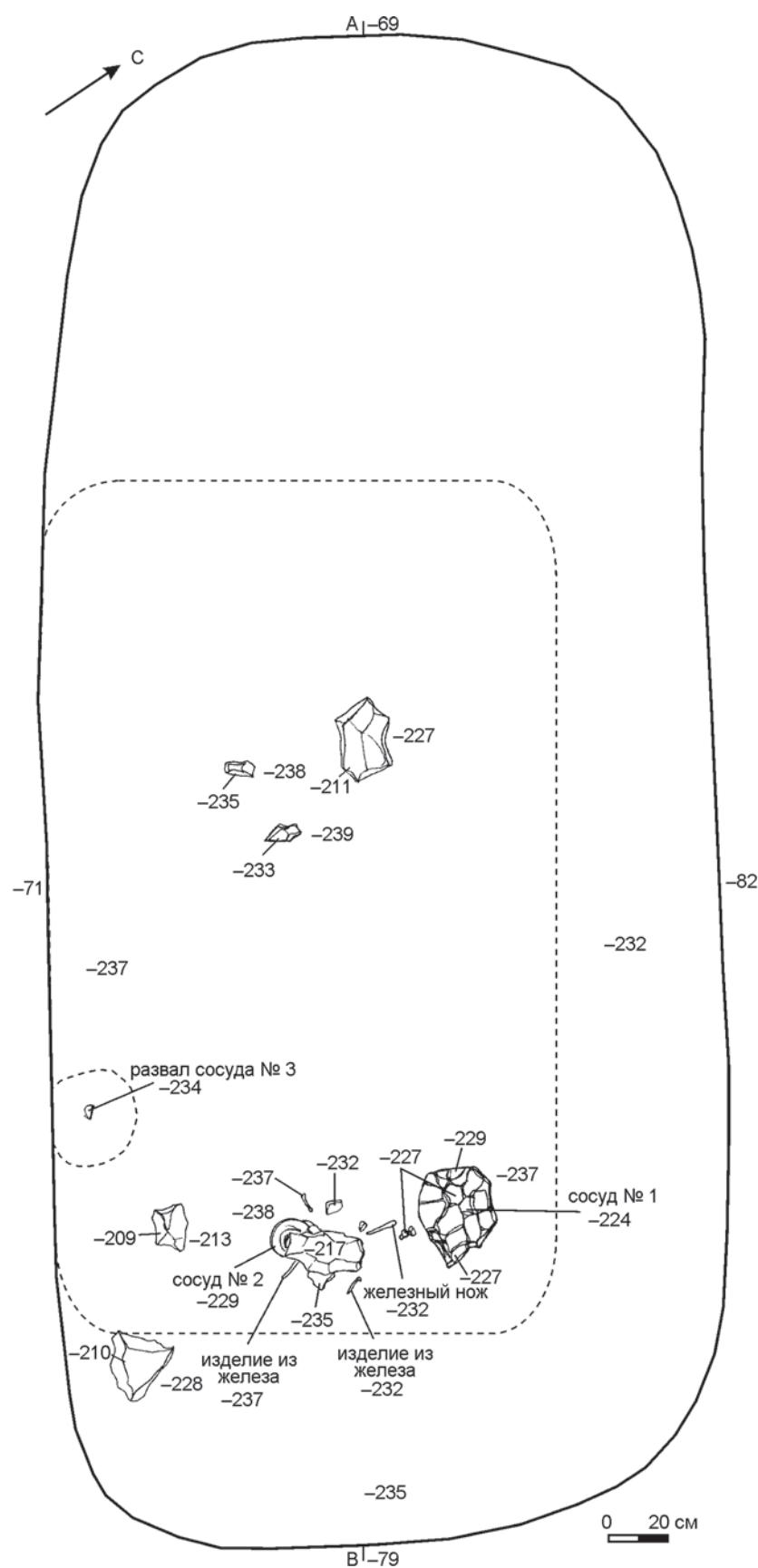

Рис. 70. План погребения кургана 49 памятника Чултуков Лог-1.

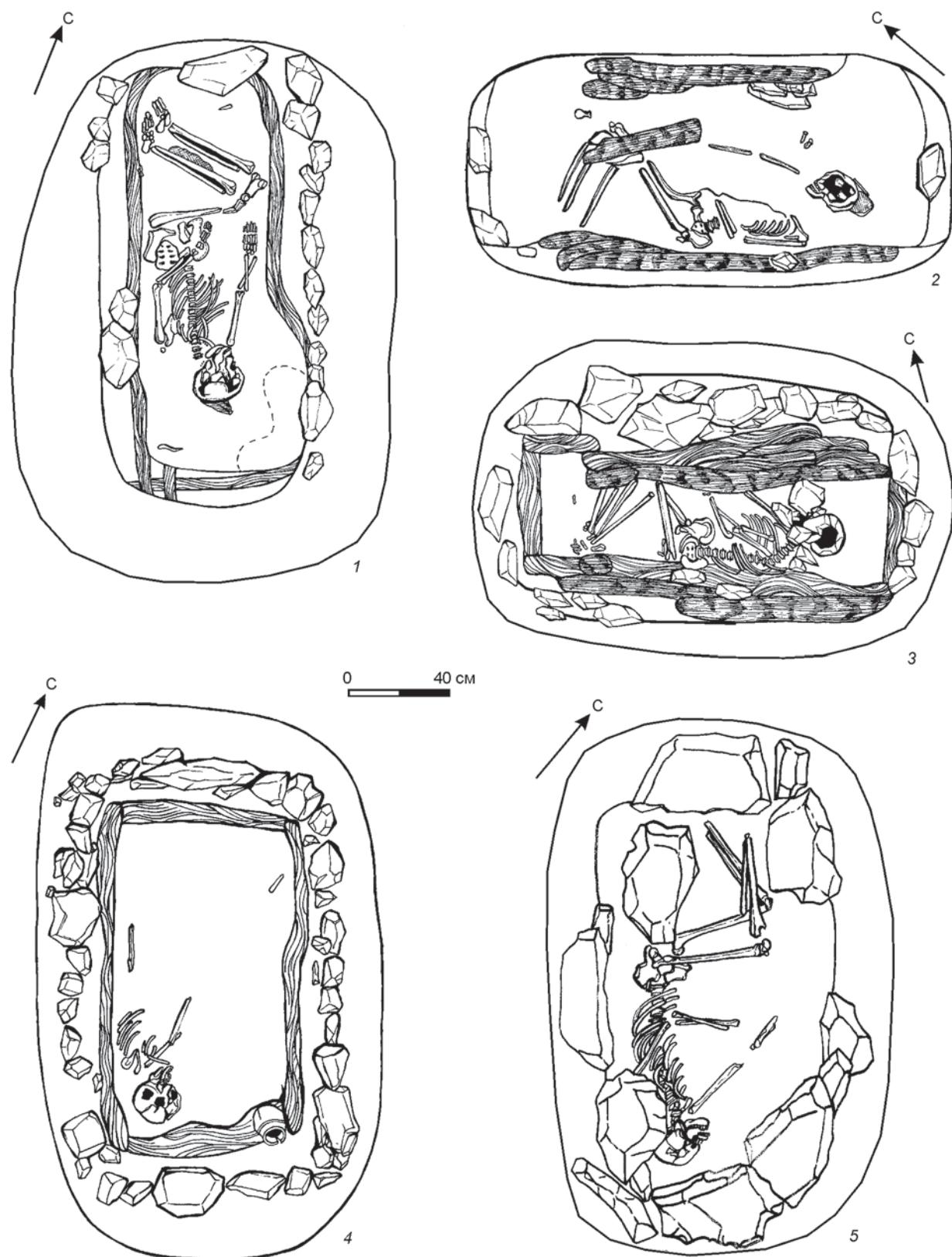

Рис. 71. Каменные и деревянные конструкции в погребениях северного локального варианта пазырыкской культуры памятника Чултуков Лог-1.

1 – курган 12; 2 – курган 14; 3 – курган 75; 4 – курган 48; 5 – курган 80.

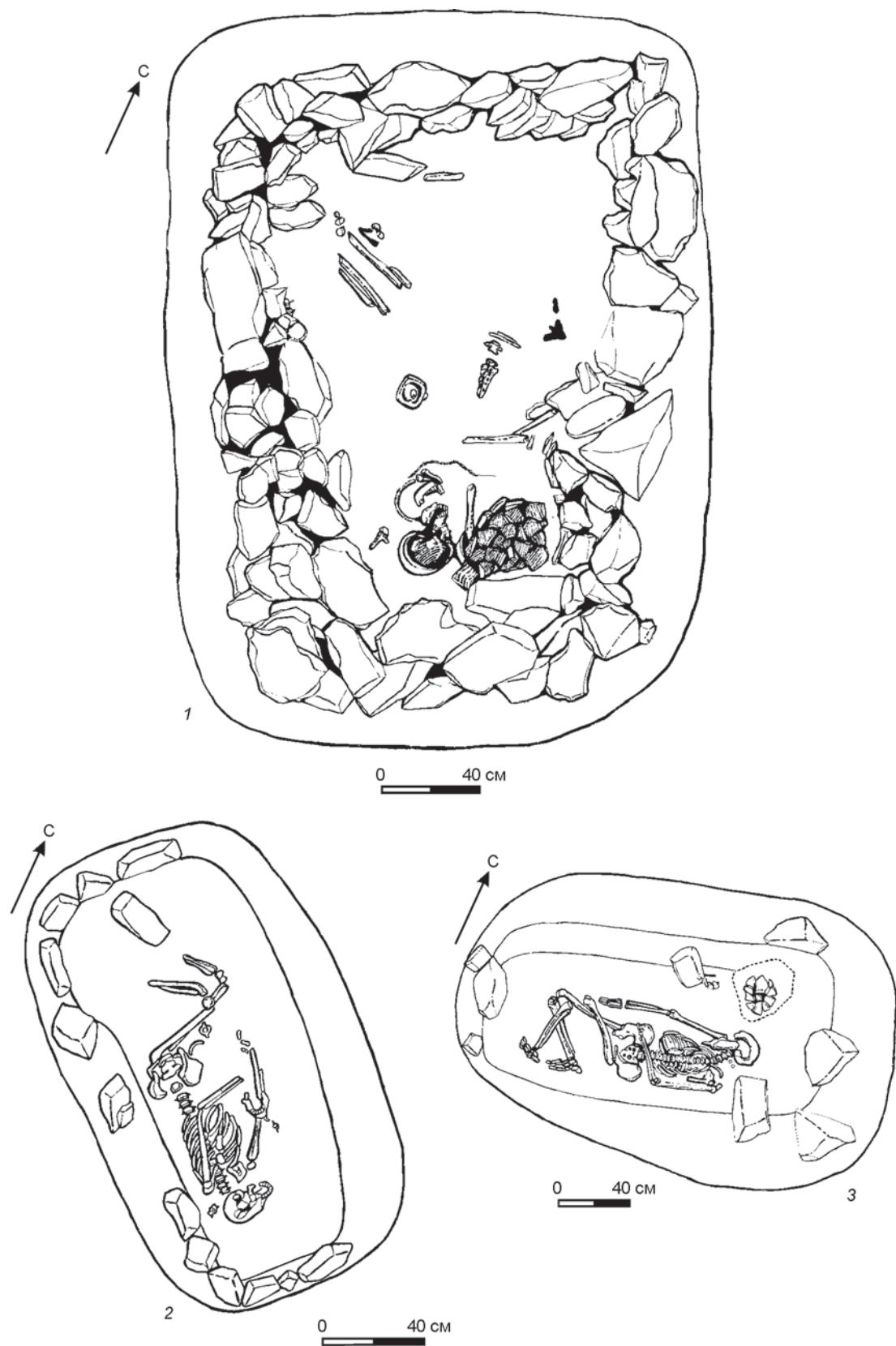
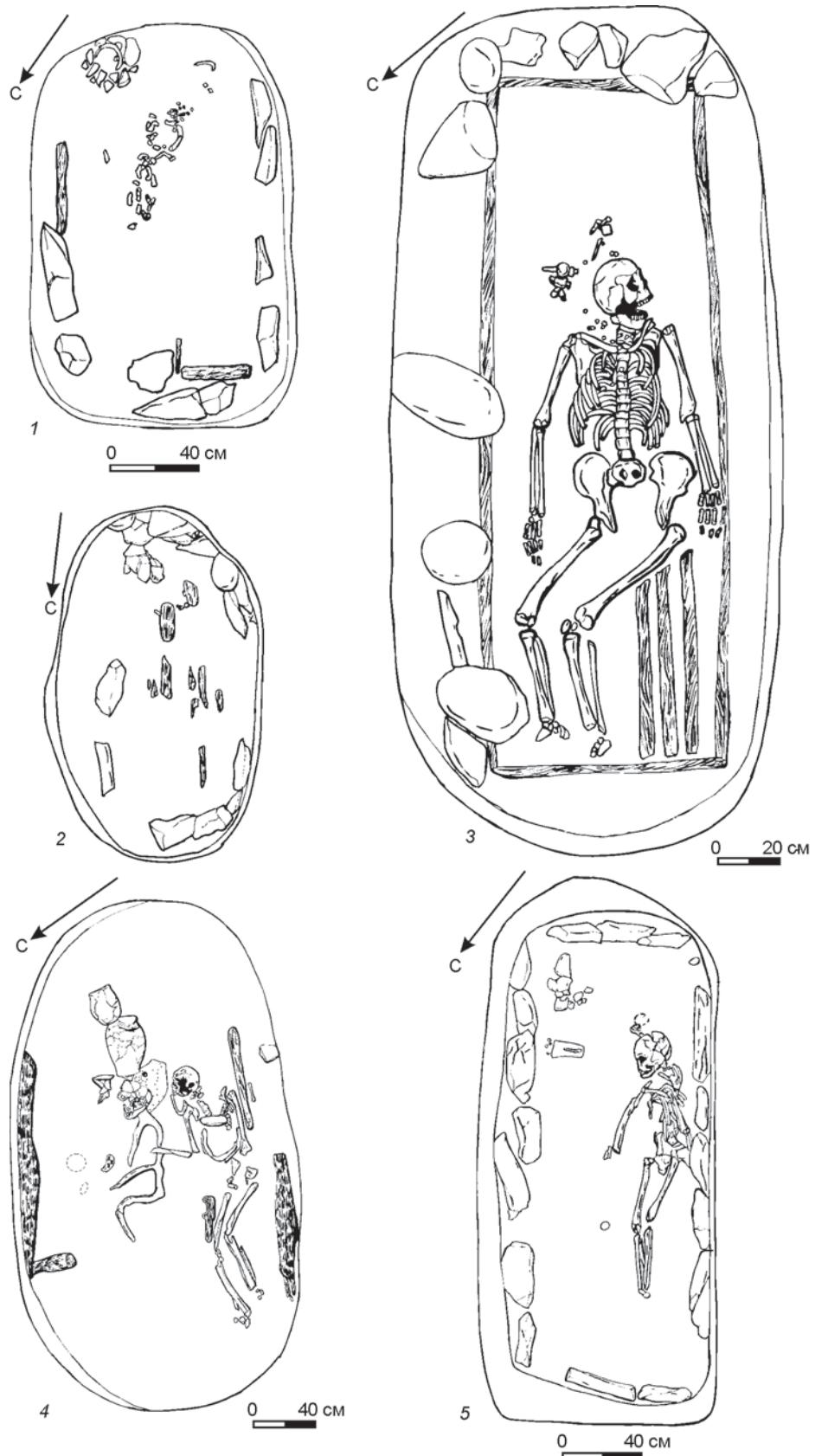

Рис. 72. Варианты ориентации захоронений памятника Чултуков Лог-1.

1 – курган 15; 2 – курган 56; 3 – курган 57.

*Ris. 73. Планы захоронений памятника Чултуков Лог-1.
1 – курган 42; 2 – курган 19; 3 – курган 25а; 4 – курган 26; 5 – курган 18.*

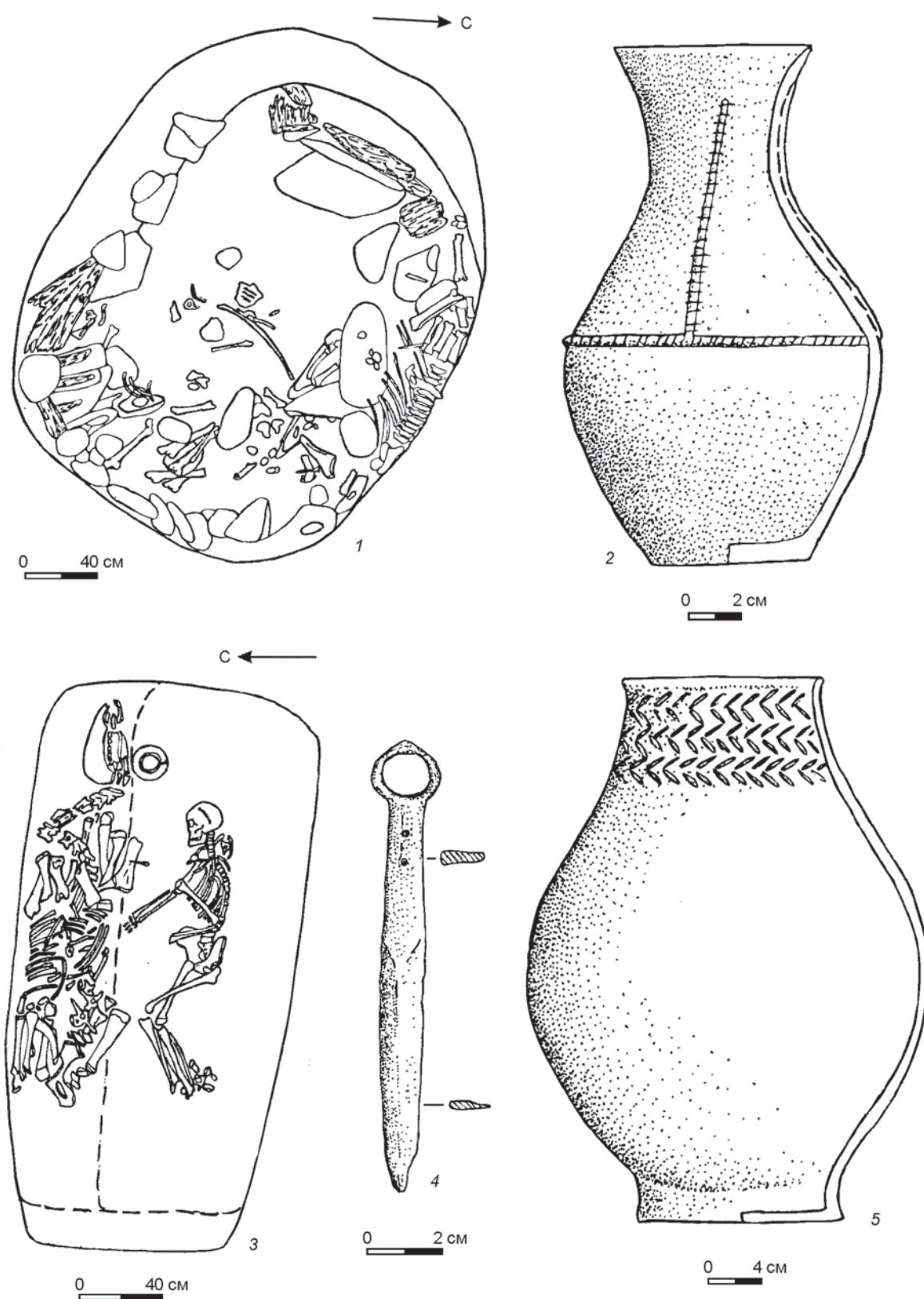

Рис. 74. Погребения с конем (1, 3), бронзовый пластинчатый нож (4) и керамические сосуды (2, 6) с памятника Майма IV.

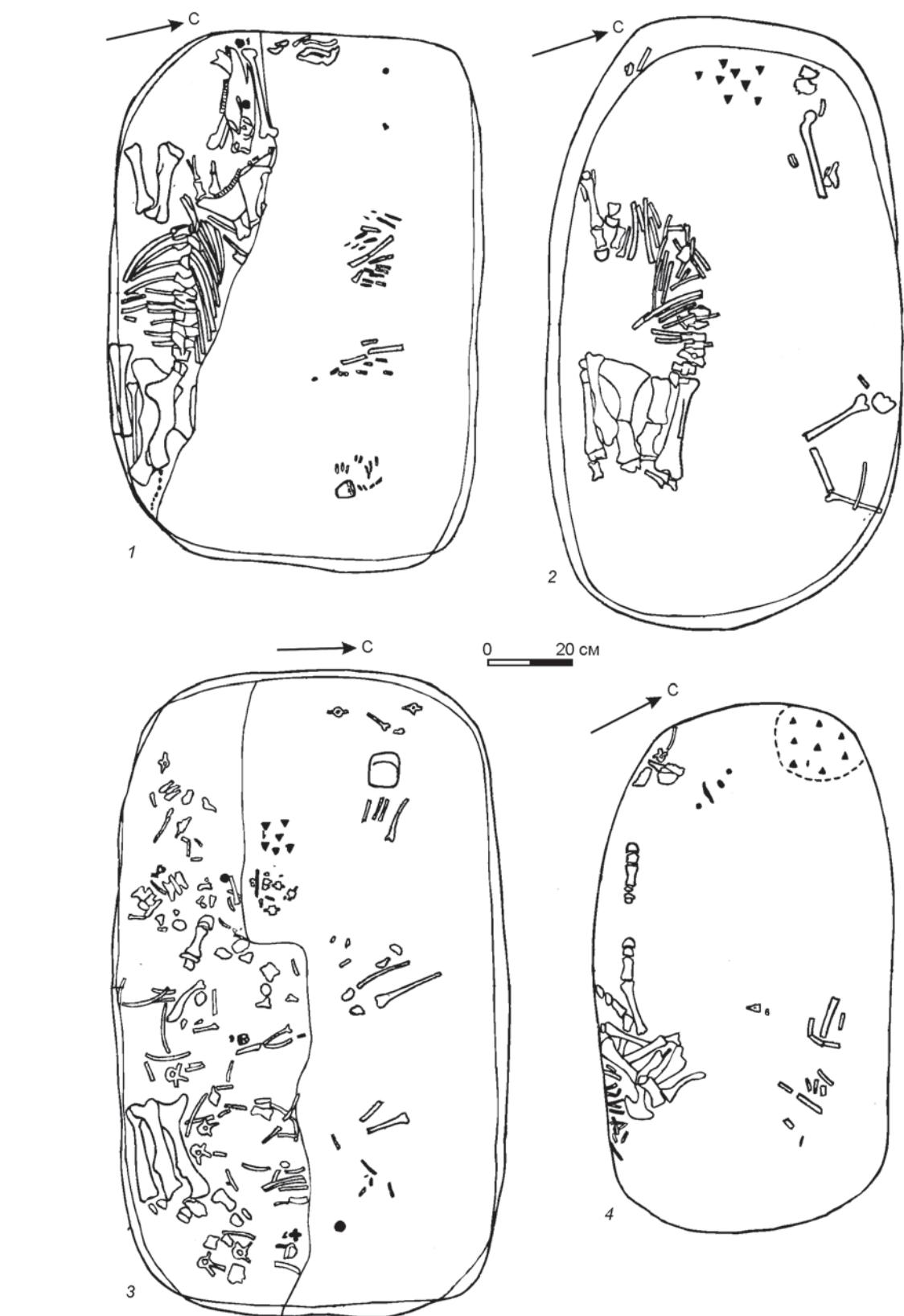

Рис. 75. Планы погребений с конем памятника Майма XIX.

1 – курган 6; 2 – курган 1; 3 – курган 3; 4 – курган 4.

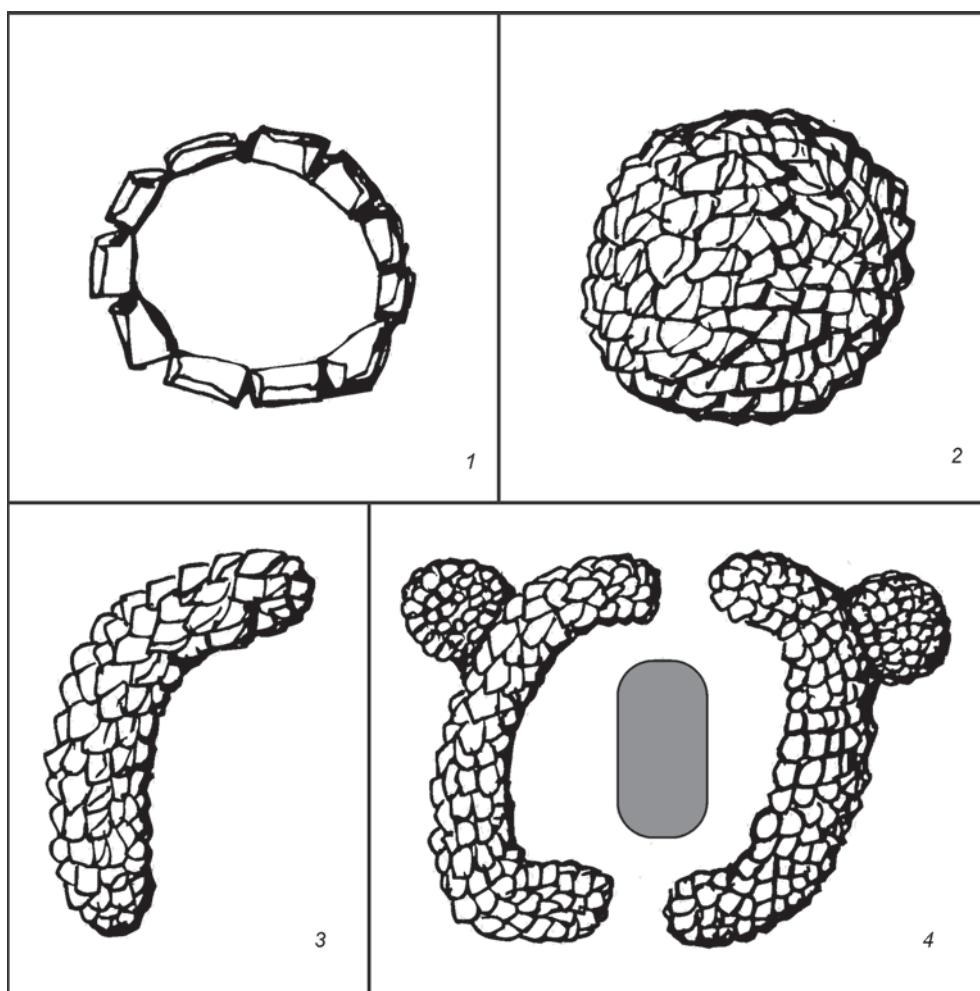

Рис. 76. Виды каменных ритуально-поминальных конструкций скифского времени нижней Катуни.

1 – кольцевая выкладка (Чултуков Лог-1, Майма IV); 2 – округлая выкладка (Чултуков Лог-1, Барангол-3, Майма IV); 3 – вытянутая выкладка (Барангол-1); 4 – комбинированные выкладки (Чултуков Лог-1 и -2).

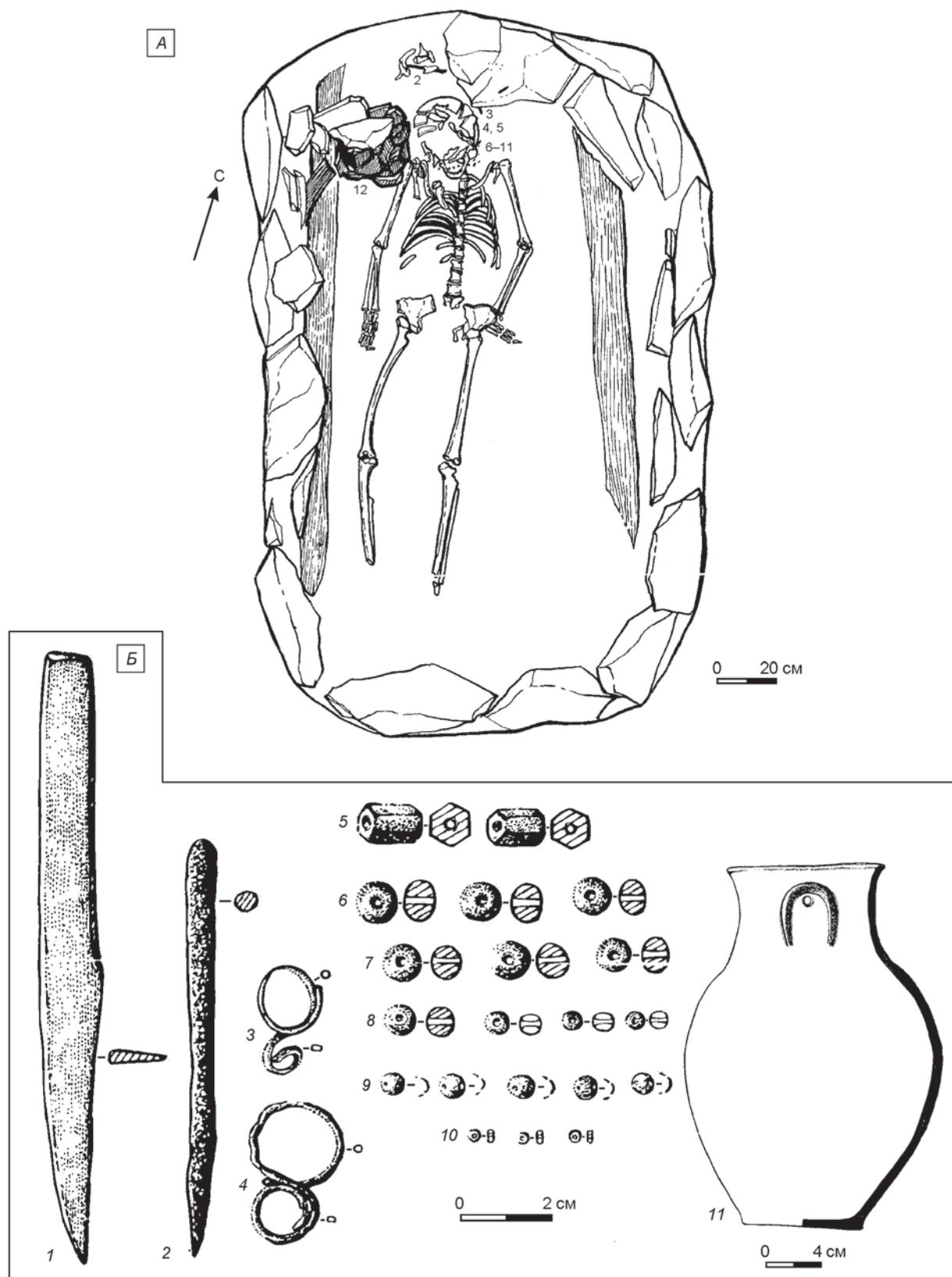

Рис. 77. План погребения (А) и сопроводительный инвентарь (Б) из кургана 3 памятника Чултуков Лог-1.
1 – бронзовый пластинчатый нож; 2 – железный стержень; 3, 4 – бронзовые петельчатые серьги; 5 – граненые бусины из горного хрусталия; 6–8 – синие стеклянные бусины; 9 – полусферические серебряные нашивки; 10 – бисер; 11 – керамический сосуд с петлевидными налепами.

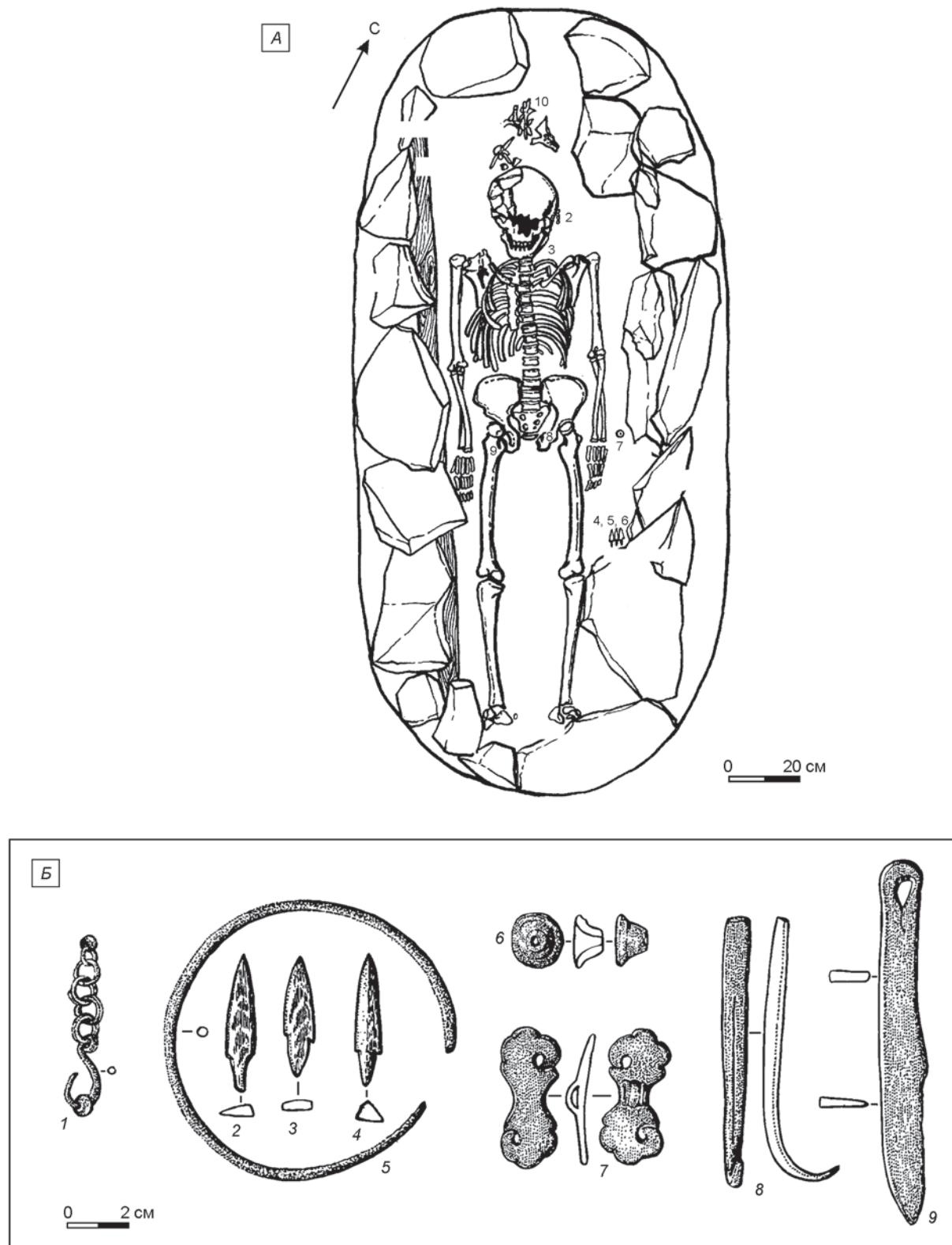

Рис. 78. План погребения (A) и сопроводительный инвентарь (Б) из кургана 4 памятника Чултуков Лог-1.

1 – сережка, состоящая из серебряной цепочки и подвески в виде зеленой бусины; 2 – серебряная гривна; 3–5 – костяные черешковые наконечники стрел; 6 – бронзовая пронизь; 7 – бантовидная поясная бронзовая пряжка; 8 – бронзовый крюк; 9 – бронзовый пластинчатый нож с каплевидным отверстием.

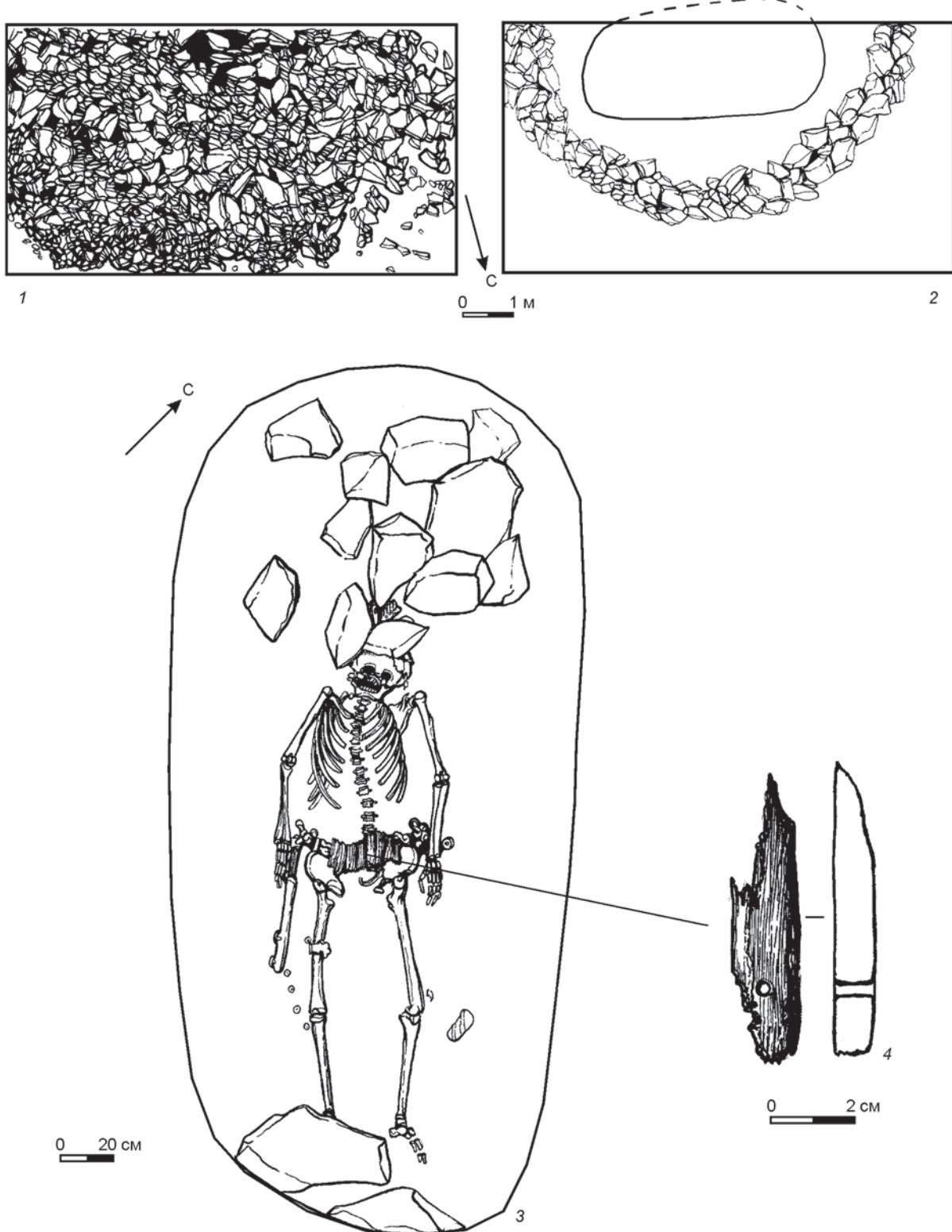

Рис. 79. Курган 13 памятника Чултуков Лог-1.

1 – каменная конструкция; 2 – крепида и могильное пятно; 3 – погребение; 4 – пластина от деревянного панциря.

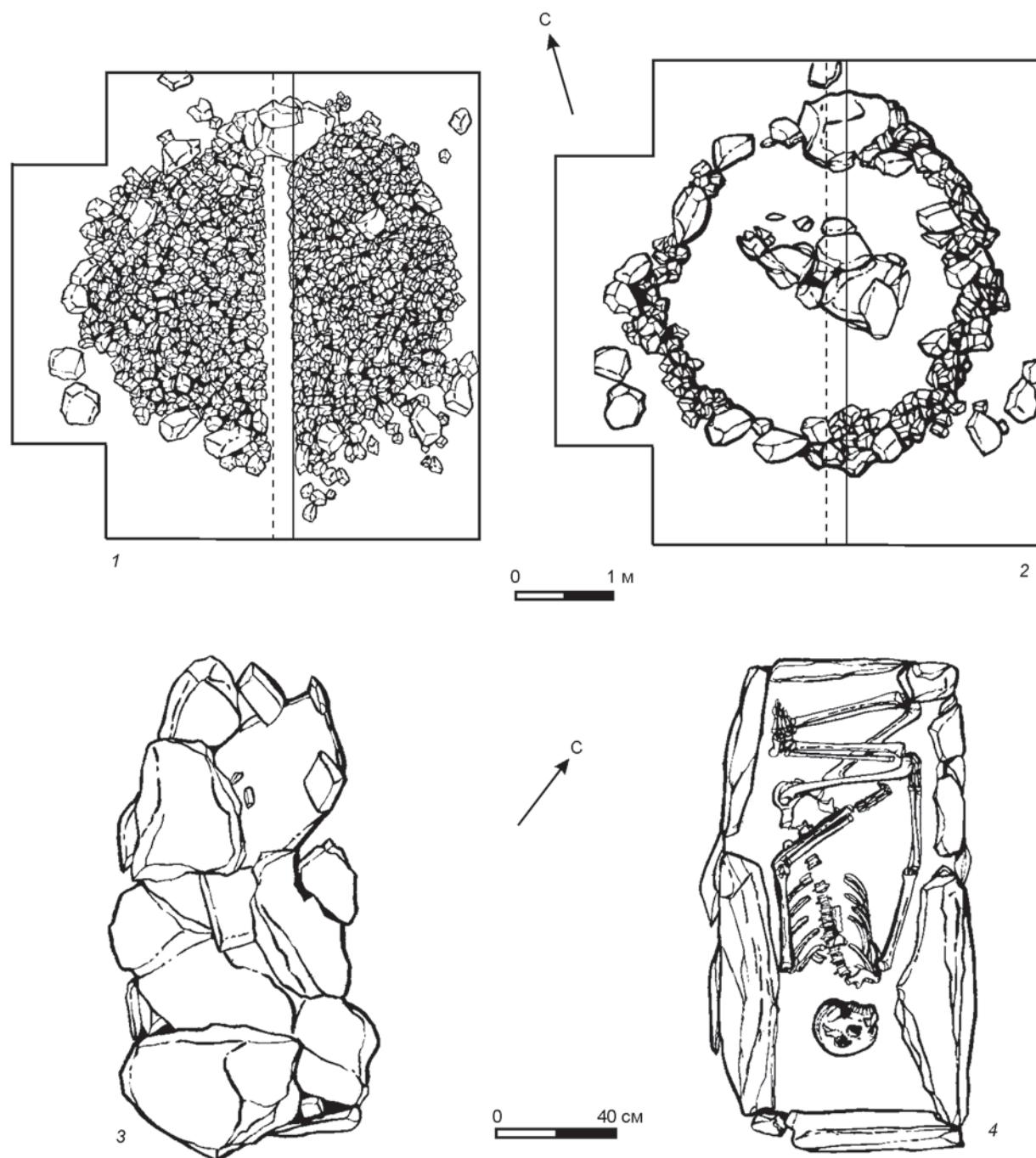

Рис. 80. Курган 44 памятника Чултуков Лог-1.
1 – каменная конструкция; 2 – крепида с могильным перекрытием; 3 – каменное перекрытие могилы; 4 – погребение.

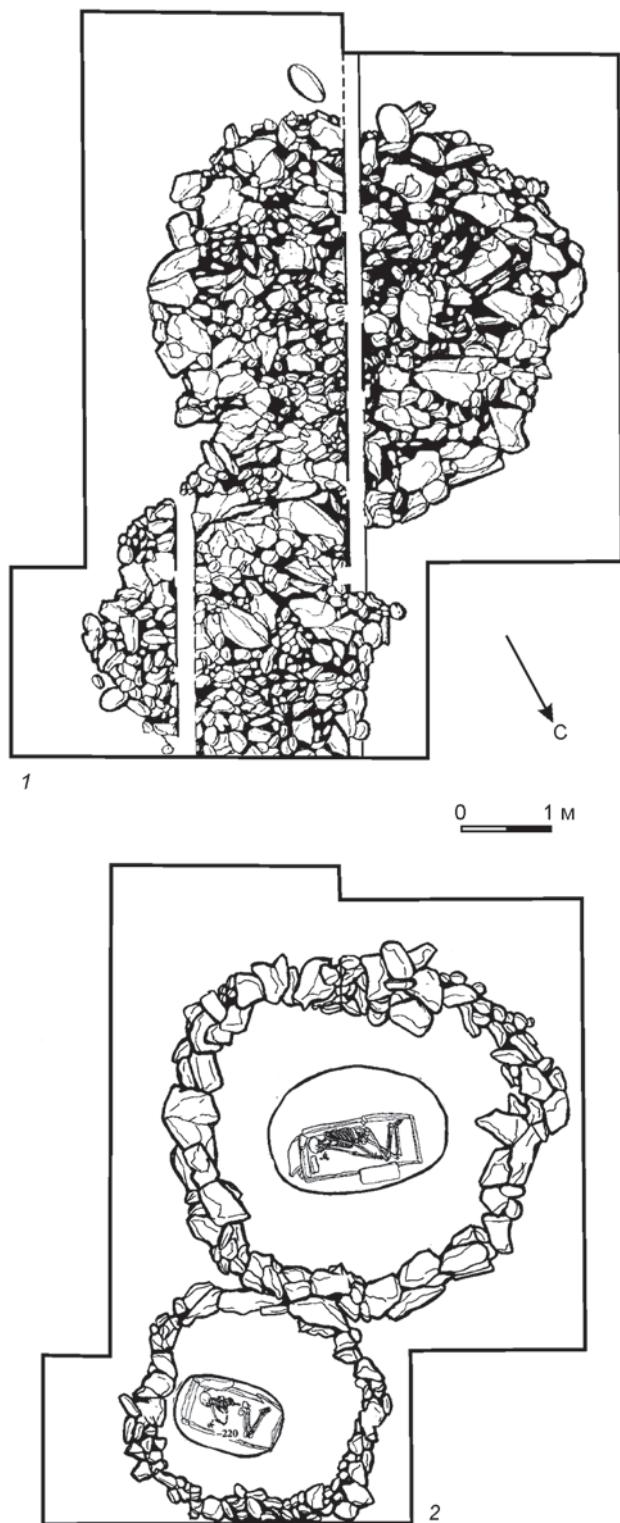

Рис. 81. Курганы 6 и 7 памятника Чултуков Лог-1.
1 – каменная конструкция; 2 – крепида с погребениями.

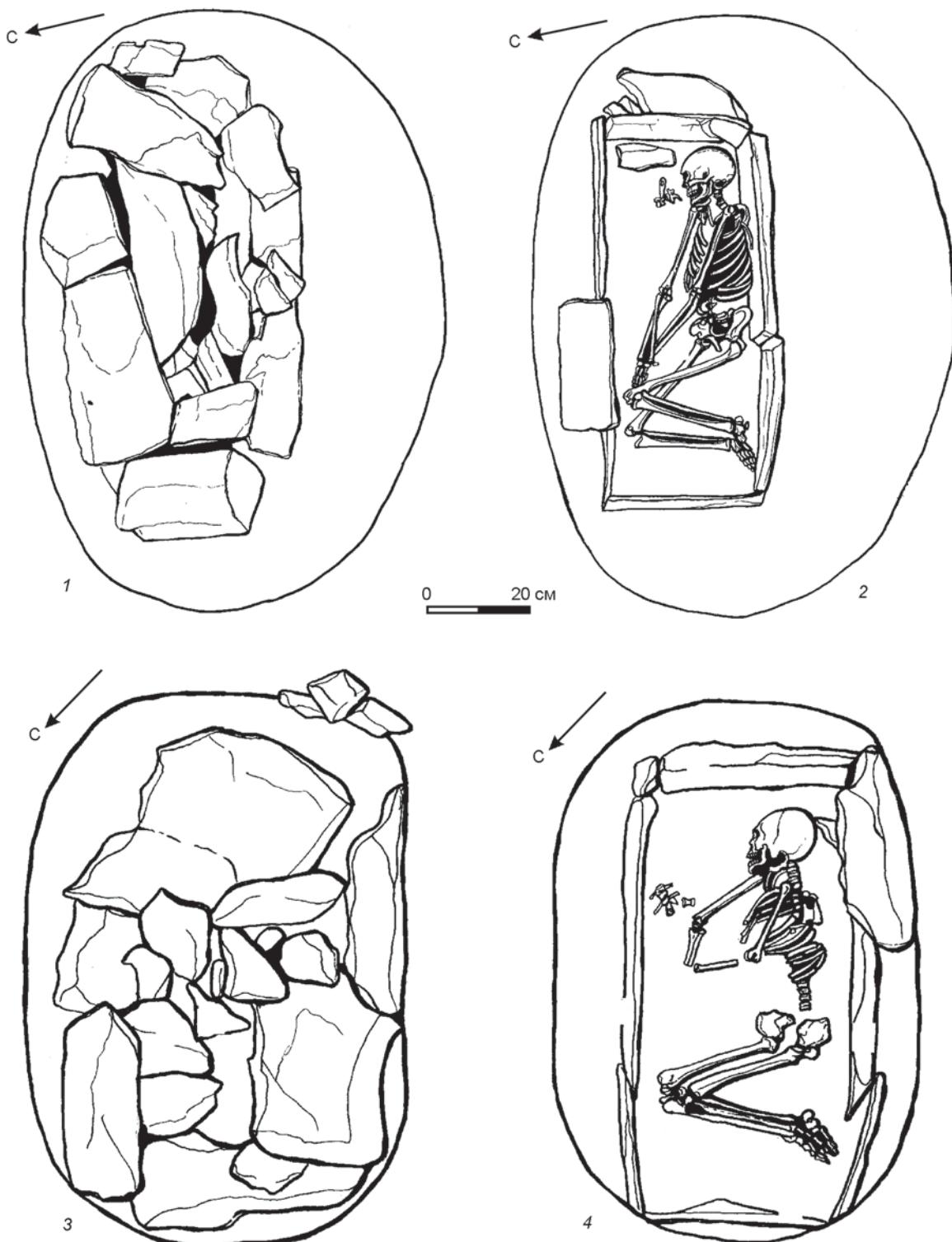

Рис. 82. Курганы 6 (1, 2) и 7 (3, 4) памятника Чултуков Лог-1.
1, 3 – перекрытия погребений; 2, 4 – планы погребений.

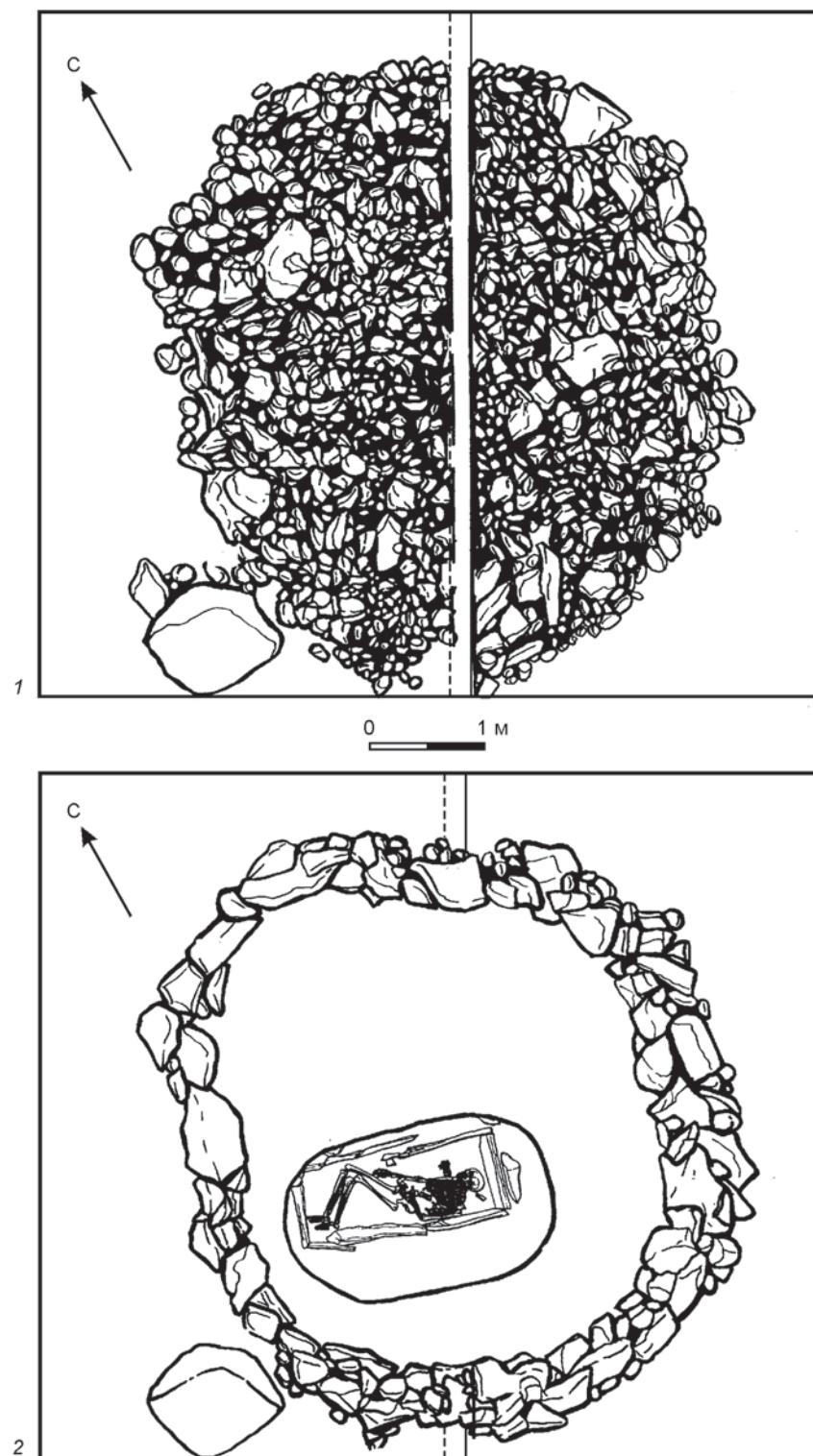

Рис. 83. Курган 8 памятника Чултуков Лог-1.
1 – каменная конструкция; 2 – крепида с погребением.

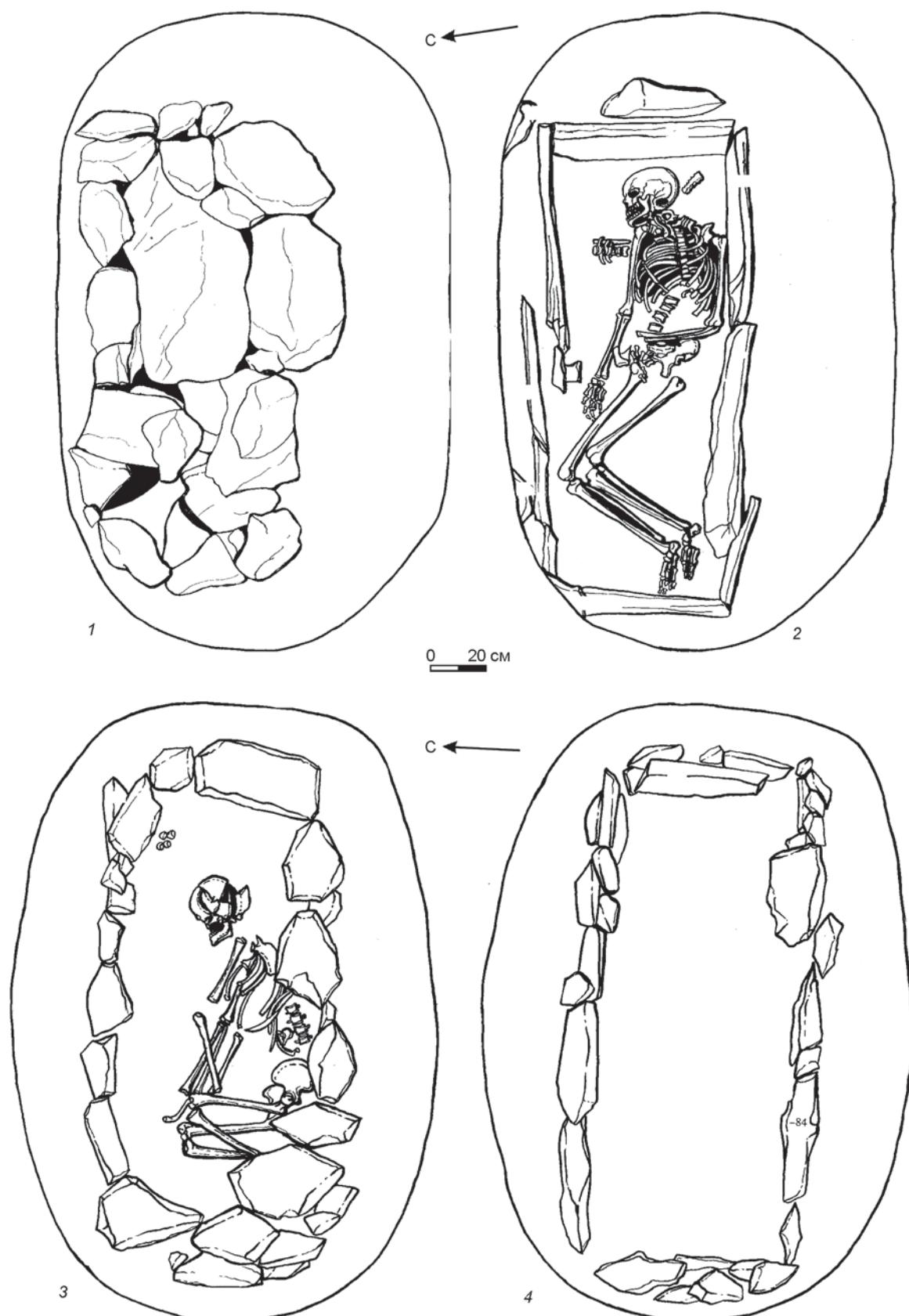
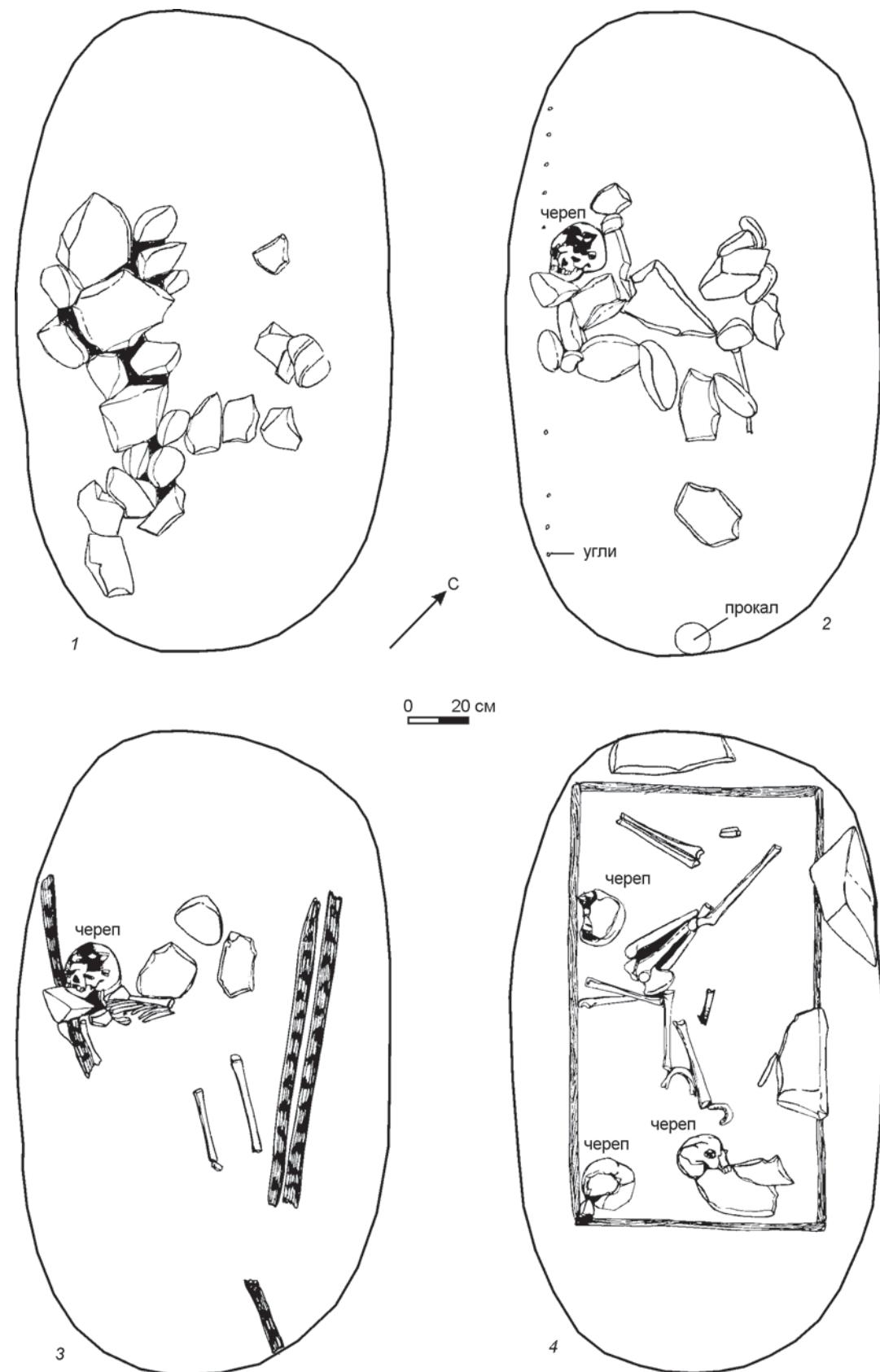

Рис. 84. Курганы 8 (1, 2) и 10 (3, 4) памятника Чултуков Лог-1.
1 – перекрытие погребения; 2, 3 – план погребения; 4 – каменный ящик из погребения.

*Rис. 85. Ярусное грунтовое погребение Чултуков Лог-16.
1, 2 – верхний уровень; 3 – погребение первого яруса; 4 – погребение второго яруса.*

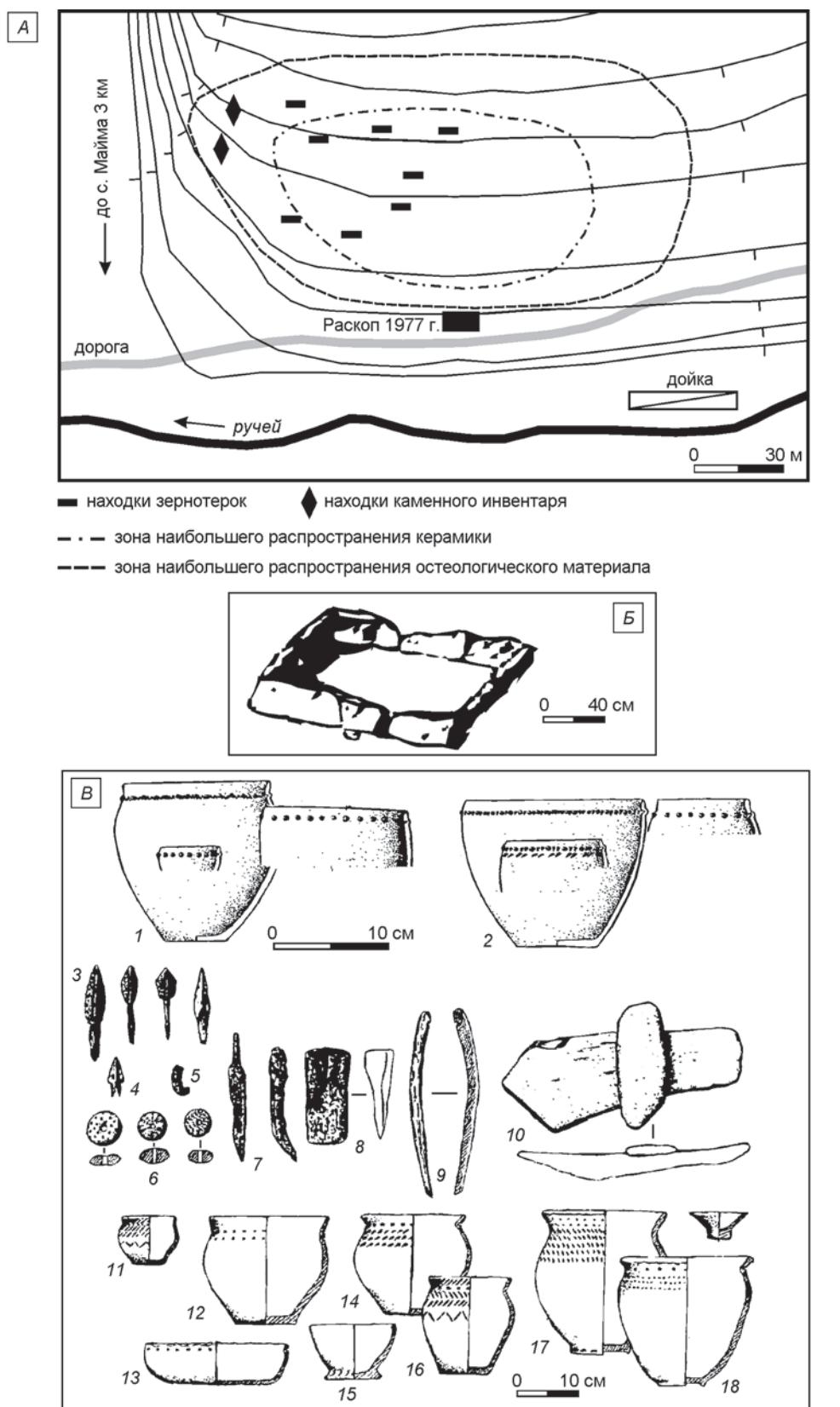

Рис. 86. План расположения поселения (A), каменный очаг (Б) и предметный комплекс (В) памятника Майма I.
1, 2, 11–18 – керамические сосуды; 3, 4 – железные наконечники стрел; 5 – железный предмет; 6 – керамические пряслица; 7 – железные ножи; 8 – железное тесло; 9 – роговая накладка на лук; 10 – зернотерка.

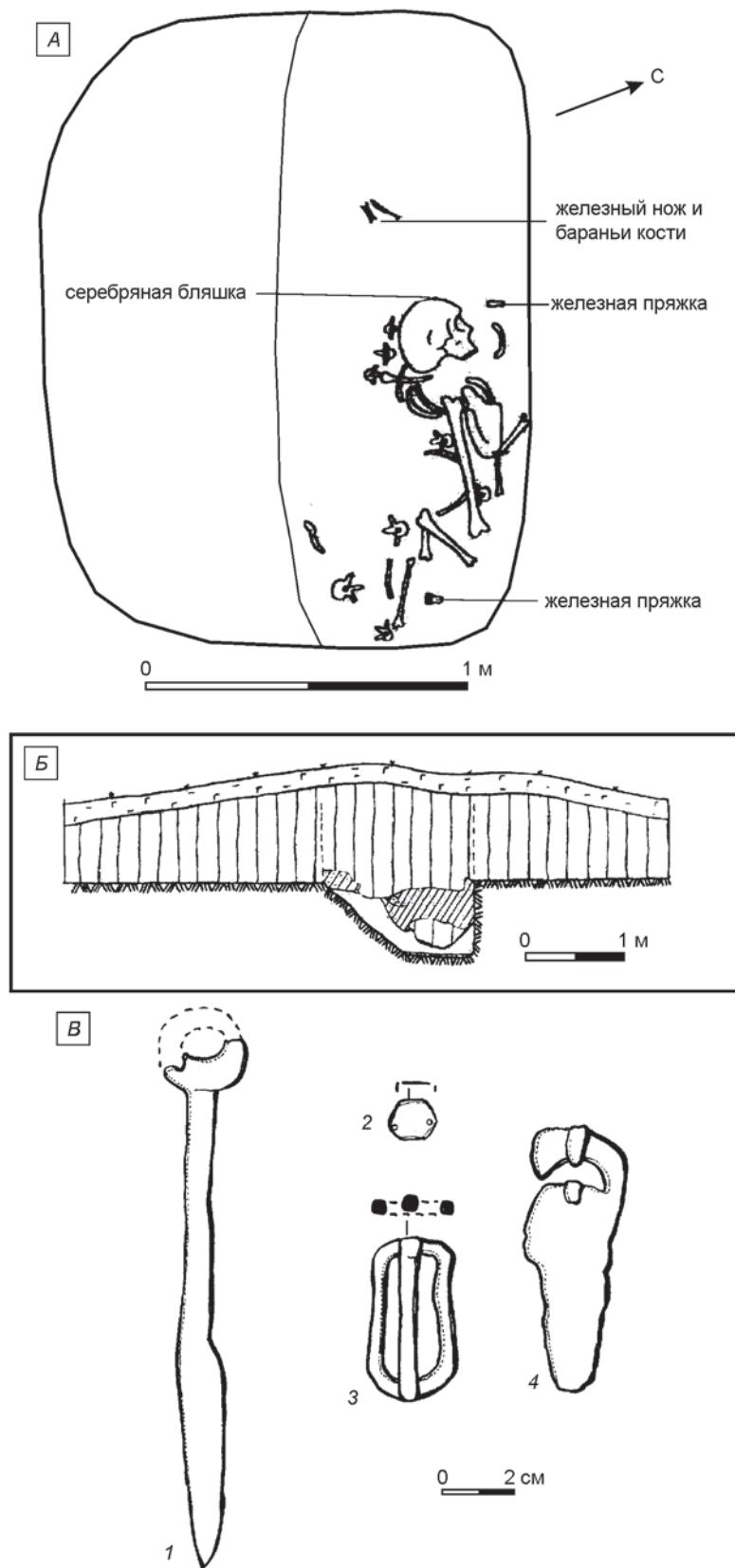

Рис. 87. План (А) и стратиграфический разрез (Б) погребения, сопроводительный инвентарь (В) из кургана 87 памятника Майма VII.

1 – железный нож; 2 – серебряная бляшка; 3 – железная пряжка с подвижным язычком; 4 – железная пряжка.

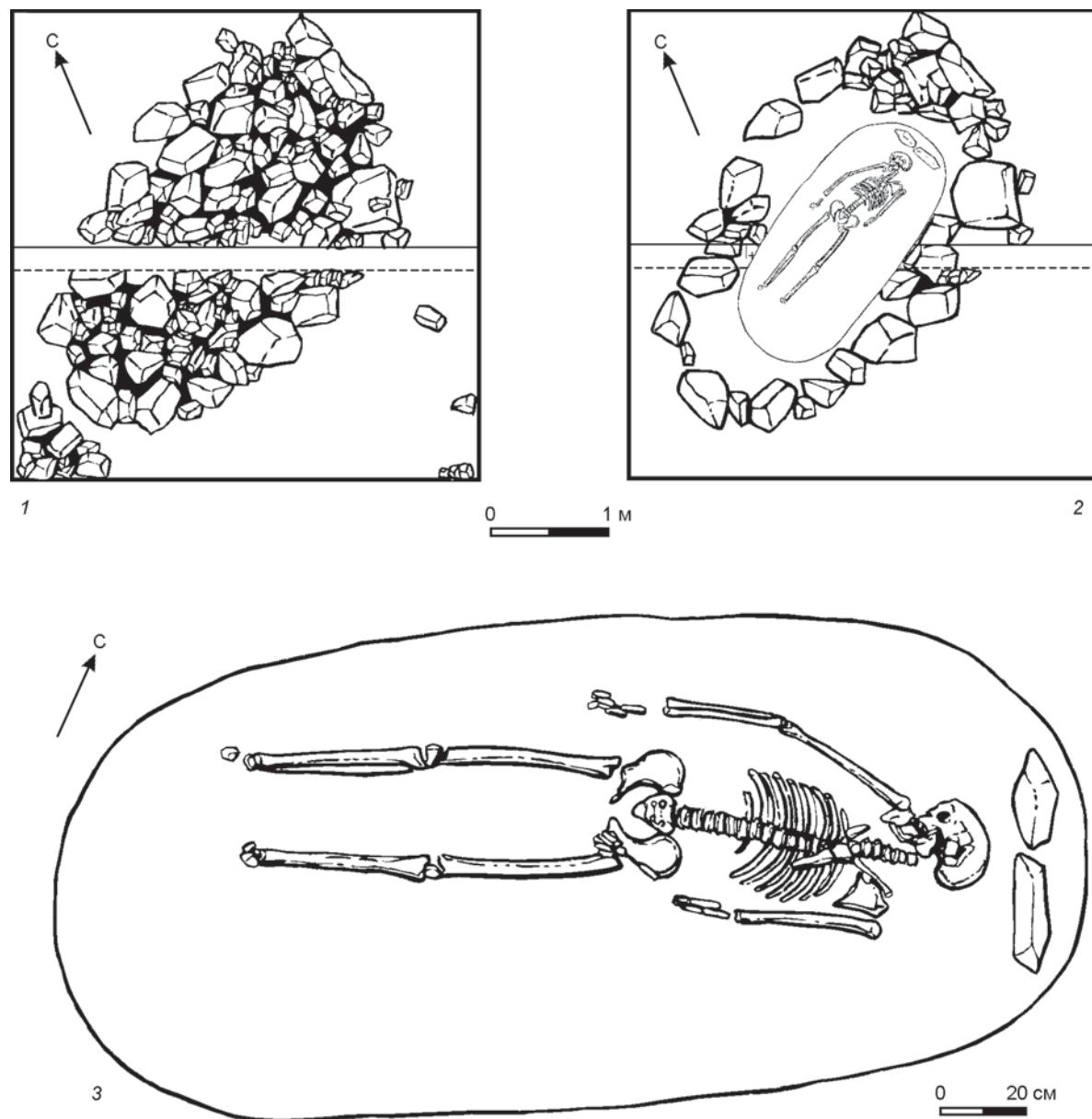

Рис. 88. Курган 60 памятника Чултуков Лог-1г.
1 – каменная конструкция; 2 – погребение в кольцевой крепиде; 3 – захоронение.

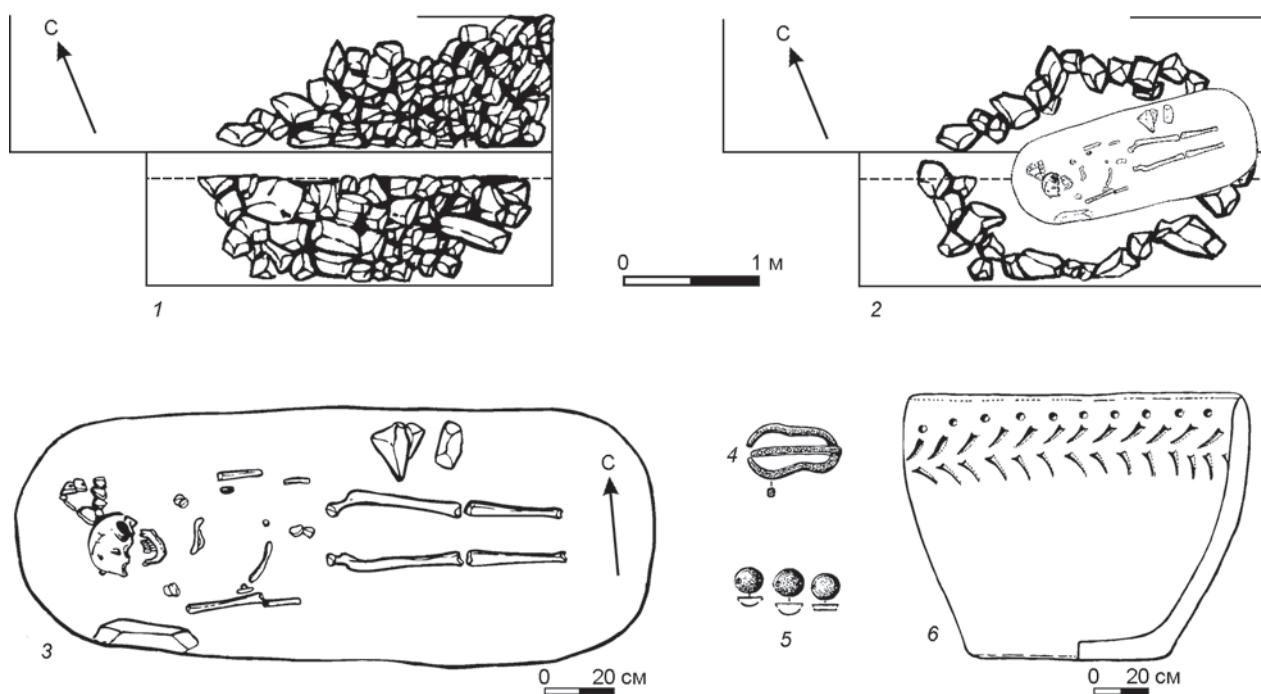

Рис. 89. Курган 61 памятника Чултуков Лог-1г.

1 – каменная конструкция; 2 – крепида с погребением; 3 – погребение; 4 – железная пряжка с подвижным язычком; 5 – бронзовые нашивные бляшки; 6 – керамический сосуд.

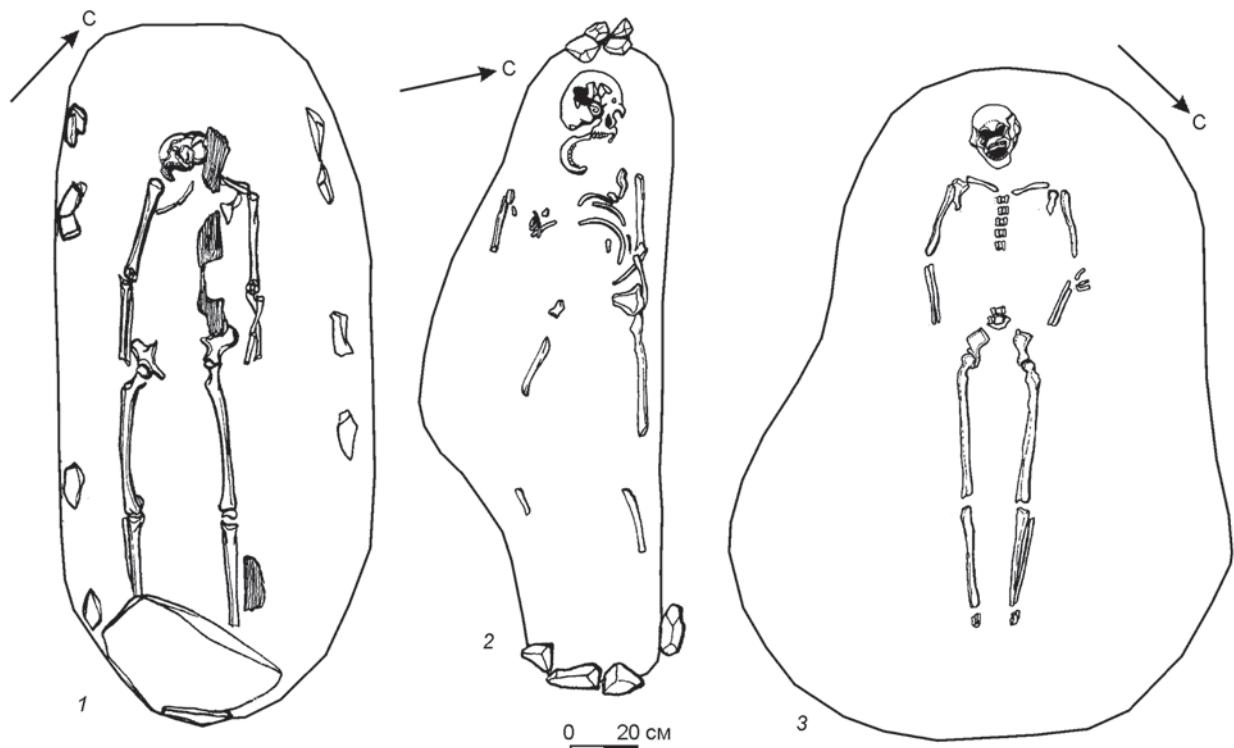

Рис. 90. Планы погребений курганов 62 (1), 73 (2) и 63 (3) памятника Чултуков Лог-1г.

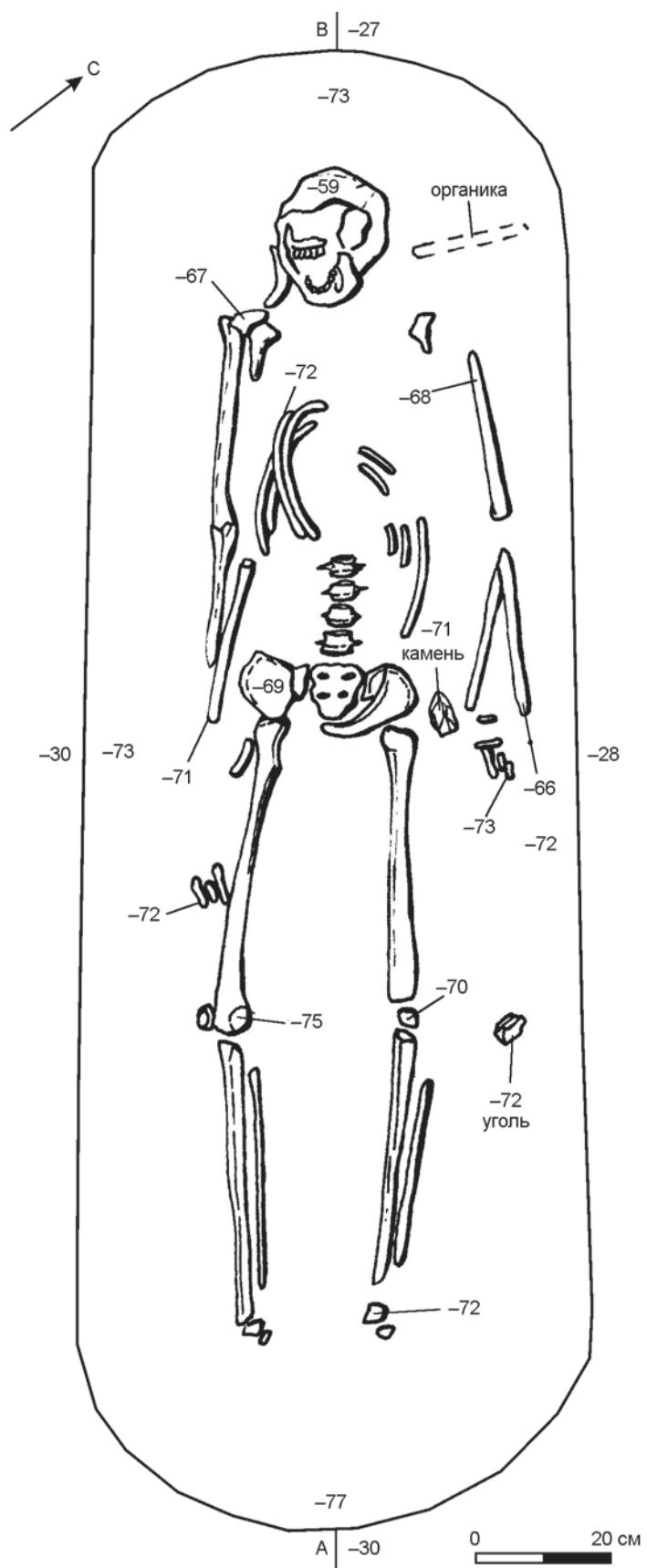

Рис. 91. План погребения кургана 67 памятника Чултуков Лог-1г.

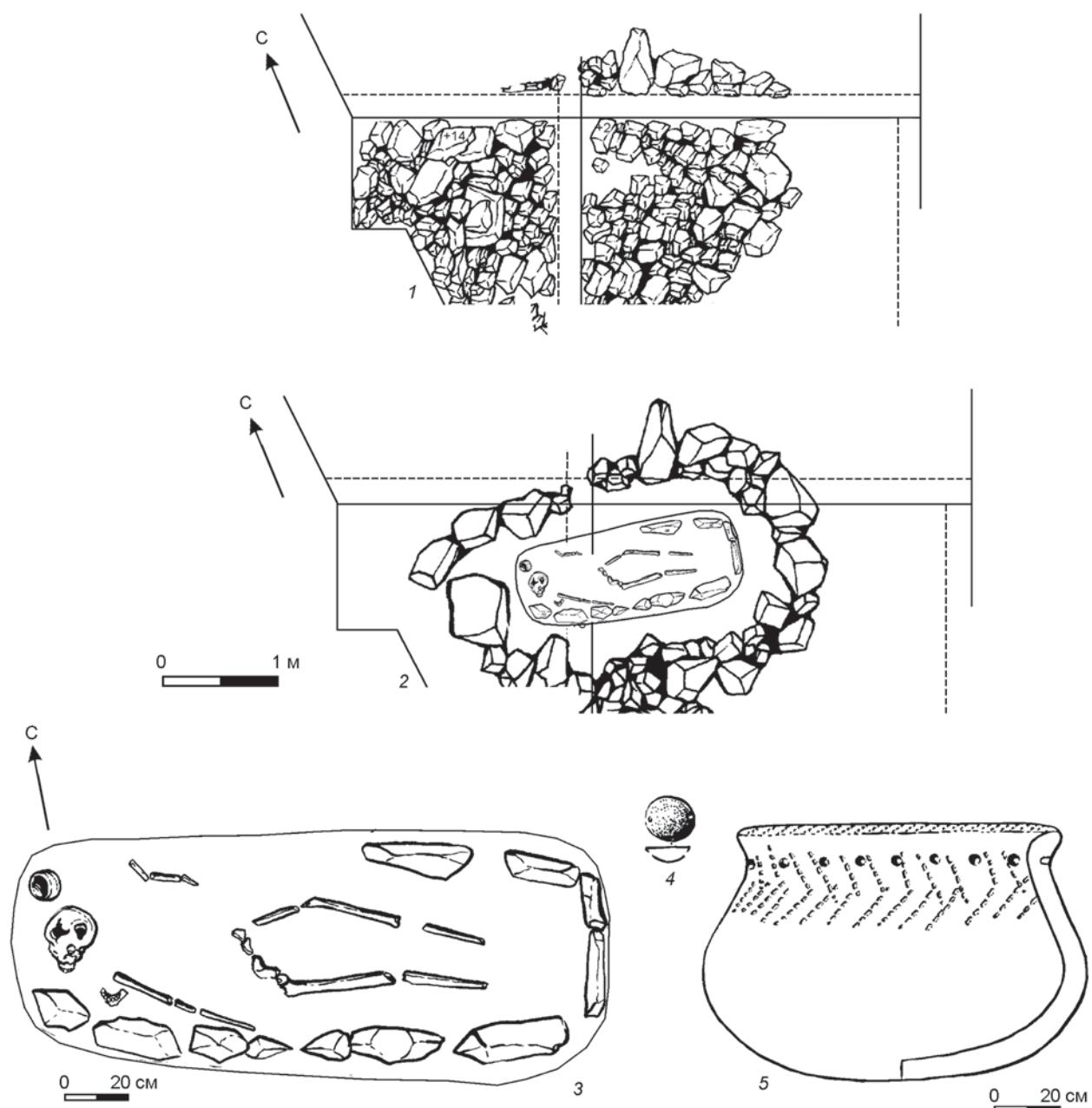

Рис. 92. Курган 70 памятника Чултуков Лог-1г.

1 – каменная конструкция; 2 – кольцевая крепида и погребение; 3 – захоронение; 4 – бронзовая нашивка; 5 – керамический сосуд.

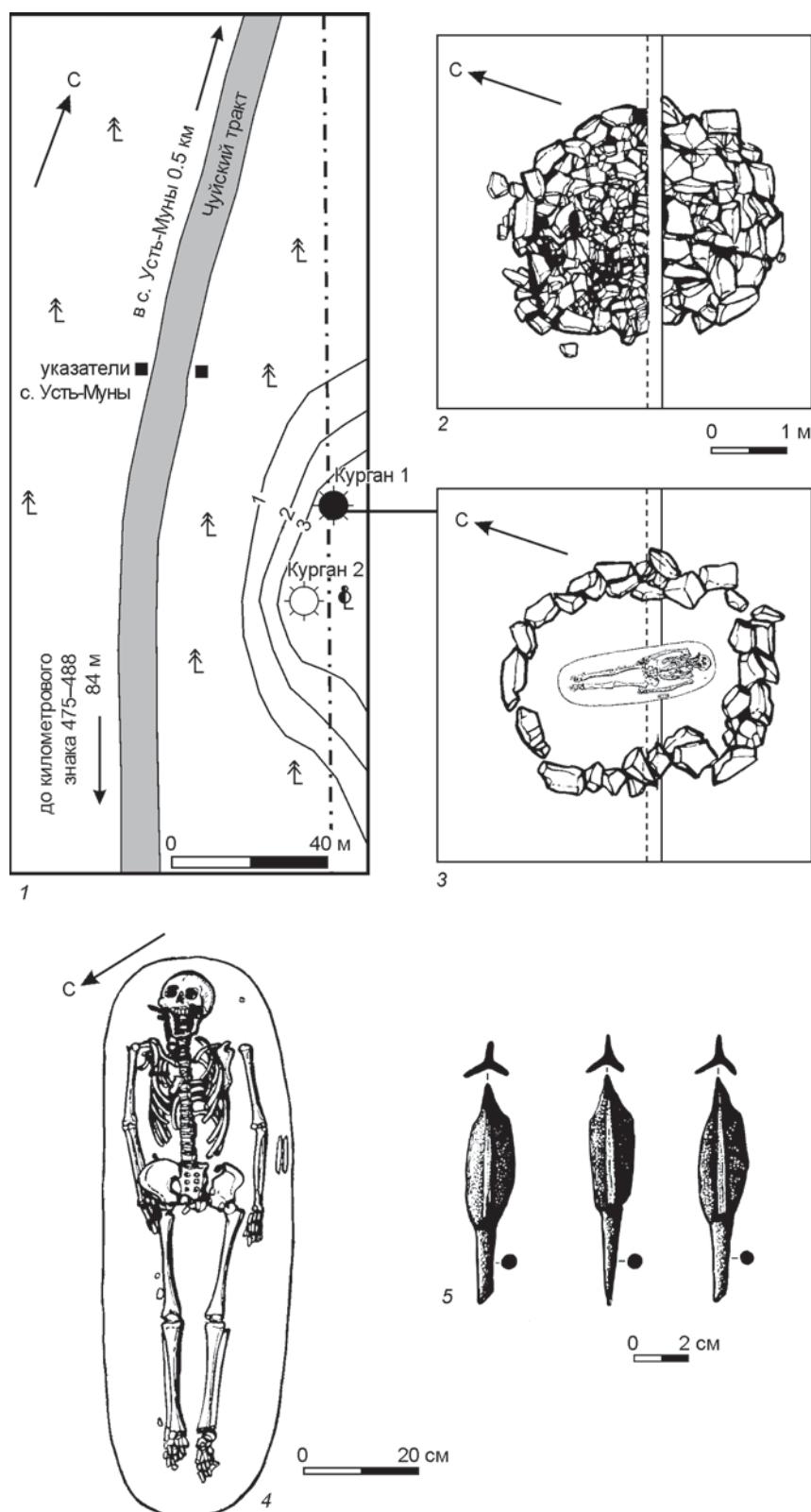

Рис. 93. План расположения курганов (1), каменная конструкция (2), крепида с погребением (3), захоронение (4) и сопроводительный инвентарь (железные наконечники стрел) (5) памятника Усть-Муны-1.

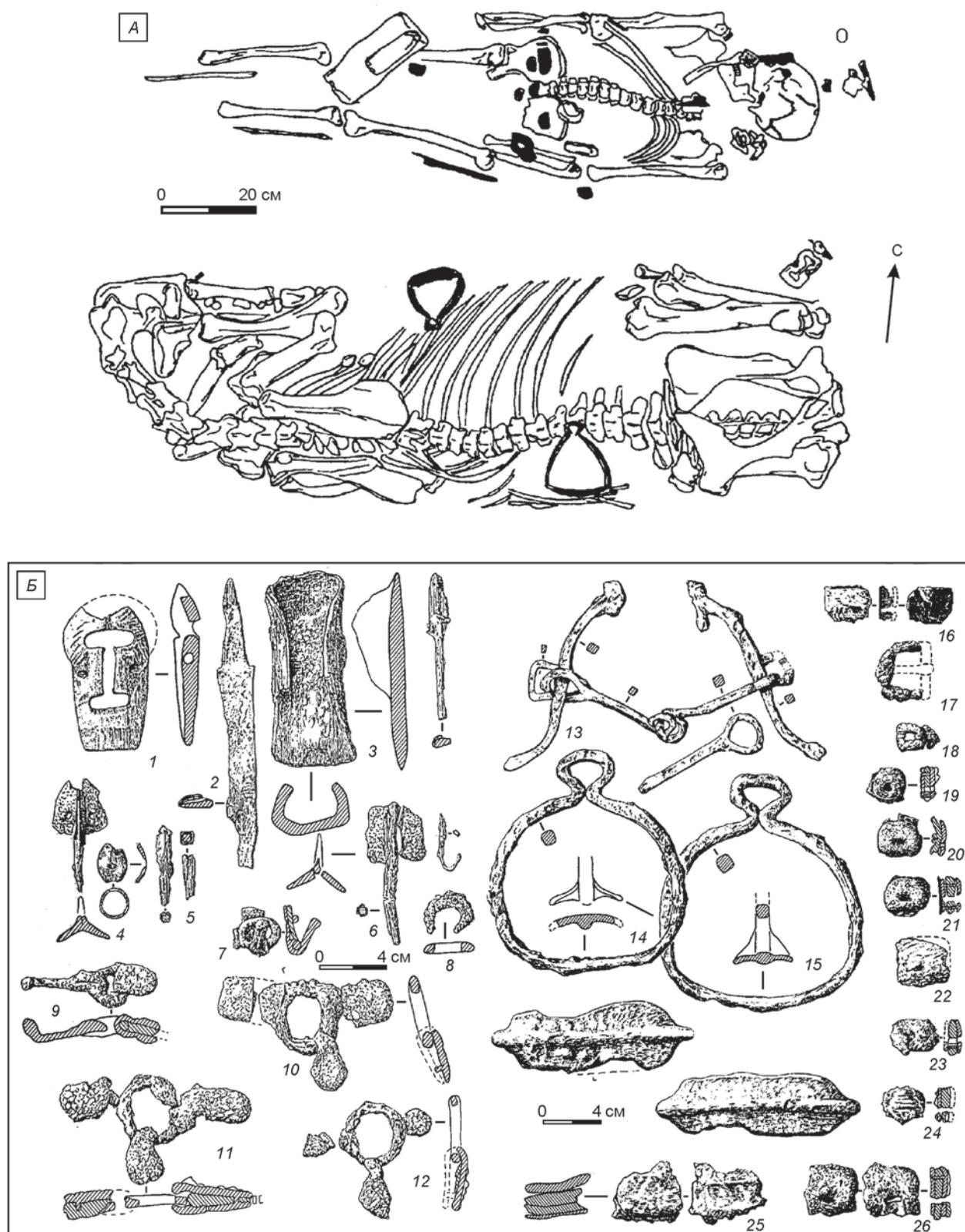

Рис. 94. План погребения с конем (A) и сопроводительный инвентарь (Б) одиночного кургана памятника Бирюзовая Катунь-1.

1 – роговая подпружная пряжка; 2 – железный нож; 3 – железное тесло; 4, 5 – железные наконечники стрел; 6–12 – железные детали пояса; 13 – железные удилы; 14, 15 – железные стремена; 16–26 – детали поясной гарнитуры.

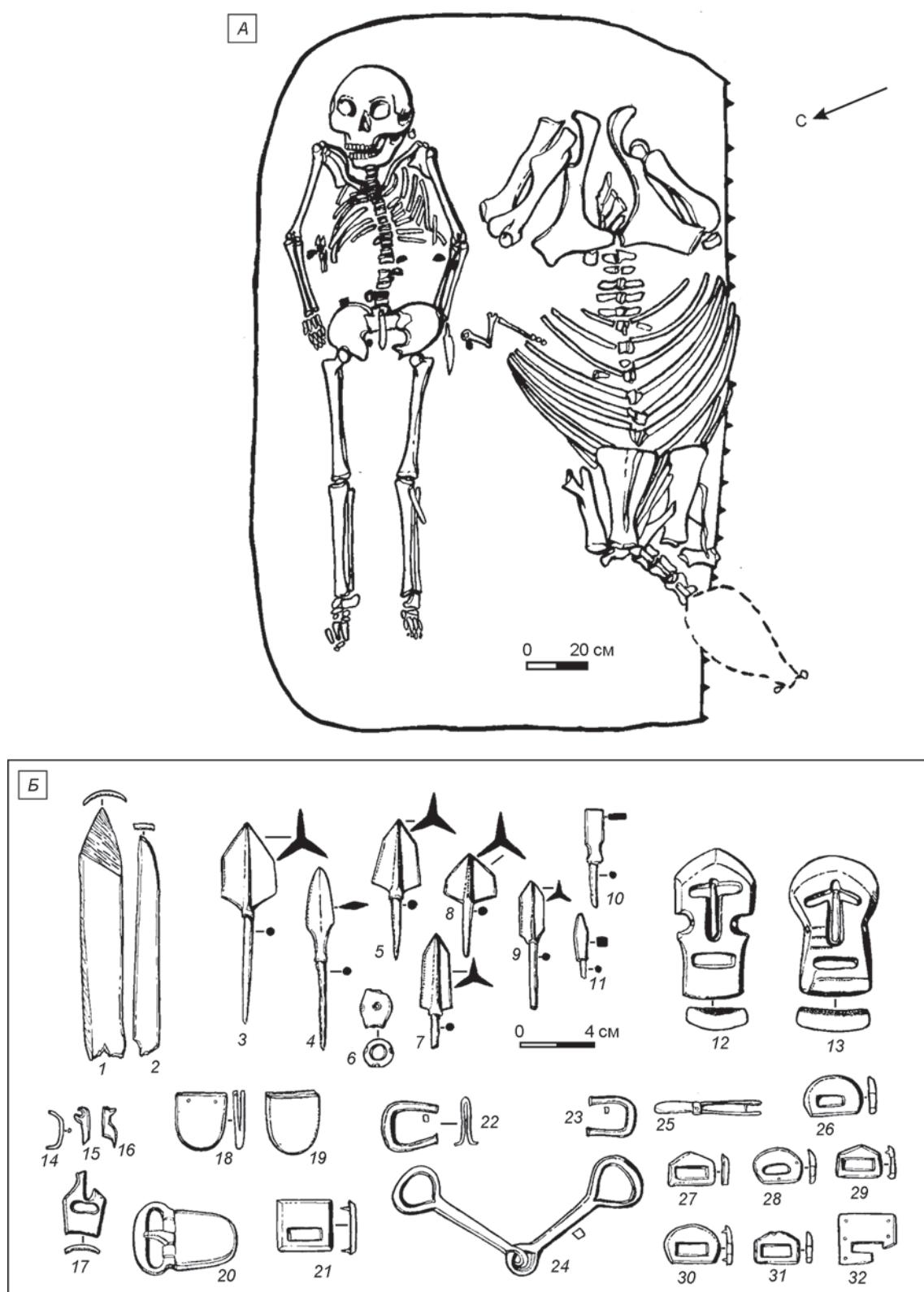

Рис. 95. План (A) и сопроводительный инвентарь (Б) древнетюркского погребения с конем у очистных сооружений г. Горно-Алтайска.

1, 2 – роговые накладки на лук; 3–5, 7–11 – железные наконечники стрел; 6 – роговая свистунка; 12, 13 – роговые подпружные пряжки; 14–21, 25–32 – детали поясной гарнитуры; 22–24 – железные удила и их детали.

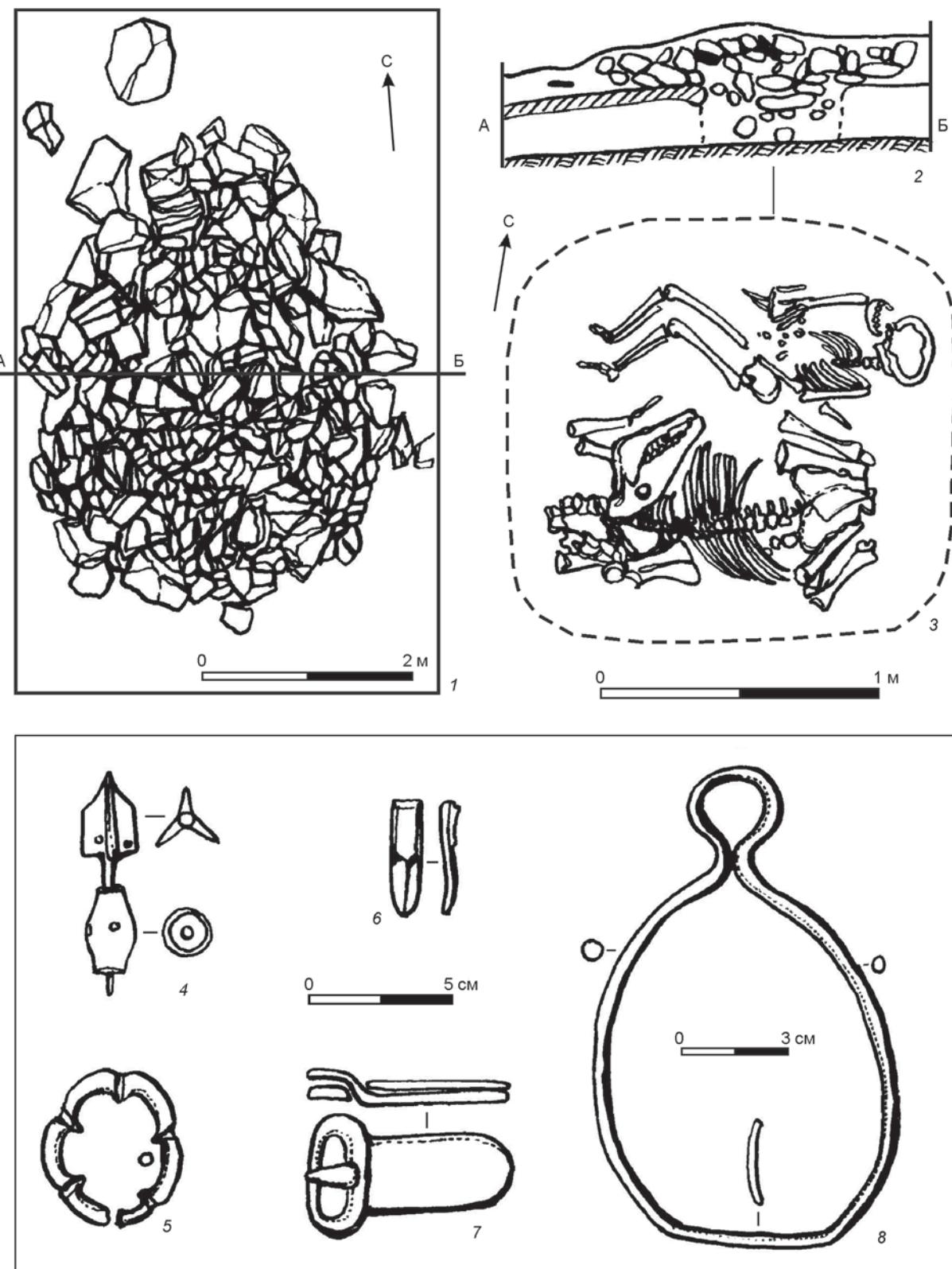

Рис. 96. Курган тюркского времени у Большой Тавдинской пещеры с сопроводительным инвентарем.
 1 – каменная конструкция; 2 – стратиграфический разрез; 3 – план погребения с конем; 4 – железный наконечник стрелы; 5 – серебряная накладка на обувь; 6 – бронзовое изделие; 7 – бронзовая пряжка; 8 – железное стремя.

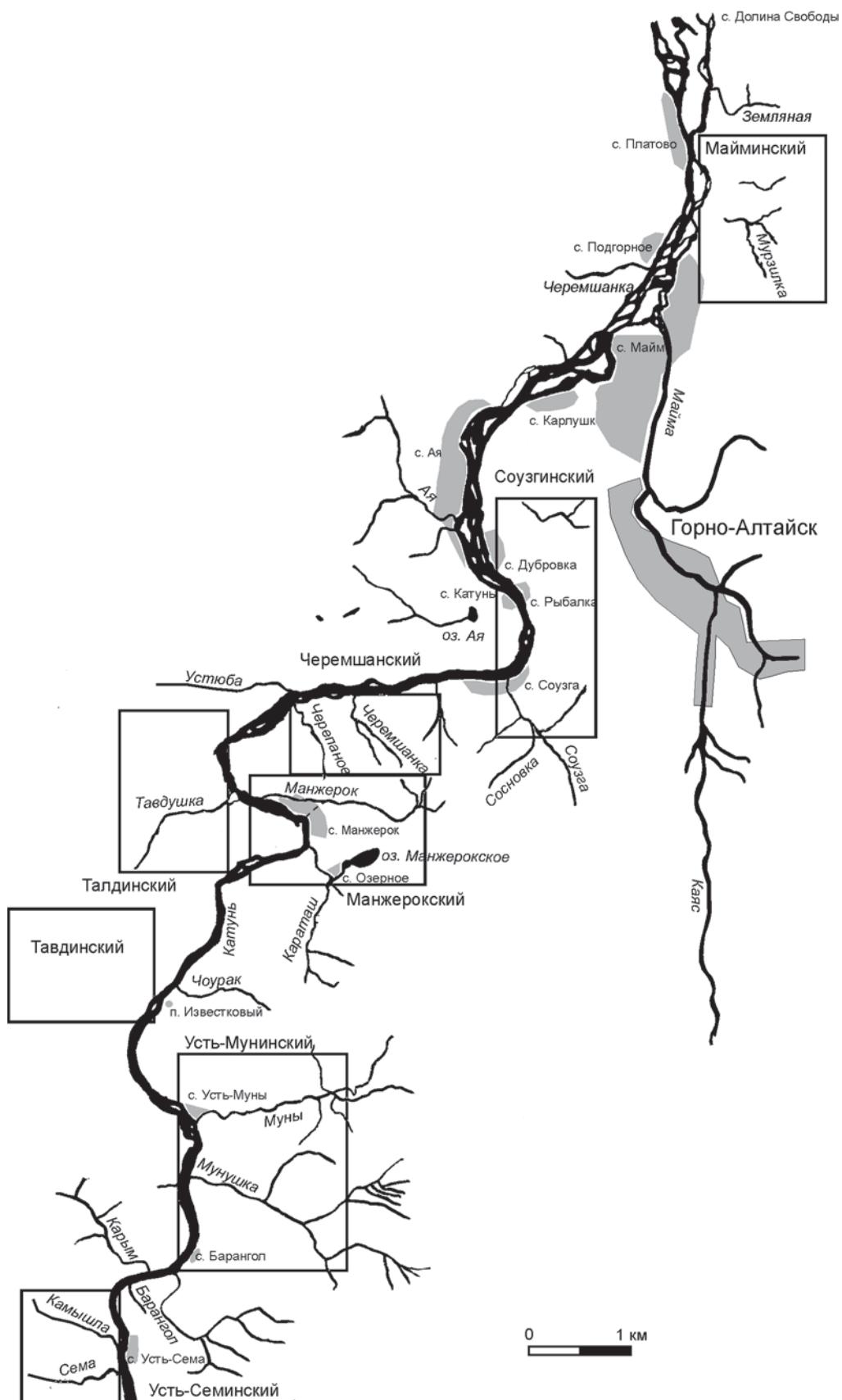

Рис. 97. Археологические микрорайоны горной долины нижней Катуни.

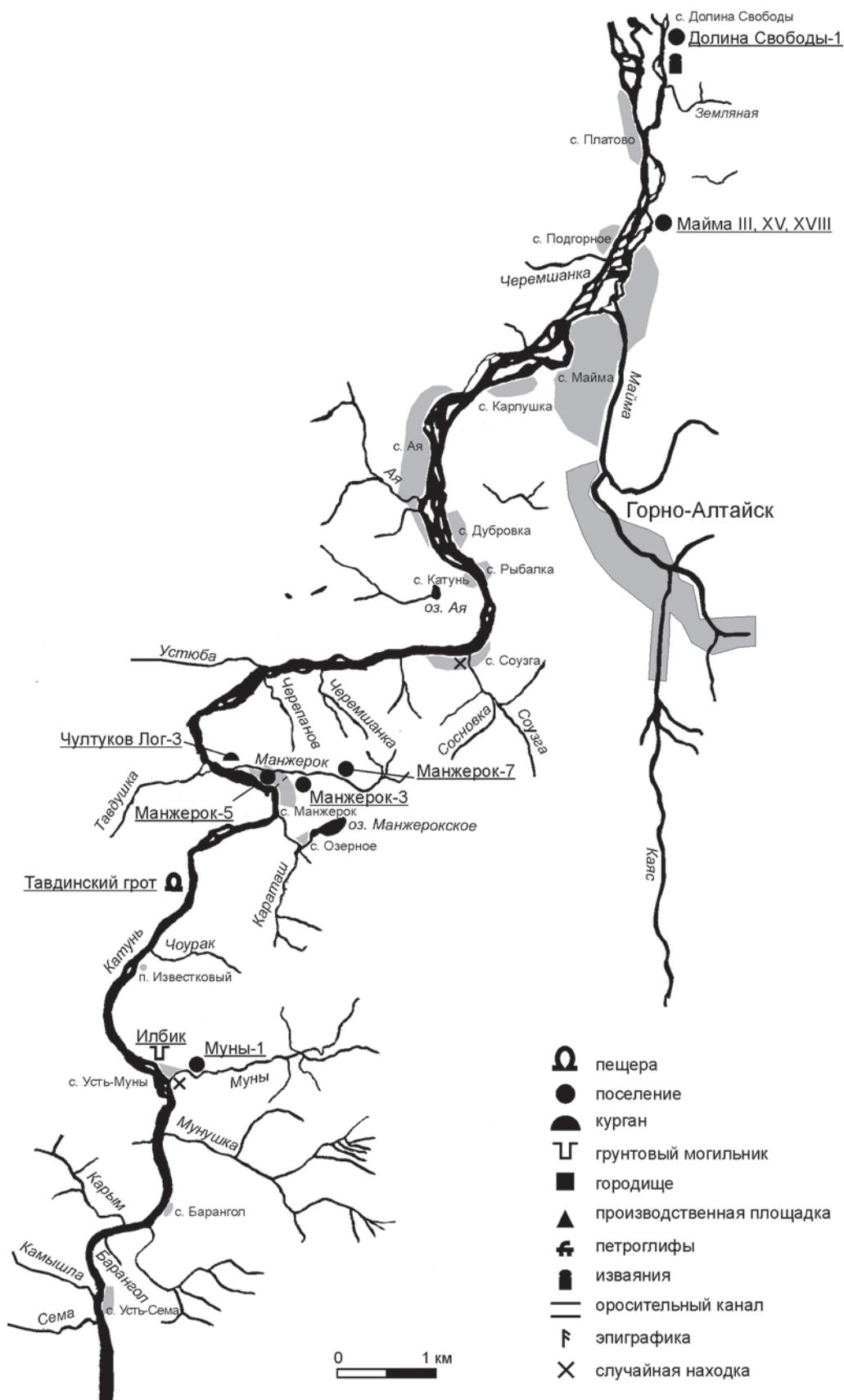

Рис. 98. Археологические памятники эпохи бронзы нижней Катуни.

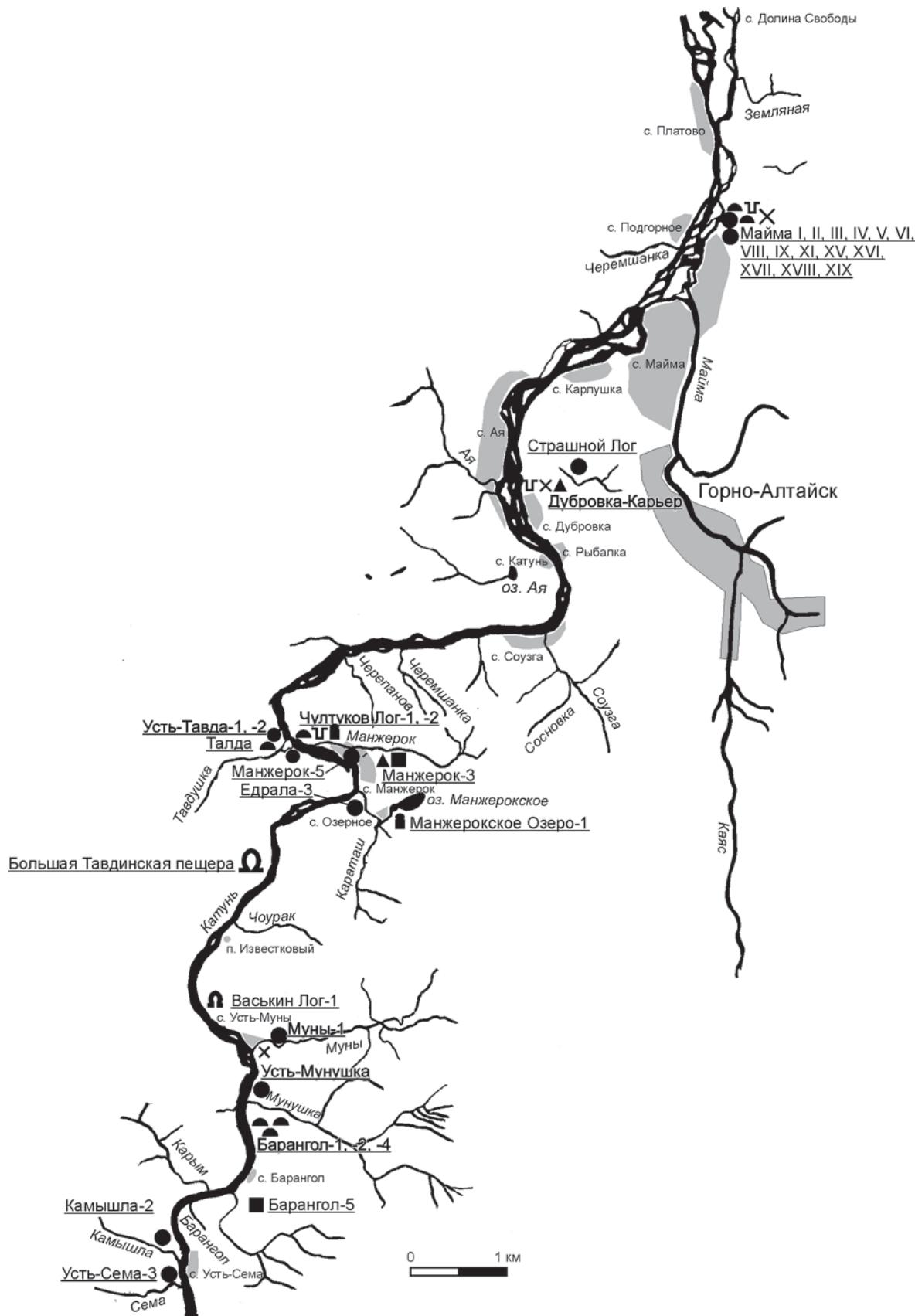

Рис. 99. Археологические памятники эпохи раннего железа нижней Катуни (см. усл. обознач. к рис. 98).

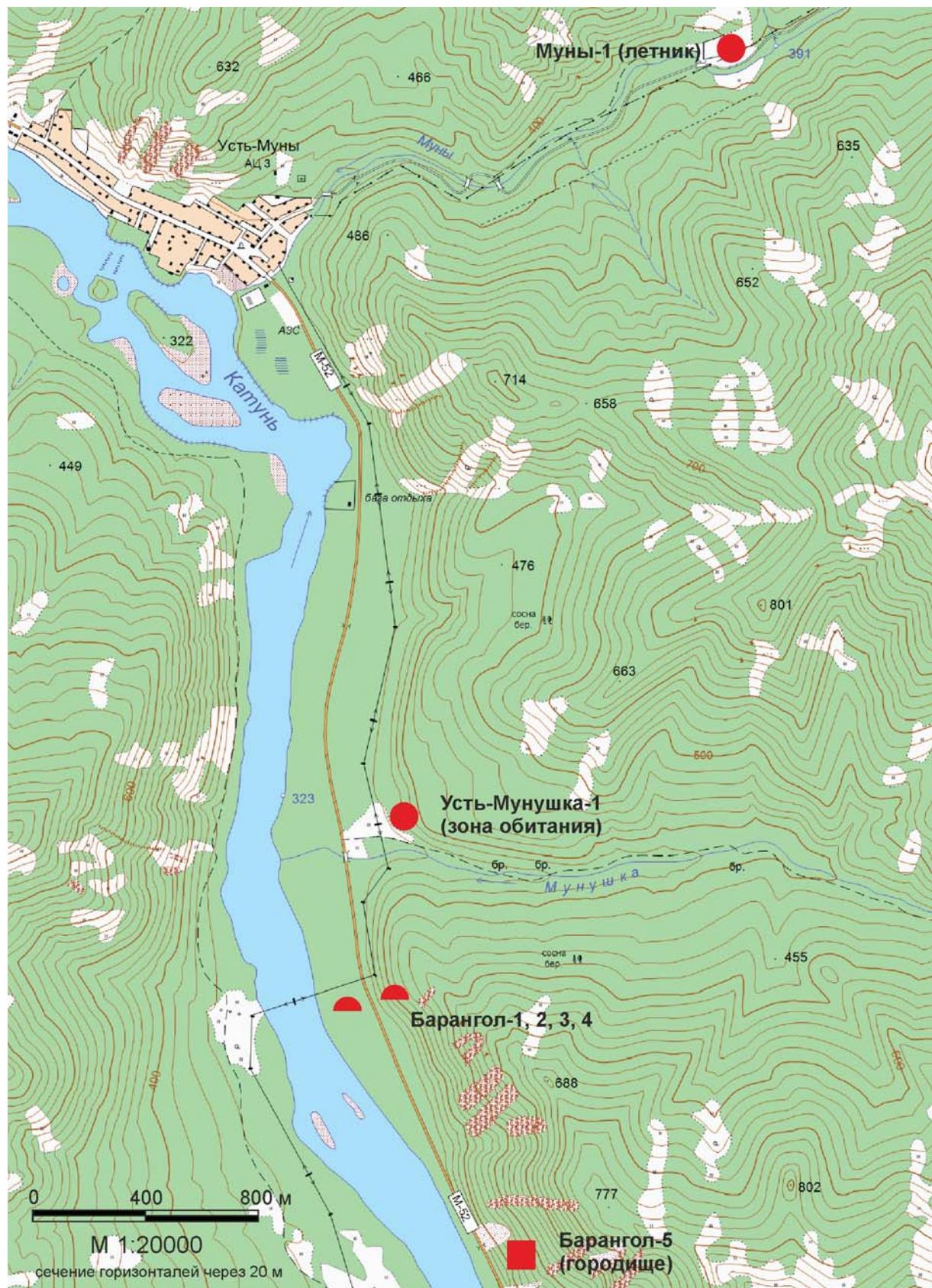

Рис. 100. Карта расположения памятников раннего железного века на территории Усть-Мунинского археологического микрорайона.

Рис. 101. «Зеркальное» расположения курганных групп раннего железного века в горной долине нижней Катуни.
1 – вид сверху; 2 – ситуационное фото.

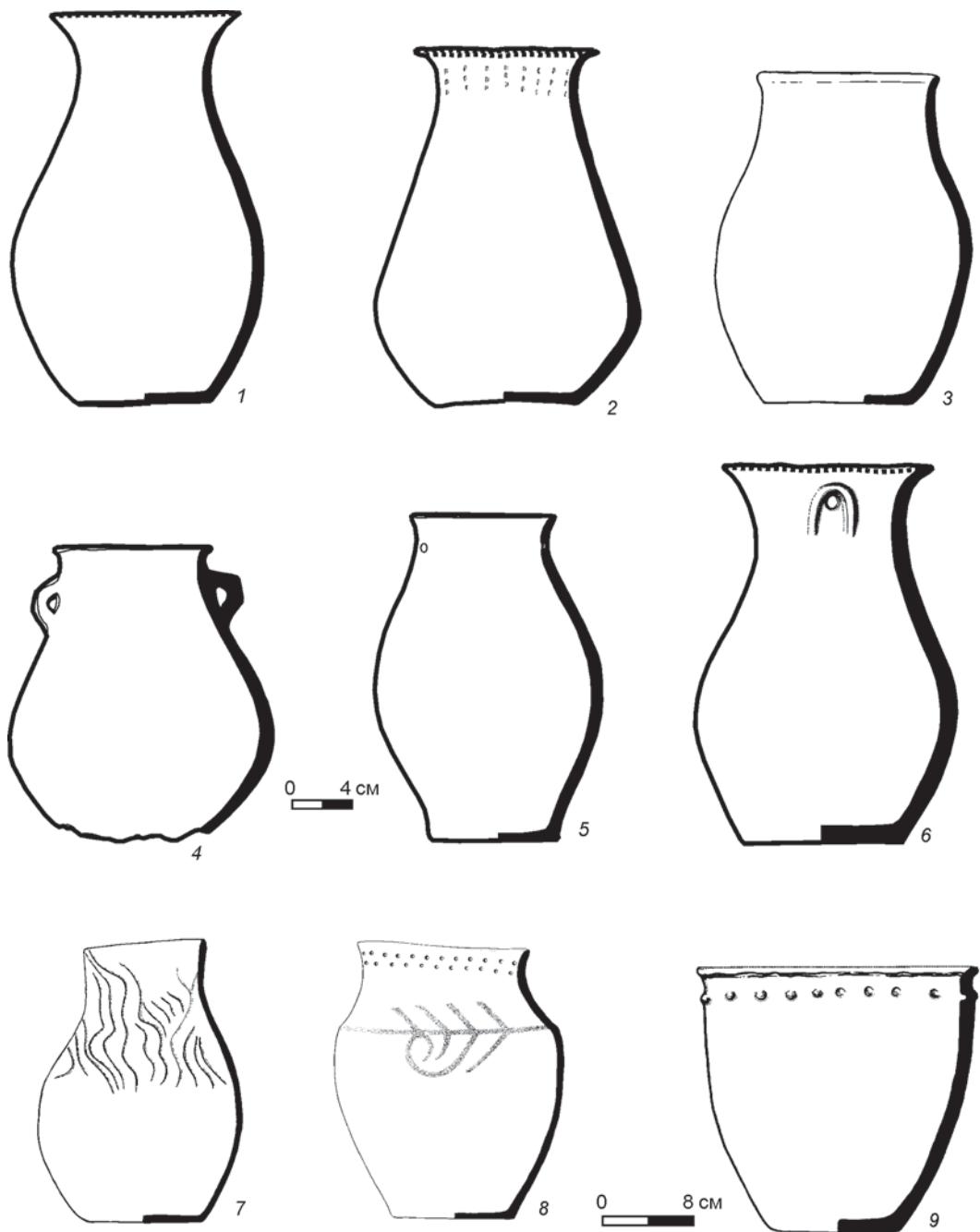

Рис. 102. Разновидности керамических сосудов из курганов 2 (8), 8 (9), 9 (6), 26 (3, 7), 46 (1), 47 (2), 71 (4) и 78 (5) памятника Чултуков Лог-1.

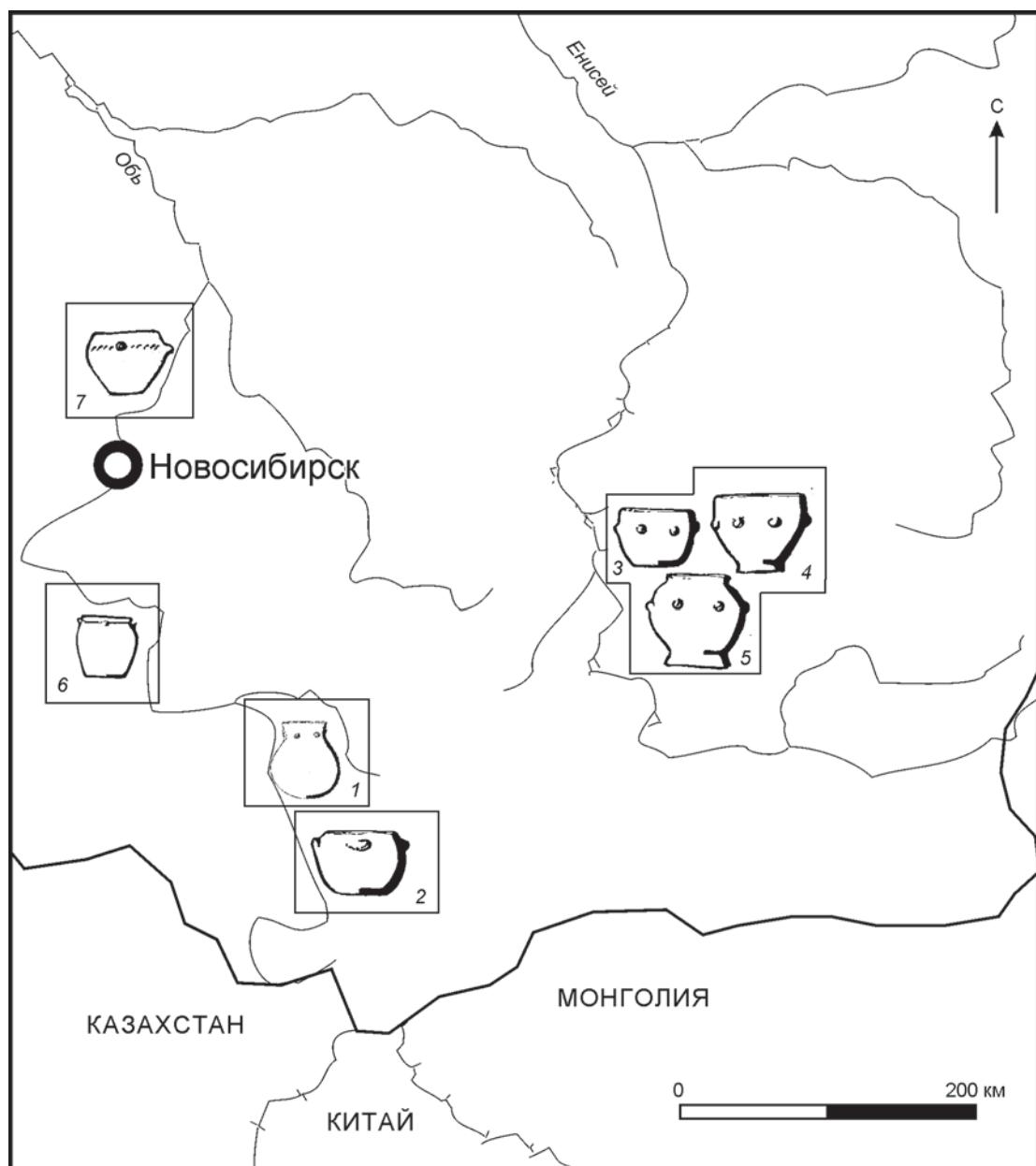

Рис. 103. Карта-схема распространения сосудов с выступами (ранний железный век).

1 – Чултуков Лог-1; 2 – Верх Тельхемень; 3, 4 – Разлив-1; 5 – оз. Шира; 6 – Тузовские Бугры-1; 7 – Березовый Остров-1.

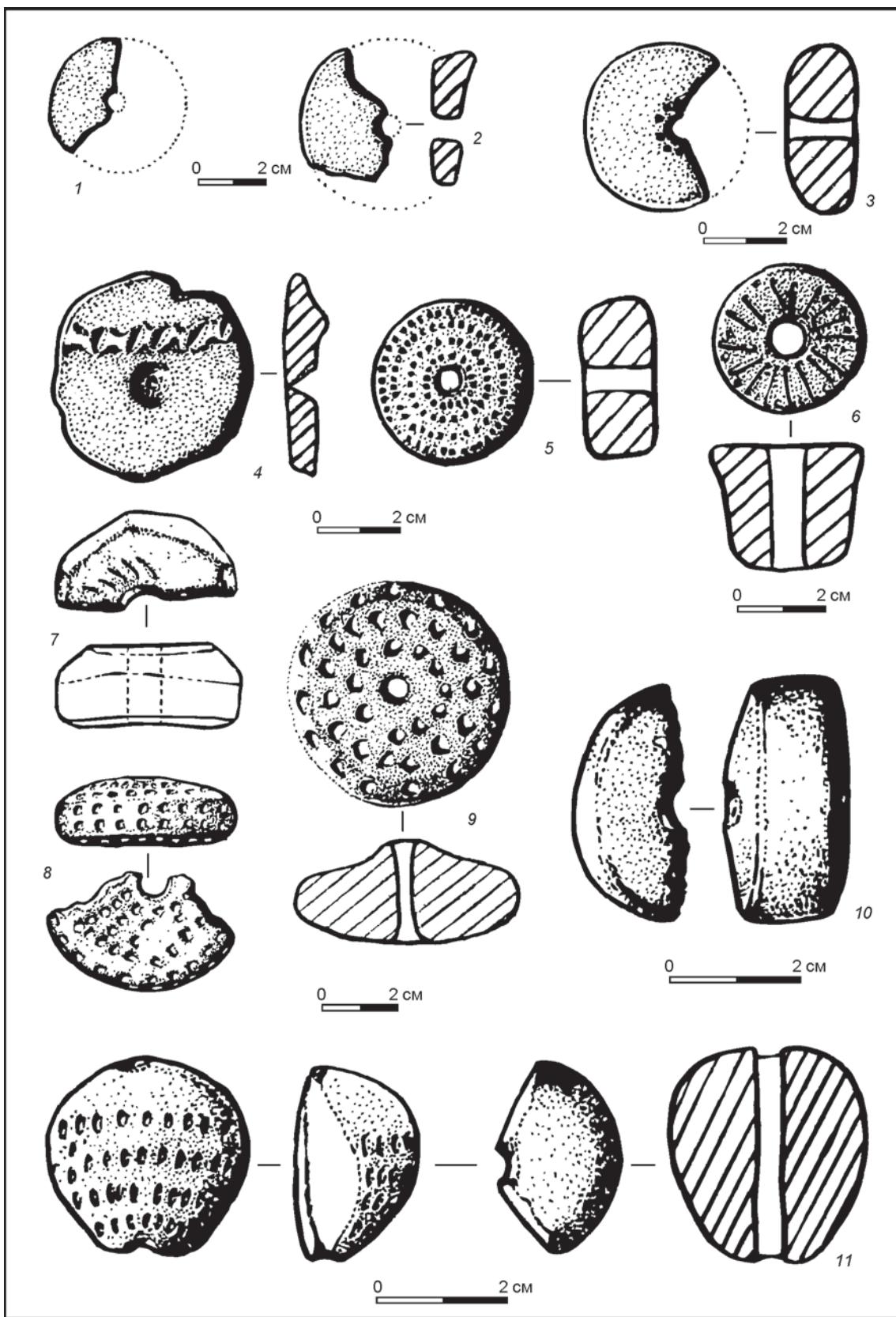

Рис. 104. Глиняные прядильные горшки эпохи раннего железа горной долины нижней Катуни.

1, 2 – Бочкаревка; 3, 5 – Майма I; 4, 7, 8 – Муны-1; 6 – Майма XIX; 9–11 – Манжерок-3.

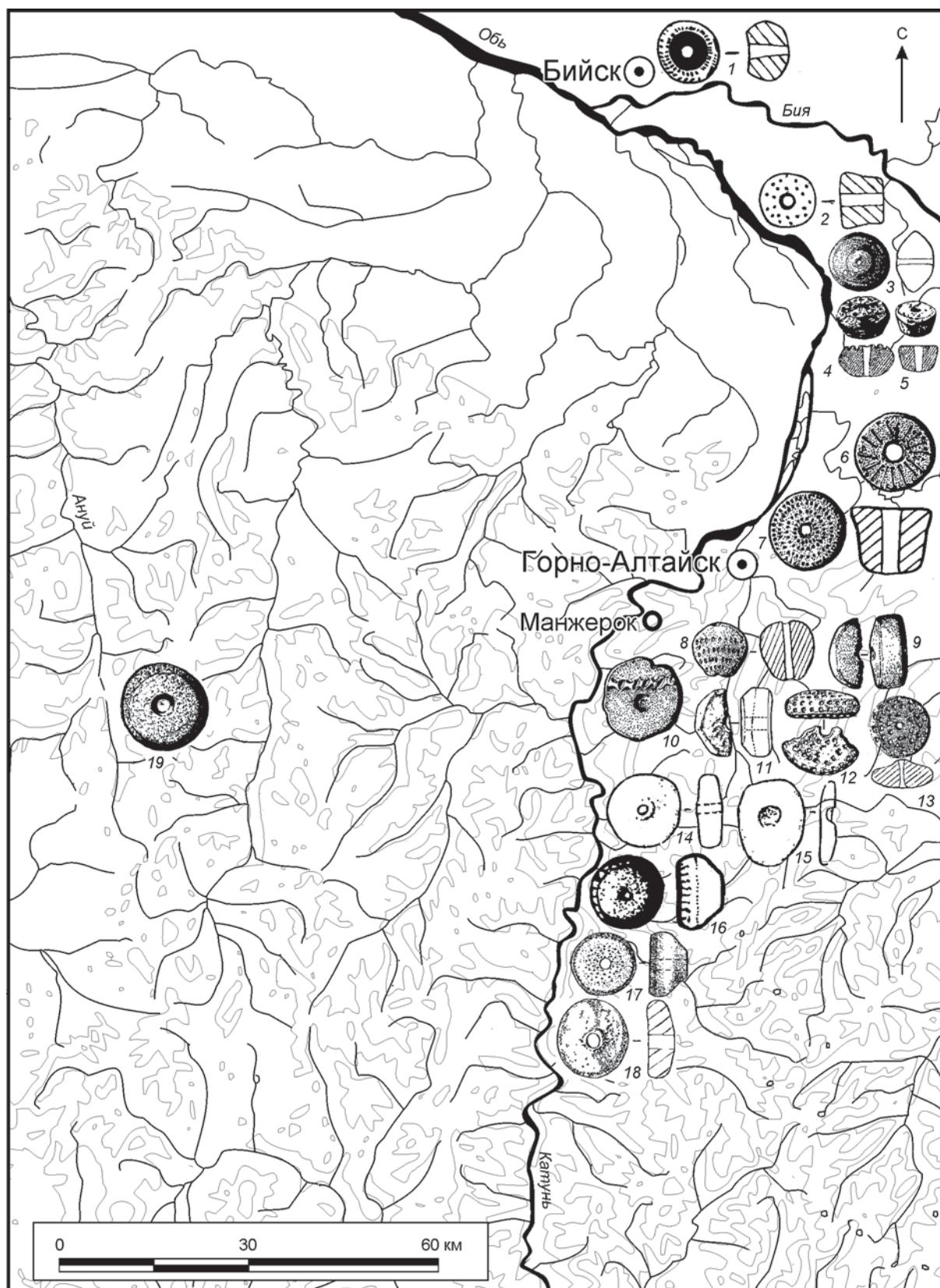

Рис. 105. Распространение керамических прядильщиков эпохи раннего железа на Северном Алтае.

1 – Бийск-1; 2 – Сростки; 3 – Березовка-1; 4, 5 – Быстрянка; 6, 7 – Майма I и XIX; 8, 9 – Манжерок-3; 10–13 – Муны-1; 14, 15 – Чепош-2; 16 – Аскат-2; 17 – Партизанская Катушка; 18 – Бике III; 19 – Черный Ануй-3.

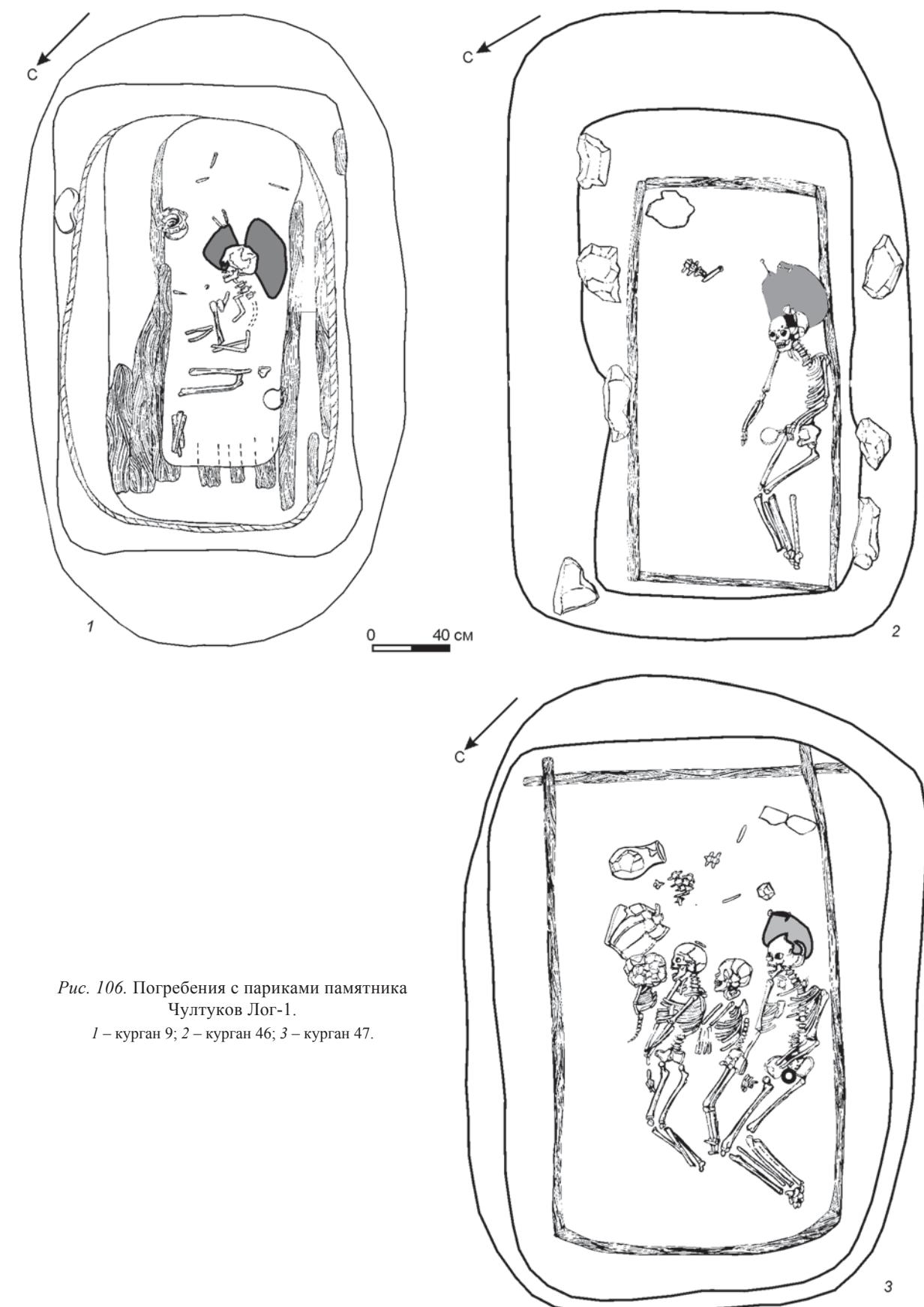

Рис. 106. Погребения с париками памятника
Чултуков Лог-1.

1 – курган 9; 2 – курган 46; 3 – курган 47.

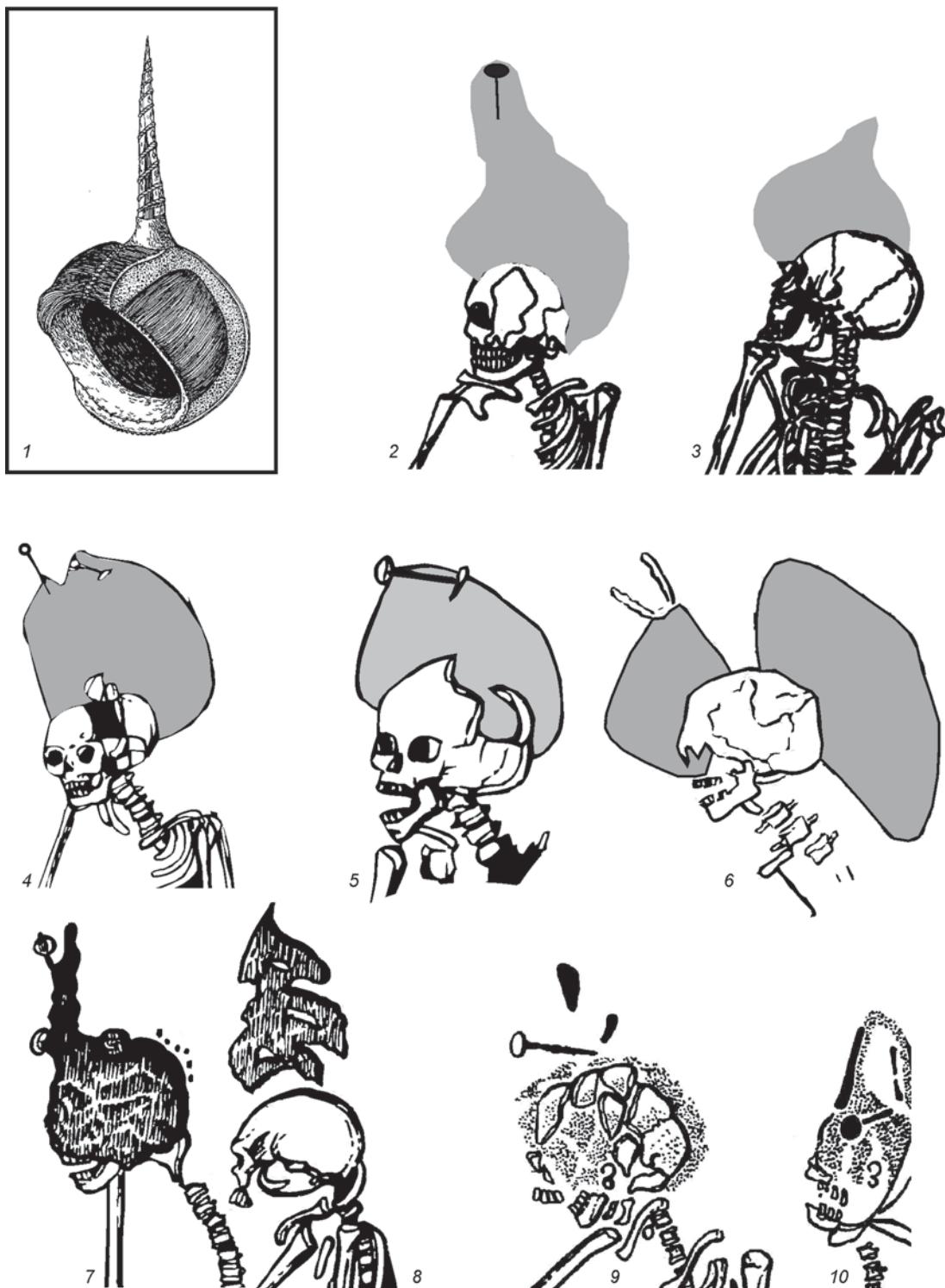

Рис. 107. Головные уборы-парики из Барангольского некрополя и курганной группы Чултуков Лог-1.
1 – курган 3, Ак-Алаха-3 [Феномен..., 2000, с. 164]; 2–6 – Чултуков Лог-1; 7–10 – Барангольский некрополь.

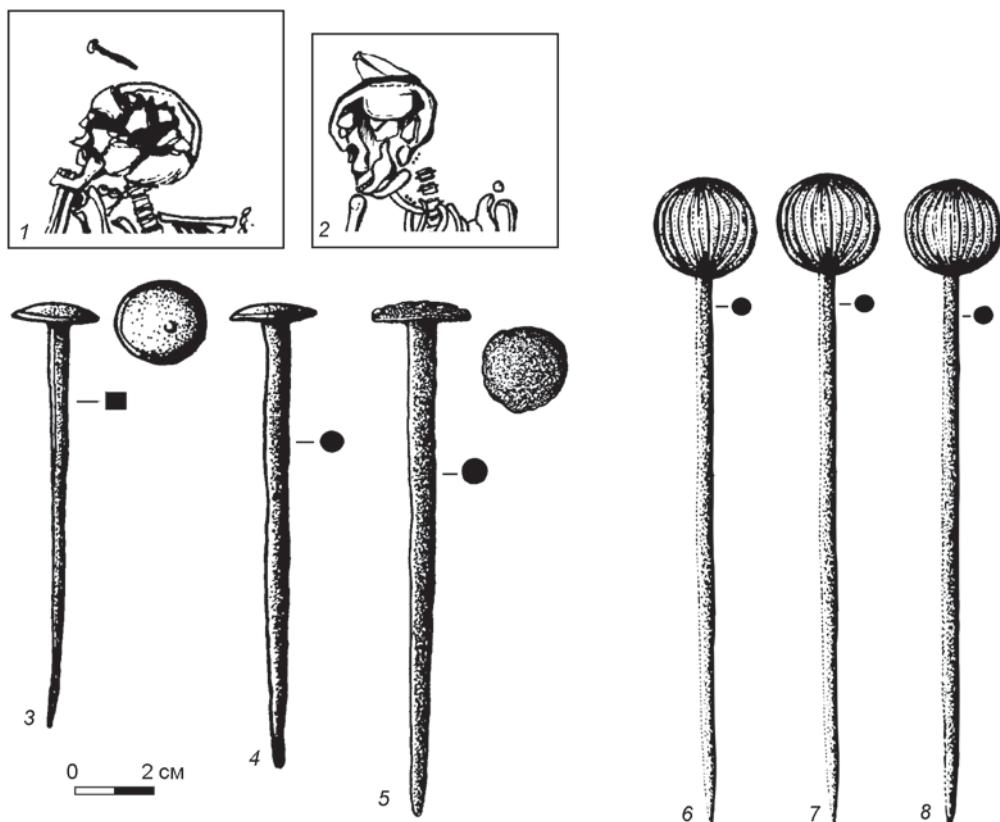

Рис. 108. Бронзовые (6–8) и железные (3–5) заколки из женских погребений скифского времени курганных групп Барангол-2 (6, 7) и Чултуков Лог-1 (1–5, 8).

1, 2 – расположение железных заколок в изголовье погребенных в курганах 12 и 37; 3–5 – заколки из курганов 12 и 37; 6, 7 – заколки с круглыми деревянными резными долькообразными навершиями из кургана 7; 8 – заколка с круглым деревянным резным долькообразным навершием.

Рис. 109. Декор триквостров с нижней Катуни.

1 – Майма IV; 2 – Барангол-1 (фрагмент зооморфного декора); 3 – Барангол-1 (изображения грифонов);
4 – Чултуков Лог-1.

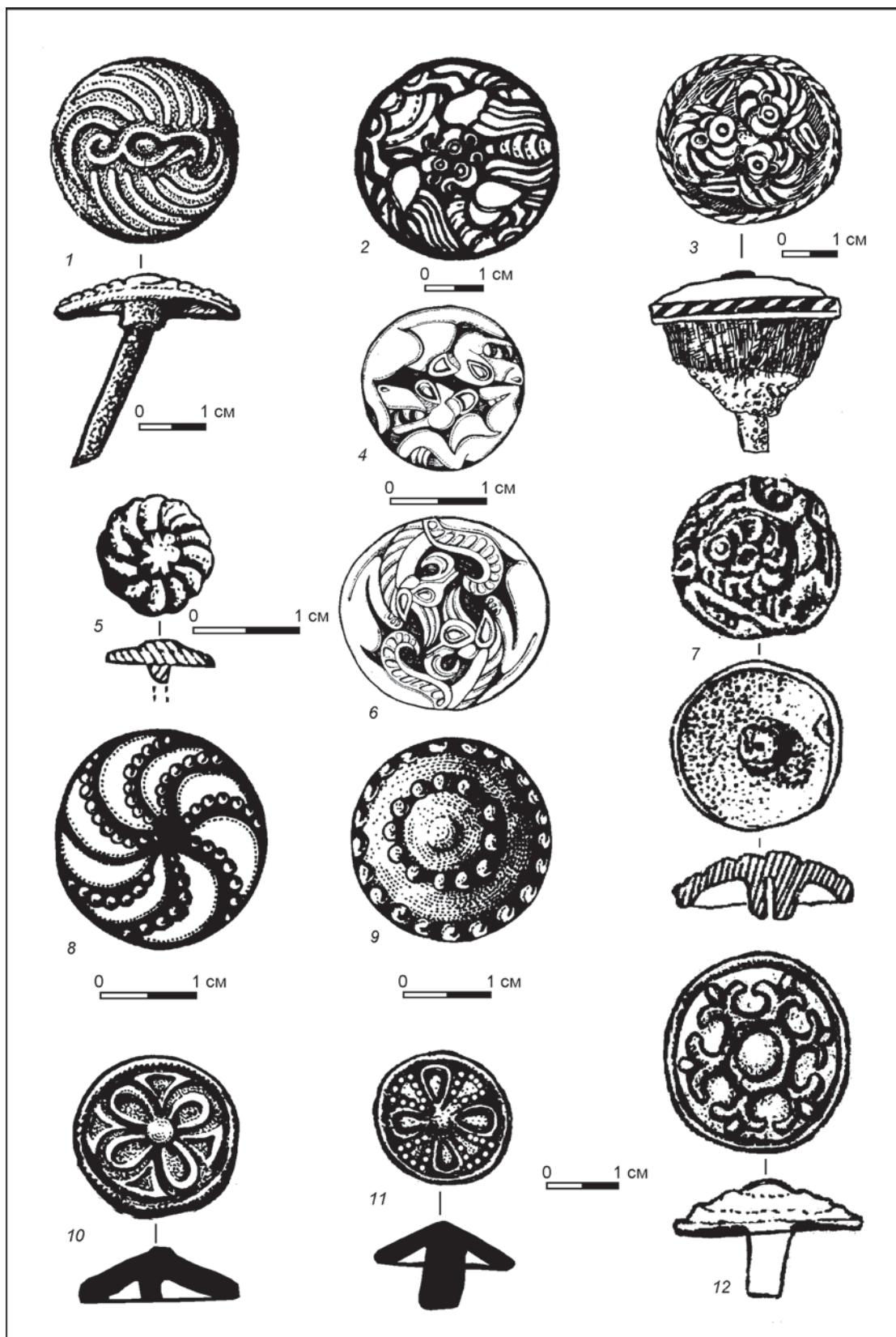

Рис. 110. Триквистры Северного Алтая.

1 – Барангол-2; 2 – Чултуков Лог-1; 3 – Майма IV; 4 – Барангол-1; 5 – Суртайка-1; 6 – Барангол-1; 7 – Покровский Лог; 8, 9 – Чултуков Лог-1; 10 – Черный Ануй-3; 11 – Майма XIX; 12 – Верх-Еланда-2.

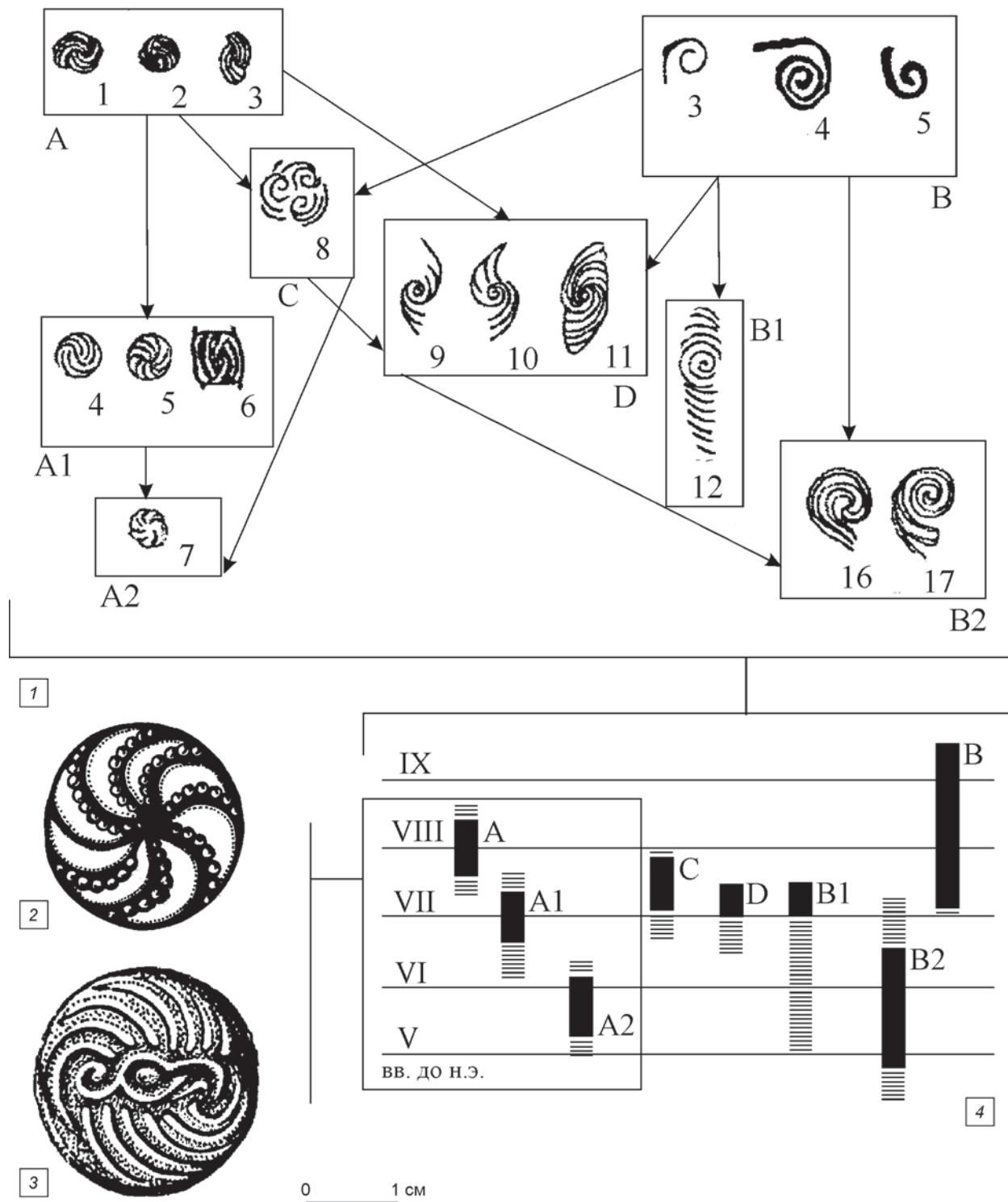

Рис. 111. Датировка декора триквествров.

1 – трансформация солярного орнаментального мотива (1–3 – Уйгарақ, кург. 47; 4 – Новый Кумак, кург. 6; 5 – Хемчик-Бом III, кург. 1, 2; 6 – Вакулихинский «клад»; 7 – Пятимары I, кург. 8; 8 – Тасмола V, кург. 3; 9 – Аржан-2, мог. 5; 10 – Аржан-2, мог. 5; 11 – Yanqhai (Shanshan); 12 – Аржан-2, мог. 5; 13 – Аржан; 14 – Новоселово; 15 – Боярский хребет II; 16 – Минусинская котловина; 17 – Куйлуг-Хем-I, кург. 22 [Смирнов, 2004, с. 428]); 2 – триквестр из Чултукова Лога-1; 3 – триквестр из Барангола-4; 4 – хронологическое соотношение трансформации солярного орнамента [Смирнов, 2004, с. 430].

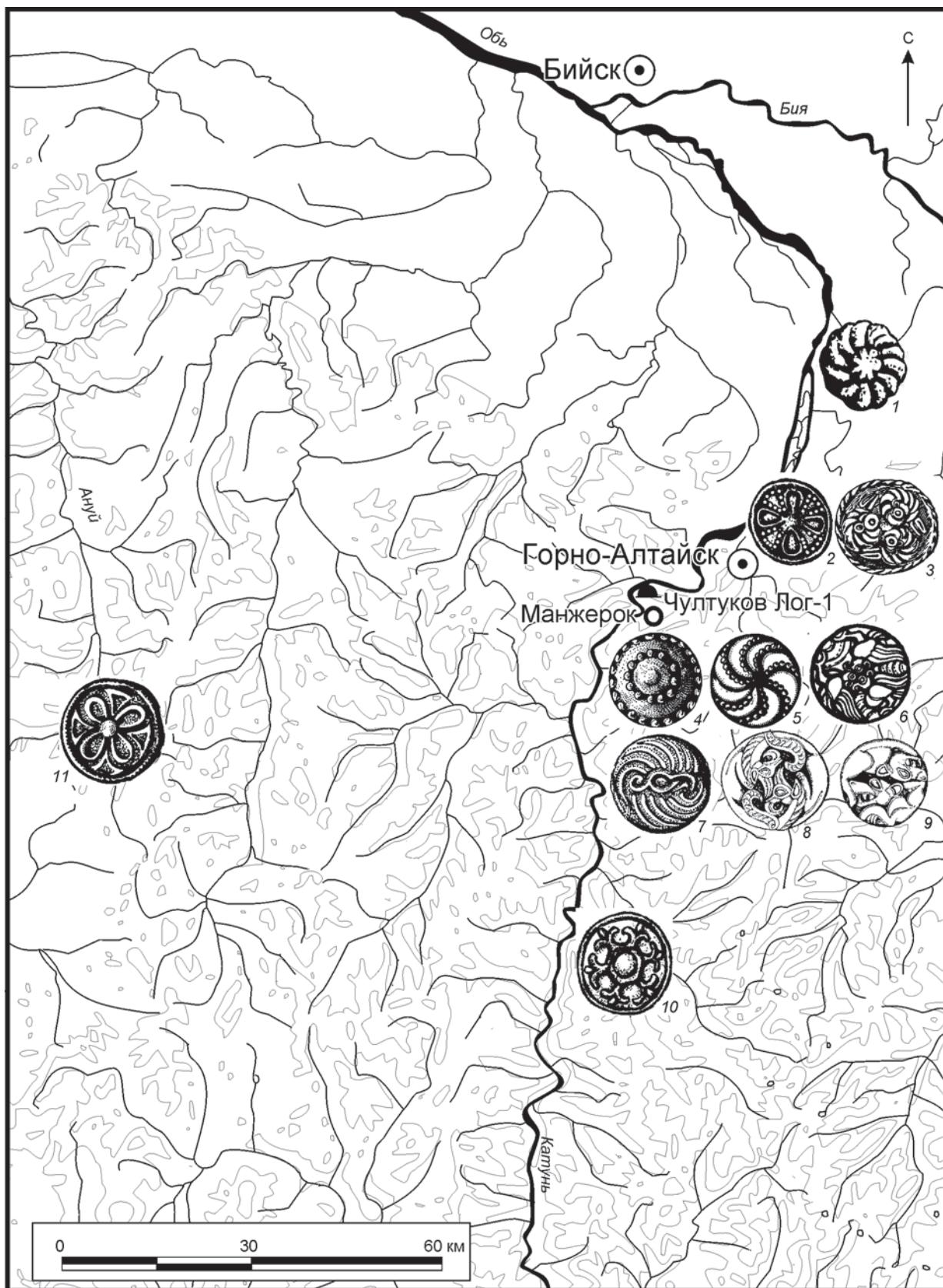

Рис. 112. Распространение триквестров на Северном Алтае.

1 – Суртайка-1; 2, 3 – Майма XIX; 4–6 – Чултуков Лог-1; 7–9 – Барангол-1 и -2; 10 – Верх-Еланда-2; 11 – Черный Ануй-3.

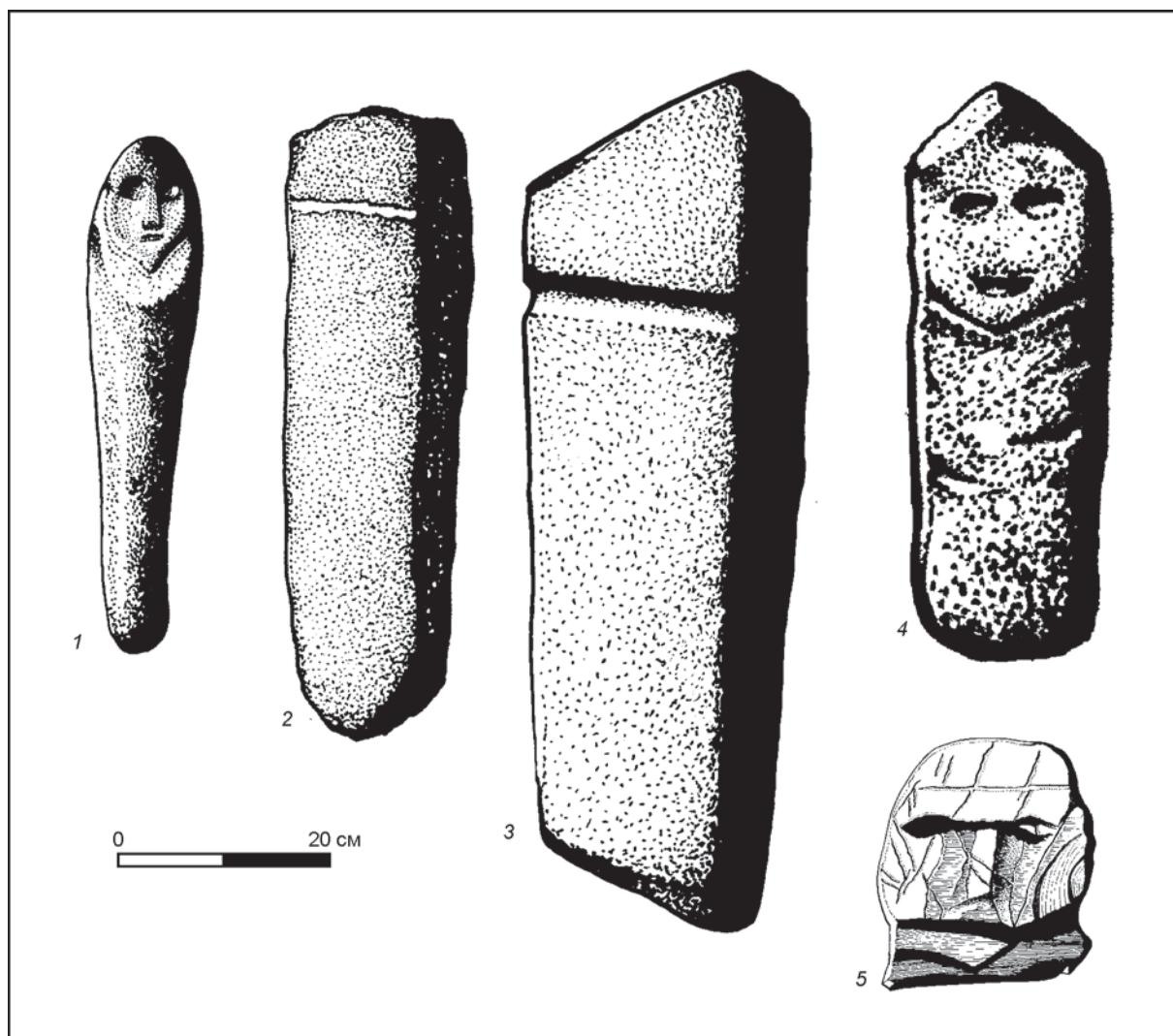

Рис. 113. Каменные изваяния горной долины нижней Катуны.

1 – Долина Свободы (эпоха развитой бронзы); 2 – Манжерокское Озеро-1 (эпоха раннего железа); 3 – Чултуков Лог-1д (эпоха раннего железа); 4 – Бирюзовая Катунь-3 (эпоха средневековья); 5 – Бирюзовая Катунь-7 (эпоха металла).

Рис. 114. Золотые тисненые украшения скифского времени Горного Алтая.

1, 2 – Чултуков Лог-1; 3 – Ала-Гаил; 4 – Карбан II.

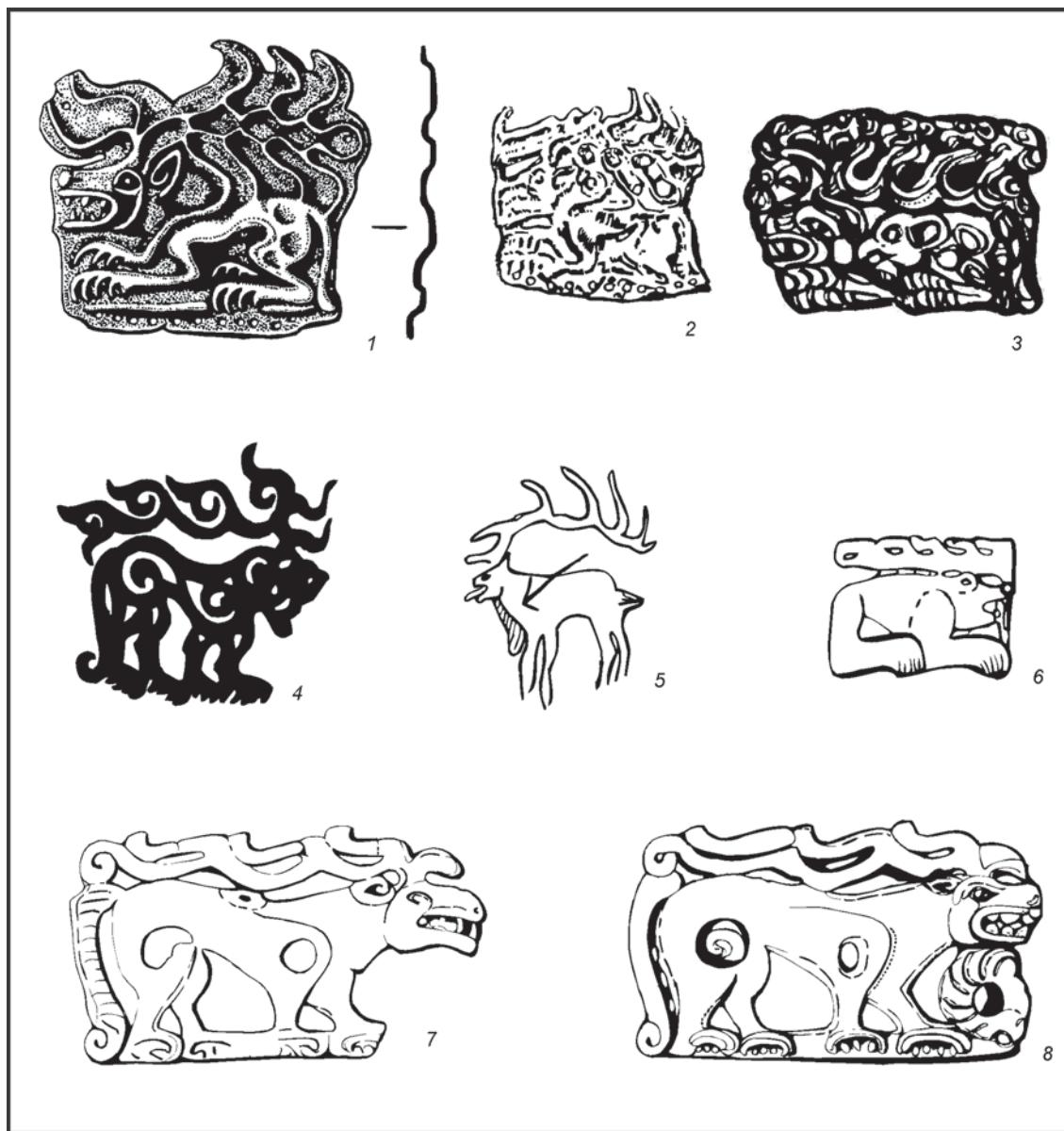

Рис. 115. Золотая пластина с изображением фантастического рогатого хищника из кургана 25а памятника Чултуков Лог-1 (1) и ее аналоги (2–8).

1 – Чултуков Лог-1; 2 – Кызыл-Джар V; 3 – Ордос; 4 – Первый Тууктинский курган; 5 – Саклы-Базжи VI; 6 – Степановская коллекция; 7 – Новоалтайск; 8 – Новый Шаран-1 (1–3 – золото; 4 – кожа; 5 – гравировка на бронзе; 6–8 – бронза).

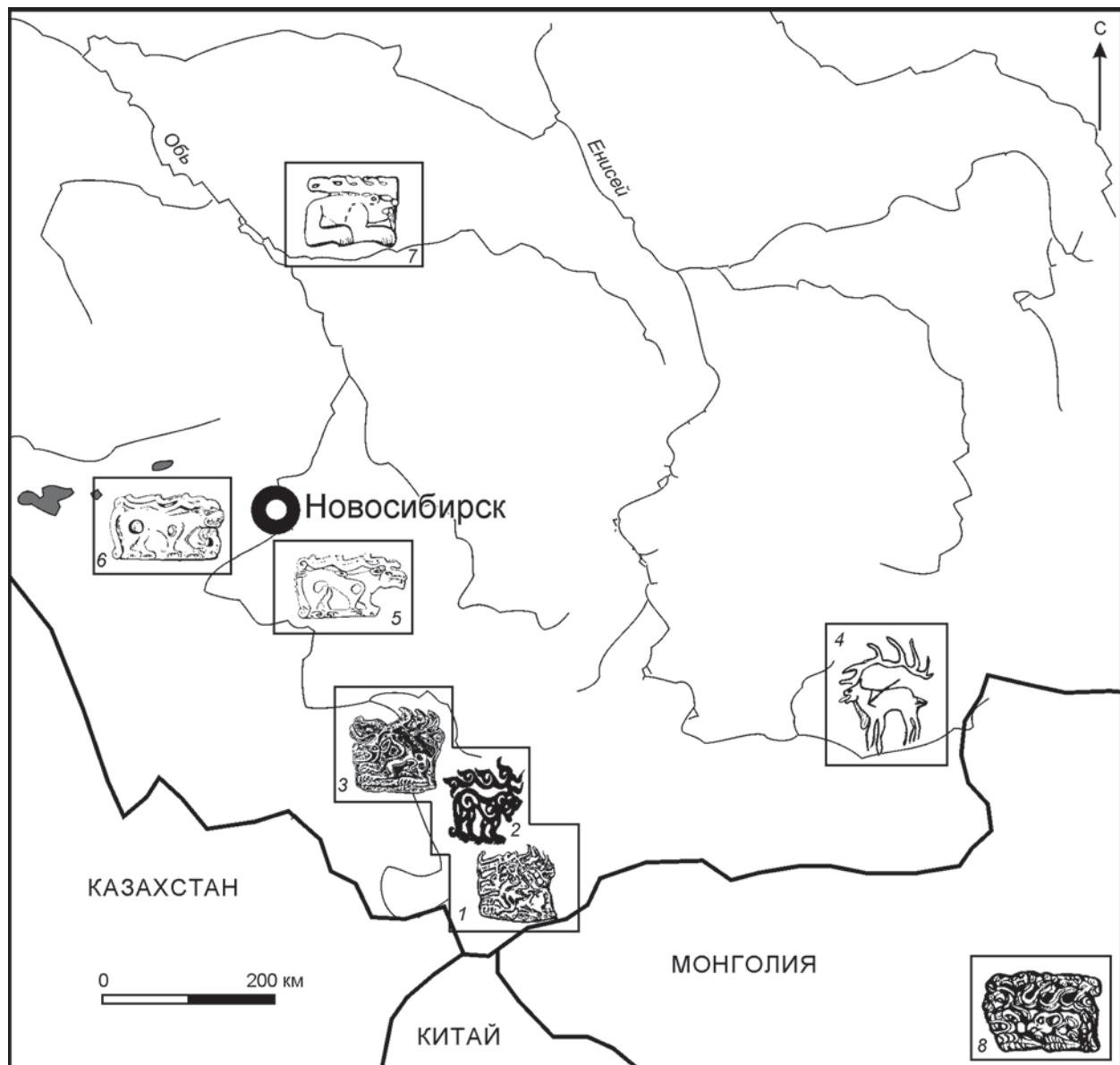

Рис. 116. Распространение изображений фантастических рогатых хищников на Алтае.

1 – Кызыл-Джар V; 2 – Первый Түктинский курган; 3 – Чултуков Лог-1; 4 – Саклы-Бажи VI; 5 – Новоалтайск; 6 – Новый Шарап-1; 7 – Степановская коллекция; 8 – Ордос (1, 3, 8 – золото; 2 – кожа; 4 – гравировка на бронзе; 5–7 – бронза).

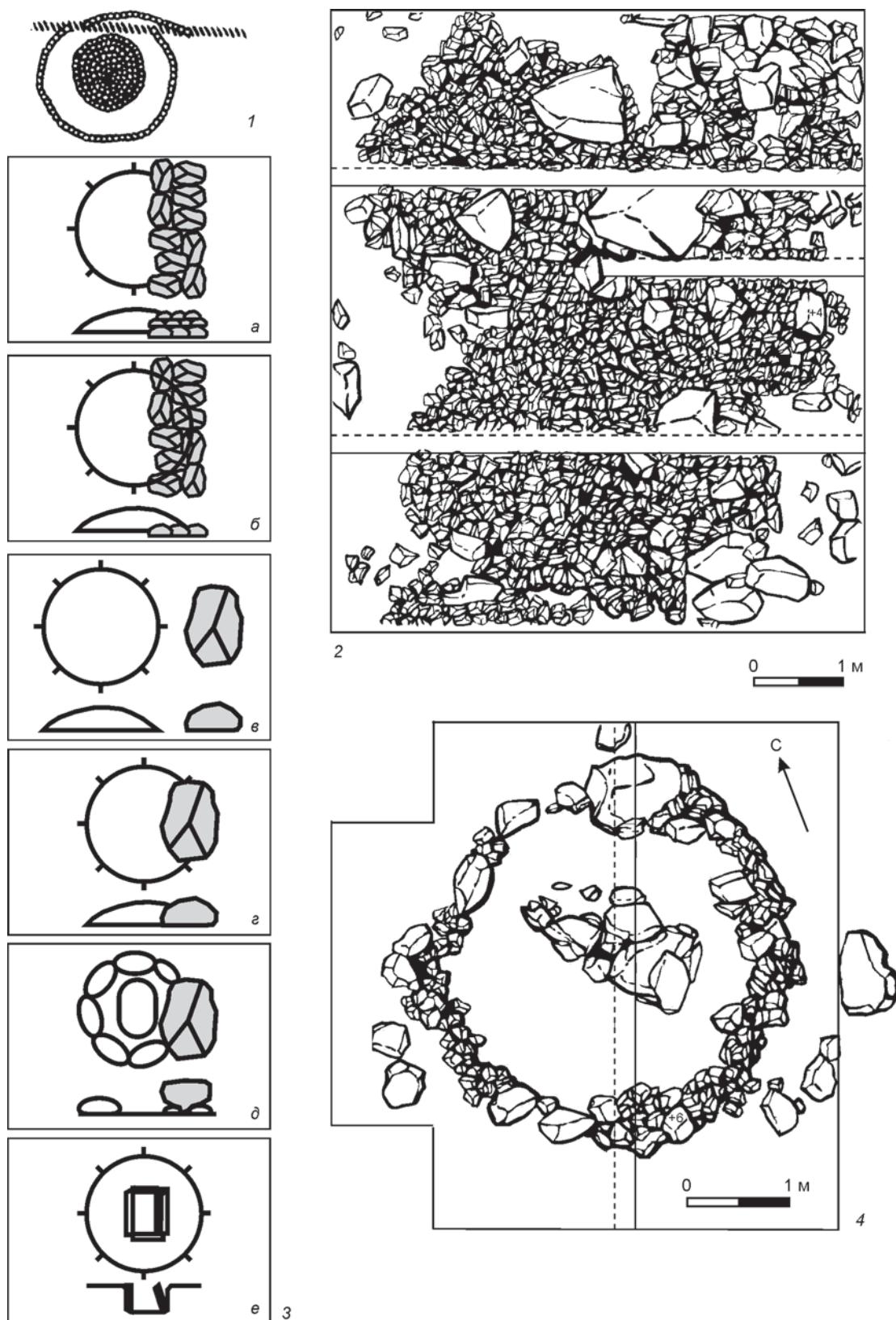

Рис. 117. Признаки древней сейсмоактивности на памятнике Чултуков Лог-1 (2–4) и в Западной Монголии (1).

1 – деформация каменной конструкции тюркского кургана VIII в. вследствие землетрясения XVIII в. (по: [Трифонов, Карабанян, 2004, с. 106]); 2 – расположение крупных камней на кургане 54; 3 – варианты расположения крупных камней на курганах; 4 – деформация крепиды кургана 44.

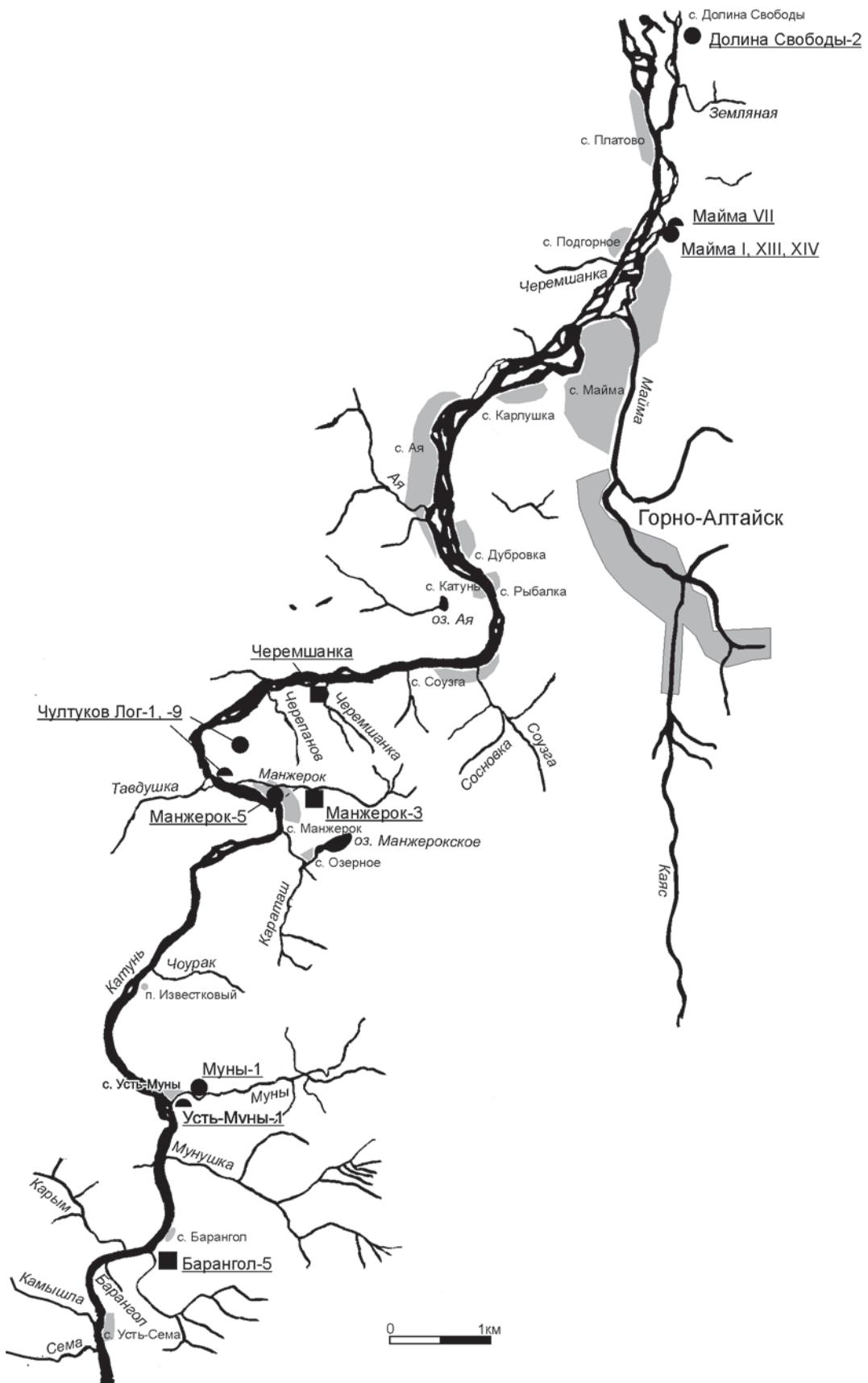

Рис. 118. Карта расположения археологических памятников гунно-сарматской эпохи на нижней Катуни.

*Rис. 119. Погребения майминской культуры нижней Катуны.
1 – Чултуков Лог-1г, курган 67 (вид с юго-востока); 2 – Усть-Муны-1, курган 1 (вид с северо-востока).*

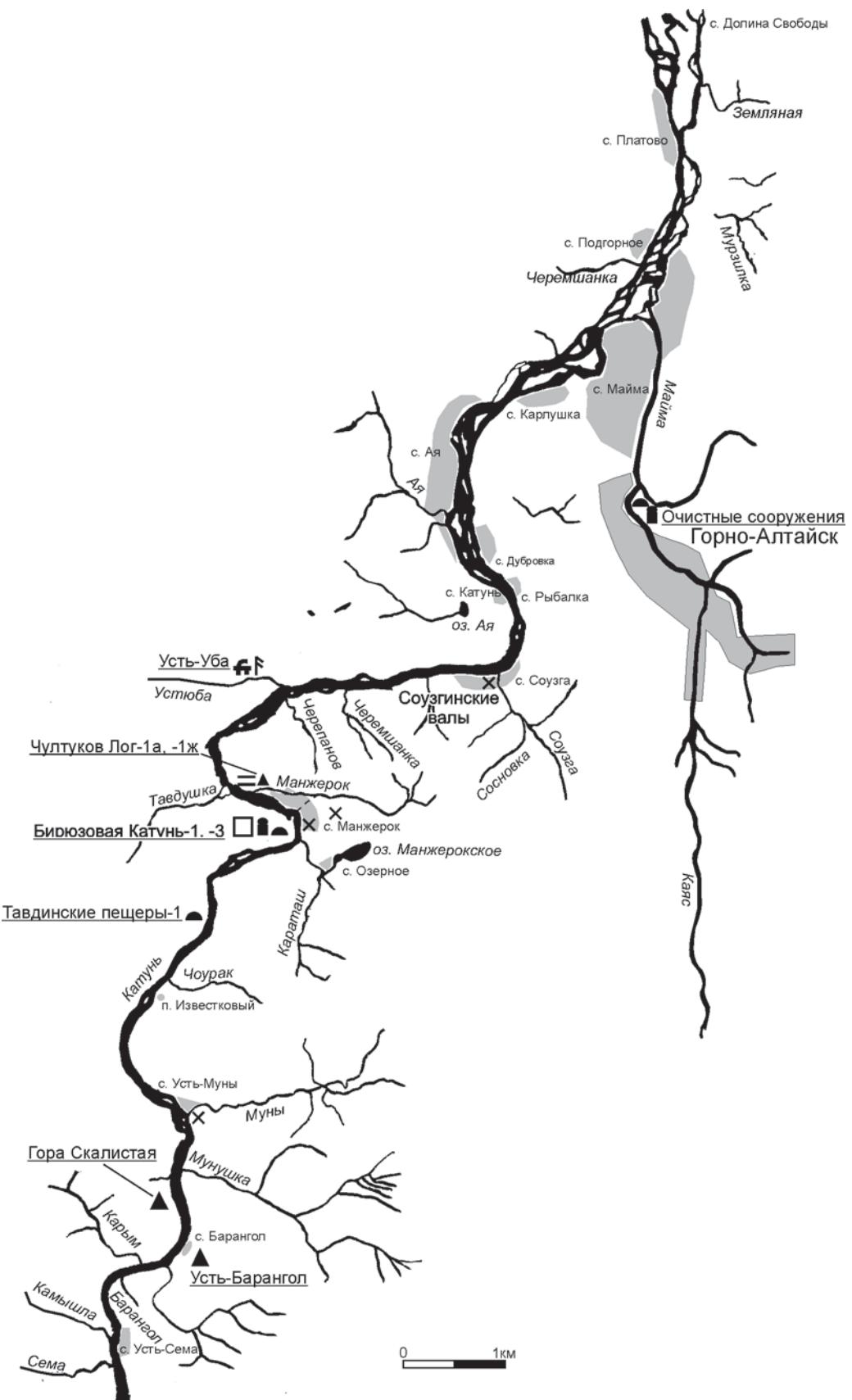

Рис. 120. Карта расположения археологических памятников эпохи средневековья на нижней Катуни.

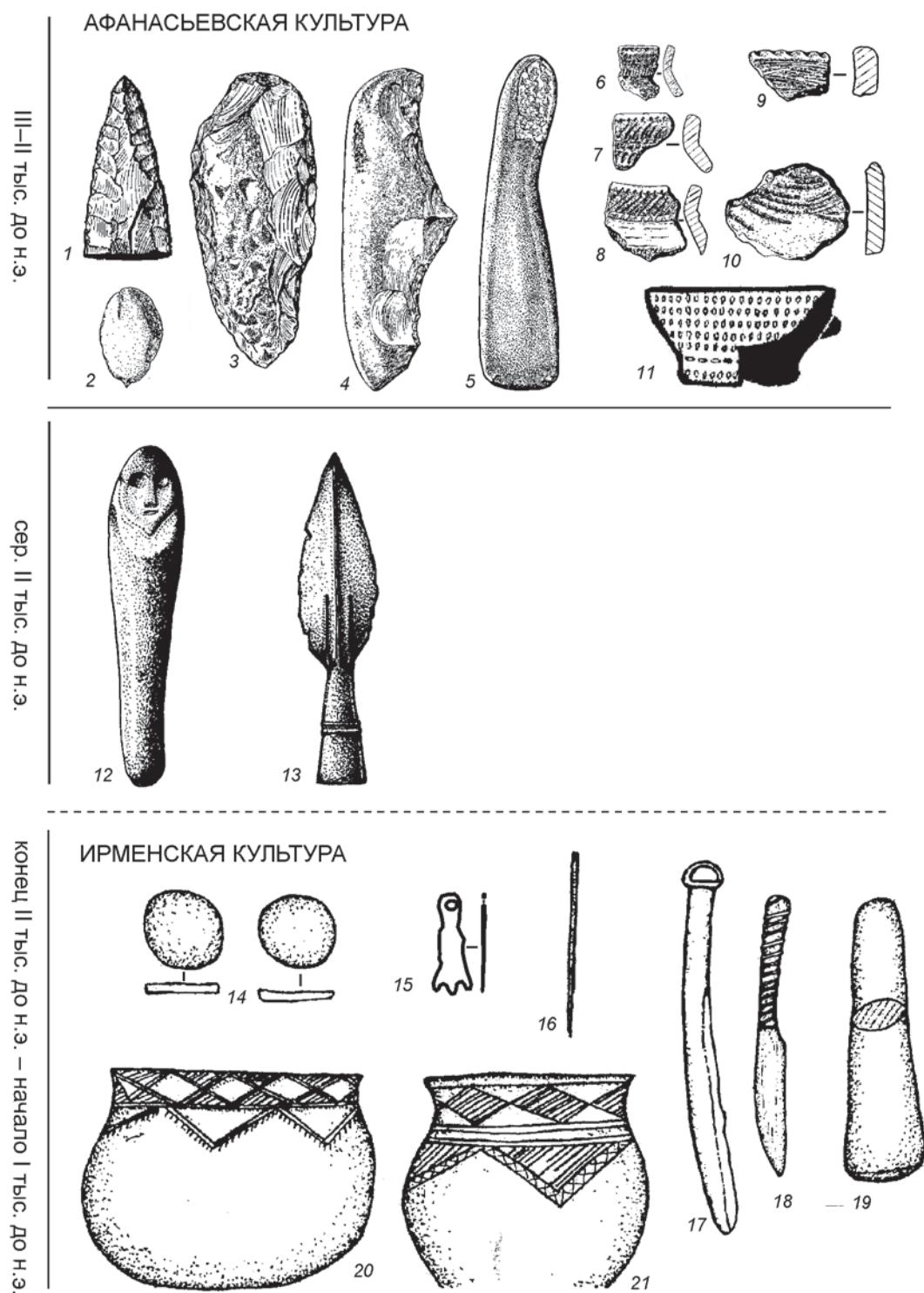

Рис. 121. Культурно-хронологическая колонка археологических памятников горной долины нижней Катуны эпохи бронзы.

Афанасьевская культура: 1 – наконечник каменного дротика (Манжерок-5); 2 – каменное сверло (Муны-1); 3 – каменный нож (Муны-1); 4 – каменное орудие (Муны-1); 5 – каменный жезл (Муны-1); 6–10 – фрагменты керамики (Муны-1); 11 – керамическая курильница (Усть-Муны-3); 12 – каменное изваяние (Долина Свободы-3); 13 – бронзовое сейминско-турбинское копье (с. Соузга).

Ирменская культура: 14 – керамические фишки (Майма XII); 15 – металлическая подвеска; 16 – бронзовое шило (Майма XII); 17 – бронзовый нож (окрестности аэропорта); 18 – бронзовый нож (окрестности с. Майма); 19 – каменный пест (Майма XII); 20, 21 – керамические сосуды (Майма XII).

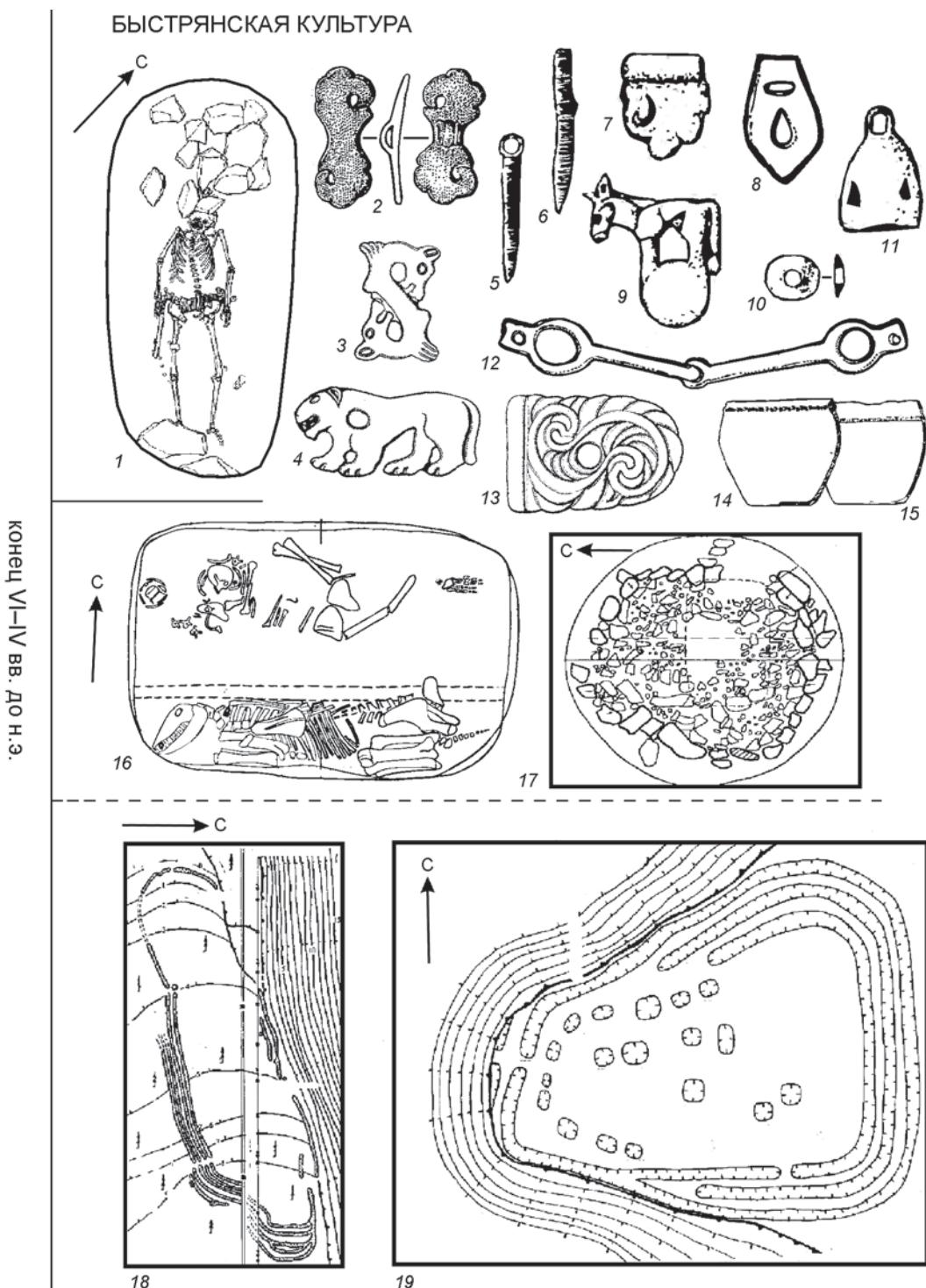

Рис. 122. Культурно-хронологическая колонка археологических памятников горной долины нижней Катуни эпохи раннего железа.

Быстрянская культура: 1 – план погребения (кург. 13, Чултуков Лог-1); 2 - двухлопастная стилизованная поясная бронзовая пряжка (кург. 4, Чултуков Лог-1); 3 – бронзовая поясная бляшка (кург. 13, Чултуков Лог-1); 4 – бронзовая поясная пряжка (кург. 13, Чултуков Лог-1); 5 – пластинчатый железный нож с кольчатым окончанием (Майма XIX); 6 – пластинчатый железный нож (Майма XIX); 7 – бронзовая уздечная бляха (Майма XIX); 8 – зооморфная бляха (Майма XIX); 9 – роговая седельная подвеска (кург. 27, Майма VII); 10 – роговая пронизь (кург. 27, Майма VII); 11 – бронзовый колокольчик (Майма XIX); 12 – железные кольчатые удилы (кург. 27, Майма VII); 13 – бронзовая поясная пряжка с изображением головы грифона (кург. 13, Чултуков Лог-1); 14, 15 – керамические сосуды (Майма III и I); 16 – погребение с конем (кург. 27, Майма VII); 17 – каменная конструкция кургана с погребением с конем (кург. 27, Майма VII); 18 – план городища Манжерок-3; 19 – план городища Барангол-5.

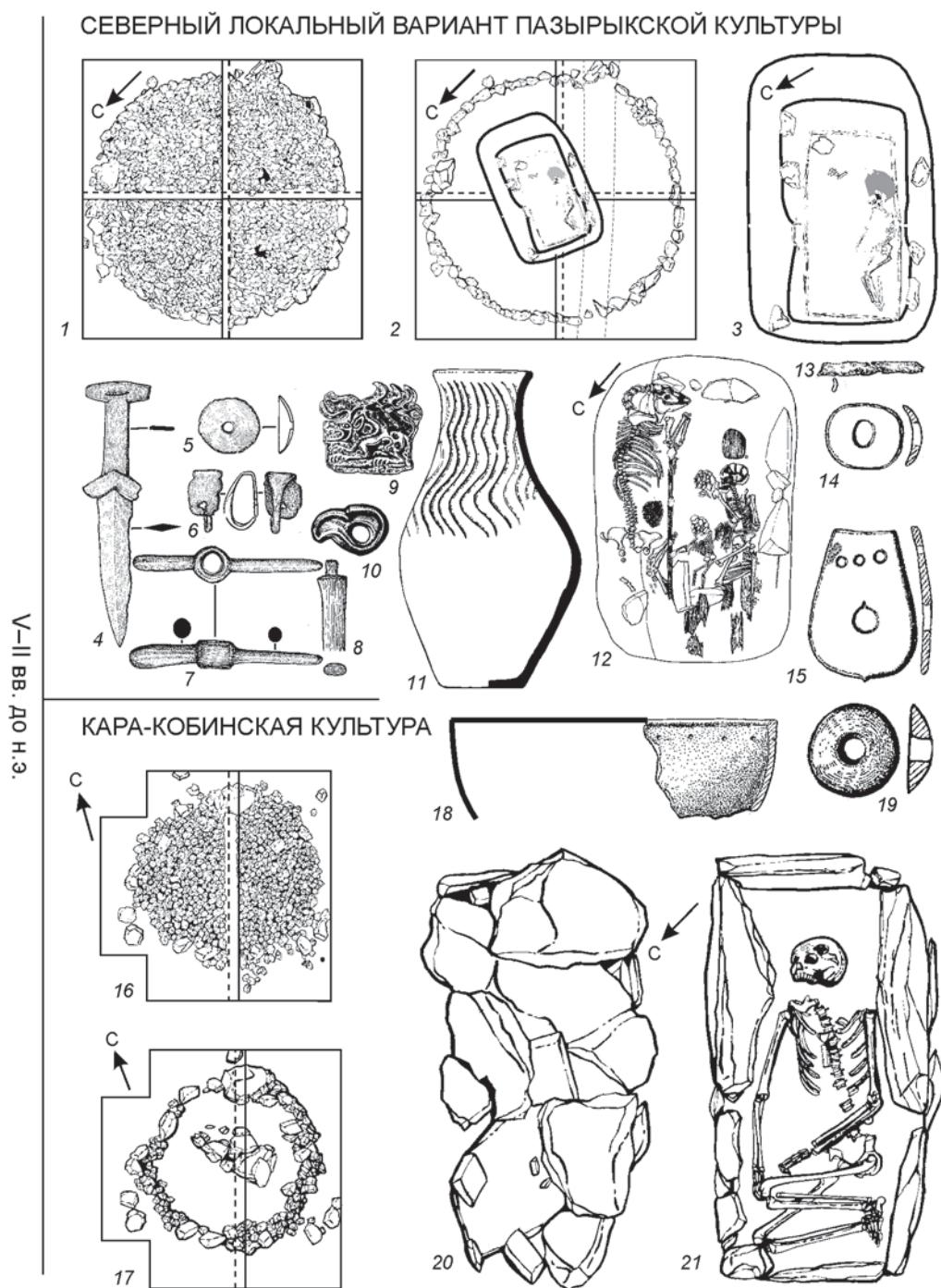

Рис. 123. Культурно-хронологическая колонка археологических памятников горной долины нижней Катуни эпохи раннего железа.

Северный локальный вариант пазырыкской культуры: 1 – каменная конструкция (кург. 46, Чултуков Лог-1); 2 – крепида с погребением (кург. 46, Чултуков Лог-1); 3 – план погребения (кург. 46, Чултуков Лог-1); 4 – бронзовый кинжал (кург. 17, Чултуков Лог-1); 5 – бронзовая полусферическая обойма с отверстием в центре (кург. 17, Чултуков Лог-1); 6 – бронзовый пластинчатый крючок (кург. 17, Чултуков Лог-1); 7 – бронзовый чекан (кург. 17, Чултуков Лог-1); 8 – деревянная рукоять чекана (кург. 17, Чултуков Лог-1); 9 – золотая пластинка с изображением фантастического хищника (кург. 25а, Чултуков Лог-1); 10 – костяная пряжка в виде грифона (Чултуков Лог-1); 11 – керамический сосуд с прочерченным орнаментом (кург. 15, Чултуков Лог-1); 12 – план погребения с конем (кург. 5, Барангол-2); 13 – серебряное изделие (кург. 5, Барангол-2); 14, 15 – роговые детали конского седла (кург. 5, Барангол-2).

Кара-кобинская культура: 16 – каменная конструкция (кург. 44, Чултуков Лог-1); 17 – крепида с перекрытием (кург. 44, Чултуков Лог-1); 18 – фрагмент сосуда (насыпь кург. 44); 19 – роговая пронизь (кург. 44); 20 – каменное перекрытие могильной ямы (кург. 44, Чултуков Лог-1); 21 – план погребения (кург. 44, Чултуков Лог-1).

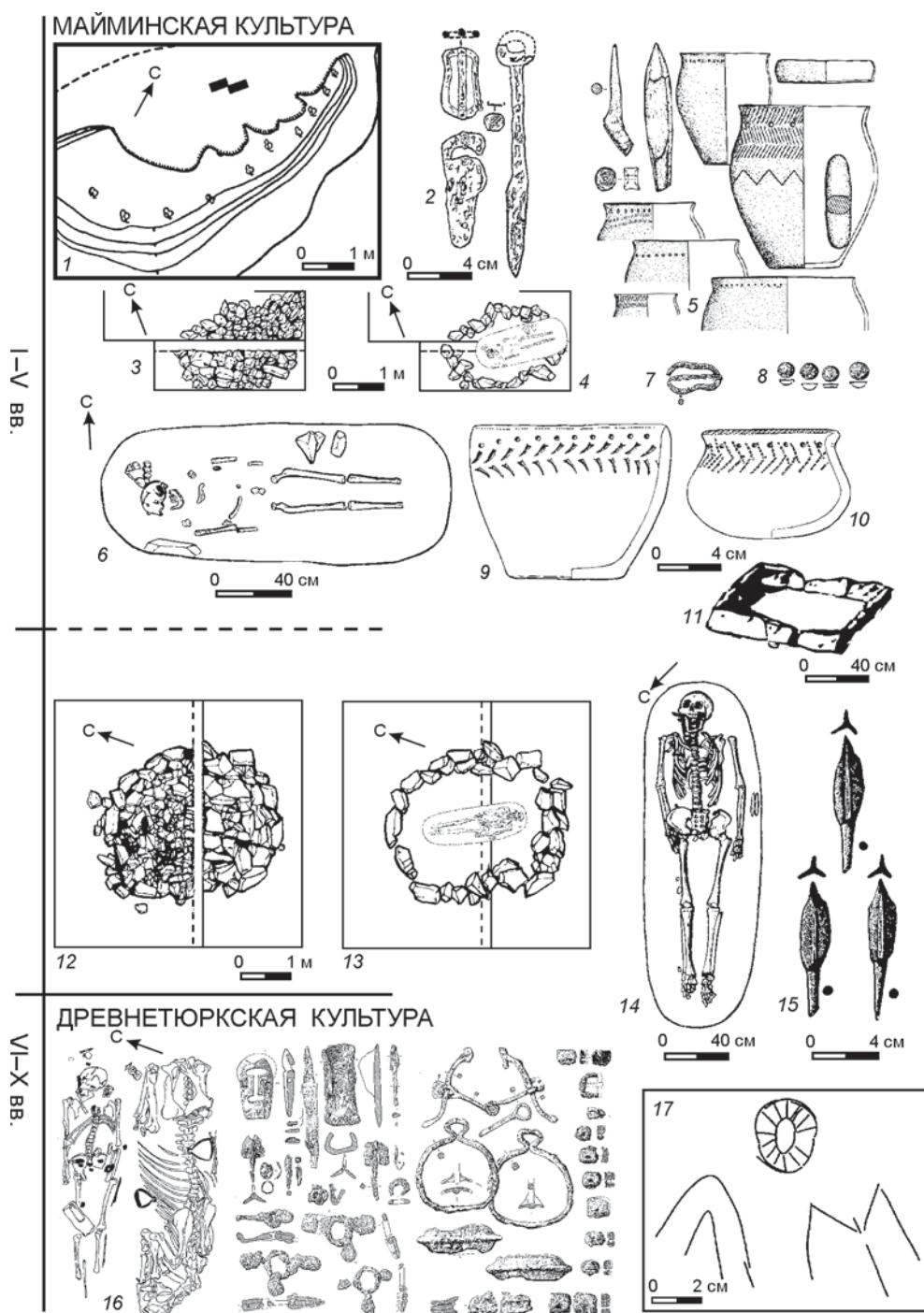

Рис. 124. Культурно-хронологическая колонка археологических памятников горной долины нижней Катуни гунноСарматского и древнетюркского времени.

Майминская культура: 1 – план городища Черемшанка; 2 – сопроводительный инвентарь (кург. 87, Майма VII): железный нож, серебряная бляшка, железная пряжка с подвижным язычком, железная пряжка; 3 – насыпь (кург. 70, Чултуков Лог-1); 4 – кольцевая крепида и погребение (кург. 70, Чултуков Лог-1); 5 – находки (Черемшанка); 6 – план погребения (кург. 61, Чултуков Лог-1); 7 – железная пряжка (кург. 61, Чултуков Лог-1); 8 – бронзовые нашивки (кург. 61, Чултуков Лог-1); 9 – керамический сосуд (кург. 61, Чултуков Лог-1); 10 – керамический сосуд (кург. 70, Чултуков Лог-1); 11 – каменный очаг (Майма I); 12 – каменная конструкция (кург. 1, Усть-Муны-1); 13 – крепида с погребением (кург. 1, Усть-Муны-1); 14 – план погребения (кург. 1, Усть-Муны-1); 15 – железные наконечники стрел (кург. 1, Усть-Муны-1).

Древнетюркская культура: 16 – погребение и сопроводительный инвентарь кургана (Бирюзовая Катунь-1); 17 – наскальный знак и руническая надпись (р. Усть-Уба).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГУ – Алтайский государственный университет
- АКИН – Агентство по культурно-историческому наследию
- АН СССР – Академия наук СССР
- АО – Археологические открытия
- АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
- БГПУ – Барнаульский государственный педагогический университет
- БСЭ – Большая советская энциклопедия
- ГАГПИ – Горно-Алтайский государственный педагогический институт
- ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет
- ГАИГИ – Горно-Алтайский институт гуманитарных исследований
- ГАИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
- ДВГТУ – Дальневосточный государственный технический университет
- ДДТ – Дом детского творчества
- ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН
- ИИМК – Институт истории материальной культуры
- ИИФФ – Институт истории, филологии и философии
- МГУ – Московский государственный университет
- НГПУ – Новосибирский государственный педагогический университет
- ОмГУ – Омский государственный университет
- РА – Российская археология
- РАН – Российская академия наук
- РАЭСК – Российская археолого-этнографическая студенческая конференция
- СА – Советская археология
- САИ – Свод археологических источников
- СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
- ТГУ – Томский государственный университет

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Гла в а 1. Археологические памятники горной долины нижней Катуны	7
1.1. История археологических исследований	7
1.2. Места случайных находок	10
1.3. Пещеры и гроты	12
1.4. Стоянки и местонахождения	12
1.5. Поселения	14
1.6. Курганы	18
1.7. Грунтовые могильники	24
1.8. Поминальники и культовые комплексы	25
1.9. Городища	26
1.10. Валы	27
1.11. Производственные площадки	27
1.12. Оросительные сооружения	28
1.13. Каменные изваяния	28
1.14. Балбалы	29
1.15. Петроглифы	29
1.16. Эпиграфика	29
1.17. Сторожевые пункты	29
1.18. Археологические микрорайоны горной долины нижней Катуни	29
Гла в а 2. Культурно-хронологическая характеристика археологических памятников эпохи металла горной долины нижней Катуны	32
2.1. Памятники эпохи бронзы	32
2.2. Памятники раннего железного века	34
2.3. Памятники гунно-сарматского времени	55
2.4. Памятники эпохи средневековья	57
2.5. Закономерности расположения разновременных археологических памятников	59
Гла в а 3. Культурно-историческое значение горной долины нижней Катуни эпохи металла	61
3.1. Формирование границ археологических культур	62
3.2. Предметный комплекс как индикатор границ культуры	67
3.3. Культуры и процессы адаптации	70
3.4. Проблемы социальных интерпретаций археологического наследия горной долины нижней Катуни	72
Заключение	75
Список литературы	77
Приложение 1. Сводная таблица археологических памятников горной долины нижней Катуни	85
Приложение 2. Рисунки	93
Список сокращений	218

Научное издание

**Бородовский Андрей Павлович
Бородовская Елена Львовна**

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ
ГОРНОЙ ДОЛИНЫ НИЖНЕЙ КАТУНИ
В ЭПОХУ ПАЛЕОМЕТАЛЛА**

Редактор *M.A. Коровушкина*
Технический редактор *T.A Клименкова*
Дизайнер *A.A. Фурсенко*

Подписано в печать 01.07.2013 г. Бумага офсетная. Формат 60 × 84/8.
Усл. печ. л. 25,58. Уч.-изд. л. 22,1. Тираж 300 экз. Заказ № 325.

Издательство Института археологии и этнографии СО РАН
630090, Новосибирск, пр. Акад. Лаврентьева, 17.